Проблемы изучения древних культур Евразии

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Проблемы изучения древних культур Евразии

МОСКВА "НАУКА"
1991

БИБЛИОТЕКА

ББК 63.3 (2) 2
П 78

Ответственный редактор

доктор исторических наук
Д.А. Крайнов

Рецензенты:

кандидаты исторических наук
М.Г. Жилин, Б.Г. Тихонов

П 78 **Проблемы** изучения древних культур Евразии. – М.: Наука, 1991. – 240 с.: ил. 41
ISBN 5-02-009509-5

Сборник посвящен памяти выдающегося русского и советского ученого-археолога Василия Алексеевича Городцова к 130-летию со дня его рождения (1860–1945 гг.). Он содержит статьи по различным узловым проблемам древнейшей и древней истории Евразии, начиная с палеолита и кончая средневековьем. Освещаются вопросы возникновения и развития отдельных археологических культур, их хронология, периодизация, связи и т.д. В конце сборника помещены статьи с воспоминаниями о В.А. Городцове.

Для археологов, этнографов, историков.

П $\frac{0504000000-055}{042\ (02)-91}$ 94–91 II полуг. ББК 63.3 (2) 2

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ЕВРАЗИИ

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Заведующий редакцией *Л.С. Кручинина.* Редактор издательства *Е.А. Сенькив*
Художник *Б.К. Шаповалов.* Художественный редактор *И.Д. Богачев*
Технический редактор *Н.А. Посканная.* Корректор *Т.И. Шеповалова*

Набор выполнен в издательстве на наборно-печатающих автоматах

ИБ № 46038

Подписано к печати 05.03.91. Формат 60 × 90 $^1/_{16}$. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная. Усл.печ.л. 15,0. Усл.кр.-отт. 15,3. Уч.-изд.л. 18,8
Тираж 500 экз. Тип.зак. 1175. Цена 7р. 60к

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-009509-5

© Издательство "Наука", 1991

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ В.А. ГОРОДЦОВА*

1889 г.

Стоянки неолитической эпохи в окрестностях сел Шумошь, Дубровичи, Алеканово и Муромино Рязанского уезда в 1888–1889 гг. // Тр. Ряз. АК. Т. 4. № 7. С. 151–156; № 9. С. 191.

1890 г.

Собрание предметов неолитической эпохи // Каталог выставки VIII АС. М.

1894 г.

Описание местонахождения остатков каменного века в Рязанской губернии, открытых в 1888–1889 гг. // Древн. Тр. МАО. М. Т. 15. Вып. 2. Прот. 363. С. 67. Рез. докл.

1896 г.

Надгробный памятник от 1751 г. Затрапезного // Яросл. Епарх. Вед. № 46.

Могильник на Черной горе близ с.Великого Ярославской губ. и уезда // АИЗ. М. Т. 4. № 11/12.

1897 г.

Верхнеюрские образования в окрестностях г.Ярославля // ЕГМ. Варшава. Т. 2. Вып. 2.

Жилища неолитической эпохи в долине р.Оки в связи с открытиями в окрестностях с.Дубровичи Рязанского уезда // Тр. VIII АС. М. Т. 3.

Заметка о глиняном сосуде с загадочными знаками // АИЗ. М. Т. 5. № 12.

Следы неолитических стоянок в окрестностях Нижнего Новгорода // АИЗ. М. Т. 5. № 3.

Столбы, встреченные на площади Борковского могильника // АИЗ. М. Т. 5. № 12.

Этнографические заметки. I. Обычаи при погребении во время эпидемии. II. Опахивание деревни во время эпидемии // ЭО. № 3.

1898 г.

Заметка о загадочных знаках на обломках глиняной посуды // АИЗ. М. Т. 6. № 11/12.

Напрестольный крест церкви с.Муромина Рязанского уезда // Тр. Ряз. АК.Т. 13. Вып. 1.

Раскопки могильника на Черной горе в окрестностях с.Великого, Яросл. губ. и уезда // Яросл. Губ. Вед. Ярославль. № 16, 19.

Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 г. // АИЗ. М. Т. 6. № 7/8.

Столбы Борковского могильника // АИЗ. М. Т. 6. № 5/6.

---

*Список печатных работ В.А. Городцова переработан и дополнен сотрудниками отдела ИНИОН АН СССР при ИА АН СССР И.М. Зарецкой, Г.Т. Серовой и Е.И. Чайниковой.

1899 г.

Заметка об археологических исследованиях в долине р.Оки в 1898 г. // ЕГМ. Т. 3.

Заседание Общества для исследования Ярославской губ. в естественно-историческом отношении // СК. № 309.

Заседание Ярославского естественно-исторического общества // СК. № 341.

Заседание Ярославского естественно-исторического общества 21 декабря 1899 г. // СК. Декабрь.

Заседание Ярославской Губернской Ученой Архивной Комиссии // СК. № 33.

Кости мамонта в берегах ручья Громца. Геологический очерк // ЕГМ. Т. 3. Вып. 7.

Необходимость выработки номенклатуры и системы описания доисторической керамики // Изв. XI АС. Киев.

Отчет о деятельности Ярославской Ученой Архивной Комиссии за 1896—1898 гг. Ярославль.

Результаты археологических исследований 1898 г., произведенных на берегах р.Оки, в пределах Рязанской губернии // АИЗ. М. Т. 7. № 6/7.

Сведения о находках мамонтовых костей в Ярославской губ. в 1830 и 1831 гг. // ЕГМ. Т. 3. Вып. 7.

1900 г.

Заметка об экскурсии в д.Синицыну, Мышкинского уезда Ярославск. губ. // Тр. Яр. АК. М. Кн. 3. Вып. 4.

Заседание Общества для исследования Ярославской губ. в естественно-историческом отношении // СК. № 112.

Назначение глиняных площадок в доисторической культуре Трипольского типа // АИЗ. М. Т. 7. № 11/12.

Отчет об археологических исследованиях в долине р.Оки 1897 г. // Древн. Тр. МАО. М. Т. 17.

1901 г.

Дневник археологических исследований в долине р.Оки, произведенных в 1898 г. // Древн. Тр. МАО. М. Т. 18.

Заметка об археологических исследованиях в 1901 г. в Изюмском уезде Харьковской губ. // ЕГМ. Т. 5.

Заметка о доисторических стоянках побережья Белого моря // Древн. Тр. МАО. М. Т. 19. Вып. 2.

Заметка о неолитической стоянке на берегу р.Волги, близ села Учмы Ярославской губ. // ЕГМ. Т. 4. Вып. 7.

Заседание Общества для исследования Ярославской губ. в естественно-историческом отношении // СК. Январь.

Заседание Общества для исследования Ярославской губ. в естественно-историческом отношении // СК. № 50.

Как открыты были следы поселений каменного века в окрестностях сел: Шумошь, Дубровичи, Алеканово и Муромино Рязанского уезда в 1888—1890 гг. // Тр. Ряз. АК. Т. 16. Вып. 1.

Очередное заседание Ярославского Естественно-исторического Общества 20 сентября 1901 г. // СК. Сентябрь.

Русская доисторическая керамика // Тр. XI АС. М. Т. 1.

1902 г.

Волжские моллюски в окрестностях г.Ярославля // Тр. Яр. ЕИО. Т. 1.

Древности Изюмского уезда Харьковской губ., добытые экспедицией 1901 г. Подробное научное описание обширного собрания археологических памятников // Каталог выставки XII АС. Харьков. С. 19—79.

Несколько геологических наблюдений, произведенных в пределах Ярославской губ. // Тр. Яр. ЕИО. Т. 1.

Описание раскопок в окрестностях с. Михайловского, Ярославской губ. и уезда, 12 мая 1902 г. // Тр. Яр. ЕИО. Т. 1.

Раскопки курганов в селе Михайловском Ярославской губ. // СК. Май. Рост и убыль чернозема в южнорусских степях // Тр. Яр. ЕИО. Т. 1.

1903 г.

Заседение Волковской подкомиссии Ярославской Ученой Архивной Комиссии 1 февраля 1903 г. // СК. Февраль.

Заседание Ярославской естественно-исторического общества 21 января 1903 г. // СК. Январь.

Заседание Ярославского естественно-исторического общества 21 февраля 1903 г. // СК. Февраль.

Заседание Ярославского естественно-исторического общества 25 марта 1903 г. // СК. Март.

Заседание Ярославского естественно-исторического общества 21 апреля 1903 г. // СК. Апрель.

Свадебные обычаи в селе Сеславине Ярославской губ. // Вест. Яросл. Земства. Ярославль. № 18, 19.

1904 г.

Майданы // Древн. Тр. МАО. Т. 20. Вып. 2. С. 29—39.

Неолитические стоянки на берегах р.Бахмута, в Екатеринославской губ. // ЕГМ. Т. 7. Вып. 1.

1905 г.

Краткие сведения об археологических исследованиях в Бахмутском уезде Екатеринославской губ. 1903 г. // Тр. Харьк. Комис. XIII АС. Т. 16. Сб. Харьк. Ист. Фил. Общ.

Материалы археологических исследований на берегах р. Донца Изюмского уезда Харьковской губ. // Тр. XII АС. М. Т. 1.

Материалы для археологической карты долины и берегов р.Оки // Тр. XII АС. М. Т. 1.

Погребения с конем в Европейской России // Тр. XII АС. М. Т. 3. С. 286.

Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губернии 1901 г. // Тр. XII АС. М. Т. 1.

Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII Археологического съезда. I Донецкое городище. II Ницахские городища и курганы // Тр. XII АС. М. Т. 1.

1907 г.

Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губ. 1903 г. // Тр. XIII АС. М. Т. 1.

Коллекции каменных орудий, поступившие в Рос. Ист. Музей в 1905—1906 гг. // ЕГМ. Т. 9. Вып. 3.

Коллекция неолитических каменных орудий, поступившая в Музей Нижегородской Ученой Архивной Комиссии // ЕГМ. Т. 9. Вып. 3.

Мечи // Древн. Тр. МАО. М. Т. 21. Вып. 2. Прот. 636.

О некоторых формах каменных орудий Российского Исторического Музея // Древн. Тр. МАО. М. Т. 21. Вып. 2. Прот. 628.

Описание холодного оружия: топор, бердыш, алебарда, протазаны и эспонтоны // ОРИМ за 1906 г. М.

Остатки неолитической стоянки близ с.Сормова, Балахнинского уезда Нижегородской губ. // ЕГМ. Т. 9. Вып. 3.

Приобретение памятников Рос. Ист. Музеем. Дары и покупки. Доисторические древности // ОРИМ за 1906 г. М.

Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губ., 1903 г. // Тр. XIII АС. М. Т. 1.

1908 г.

Неолитическая стоянка в селе Сормове, Нижегородской губ. // Действ. Нижегор. Уч. Арх. Комиссии. Нижний Новгород. Т. 7.

Определение юго-восточных границ домонгольской Руси начала XIII в. // Тр. XIII АС. М. Т. 2. Прот. С. 141.

Первобытная археология. Курс лекций, читанных в Моск. Археологич. Ин-те. М.

Приобретение памятников Рос. Ист. Музеем. Дары и покупки. Доисторические древности // ОРИМ за 1907 г.

Программа по курсу первобытной археологии. М.

Типы погребений печенегов, торков, половцев и татар до XIV в. // Тр. XIII АС. М. Т. 2. Прот.

1909 г.

Древнее население Рязанской области // ИОРЯС. СПб. Т. 13. Кн. 4.

К докладу проф. А.П. Павлова "О предполагаемых остатках древнейшего человека" // Древн. Тр. МАО. М. Т. 22. Вып. 1. Прот. 654.

Материалы к изучению майданов // Древн. Тр. МАО. М. Т. 22. Вып. 1. Прот. 676.

Об археологических предметах, присланных (Моск. Археол.) Обществу г.Квашонкиным из Новгорода и найденных в Рюриковском городище и урочище "Коломцы" // Древн. Тр. МАО. М. Т. 22. Вып. 1. Прот. 660.

Приобретение памятников Рос. Ист. Музеем. Дары и покупки. Доисторические древности // ОРИМ за 1908 г.

Программа по курсу бытовой археологии. М.

1910 г.

Бахмутская "миниатюрная каменная баба" (Ответ проф. Н.И. Веселовскому) // ИАК. СПб. Вып. 37.

Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Моск. Археологич. Ин-те. М.

Приобретение памятников Рос. Ист. Музеем. Дары и покупки. Доисторические древности // ОРИМ за 1909 г.

1911 г.

Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. // Тр. XIV АС. М. Т. 3.

Дневник раскопок, произведенных экскурсией слушателей Московского Археологического Института в 1909 г. // Отчет Моск. Арх. Ин-та за 1909—1910 гг. М.

Приобретение памятников Рос. Ист. Музеем. Дары и покупки. Доисторические древности // ОРИМ за 1910 г.

Результаты археологических исследований на месте развалин г.Маджар в 1907 г. // Тр. XIV АС. М. Т. 3.

1912 г.

Приобретение памятников Рос. Ист. Музеем. Дары и покупки. Доисторические древности // ОРИМ за 1911 г.

1913 г.

Описание холодного оружия. Копье и пика. Рогатина. Навершье знамени // ОРИМ за 1911 г. Прилож.

Приобретение памятников Рос. Ист. Музеем. Отдел древностей доисторических // ОРИМ за 1912 г.

1914 г.

Археологические исследования в Горийском уезде Тифлисской губ. // Древн. Тр. МАО. М. Т. 24. Прот. 754.

Археологические исследования в окрестностях г.Мурома в 1910 г. // Древн. Тр. МАО. М. Т. 24.

Ю.Г. Гендуне (Некролог) // Древн. Тр. МАО. М. Т. 23. Вып. 2. Прот. 709. Прилож.

К докладу В.В. Гольмстен "Археологические работы в Уфимской губ." // Древн. Тр. МАО. М. Т. 24. Прот. 759.

Маршрут атамана Волошенинова в 1770 г. по пути к китайской границе // Древн. Тр. МАО. М. Т. 23. Вып. 2. Прот. 728.

Новооткрытый могильник близ Мурома // Древн. Тр. МАО. М. Т. 23. Вып. 2. Прот. 735.

О находке близ ст.Сейма Моск. Нижегородск. ж.д. // Древн. Тр. МАО. М. Т. 24. Прот. 771.

Опись предметов древности, полученных Рос. Ист. Музеем от Московского Археологического Общества 29 апреля 1909 г. // Древн. Тр. МАО. М. Т. 23. Вып. 2. Прот. 709. Прилож.

О сочинении И.И. Фомина "Искусство палеолитического периода в Европе" // Древн. Тр. МАО. М. Т. 24. Прот. 763. С. 330.

О технике каменных орудий // Древн. Тр. МАО. М. Т. 24. Прот. 772. Прилож.

Памятники доисторические // Краткий путеводитель по Рос. Историч. Музею. М.

Рец.: Н.Д. Полянская. Историко-культурный атлас по русской истории. Вып. 1—3. Киев // Голос Москвы. М. № 79.

Предварительный отчет о поездке на Кавказ летом 1912 г. // Древн. Тр. МАО. М. Т. 23. Вып. 2. Прот. 744.

Приобретение памятников Рост. Ист. Музеем. Отдел древностей доисторических // ОРИМ за 1913 г.

Проект Нормального устава местных кружков любителей старины, состоящих в ведении Московского Археологического Общества // Древн. Тр. МАО. М. Т. 23. Вып. 2. Прот. 745. Прилож.

Проект плана археологического исследования Псковской губ., летом 1913 г. // Древн. Тр. МАО. М. Т. 24. Прот. 763.

Руководство для археологических раскопок. М.

Смоленский древний светец // ОРИМ за 1913 г.

Техника каменных орудий // ЕГМ. Т. 16. Вып. 1.

Три доклада: 1) Археологическая экскурсия в долину р.Сейма А.И. Александрова; 2) Раскопки в Ставропольской губ. г.Прозрителева; 3) Опись Уральско-казачьего войска со списком курганов // Древн. Тр. МАО. М. Т. 23. Вып. 2. Прот. 736.

1915 г.

Культуры бронзовой эпохи в Средней России // ОРИМ за 1914 г.

Приобретение памятников Рос. Ист. Музеем. Отдел древностей доисторических // ОРИМ за 1914 г.

1916 г.

Классификация погребений Одесского кургана // ОРИМ за 1915 г.

Обзор важнейших памятников Исторического Музея. Доисторические древности // ОРИМ за 25 лет, 1883—1908 гг.

Приобретение памятников Рос. Ист. Музеем. Отдел древностей доисторических // ОРИМ за 1915 г.

1918 г.

Погребения животных в Муромских могильниках // ЭО 1916. М. Кн. 111—112. № 3/4.

1921 г.

Памятники доисторические. Краткий путеводитель по Гос. Российскому Историческому Музею. М.

1922 г.

К выяснению древнейших технических приемов гончарного дела // Казанск. Музейн. Вестн. Казань. № 2.

Хронологическая классификация первобытной и бытовой археологии. М.

1923 г.

Археологическая классификация // В.К. Никольский. Очерк первобытной культуры. М.; Пг.

Археологические проблемы Афганистана // Афганистан. М. Ч. 1.

Археология. Том. 1. Каменный период. М.; Пг.

Памятники доисторические // Краткий путеводитель по Гос. Российскому Историческому Музею. М.

Нижнедунайская культура в Болгарии. Предварительное сообщение // НВ. М. № 4.

1924 г.

Археологические раскопки и разведки в Советской России с 1919 по 1923 гг. // Древний Мир. М. Вып. 1.

Введение. Археологическая классификация // В.К. Никольский. Очерк первобытной культуры. М.; Пг.

1925 г.

Археологическая классификация. Объяснительный текст с двумя таблицами. М.; Л.

Древние рязанские монеты собрания Д.П. Иванова // Вряз. К. Рязань. № 4(8).

Дубровичский финский могильник // Тр. ОИРязК. Рязань. Вып. 5.

Охрана археологических памятников // Вопросы обл. музейного дела. Рязань.

Рец.: Ауэрбах Н.К., Сосновский Г.П. Остатки древнейшей культуры человека в Сибири (предварит. сообщение) // ЖС. Новосибирск. № 5/6; НВ. М. № 1.

1926 г.

Археологические исследования // БСЭ. М., 1926. Т. 3.

Болотное Огубское городище. Предварительное сообщение // Тр. ГИМ. М. Вып. 1.

Волжская археологическая экспедиция (ГИМ 1925 г.) // ХВЗ. М. № 6.

Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Тр. ГИМ. М. Вып. 1.

Древнее стремя Государственного Исторического Музея // Тр. ГИМ. М. Вып. 1.

Древние мусульманские светильники в виде сфероконических глиняных сосудов // Тр. ГИМ. М. Вып. 1.

Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. // Тр. ОАИАИ. М. Т. 1.

К вопросу о киммерийской культуре. Тез. докл. // Бюлл. конф. археологов СССР в Керчи. № 3.

Керченская археологическая конференция // Красная Керчь. № 204.

Обзор важнейших поступлений в Государственный Исторический Музей. По отделу древностей первобытных и курганных // ОГИМ за 1916—1925 гг. М.

Ответ В.А. Городцова Б.С. Жукову // НВ. М. № 13, 14.

Панфиловская палеометаллическая стоянка // Тр. Влад. ГМ. Владимир. Вып. 2.

Предисловие // Морган Жак. Доисторическое человечество. Общий очерк доисторического периода. М.; Л.

Симбирский древний топорик // Тр. ГИМ. М. Вып. 1.

Скальные рисунки Тургайской области // Тр. ГИМ. М. Вып. 1.
Типологический и сравнительный методы в археологии // Тез. докл. // Бюлл. Конф. археологов СССР в Керчи. № 5.

1927 г.

Боспорские монеты на берегах р.Оки Рязанской губернии // В Ряз. К.
Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. М. Т. 7.
Каменные орудия, найденные в почве древнего Херсонеса и его окрестностей // II конференция археологов СССР в Херсонесе. Севастополь.
Общий план археологических исследований и раскопок в СССР // Бюл. Оргкомит. 2-й Всесоюзн. конферен. по изучению произв. сил СССР. Февраль, № 3/4.
Раскопки городища Старой Рязани // ХВЗ. М. № 1.
Типологический метод в археологии. Рязань.

1928 г.

Вятические курганные погребения близ деревни Мякининой, Московской губернии и уезда // Тр. САИАИ. М. Т. 4.
Галические клад и стоянка // Тр. САИАИ. М. Т. 3.
К вопросу об установлении натурального масштаба времен по аллювиальным отложениям в долинах рек Окской системы // Тр. САИАИ. М. Т. 2.
К вопросу о киммерийской культуре // Тр. САИАИ. М. Т. 2.
К итогам археологических трудов в СССР за 10 лет // Тр. САИАИ. М. Т. 2.
К определению древности мезолитической стоянки в пещере Киик-Коба // ИТОИАЭ. Симферополь. Вып. 2(59).
Отчет об археологических исследованиях в Каширском и Коломенском уездах в 1927 г. // Тр. ЭАМ I МГУ. М. Вып. 4.

1929 г.

Археологическая находка близ с.Криволучья-Ивановки Самарского округа // ХВЗ. М. № 23.
Брянский палеолит // ХВЗ. М. № 13.
К определению древности и некоторых особенностей енисейского палеолита // Сев. Азия. № 1.
Каменные орудия из Павлово-Посадского торфяника МОГЭС // МК. М. Вып. 1(9).
Краткая объяснительная записка к плану систематических раскопок по линии рек Кубани и Терека, от Черного до Каспийского морей // ЗСКОАИЭ. Ростов н/Д. Кн. 1. (т. 3). Вып. 5/6.
Подземные ходы в старинных городах // ХВЗ. М. № 23.

1930 г.

Археологические исследования // БСЭ. М. Т. 3.
Значение изучения древней техники в археологии // Тр. СА. М. Т. 5.
Результаты археологических исследований Троице-Пелеиицкого городища Холмища в 1926 г. Рязань.
Техника и типологическая классификация кремневых резцов Супоневской и Тимоновской палеолитических стоянок из раскопок 1928 и 1929 гг. // Тр. СА. М. Т. 5.
Чудский клад // ХВЗ. М. № 4.

1932 г.

Предварительные сведения об исследовании Тимоновской палеолитической стоянки близ г.Брянска // СГАИМК. Л. № 11/12.
Результаты работ Брянской археологической экспедиции // Брянский рабочий. 8 августа.
Тимоновская палеолитическая стоянка (раскопки 1931 г.) // ВАН. М.; Л. № 6.

1933 г.

Исследование Тимоновской палеолитической стоянки в 1932 г. // ВАН. М.; Л. № 6.

1934 г.

Старшее Каширское городище (Результаты археологических исследований в 1925–1926 гг.) // ИГАИМК. М.; Л. (обл. 134). Вып. 85.

Тимоновская палеолитическая стоянка. (Раскопки 1933 г.) // ВАН. М.; Л. № 1.

1935 г.

К истории развития техники первобытных каменных орудий // СЭ. М. № 2.

О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г. (предварит. сообщ.) // СЭ. М. № 3.

Социально-экономический строй древних обитателей Тимоновской палеолитической стоянки // СЭ. М. № 3.

Тимоновская палеолитическая стоянка. Результаты археологических раскопок в 1933 г. // Тр. ИАЭИА. М.; Л. Т. 1. Вып. 3.

1936 г.

Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. (Предварит. сообщ.) // СА. № 1.

Заметка об Елизаветинском городище на Кубани и Ильской палеолитической стоянке // Известия. № 219.

Уртуйская микролитическая стоянка в бассейне р.Амура // СА. № 1.

1937 г.

Подчеремский клад // СА. Т. 2.

Раскопки Елизаветинского городища // Экспедиция Акад. наук СССР 1935 г. М.; Л.

1938 г.

Рец.: Коробков Н.М. Метро и прошлое Москвы. Очерки геологии, истории и археологии Москвы // Что читать. М. № 7.

1940 г.

Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 г. (предварит. сообщ.) // Памятники древности на Дону. Ростов н/Д. Вып. 1.

Ильская палеолитическая стоянка по раскопкам 1937 г. // БКИЧП. М.; Л. № 6/7.

К истории приручения собаки в пределах СССР по данным археологии // Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. М.; Л. Т. 1.

1941 г.

Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки // МИА. № 2.

Станица Елизаветинская, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л.

1947 г.

Раскопки "Частых курганов" близ Воронежа в 1927 г. // СА. № 9.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТРУДАХ В.А. ГОРОДЦОВА

Брюсов А.Я. В.А. Городцов (К 100-летию со дня рождения) // Тр. ГИМ. М., 1960. Вып. 37. С. 7–11.

Василий Алексеевич Городцов (1860–1945. Некролог) // КСИИМК. 1947. Вып. 16. С. 5, 6.

Городцов Василий Алексеевич (1860–1945) // БСЭ. 2-е изд. 1952. Т. 12. С. 227, 228.

Готье Ю.В. В.А. Городцов (По поводу 35-летия научной деятельности) // ГМ. М., 1923. № 3. С. 163–166.

Жуков Б.С. [Рецензия] // ПиР. М., 1925. Кн. 8. С. 206–209. – Рец. на кн..: Городцов В.А. Археология. Т. 1. Каменный период. М.; Пг., 1923 (М.; Л., 1925).

Колесников И.Ф. Список трудов В.А. Городцова // Тр. СА. М., 1928. Т. 4. С. 9–20; КСИИМК. 1940. Вып. 5. С. 83, 84.

Крайнов Д.А. Жилища Тимоновской палеолитической стоянки (По раскопкам В.А. Городцова) // СА. 1956. № 25. С. 13–34.

Крайнов Д.А. Значение трудов В.А. Городцова о палеолите // Тр. ГИМ. М., 1960. Вып. 37. С. 12–16.

Крайнов Д.А. К 100-летию со дня рождения В.А. Городцова // СА. 1960. № 1. С. 120–124.

Крайнов Д.А. К 125-летию со дня рождения В.А. Городцова // СА. 1985. № 4.

Крупнов Е.И. К 50-летнему юбилею научной деятельности проф. В.А. Городцова // ВДИ. 1938. № 3. С. 236–238.

Крупнов Е.И. О жизни и научной деятельности В.А. Городцова. (Доклад на заседании, посвящ. памяти В.А. Городцова. 8 февр. 1955 г.) // СА. 1956. № 25. С. 5–12.

Крупнов Е.И. Памяти В.А. Городцова // ВДИ. М., 1946. № 3. С. 236–238.

Лев Д.Н. В.А. Городцов (К 50-летию научной и педагогической деятельности) // ВЗ. Л., 1938. № 9. С. 61.

Лев Д.Н. Профессор В.А. Городцов (К 80-летию со дня рождения) // Природа. 1940. № 5. С. 103.

Левашова В.П., Трубникова Н.В. В.А. Городцов и Государственный Исторический музей // Тр. ГИМ. М., 1960. Вып. 37. С. 17–20.

Розенфельдт Р.Л. Рукописный архив В.А. Городцова // СА. 1964. № 1. С. 342–345.

Рыбаков Б.А. Василий Алексеевич Городцов (1860–1945). Некролог // ИАН. Сер. истории и философии, 1945. Т. 2. № 1. С. 47–49.

Старейший русский археолог Василий Алексеевич Городцов (К 80-летию со дня рождения) // КСИИМК. 1940. № 5. С. 3–4. Портр.

Третьяков П.Н. [Рецензия] // СЭ. 1934. № 4. С. 146–148. – Рец. на кн.: Городцов В.А. Старшее Каширское городище // Изв. ГАИМК. 1933. Вып. 85.

Фриче В.М. В.А. Городцов (К 40-летию его научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности) // Тр. САИАИ. М., 1928. Т. 4. С. 5–8.

Харламов Н. Профессор Василий Алексеевич Городцов // Сб. научн. археол. кружка (при I МГУ). М., 1928. Вып. 1. С. 1–3.

Худяков М.Г. К посещению Казани В.А. Городцовым (в 1920 г.) // Казань, 1920. МВ. № 7/8. С. 117, 118.

Д.А. КРАЙНОВ

ПАМЯТИ В.А. ГОРОДЦОВА

В 1990 г. исполнилось 130 лет со дня рождения одного из основателей русской и советской археологии, выдающегося ученого, заслуженного деятеля науки, доктора археологии профессора Василия Алексеевича Городцова.

В.А. Городцов родился 11 марта 1860 г. в с.Дубровичи на р.Оке в бывшей Рязанской губ. в семье многодетного дьячка. По традиции он был отдан в Рязанскую духовную семинарию, но, не закончив ее, вынужден был поступить в военное училище, хотя военная карьера не привлекала его. Звание офицера давало ему возможность находиться с семьей и урывками заниматься любимым делом – поисками древних поселений и других памятников археологии.

Сбором древностей В.А. Городцов увлекся еще в раннем детстве, мальчишкой разыскивал на прибрежных плесах и дюнах Оки интересные по форме камни, задумывался о назначении отдельных кремней и с любопытством присматривался к наслоениям береговых срезов.

В 80-х годах XIX в., будучи военным, он часто появлялся на окских дюнах, бродил по их выдувам и собирал кремневые орудия и обломки глиняных сосудов. В результате таких "прогулок" в 1889 г. в "Трудах Рязанской Ученой Архивной Комиссии" появилась первая крупная статья Василия Алексеевича Городцова о неолитических стоянках[1].

На военной службе В.А. Городцов пробыл около 26 лет. В 1906 г. он ушел в отставку и только с этого времени мог полностью посвятить свою жизнь горячо любимой археологии.

В.А. Городцов не получил специального образования. Только благодаря своим личным качествам: неодолимой жажде знаний, таланту, упорной работоспособности, неиссякаемой творческой энергии и неприхотливости к удобствам и бытовым благам он смог выбиться из низов и завоевать себе право заниматься научной работой.

Вся дальнейшая жизнь В.А. Городцова была тесно связана с развитием отечественной археологии. Его научная, педагогическая, музейная и общественная деятельность проходила в Историческом музее (1902–1914 гг.), в Московском Археологическом институте (1907–1914 гг.) и Народном Университете им. Шанявского (1915–1918 гг.). После Великой Октябрьской социалистической революции, получив звание профессора (1918 г.), В.А. Городцов продолжил педагогическую работу в МГУ, где заведовал кафедрой археологии (1918–1930 гг.), а затем в ИФЛИ им. Н.Г. Чернышевского, где работал до конца своей жизни. Вместе с этим

он активно занимался научной работой в Историческом музее, РАНИОНе (1920–1929 гг.) и в Институте истории материальной культуры (1930–1945 гг.), где являлся одним из ведущих сотрудников. Одновременно В.А. Городцов вел и обширную общественную работу по популяризации науки (публичные лекции, экскурсии по музею, беседы с населением во время раскопок и т.д.). В 1918 г. он возглавлял Археологический отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР, руководил Археологической секцией РАНИОН и Археологическим студенческим кружком МГУ. В 1938 г. В.А. Городцов вступил в ряды Коммунистической партии. Во время Великой Отечественной войны он не выехал из Москвы и, несмотря на мучительную болезнь, до конца остался мужественным патриотом. В это время В.А. Городцов заканчивал свои Труды по неолиту и бронзовому веку, читал лекции студентам, писал ободряющие письма на фронт своим ученикам и близким.

Советское правительство высоко оценило научные и общественные заслуги В.А. Городцова, присвоив ему звание Заслуженного деятеля науки (14 января 1943 г.) и наградив Орденом Ленина (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 ноября 1944 г.).

3 февраля 1945 г. В.А. Городцов, не дожив трех месяцев до Победы, скончался. Поистине глубоко был прав один из его первых учеников, сказав: "Кончилась жизнь Василия Алексеевича. Началось его научное бессмертие"[2]. После краткой биографической справки, позволю себе остановиться на основных видах многогранной деятельности ученого.

В.А. Городцов – крупнейший русский и советский археолог, талантливый педагог, создатель самостоятельной археологической школы. Кроме того, он был прекрасным музейным работником, организатором полевых исследований и охраны памятников, а также горячим пропагандистом достижений науки для широких масс населения.

В.А. Городцов отличался огромной работоспособностью, он автор свыше 200 научных работ, охватывающих разные стороны древнейшей и древней истории нашей страны, начиная с палеолита и кончая средневековьем. Значительное место среди них занимают исследования палеолитических поселений и появления на них первых искусственных жилищ, неолитических стоянок с описанием открытых им жилищ-землянок. Особое внимание он уделял культурам эпохи бронзы, открытых, охарактеризованных и установленных во времени и пространстве. Значительное количество его трудов посвящено памятникам раннего и позднего железного веков, а также памятникам конкретных исторических народов, населявших в древности территорию страны. Большое место здесь занимают исследования разновременных селищ, городищ, городов, грунтовых и курганных могильников с описанием их площади, укреплений, характера деятельности, объяснения общих вопросов хозяйства, социальной структуры, погребальных обрядов, религиозных верований, искусства, мышления и пр.

Ряд крупных работ В.А. Городцова посвящен разным теоретическим и техническим разработкам вопросов археологической науки, методам изучения орудий труда, керамики, предметов искусства и т.д.

Научное наследие, оставленное В.А. Городцовым, столь велико и значительно, что невозможно полностью охарактеризовать все те проблемы, которые он затрагивал в своих монографиях, статьях, разработках, заметках и пр. Его научный вклад во все разделы русской и советской археологии огромен. Каких бы вопросов ни касался ученый, всюду чувствуется размах и большой опыт, глубина знаний, интерес к исследуемым явлениям и прочная фактическая база, основанная на реальных и достоверных результатах его широкой полевой деятельности.

Фундаментальный труд В.А. Городцова "Археология"[3] до сих пор не утратил своего значения. В нем впервые в отечественной науке полно и детально было обосновано существование археологии как самостоятельной науки, раскрыты законы развития первобытного общества, методы исследования, хронология и т.д.

Сложившись как ученый в эпоху подъема и расцвета естественных наук и господства эволюционной теории, В.А. Городцов и археологию мыслил как науку, стоящую на грани естественных и исторических дисциплин. Поэтому он и поместил ее в цикл других наук между антропологией и этнологией. "Археология, – писал он, – есть наука о событиях, сопровождавших жизнь вымерших поколений человечества, поскольку эти события выразились в вещественных творениях, влияющих на его развитие и изменявшихся под влиянием разума, энергии и воли вымерших поколений человечества... Ее задача, – писал он далее, – состоит в том, чтобы отыскать и понять закономерность условий возникновения и изменения форм творений некогда живших поколений человечества, выяснить взаимную связь этих творений, указать распространение их во времени и пространстве, проследить и оценить взаимодействие человеческого духа на развитие творений и творений на развитие человеческого духа"[4]. Это определение археологии как науки, методов и сферы ее деятельности, а также задач очень близко современному пониманию.

В 1928 г. В.М. Фриче, оценивая научно-исследовательскую и педагогическую деятельность В.А. Городцова, писал, что "основной принцип исторической концепции В.А. Городцова был сформулирован в духе Маркса" и что его научное построение представляет "смычку между естественнонаучным мировоззрением XIX в. и историческим материализмом наших дней"[5].

Никто из археологов до В.А. Городцова так отчетливо не осознавал ведущую роль орудий труда и технику их выработки в развитии человечества. В.А. Городцов четко и однозначно сформулировал основной принцип своей исторической концепции, а именно: "орудия труда являются настоящими рычагами, посредством которых человек двигает культуру вперед к бо́льшему совершенствованию"[6].

До сих пор многие научные положения, выдвинутые В.А. Городцовым в определении археологической науки, ее места среди других дисциплин закономерности в развитии человеческого общества, методы и законы археологии и т.д. не утратили своего научного значения. Особенно четко концепция В.А. Городцова сформулирована в его "Археологической классификации"[7], в основу которой он положил изменения в технике

выработки и формах развития орудий труда, эволюцию антропологического облика человека и окружающей его природной среды. В хронологическом отношении подразделения его классификации опираются на геологические, палеонтологические, антропологические и экологические данные.

В.А. Городцов всегда работал в тесном контакте с виднейшими учеными,представителями указанных наук, и поэтому предложенная им схема периодизации довольно реалистически отражает процесс становления и развития человека и общества.

В 1959 г. на Совещании по периодизации и стратиграфии палеолита Восточной Европы неоднократно упоминалось имя В.А. Городцова в связи с его точками зрения по различным вопросам палеолита и, в частности, по поводу периодизации последнего.

В.И. Громов (известный геолог-четвертичник) сказал в своем докладе, что "наиболее близкой к действительности является Археологическая Классификация В.А. Городцова 1923 г. Это единственная известная мне схема, которая удовлетворяет не только требованиям классификации, но и периодизации в самом широком понимании этого термина... появление ее более чем на четверть века определило состояние науки о палеолите"[8].

Действительно, археологическая классификация В.А. Городцова до сих пор не утратила своей научной ценности, особенно в трактовке смены одних периодов другими. Он совершенно правильно усмотрел два цикла в становлении и развитии человеческого общества: 1) цикл становления человека и 2) цикл сформировавшегося человека. В связи с этим ученый и выделяет в своей классификации "доиндустриальную и индустриальную" эры, связывая их с определенными геологическими и археологическими периодами. Время "становления человека", которое, по его мнению, происходило в плиоцене, он относил к "доиндустриальной" эре, очень продолжительной, характеризующейся процессом перехода от антропоморфных предков человека к собственно человеку. В.А. Городцов считал, что они пользовались естественными камнями и другими предметами, но сами их не обрабатывали и орудий не производили. Это положение поддерживается сейчас всеми специалистами – археологами и антропологами.

"Сформировавшегося человека" Василий Алексеевич отнес к "индустриальной эре", которая, по его мнению, характеризуется уже памятниками разумной деятельности человека. Иными словами, появление первых сделанных орудий отнесено им не к "формирующимся обезьянолюдям", а к разумному "сформировавшемуся человеку". В объяснении первых производственных очагов В.А. Городцов также сделал глубокие, оправдавшиеся прогнозы, предположив существование простейших орудий труда, изготовленных человеком, но которые пока мы не можем отличать от естественных камней, что сейчас подтвердилось находками орудий человека типа Homo habilis. Признано справедливым и предвидение В.А. Городцова об удревнении "антропогена" и отнесение его к плиоцену (концу третичного периода). Дискуссии 60–70-х годов XX в. по вопро-

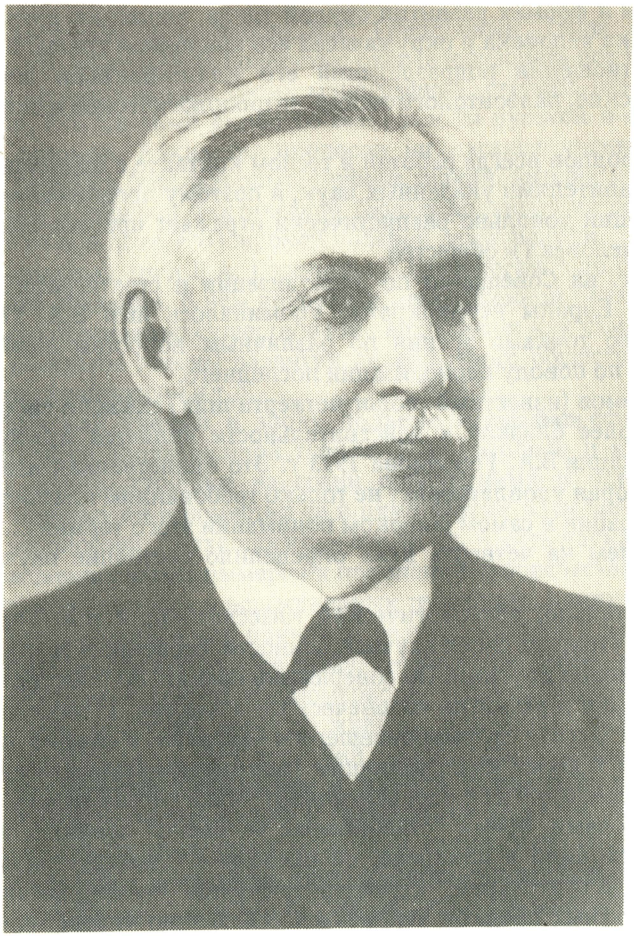


Рис. 1. В.А. Городцов в 20-е годы XX в.

сам становления человека и общества подтвердили правильность исторической концепции В.А. Городцова[9].

Разделив всю "индустриальную эру" в развитии человека и общества на периоды, эпохи, поры, года и культуры, В.А. Городцов создал стройную схему изменений в материальной культуре человеческих коллективов на различных стадиях их развития, происходивших в определенной хронологической последовательности и в определенных природных условиях. Его деление древнего каменного века на три эпохи подтверждается особым характером мустьерской (мезолитической, по В.А. Городцову) эпохи[10]. В.А. Городцов совершенно правильно отнес мустьерские погребения к ритуальным захоронениям с проявлениями "религиозных" представлений у человека того времени.

Рис.2. На раскопках Тимоновской стоянки в 1931 г. На снимке: С.С. Деев — из брянского музея; Д.А. Крайнов — археолог; В.А. Городцов — начальник экспедиции; В.В. Ноговиков — рабочий

Значительную ценность для науки имеют и результаты его раскопок таких палеолитических стоянок, как Гонцовская, Ильская, Супоневская и Тимоновская. Краткие публикации о них изданы В.А. Городцовым, а большая монография об исследовании Тимоновской палеолитической стоянки была написана им и сдана в печать, но, к сожалению, до сих пор не напечатана. Рукописный и машинописный экземпляры ее хранятся в Архиве В.А. Городцова в ГИМе. Работа состоит из пяти глав: I. Тимоновская палеолитическая стоянка, II. Типологическая классификация кремневых орудий и других предметов Тимоновской палеолитической стоянки, III. Метод археологических раскопок древних землянок, IV. К определению времени Тимоновской палеолитической стоянки, V. Социально-экономический быт обитателей Тимоновской палеолитической стоянки. Приложения: 1–5. Подробные дневники исследований Тимоновской палеолитической стоянки за годы 1928–1929 и 1931–1933 (около 350 страниц рукописного текста); 6. Рисунки. План стоянки, планы раскопок, детали землянок, таблицы и пр.

Как видно из оглавления, в монографии (свыше 400 страниц) подробно характеризуются и интерпретируются результаты раскопок этого интересного палеолитического памятника. За пять лет его исследований (1928–1929, 1931–1933 гг.) на Тимоновской стоянке была вскрыта площадь в

БИБЛИОТЕКА
ТАИРОВА Д.

1178 м² (от общей площади в 24 тыс. м²). Добытые раскопками коллекции исчисляются по описям в 105 тыс. номеров. Они хранятся в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде (42 тыс. номеров), в Музее Четвертичной комиссии (37 тыс. номеров), в Государственном историческом музее и Музее антропологии МГУ (26 тыс. номеров). Все эти многотысячные коллекции были обработаны В.А. Городцовым и классифицированы типологическим методом, разработанным им лично.

В.А. Городцов обладал огромной работоспособностью, которая удивляла всех его близких. Мне пришлось пять лет копать вместе с ним Тимоновскую стоянку – первоначально студентом-практикантом (1928–1929 гг.), а потом заместителем начальника экспедиции (1931–1933 гг.). Я всегда поражался его наблюдательности и особенно способности выделять главное в процессе исследования. Он был очень аккуратным и требовательным исследователем. Вел подробные дневники раскопок с зарисовкой основных деталей, вещей и бытовых памятников, а вечерами обязательно переписывал дневники "набело", включая в них и наши наблюдения. На раскопках им был сделан набросок рисунка древнего палеолитического поселения, обнаруженного на стоянке. Впоследствии он создал картину по этому эскизу. В.А. Городцов был хорошим художником. Сохранились и другие его картины, иллюстрации жизни первобытного человека, например "Охота на мамонтов".

При раскопках Тимоновской стоянки В.А. Городцовым впервые были открыты палеолитические искусственные жилища-землянки, сопровождавшиеся кладовыми, кострищами, костищами и мастерскими кремневых орудий. При жизни им были опубликованы только предварительные сведения о них[11]. Эти небольшие публикации со схематическим описанием жилищ и других бытовых комплексов вызвали со стороны ряда исследователей несколько непонятное и странное отношение, выразившееся или в замалчивании этого крупного открытия, или в необъективной и бездоказательной критике. Поэтому мною была написана статья "Жилища Тимоновской палеолитической стоянки" с доказательствами правильности точки зрения В.А. Городцова и ответом на ее критику[12].

Можно не согласиться с отдельными деталями в реконструкции тимоновских жилищ, но отвергать их достоверность нельзя. Такой серьезный ученый, как Г. Кларк, отводит в своей книге значительное место тимоновским жилищам и не находит их странными. Наоборот, он отмечает большую ценность открытия в СССР древнейших искусственных жилищ, которые нигде в Западной Европе до сих пор не были обнаружены[13]. В.А. Городцов, зная, что наука развивается, а не стоит на месте, никогда не считал неопровержимыми свои выводы. Поэтому, заканчивая в 1933 г. исследования на Тимоновской стоянке, он написал в дневнике: "Если я допустил ошибки, то меня исправят продолжатели".

В 1933 г., приступая к обработке огромной Тимоновской коллекции, В.А. Городцов записал в дневнике этого года: "Работа предстоит едва ли не самая тяжелая и головокружительная, но я берусь за нее с мужеством и добрым вожделением. Что делать: так создала меня природа, что я не могу относиться к археологическим предметам слегка или как-нибудь,

Рис. 3. В.А. Городцов отдыхает на территории Тимоновской стоянки

но мне хочется всегда заглянуть поглубже и посерьезнее в тайны глубокие веков" (Дневники раскопок. – Т. II. 1933 г.).

В.А. Городцов разработал "Типологический метод"[14], без которого немыслимы классификация и изучение огромного количества предметов, добываемых раскопками археологических памятников.

Этот типологический метод послужил прочным фундаментом в развитии отечественной археологии. Одно время в связи с так называемой "социологизацией исторической науки" последователей В.А. Городцова обвиняли в "вещеведении". Однако прошло время, и археология вновь обратилась к "вещам" как основному источнику в изучении древнейшей истории человечества.

В.А. Городцов настаивал на составлении классификации по разным типам орудий. По его мнению, таблицы классификаций предметов "дают возможность

следить не только за развитием индустрии человека, но и за развитием его собственной личности и окружающей среды". "Верные классификации составляют сущность науки. Они являются ключом к наиболее легкому овладению знанием о той или иной научной области"[15].

Городцов сам неоднократно применял свой метод в отношении обработки археологических материалов разных эпох. И действительно, после приезда в Москву в 1933 г. В.А. Городцов проделал огромную работу по обработке коллекций Тимоновской стоянки. Все комнаты его квартиры были завалены открытыми пакетами с кремневыми орудиями и отщепами, а он по 10–14 часов в сутки разбирал, систематизировал и классифицировал их, ползая по полу на коленях. В результате все орудия (за все годы раскопок) были обработаны им типологическим методом и описаны.

Много сделал В.А. Городцов и в области изучения неолита. Первым из археологов нашей страны он стал систематически исследовать неолитические поселения в долине р.Оки и затем в других районах страны. С изучения окских дюнных стоянок связывается и начало археологической деятельности В.А. Городцова (1888 г.). Он открыл на этих стоянках жилища-землянки, описал и создал методику их исследований. Также первым он обратил внимание на важность обязательного сбора остеологического материала и его изучение. Сам ученый прекрасно знал кости всех основных видов диких и домашних животных, встречавшихся в ранних и в поздних поселениях. По его настоянию студенты-археологи МГУ обязаны были прослушивать факультативный курс остеологии у профессора С.Н. Боголюбского.

Заслугой В.А. Городцова является также создание методики исследования неолитических поселений и разделение эпохи неолита на три этапа, с определением характера каждого из них. Первый, ранний этап он отнес ко времени после палеолита. Теперь ученые называют это время мезолитом, связанным своей ранней порой с палеолитом, а поздней с неолитом. Однако характеристика его, данная В.А. Городцовым, остается в основном правильной. Остальные этапы неолита, выделенные им, соответствуют современному их пониманию.

По вопросам неолита исследователем написаны десятки работ. Они являются не только первыми шагами в создании истории нашей Родины в неолитическую эпоху, но по фактическому материалу, помещенному в них, и основным положениям служат настольным пособием археологов. Так, например, работа "Русская доисторическая керамика" до сих пор считается образцом исследования и не утратила своего научного значения. В конце жизни В.А. Городцов написал второй том Археологии, посвященный неолиту, но он "затерялся" у кого-то из археологов и не был напечатан.

Наряду с разработанной классификацией по древнейшим эпохам археологии В.А. Городцов наметил в основном правильное чередование и посленеолитических культур Европейской части СССР.

В большой статье "Панфиловская палеометаллическая стоянка"[16], В.А. Городцов дает следующую схему развития культур Средней и отчасти Северной России: 1) конец неолитической эпохи с господством

ранней волосовской культуры; 2) балахнинская культура около IV тысячелетия до н.э.; 3) панфиловская культура (волосовская) – с середины III тысячелетия до н.э.; 4) фатьяновская культура (первая половина II тысячелетия до н.э.); 5) культура Старшего Волосовского могильника (вторая половина II тысячелетия до н.э.); 6) сейминская культура (XII в. до н.э.); 7) культура Младшего Волосовского могильника (XI в. до н.э.); 8) галичская культура (X–VIII вв. до н.э.); 9) дьяковская культура (III в. до н.э. и III в. н.э.); 10) городецкая культура (одновременная дьяковской); 11) скифы и савроматы (Троице-Пеленицкое городище); 12) финны; 13) славяно-русская культура.

В.А. Городцов предполагал, что где-то после фатьяновской культуры существовал широкий пласт культур с текстильной керамикой. Это предположение подтвердилось.

Для степного юга он также наметил правильную схему чередования культур и смену одних народов другими.

Особой заслугой В.А. Городцова перед отечественной археологической наукой, является выделение им культур бронзового века. Благодаря детальным раскопкам памятников эпохи бронзы в различных частях страны В.А. Городцов опроверг долго существовавшее мнение о том, что на территории России не было бронзового века, о чем свидетельствует его фундаментальный труд о культурах бронзового века в Средней России[17]. Впервые им была выделена и осмыслена в исторической последовательности целая серия культур этой эпохи и создана ее периодизация. На юге отмечены ямная, катакомбная и срубная культуры, а в северных районах – волосовская, панфиловская, фатьяновская, среднеднепровская, сейминская и другие более поздние культуры.

Их культурная интерпретация, хронологическая последовательность, характеристика погребений и корреляция всех основных показателей материальной и духовной культуры до сих пор остаются незыблемыми. На основании раскопок окских стоянок В.А. Городцов также первым выделил волосовскую и панфиловскую культуры. Одну он отнес к позднему неолиту, а вторую связал с ранним медным веком. Совершенно правильно он определил их как одну этническую общность, обитавшую в Средней и отчасти в Северной России. Характеристика материальной и духовной культуры племен этой общности, данная В.А. Городцовым очень подробно, в целом не устарела и сейчас. Это, например, установленная им территория обитания, хронология (отнесение к ранней поре палеометалла – энеолиту), общие предметы искусства (кремневые и костяные фигурки животных, птиц и людей), в которых ученый усмотрел проявление религиозного культа и многие другие выводы.

Теперь волосовскую и панфиловскую культуры относят к одной культуре, но это не умаляет открытий В.А. Городцова в их характеристике. Нельзя обойти молчанием и выделение им фатьяновской культуры, которую он посчитал пришлой и не связанной с местными культурами. Несмотря на сравнительно небольшое количество достоверных памятников, В.А. Городцов правильно установил территорию ее распространения и определил хронологические рамки в пределах первой половины II ты-

сячелетия до н.э. Время их появления он увязал с концом существования племен панфиловской культуры, что подтверждается и современными исследованиями. Следует отметить и его типологические разработки фатьяновских топоров (каменных и бронзовых), глиняной посуды, с указанием места распространения основных типов и их аналогий в других культурах.

Наряду с выделением фатьяновской культуры В.А. Городцов также выявил на правобережье Среднего Поднепровья родственную ей приднепровскую культуру эпохи бронзы, которую потом переименовал в среднеднепровскую. Нельзя согласиться с В.А. Городцовым относительно южного происхождения фатьяновской культуры, но в тоже время можно восхищаться его предвидению о связи фатьяновской и среднеднепровской культур "с целым морем западноевропейских культур со шнуровой керамикой и боевыми топорами".

Вместе с этим необходимо указать и на создание В.А. Городцовым хронологии, периодизации и классификации выделенных им культур степного юга: ямной, катакомбной, срубной и киммерийской. На основе личных раскопок и детального изучения он установил их последовательное развитие, отметил связь ямной культуры с неолитом и ее территорию от Урала до Днепра. Периодизация культур юга бронзового века прочно легла в основу советской науки и является прочным фундаментом для дальнейших исследований и научных открытий.

Намеченные В.А. Городцовым пути решения проблем хронологии, периодизации выделенных культур, их распространения на огромной территории, экономики и межплеменных связей не устарели в основных чертах до сегодняшнего дня и представляют собой далеко не региональное явление.

На степном юге В.А. Городцов выделил киммерийскую культуру, отнесенную им к кочевникам-скотоводам начала железного века. "Мифических киммерийцев", предшественников скифов, он возвел в историческую реальность, связав с ними определенные археологические памятники.

Что касается археологии Кавказа, то в 1911 г. близ г.Боржоми ученый раскопал прекрасную металлургическую мастерскую конца бронзовой эпохи. Он доказал местный характер металлургии меди и тем самым опроверг существовавшее мнение об отсталости Кавказа в этом отношении, что было подтверждено последующими поколениями исследователей.

Работы В.А. Городцова о Скифии и античных колониях Причерноморья расширили наши знания в этой области. Благодаря раскопкам Бельского городища (1908 г.) был сделан решающий шаг в изучении культуры земледельческих племен степных скифов-пахарей.

Комплексное обследование разных объектов и деталей Бельского городища и земель вокруг него В.А. Городцов провел на очень высоком уровне. Раскопки на этом городище привели его к интересным открытиям в области культуры скифских поселений, их хозяйства, устройства оборонительных сооружений (валов, рвов и др.), в объяснении "зольников", в анализе остеологических материалов, открытии земляночных жилищ и

т.д. Своими исследованиями Частых курганов под Воронежем (1927 г.) В.А. Городцов обогатил науку новыми данными о погребальном обряде скифов.

Интерес представляют и результаты раскопок Елизаветинского городища на Кубани, расширившие сведения о периферии античного мира.

Следует сказать, также о работах В.А. Городцова в северной половине Европейской части СССР по изучению памятников раннего и позднего железного века, особенно дьяковской и городецкой культур.

Он совершенно правильно отнес появление сетчатой керамики к промежуточной культуре между поздним неолитом и ранним железным веком, а широкое ее распространение отнес к железному веку.

В.А. Городцов первым выделил "ниточный вариант", как ранний хронологический признак в сетчатой керамике и наметил широкий ареал ее распространения с конца эпохи бронзы и до поздних этапов развития дьяковской и городецкой культур.

Раскопки на таких памятниках, как Каширское (1925–1926 гг.), Огубское (1923 г.), Кропотовское (1927 г.) городища, впервые были проведены в широких масштабах. Сделанные ученым выводы об их хронологии, характере укреплений, устройстве жилищ, этнографических особенностях быта обитателей, отнесении их к финской народности, территориальном распространении памятников дьяковской и городецкой культур до сих пор не утратили своего научного значения.

Много важных и интересных научных данных получены В.А. Городцовым при исследовании финских древностей и особенно таких памятников, как Подболотьевский (VII–XI вв. н.э.) и Дубровичский могильники, расположенные в центре Русской равнины.

На юге Европейской части СССР В.А. Городцов произвел ценные по своим результатам раскопки курганных погребений степных кочевников (торков, печенегов, половцев, татар). Раскопки татарского города Маджары на Ставропольщине выявили кирпичные постройки.

Трудно переоценить и результаты раскопок славянских и древнерусских памятников, среди которых различные группы курганов, селища и остатки стольного города Рязанского княжества (Старая Рязань), сожженного Батыем в 1237 г. Был добыт обширный материал, характеризующий жизнь городского населения и прослежена планировка самого города. Наблюдения В.А. Городцова подтвердились дальнейшими раскопками этого памятника.

Работая в основном на территории европейской части СССР, В.А. Городцов следил за открытиями археологов и в других частях страны: Сибири, Средней Азии, Крыму и т.д. Он правильно оценил находки кремневых орудий на Уртуйской стоянке в Сибири и петроглифы Тургайской обл. В статье о них [18] В.А. Городцов дал характеристику новых памятников изобразительного искусства и предсказал их появление в большом количестве. Некоторые работы В.А. Городцова посвящены памятникам нумизматики, эпиграфики и произведениям древнего искусства. Среди последних особую ценность представляет работа "Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве" (1926 г.), в которой он определил глубокие истоки народного изобразительного искусства. К

Рис.4. Группа студентов-археологов вместе с В.А. Городцовым, А.С. Башкировым и А.А. Захаровым. Снимок сделан в 1929 г.

числу таких исследований можно было бы отнести и статьи о "маршруте атамана Волошенинова в 1770 г. по пути к китайской границе", о древней "нижнедунайской культуре в Болгарии", об "археологических проблемах Афганистана" и другие, раскрывающие энциклопедичность знаний В.А. Городцова. Перечень исследованных им памятников показывает широту диапазона его научных интересов – от палеолита до позднего средневековья. В своих научных изысканиях и интерпретации разновременных памятников он не замыкался в рамках одной археологии, а смело привлекал данные геологии, антропологии, палеонтологии, зоологии, палеоботаники, этнографии, нумизматики, эпиграфики, фольклористики и т.д. Долгая жизнь "Трудов" В.А. Городцова – следствие прочного фундамента его полевых исследований, реальных вещественных материалов, и особенно орудий труда, которые, по мнению ученого, являются настоящими "рычагами-двигателями" к дальнейшей ступени развития культуры. В.А. Городцов и историю человеческого общества начинает с появления первых достоверных орудий труда, какими бы примитивными они ни были, отводя им первенствующую роль в истории развития человечества. Блестяще производя раскопки самых разнообразных памятников, В.А. Городцов обобщил свой полевой опыт в ряде методических руководств (1911 г. и др.) по археологии. Многое в них не устарело до наших дней, а именно: постановка четких задач и проблемных вопросов перед раскопками того или иного археологического памятника; обязательное ведение обстоятельных дневников и переписка их набело вечером в день раскопок; заметки об особых находках и их зарисовка; описание ландшафта, окружающего памятник и т.д.

Он первым обратил внимание на важность стратиграфического метода в изучении любого памятника и особенно жилищ с обязательным описанием геологических условий залегания находок. Кроме того, В.А. Городцов настаивал на важности определения природной среды обитания древнейшего человека. Своим "Руководством" он оказал позитивное влияние на дальнейшее развитие методики археологических исследований[19].

В.А. Городцов сочетал научно-исследовательскую работу с широкой педагогической деятельностью, которой занимался с неменьшим энтузиазмом. Василий Алексеевич был не только прекрасным педагогом, но и превосходным лектором. Он поражал слушателей страстностью и любовью к своей науке. В.А. Городцов явился основателем так называемой городцовской школы археологов, давшей целую плеяду крупных ведущих ученых, успешно продолжающих его любимое дело. В своей преподовательской деятельности В.А. Городцов умело сочетал теорию с практикой, ежегодно выезжая со студентами на раскопки археологических памятников. Там он учил студентов отыскивать археологические памятники, правильно читать почвенные и культурные напластования, делать заключения, записывать наблюдения и т.д.

В.А. Городцов проводил беседы с местным населением и читал им популярные лекции, так как считал необходимым нести знания в широкие массы народа. В своем объяснительном тексте к двум таблицам "Классификации" он писал: "Народные массы, освободившись от мерт-

вых рутин и духовных оков, задерживавших умственное развитие, двинулись с необыкновенной энергией к обогащению знанием минувшей жизни человечества"[20]. Были случаи, когда после таких бесед и лекций местные жители бесплатно работали на его раскопках.

Деятельность В.А. Городцова тесно связана с Историческим музеем, где он проработал не один десяток лет. С 1903 по 1906 гг. он работал в нем по совместительству, с 1906 г. – штатным младшим хранителем и, наконец, заведующим созданным им Археологическим отделением. За эти годы он стал опытным музейным работником[21]. В.А. Городцовым были систематизированы огромные археологические материалы, хранившиеся в фондах музея. Введены картотечные каталоги с фотографиями вещей, созданы описи на все коллекции как старые, так и вновь поступившие. Все они были размещены на планшетах и в лотках особых шкафов-хранилищ. Благодаря раскопочной и другой деятельности В.А. Городцова музей получил ряд ценнейших коллекций по палеолиту, неолиту, эпохе бронзы и железа, а также по средневековью.

Наряду с этим В.А. Городцов вел изучение всех фондов и публиковал их в отчетах музея, где печатались ежегодные поступления. Одновременно он сделал обзор важнейших коллекций музея за период с 1883 по 1908 гг. Позднее такие же описи древностей музея и уникальных вещей и лекций публиковались им в отчетах за 1909 и 1911 гг. С именем В.А. Городцова связаны расширение и реконструкция выстовочных залов музея.

Его экспозиция в открытых залах музея была построена не только по принципу археологической и географической систематизации коллекций и отдельных находок, она наглядно отображала историю развития человеческого общества от палеолита до средневековья, узловые моменты этого развития подчеркивались выделением ведущих орудий труда и особыми экспонатами. Успеху экспозиции способствовали написанные им путеводители, изданные в 1914, 1921, 1923 гг.

В.А. Городцов активно помогал и Рязанскому музею, а также содействовал развитию краеведческой работы в этом крае. Основной экспозицией музея были его собственные коллекции.

В залах Исторического музея он проводил экскурсии с учащимися, студентами, преподавателями и другими посетителями. Ученый читал также популярные лекции в Московском Археологическом обществе, в Обществе испытателей природы, в Обществе друзей Исторического музея, где в 20-е годы был председателем. Здесь выступали с лекциями и его ученики, что являлось хорошей школой для начинающих археологов. Тематика лекций и докладов была разнообразна, она касалась как отдельных уникальных археологических предметов, так и общих вопросов археологии и музееведения.

Во время раскопок в Боржоми В.А. Городцов (1912 г.) читал публичные лекции о результатах раскопок, а средства от сборов направлялись в пользу бедных учащихся боржомской школы.

С 1918 г. В.А. Городцов несколько лет возглавлял первый в нашей стране "Научно-методический центр" археологической службы, а именно: Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и истории

Главнауки Наркомпроса РСФСР. С 1919 г. он ведал выдачей "Открытых листов", которые отныне выдавались только специалистам, в целях пресечения хищнических раскопок памятников.

В это же время им осуществлялось руководство работой Археологической секции РАНИОН. Таков огромный диапазон деятельности В.А. Городцова.

Своей научной деятельностью В.А. Городцов внес столь огромный вклад в развитие нашей отечественной археологии, что его трудно переоценить. Имя Василия Алексеевича Городцова навсегда останется одним из самых светлых имен в анналах нашей исторической науки, ибо оно неразрывно связано с зарождением и дальнейшим развитием русской и советской археологии.

[1]*Городцов В.А.* Стоянки неолитической эпохи в окрестностях сел Щумошь, Дубровино, Алеканово и Муромино Рязанского уезда в 1888–1889 гг. // Тр. Ряз. АК. 1889. Т. 4, № 7. С. 151–156; № 9. С. 191.

[2]*Крупнов Е.Н.* О жизни и научной деятельности В.А. Городцова // СА. 1956. № 25. С. 5–12.

[3]*Городцов В.А.* Археология. Т.1. Каменный период. М.; Пг., 1923.

[4]Там же. С. 5.

[5]*Фриче В.М.* Городцов: (К 40-летию его научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности) // Тр. СА РАНИОН. М., 1928. Т. 4. С. 5–8.

[6]Там же. С. 6.

[7]*Городцов В.А.* Археологическая классификация: Объясн. текст с двумя таблицами. М.; Л., 1925.

[8]*Громов В.И.* Принципы построения схемы периодизации палеолита: Тез. докл. М., 1959. С. 5.

[9]*Крайнов Д.А.* Некоторые спорные вопросы становления человека и человеческого общества // Ленинские идеи в изучении истории первобытного, рабовладельческого и феодального общества. М., 1970.

[10]*Городцов В.А.* Археология. Т. 1. Каменный период.

[11]*Городцов В.А.* Тимоновская палеолитическая стоянка: Результаты археологических раскопок в 1933 г. // Тр. ИАЭИА. 1955. Вып. 3.

[12]*Крайнов Д.А.* Жилища Тимоновской палеолитической стоянки // СА. 1956. № 25. С. 14–34.

[13]*Кларк Г.* Доисторическая Европа. М., 1953. С. 141.

[14]*Городцов В.А.* Археологическая классификация. . .

[15]Там же. С. 3–4.

[16]*Городцов В.А.* Панфиловская палеометаллическая стоянка // Тр. Влад. Гм. 1926. Вып. 2. С. 3–20.

[17]*Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России // ОРИМ за 1914 г. М. С. 121–226.

[18]*Городцов В.А.* Скальные рисунки Тургайской области // Тр. ГИМ. М., 1926. Вып. 1. С. 37–69.

[19]*Городцов В.А.* Руководство для археологических раскопок. М., 1914. С. 64.

[20]*Городцов В.А.* Археологическая классификация. . . С. 3.

[21]*Левашова В.П., Трубникова В.Н.* В.А. Городцов и Государственный исторический музей // Тр. ГИМ. Археол. сб. М., 1960. Вып. 37. С. 17–20.

М.И. КРИГЕР

ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГОРОДЦОВ И ГЕОЛОГИЯ

1. В.А. ГОРОДЦОВ КАК НАТУРАЛИСТ

Хотя археология была главной сферой деятельности ученого, по кругу интересов и методам изучения он был также натуралистом широкого профиля. Особенно большое значение имеют исследования В.А. Городцова как геолога. В большинстве случаев его естественноисторические и в том числе геологические исследования тесно связаны с археологией. Осуществленный В.А. Городцовым синтез археологических и геологических данных имеет огромное значение для исторической науки в целом.

В геологии В.А. Городцов был учеником академика А.П. Павлова[1], с которым сотрудничал долгие годы. Еще студентом подружился В.А. Городцов с другим учеником А.П. Павлова, молодым офицером, а впоследствии известным геологом Н.И. Криштафовичем[2]. Круг их геологических увлечений имел ряд общих моментов: интерес к стратиграфической схеме четвертичных отложений, мезозойским отложениям, геологии палеолита. Уже среди ранних работ В.А. Городцова имеются статьи о его геологических наблюдениях в различных районах[3], об исследованиях моллюсков Волги[4], о находках костей мамонта в Ярославской обл.[5], об артезианском колодце в Ярославской обл.[6], а статья о выходах юрских отложений близ г. Ярославля[7], как впоследствии отмечал А.И. Москвитин[8], фактически была одним из первых сообщений о гляциотектонике на Русской равнине, т. е. о явлении, ставшем понятным лишь в значительно более поздние годы.

При археологических исследованиях В.А. Городцов всегда сам давал квалификационную характеристику геологических условий стоянок. Это относится и к палеолитическим стоянкам Гонцы[9], Тимоновка[10], Ильская[11] и ряду других.

С развитием геологии менялись взгляды на возраст, происхождение и палеогеографические условия формирования четвертичных отложений. Поэтому вокруг геологических характеристик стоянок, в свое время данных В.А. Городцовым, возможна полемика. Некоторые вопросы до сих пор нельзя считать решенными, например, вопрос о неолитической стоянке в пойме р. Оки у с. Дубровичи. Имеющийся здесь холм "Черепки" В.А. Городцов[12] (1902, 1923 гг.) считал плотинной постройкой, возведенной на древнем острове с помощью отсыпки песка и сооружения из камня (известняка). Данный холм размером в плане 35 × 45 м не заливался водой и в паводок и был удобен для поселения на нем неолитического человека. А.Я. Брюсов[13] склонен думать, что привоз камня для возведения холма, вероятно, имел место лишь в ограниченном количестве. Геолог Ю.П. Карпинский[14] расположен видеть здесь естественный выход каменноугольных известняков. Этот спор может быть разрешен лишь путем постановки буровых работ, что до сих пор остается неосуществленным.

Среди археологов и геологов вызывает споры также поднятый В.А. Городцовым[15] вопрос о следах жилищ на Тимоновской верхнепалеолити-

ческой стоянке. Основанием послужили раскопки, проведенные В.А. Городцовым в 1928–1932 гг. Он представлял себе жилища Тимоновской стоянки в виде крупных землянок, имеющих в плане четырехугольное сечение, заглубленных в грунт до 3 м. А.А. Величко, изучавший геологию Тимоновской стоянки, первоначально согласился принять точку зрения В.А. Городцова[16], хотя и с некоторыми оговорками, но впоследствии заключил, что псевдоморфозы по повторно-жильным льдам[17] он принял за следы землянок. Некоторые археологи также скептически отнеслись к констатации следов землянок в Тимоновке. Большое значение имеет статья Д.А. Крайнова[18], опубликовавшего выдержки из полевых записей В.А. Городцова и указавшего на этнографические аналогии тимоновских жилищ у народов Севера. Д.А. Крайнов сам участвовал в раскопках В.А. Городцова, и его точка зрения представляет большой интерес. Следует отметить, что Тимоновская стоянка располагалась на возвышенном дренированном берегу реки, где грунтовые воды и мерзлота едва ли препятствовали устройству землянок. Д.А. Крайнов справедливо указывает, что лишь после публикации В.А. Городцова в печати начали появляться работы о палеолитических жилищах.

Как археолог В.А. Городцов всегда интересовался вопросами абсолютной датировки событий четвертичного периода. Он провел опыт по определению абсолютной хронологии пойменного аллювия р. Оки, опираясь на скорость накопления аллювия и на установленное им поднятие максимальных уровней воды в паводки в течение голоцена[19]. Это позволило дать абсолютную датировку ряда стоянок и ископаемой почвы в пойме р. Оки. В.А. Городцов[20] сравнивает скорость накопления аллювия Оки и Нила. В связи с раскопками курганов он[21] изучал также скорость накопления чернозема на юге Русской равнины.

Следует отметить, что В.А. Городцов начинал работать еще в период, когда археология в значительной мере находилась в руках дилетантов, любителей и коллекционеров[22].

Естественноисторические интересы молодого ученого наложили отпечаток на его мировоззрение и методы исследования. При археологических раскопках В.А. Городцов большое внимание уделял изучению культурного слоя. По его словам, "пробным камнем для опытности исследователя являются раскопки культурных слоев"[23]. В.А. Городцова следует считать одним из основателей учения о культурном слое.

2. ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПАЛЕОЛИТА

В связи с геологическими работами В.А. Городцова должен быть рассмотрен вопрос о периодизации палеолита. Сам ученый подходил к этой проблеме не только с позиций археолога, но и широко используя геологические данные. В разработке периодизации палеолита роль В.А. Городцова исключительно велика, поскольку он противопоставил свою схему единственной и весьма распространенной в то время схеме Г. Мортилье. Судьба В.А. Городцова-палеолитчика тесно связана с борьбой вокруг типологического метода и периодизации палеолита.

Историю развития вопроса о периодизации палеолита в СССР можно разделить на четыре этапа: до 1890 г. – доказательство существования

русского палеолита; 1890–1925 гг. – борьба за или против перенесения французской схемы периодизации палеолита Г. Мортилье на территорию России; 1925–1950 гг. – торжество эволюционно-стадиальной концепции, распространявшей схему Мортилье на большие территории, против чего выступал В.А. Городцов; после 1950 г. – критика и крушение эволюционно-стадиальной концепции.

В 1871–1886 гг. А.Л. Чекановский, И.Д. Черский, Ф.И. Каминский, К.С. Мережковский, А.С. Уваров, И.С. Поляков и И.Т. Савенков обнаружили палеолитические стоянки близ Иркутска, в Полтавской губ., в Крыму, на Оке, на Дону и около Красноярска. В сводной работе А.С. Уварова[24] каменный век с уверенностью делится на палеолит и неолит.

Время с 1890 по 1925 гг. можно рассматривать как период полемики по вопросу о возможности применения французской схемы Г. Мортилье[25] и его последователей к территории России. Палеолит Русской равнины Г. Мортилье относил к мадлену, отмечая наличие орудий солютрейского типа в Костенках[26]. Впрочем, еще в XIX в., в преддверии рассматриваемого периода, идеи Г. Мортилье были восприняты многими русскими исследователями весьма настороженно. А.С. Уваров[27] вообще считал периодизацию Г. Мортилье необоснованной. К.С. Мережковский[28] пришел к выводу, что палеолит Крыма ближе к палеолиту Египта, чем к палеолиту Франции. Г.О. Оссовский[29] отметил, что частичное сходство русского и французского палеолита отнюдь не говорит об их эквивалентности ввиду влияния местных географических условий на жизнь человека.

В начале XX в. споры продолжались. Ф.К. Волков[30], политический эмигрант и ученик Г. Мортилье, способствовал распространению его схемы русского палеолита. Он отнес Костенки, Киево-Кирилловскую и открытую им Мезинскую стоянки к мадлену. И.И. Фомин[31] заключил, что "культура палеолита в своих основных чертах везде проходила одни и те же фазы развития". Против Ф.В. Волкова выступил В.В. Хвойко, по мнению которого, "каждой стране принадлежит своя классификация и хронология палеолита"[32]. В лекциях Н.И. Веселовского[33] излагается периодизация Г. Мортилье, но при характеристике русского палеолита она не используется. По мнению А.А. Спицына[34], русский палеолит, совпадая с французским типологически, может не совпадать с ним хронологически.

Дискуссия о палеолите в конце XIX – первой четверти XX в. была связана, конечно, со слабой изученностью кремневого инвентаря и геологии стоянок. Именно в этот период формируется концепция В.А. Городцова. В своем фундаментальном труде[35] он пришел к выводу, что классификация Г. Мортилье имеет лишь местное значение (для Франции) и не может быть распространена на всеобщую историю. Понимание локального своеобразия развития палеолитических культур лежит в основе учения В.А. Городцова о палеолите. Новая периодизация каменного периода, предложенная В.А. Городцовым[35], основана на типологическом изучении орудий труда, увязана с геологическими, палеонтологическими, этнографическими и антропологическими данными. В этой периодизации нашли место и культуры, выделенные Г. Мортилье и его последователями во Франции. И хотя многие использованные В.А. Город-

цовым отечественные и зарубежные материалы ныне сильно устарели, его метод и основная концепция в настоящее время полностью сохраняют актуальность. В.А. Городцов указывал, что нельзя смешивать классификацию культур (мустье, солютре и т. д.) с подразделением археологического времени. По мнению ученого, следует выделять локальные зоны их развития, изучать этнографические и этнологические особенности одновременных культур, их связи, взаимовлияние и т. д. Периодизация палеолита, по В.А. Городцову, не может быть построена без геологической базы. Создавая общую схему развития культур, он делит каменный период на эпохи: эолитическую, археолитическую (тесаные орудия, например, культуры стрепийская, шелльская, ашельская), мезолитическую (сколотые орудия, например, мустье), палеолитическую (отжимные орудия, например, ориньяк, солютре, мадлен) и неолитическую. Каждую из этих эпох В.А. Городцов делит на три поры: раннюю, среднюю и позднюю. Можно подвергать сомнению целесообразность терминологии В.А. Городцова, можно спорить о геологическом возрасте указанных им этапов изменения техники обработки камня, но в настоящее время стало очевидным, что предложенная исследователем периодизация каменного века явилась фундаментом для современных представлений по данному вопросу.

Промежуток времени с 1925 по 1950 гг. мы назвали периодом господства эволюционно-стадиальной концепции, основанной на схеме Мортилье. Среди основоположников этого направления исследований были академик Н.Я. Марр и его последователи, которые на основе лингвистических исследований делали далеко идущие историко-социологические выводы об автохтонном стадиальном развитии человеческой культуры. Влияние подобных представлений особенно ярко проявилось в 1930–1934 гг., когда сторонники этого течения вместо конкретных историко-археологических исследований начали выдвигать абстрактные социологические схемы, оторванные от фактического материала. Последователи эволюционно-стадиальной концепции даже изменения антропологического типа человека связывали со стадиальными переменами в общественной структуре[37]. Такое течение в археологии, сильно упрощавшее картину сложных общественных процессов, не учитывавшее конкретные формы их проявления, отрицавшие роль миграций в жизни первобытного человека и в значительной мере пренебрегавшее типологическим методом в археологии, шло в разрезе с учением В.А. Городцова[38]. Например, по В.И. Равдоникасу[39], для характеристики стадий общественно-культурного развития человечества вопросы абсолютной хронологии имеют второстепенное значение. "С точки зрения стадиальности. схема Мортилье вполне выдержана, является фундаментом учения о палеолите Европы и попытки создать другую периодизацию (В.А. Городцов) дают худшие варианты той же схемы Мортилье".

Г.А. Бонч-Осмоловский[40] критикует В.А. Городцова за "введение предположений" о способе обработки камня, отвергает его периодизацию и предлагает свою, близкую к схеме французских исследователей. Отсутствие в палеолите Крыма и Закавказья солютрейской и мадленской стадий Г.А. Бонч-Осмоловский[41] объясняет не принадлежностью их

к Капсийской (Средиземноморской) палеолитической провинции (в которой развитие человеческой культуры не имело этих стадий), а недостаточной ее изученностью.

П.П. Ефименко[42] и С.Н. Замятнин[43] подствердили, что развитие палеолита в Европе и в Средиземноморской провинции шло разными путями Тем не менее П.П. Ефименко[44] настаивал на наличие в СССР аналогов позднего ашеля, мустье, ориньяка, солютре, мадлена и азиля. По его мнению[45], история первобытного человечества обнаруживает много общих черт в Западной и Восточной Европе и даже в Северной Азии, хотя это сходство не является полным тождеством. П.П. Ефименко[46] ввел местные названия стадий русского палеолита (тельманская, костенковская, мезинская, кирилловская, гонцовская, боршевская), указав их аналоги во французской схеме. На основании изучения Тельманской стоянки, в которой орудия мустьерского и солютрейского типа находились совместно, П.П. Ефименко[47] отрицал существование ориньякской культуры в СССР и считал ориньяк и солютре территориально разобщенными вариантами техники ранней поры верхнего палеолита. В связи с этим он ограничивает применение периодизации Мортилье–Брея (в типичной ее форме) территорией Франции, приходит к выводу об имевших место миграциях верхнепалеолитических общин и о совместном существовании различных вариантов культур. Таким образом, П.П. Ефименко с 1950 г. постепенно отходил от последовательной эволюционно-стадиальной концепции и все больше приближался к представлениям В.А. Городцова.

Эволюционно-стадиальная концепция развития палеолитического общества и его культуры получила яркое отражение в работах П.И. Борисковского. Строгий ее последователь и суровый критик иных точек зрения[48], он несколько изменил свои взгляды, в частности в связи с находкой на стоянке Маркина Гора (Костенки XIV) негроидного погребения. Он допустил значительные передвижения отдельных групп позднепалеолитических обитателей на Русской равнине[49], объяснил переслаивание горизонтов с разнохарактерными культурами в Костенках многократным поселением локальных вариантов культур охотничьих племен[50]. За последнее время П.П. Борисковский[51] пришел к выводу, что для позднего палеолита нельзя создать обобщенную археологическую периодизацию, применимую ко всем территориям, что позднепалеолитическая культура по-разному развивалась у отдельных групп человечества и, следовательно, для каждой изучаемой территории приходится разрабатывать особую периодизацию верхнего палеолита. С нашей точки зрения, это можно расценивать как возвращение исследователя к принципиальным позициям В.А. Городцова.

Интересно развитие представлений В.И. Громова[52], который отметил существование "прочно установленной стадиальности" в развитии материальной культуры первобытной общины и пришел к выводу, что синстадиальные памятники палеолита являются геологически синхронными. Это позволило В.И. Громову сделать вывод, что палеолитические стоянки могут быть использованы для стратиграфии. Позже, в период критики эволюционно-стадиальной концепции (после 1950 г.), воззрения

ученого[53] изменились, и он пришел к выводу, что с мустьерского времени перестал действовать принцип синхронности синстадиальных культур. Поэтому разработку глобальной схемы периодизации палеолита В.И. Громов считал необходимым вести в духе идей В.А. Городцова с выделением локальных культур.

На примере таких выдающихся исследователей палеолита, как П.П. Ефименко, П.И. Борисковский и В.И. Громов, можно проследить развитие археологической мысли от эволюционно-стадиальной концепции к принципам В.А. Городцова. Сила идей В.А. Городцова заключалась в широком охвате ими не только археологических, но и геологических фактов в использовании эмпирических естественно-исторических методов.

Критический пересмотр эволюционно-стадиальной концепции наиболее целеустремленно проводился с начала 50-х годов благодаря работам А.Н. Рогачева[54], который, обнаружив сложные взаимоотношения культурных комплексов на стоянках Костенковско-Боршевской группы, для построения схемы периодизации палеолита привлек геологические данные. При этом он[55] использовал два гумусовых горизонта и разделяющий их прослой вулканического пепла, стратиграфическое значение которых подтвердила специальная комиссия ИИМК, включавшая компетентных археологов и геологов. В результате А.Н. Рогачев сделал заключение об одновременном существовании в верхнем палеолите общин с различными приемами обработки кремня и о глубокой самобытности палеолита Восточно-Европейской равнины. Значение этих исследований для периодизации позднего палеолита Европы трудно переоценить.

А.Н. Рогачев[56] и В.И. Громов присоединились к периодизации палеолита в духе В.А. Городцова, учитывавшего локальные особенности культур.

В учении В.А. Городцова, А.Н. Рогачева и В.И. Громова было отмечено[57] огромное стратиграфическое значение пяти стадий каменного века: допалеолитической, древнепалеолитической, средне-верхнепалеолитической (разделение этих двух стадий в глобальном аспекте наблюдается не всегда), мезолитической и неолитической. Согласно этой точке зрения, чем более длительны выделяемые стадии, тем они имеют более значительное распространение и в этом смысле имеют бóльшее стратиграфическое значение.

3. ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ ПАЛЕОЛИТА

А.С. Уваров[58], принявший теорию покровного оледенения, относил палеолит к началу послеледникового времени, когда еще не вымер мамонт. Начало научной деятельности В.А. Городцова связано с эпохой С.Н. Никитина, по мнению которого стоянки Гонцы, Костенки и Карачарово позволяют заключить об обитании человека во второй половине ледниковой эпохи вдоль границы оледенения. По мере отхода ледников человек наступал на север и северо-запад, а после вымирания мамонта достиг Финляндии и Прибалтики, к этому времени относится и смена палеолита неолитом[59].

Таблица 1

Стратиграфические схемы плейстоцена Русской равнины

Н.И. Криштафович 1902–1910	Н.И. Андрусов 1904–1912	А.П. Павлов		Г.Ф. Мирчинк		А.М. Жирмунский 1930–1936	А.И. Москвитин 1936
		1914	1922–1936	1922–1925	1927–1940		
Послеледниковая эпоха	Послеледниковая эпоха	Послеледниковая эпоха	Послеледниковый отдел	Послеледниковое время	Послеледниковое время	Голоцен	Послеледниковое время
Оледенение Салпаусельская	Польско-мекленбургское оледенение	2-е плейстоценовое оледенение	Бюльская остановка (неовюрм)	4-я ледниковая эпоха	Бюльская стадия	Неовюрмское оледенение	Бюльская стадия
Межледниковье					Интерстадиал	4-е межледниковье	Интерстадиал
Польско-мекленбургское оледенение			Вюрмское оледенение		Вюрмское оледенение	Вюрмское оледенение	Вюрмское оледенение
Гельветско-неуденское межледниковье	Гельветско-неуденское межледниковье	Межледниковье	Рисс-вюрмское межледниковье	3-я межледниковая эпоха	Рисс-вюрмское межледниковье	3-е межледниковье	Рисс-вюрмское межледниковье

Саксонское (максимальное) оледенение	Саксонское (рисское?) оледенение	1-е плейстоценовое оледенение	Рисское оледенение	3-я ледниковая эпоха	Рисское оледенение	Рисское оледенение	Вартинская стадия Одинцовский интерстадиал Рисское оледенение
Норфолькское межледниковье	Норфолькское межледниковье	Межледниковье	Миндель-рисское межледниковье	2-я межледниковая эпоха	Миндель-рисское межледниковье	2-е межледниковье	Миндель-рисское межледниковье
Предполагаемое оледенение	Миндельское? оледенение; бакинский ярус?	Верхнеплиоценовое оледенение	Миндельское оледенение	2-я ледниковая эпоха	Миндельское оледенение	Миндельское оледенение	Миндельское оледенение
	Плиоцен			1-я межледниковая эпоха (красно-бурые глины) 1-я ледниковая эпоха (предполагаемая)		1-е межледниковье Гюнцское оледенение Прегюнц	

В основном с начала XX в. в геологии развиваются полигляционалистические представления. Первые полигляционалистические схемы сегодня почти забыты и на табл. 1 мы воспроизводим важнейшие из них, существовавшие в течение первой трети XX в. С развитием этих схем в новом свете встали вопросы геологического возраста палеолита.

Н.И. Криштафович[60], работавший, как указывалось выше, в контакте с В.А. Городцовым, изложил свои представления о геологических условиях палеолита Русской равнины. Придерживаясь полигляционалистической концепции, Н.И. Криштафович[61] считал, что палеолитические стоянки Киевская и Каневская у д. Селище (существование последней стоянки не подтверждено более поздними исследованиями) относятся к гельветско-неуденскому межледниковью, следовавшему за вторым саксонским (максимальным) оледенением и предшествовавшему третьему польско-мекленбургскому оледенению. Предположительно к этому межледниковью были отнесены также Гонцовская и Костенковская стоянки. Развивая подобную точку зрения, можно предположить, что более древние палеолитические культуры (средний палеолит) могут относиться к эпохе максимального оледенения. Хотя геологические взгляды В.А. Городцова всегда отличались самостоятельностью, в данном случае весьма вероятно, что идеи Н.И. Криштафовича оказали определенное влияние на дальнейшее развитие представлений ученого о геологическом возрасте палеолита.

В начале 20-х годов на четвертичные отложения Русской равнины была перенесена стратиграфическая схема А. Пенка (табл. 1). Она была принята и В.А. Городцовым[62], который положил ее в основу большого синтеза археологических и геологических материалов.

В.А. Городцова интересовали многие вопросы четвертичной геологии, он постоянно следил за литературой и некоторые его комментарии представляли большой интерес для специалистов, что, к сожалению, не всегда находило отражение в литературе. Мне запомнились некоторые предвоенные беседы с В.А. Городцовым, в том числе по проблеме лёсса. По первоначальной точке зрения В.А. Городцова (1923 г.), лёсс имеет межледниковый возраст и эоловое происхождение, в ледниковые эпохи образовывались делювиальные лёссовидные породы. Подобное представление о межледниковом лёссе в те годы было широко распространено. Позже В.А. Городцов (1941 г.) воспринял современную точку зрения геологов, по которой горизонты лёсса относятся к ледниковым эпохам, а ископаемые почвы – к межледниковым. Однако это не помешало В.А. Городцову сохранить свою приверженность общей схеме А. Пенка ледниковых эпох и связи с ними палеолитических стоянок, хотя возраст геологических отложений на участках отдельных стоянок, естественно, в некоторых случаях при этом пересматривался.

Еще в начале XX в. в Западной Европе определилось два течения в привязке палеолитических культур в альпийской схеме оледенения. Согласно А. Пенку[63] мустье относится к риссу и началу рисс-вюрма. Согласно М. Булю[64] и его последователям, мустье отвечает вюрму и рисс-вюрму. Схема М. Буля получила широкое распространение среди исследователей Западной Европы.

Последователем А. Пенка в вопросе датировки палеолита явился В.А. Городцов[65]. Сопоставление В.А. Городцовым французских культур с оледенением показано на табл. 2.

Другие исследователи русского палеолита в 20–30-х годах развивали идеи М. Буля. Начало этому направлению исследований положила монография А.П. Павлова[66]. Вслед за этим Г.Ф. Мирчинк[67], исследовавший Бердыжскую, Супоневскую и Мезинскую верхнепалеолитические стоянки, пришел к выводу о их "предбюльском" возрасте. Вскоре Г.Ф. Мирчинк[68] заключил, что "все время развития общества... от мустье до мадлена включительно было приурочено только к одному оледенению".

Идеи Пенка–Городцова о возрасте палеолита приобрели большое распространение в нашей литературе в конце 30-х и в 40-х годах XX в. Важную роль при этом сыграли работы В.И. Громова.

По мнению В.И. Громова, на территории развития ледниковых отложений максимального оледенения отсутствуют стоянки начала верхнего палеолита. Это обстоятельство и палеонтологические данные явились аргументами, заставившими его в период господства эволюционно-стадиальной концепции сопоставлять мустьерскую и "ориньякскую" культуры Русской равнины с эпохой максимального оледенения. В 1933 г. В.И. Громов датировал максимальное оледенение вюрмским возрастом. Позже, отнеся отложения максимального (днепровского) оледенения к рисскому времени, В.И. Громов[69] соответственно понизил возраст палеолита, став на точку зрения, близкую к мнению А. Пенка и В.А. Городцова. Однако В.И. Громов констатировал отсутствие в палеолитических стоянках СССР теплолюбивой фауны и по этой причине в отличие от вышеуказанных исследователей пришел к многогляциалистическим воззрениям и принял оледенения в схеме А. Пенка за этапы развития одного (рисс-вюрмского) ледника.

Работы В.И. Громова заметно повлияли на мнение ряда исследователей. Г.Ф. Мирчинк[71] и П.П. Ефименко[72], подобно В.А. Городцову и В.И. Громову, отнесли мустьерскую культуру к эпохе рисского (максимального) оледенения. Среднеплейстоценовый (в основном рисский) возраст мустьерской культуры в 40–50-х годах был принят также Ю.М. Васильевым, М.В. Воеводским, Г.И. Горецким, М.Н. Грищенко, В.И. Громовой, Н.Н. Карловым, В.В. Поповым, Э.И. Равским, П.В. Федоровым, В.А. Хохловкиной, Е.В. Шенцером, В.Л. Яхимович и др. Дружная поддержка представлений о среднеплейстоценовом возрасте мустьерской культуры была связана не только с позицией В.А. Городцова[73], но и с авторитетом В.И. Громова и Г.Ф. Мирчинка, которым принадлежали последние по времени исследования данного вопроса.

Наряду с оценкой геологического возраста палеолита по Пенку–Городцову–Громову в этот же период сохранялась и оценка его по схеме Буля–Павлова (мустье отнесено к послерисскому, т. е. последнепровскому времени). И.П. Герасимов[74] пришел к выводу, что мустьерская стоянка Чулатово III, если ее культурный слой не является переотложенным, должна быть отнесена к последнепровскому времени. Солютрейско-мадленские стоянки в бассейне р. Десны И.П. Герасимов с уверенностью отнес к интервалу "от валдайского оледенения до начала последнико-

Таблица 2

Оценка геологического возраста палеолита Восточной Европы в 20–30-х годах XX в.

Эпохи (по А. Пенку)	В.А. Городцов 1923	А.П. Павлов 1925, 1936	В.И. Равдоникас 1931	В.И. Громов 1933	Г.Ф. Мирчинк 1936–1937	П.П. Ефименко 1938
Современная	Неолит Оки, Верхней Волги Тарденауз	Неолит, тарденауз, азиль	Неолит	Неолит	Неолит	Тарденауз (эпипалеолит)
Вюрмская ледниковая (со стадиями отступания)	Палеолитическая эпоха (например, мадлен, солютре)	Мадлен, солютре, ориньяк, мустье	Протонсолит, мадлен, солютре, ориньяк	Тарденауз, азиль, мадлен	Мадлен	Азиль, мадлен, солютре
Рисс-вюрмская межледниковая	Палеолитическая эпоха (например, солютре, ориньяк)	Мустье, поздний ашель	Мустье	Солютре, поздний ориньяк	Солютре, верхний ориньяк	Ориньяк
Русская ледниковая	Мезолитическая эпоха (например, мустье)	Ашель в конце эпохи	Ашель	Ориньяк, мустье	Ориньяк, мустье	Мустье
Миндель-рисская межледниковая	Археологическая эпоха (например, ашель, шелль, стрепийская культура)	Шелль	Шелль, дошелльская эпоха	Ашель, шелль, дошелльские культуры	Нижнее мустье, ашель	Премустье (ашель, клэктон)
Миндельская ледниковая	Эолитическая эпоха (например, месвенская культура)	Дошелльская индустрия			Шелль	Ранний шелль
Гюнц-миндельская межледниковая	Маффлейская культура					Шелль

вого времени". На основании исследований в долинах рек Десны и Судости к аналогичному заключению пришел и А.А. Величко[75]. Он допустил, что лишь низы верхнего палеолита захватывают вторую половину днепровско-валдайского межледниковья. Переходя к пересмотру господствовавших точек зрения, А.А. Величко первоначально заключил, что "мустьерская эпоха, скорее всего, соответствует не только первой половине днепровского оледенения, но и более продолжительному времени". Культуры мустьерского типа (Заровская Круча, Хотылево, Подлужье и Молодово) А.А. Величко отнес к последнепровскому времени.

А.И. Москвитин[76] (1961 г.) датировал стоянки верхнего и среднего палеолита на территории от р. Чусовой до Чехословакии только верхним плейстоценом, причем начало отдела – микулинское межледниковье может, по его мнению, включать и более древние культуры. В пользу признания последнепровского возраста культур типа мустье на территории СССР высказывались и другие исследователи[77]. Оценка геологического возраста палеолита по представлениям исследователей 50–60-х годов показано в табл. 3.

В течение всей жизни В.А. Городцов был энергичным исследователем, не боявшимся трудностей. Я помню экскурсию на классический разрез у с. Кривоборья, на берегу Дона, во время Всесоюзной конференции по четвертичным отложениям (Воронеж, 1941 г.). Тогда ученому было более 81 года. В.А. Городцов хотел видеть торфяник, залегавший в середине крутого 60-метрового разреза. Д.А. Крайнов и я, взяв В.А. Городцова под руки, помогли ему подняться на крутой склон. Когда же спросили одного известного археолога, почти в два раза более молодого, поднимался ли он для осмотра торфяника, то услышали ответ: "Я не профессор Городцов, чтобы лазать по таким обрывам".

В.А. Городцов был прежде всего археолог, и его геологические идеи были тесно связаны с археологией. Начало работы В.А. Городцова относится к периоду, когда научная археология и геология четвертичных отложений были в зачаточном состоянии. Он активно участвовал в создании эмпирических и теоретических основ этих научных дисциплин. Во всех случаях В.А. Городцов умел выбрать строго научные методы работы. Исследования В.А. Городцова продолжались на протяжении более 50 лет, но и после его смерти (1945 г.) долго не умолкали дискуссии по поднятым им вопросам[78]. В.А. Городцов разработал эмпирические археологические принципы периодизации палеолита, сохранившие свою важность и поныне.

Несмотря на большие успехи в развитии археологии и четвертичной геологии за последние 60 лет, основной труд В.А. Городцова[79] сохраняет свое значение как замечательный синтез огромного количества фактов и мыслей, освещающий методы исторической интерпретации археологического и геологического материла и методы периодизации каменного века.

Таблица 3

Оценка геологического возраста палеолита Восточной Европы в 50–60-х годах XX в.

Стратиграфическая шкала (по А.И. Москвитину)	В.И. Громов, Е.В. Шанцер 1958	Г.И. Горецкий 1959	А.А. Величко 1957, 1961	В.И. Громов 1961	Н.И. Москвитин 1961	Н.И. Кригер 1965	М.Ф. Веклич 1966	А.А. Величко, И.К. Иванова, В.М. Муратов 1969
Осташковское оледенение		Азиль, мадлен	Верхний палеолит	Конец верхнего палеолита (мадлен) Середина верхнего палеолита (солютре)	Авдеево-Гонцы	Культуры ориньяко-солютнейского и мадленского облика (Мезин, Гонцы, Юровичи)	Поздний палеолит	Верхний палеолит (Кстенки, Елисеевичи, Тимоновка)
Малогошекснинское межледниковье	Мадлен	Солютре			Ориньяк: Пушкари Погон			
Калининское оледенение					Мустье	Культуры верхнепалеолитического (Пушкари I, II, Талицкого) и мустьерского облика	Мустье	Мустье (Староселье, Рожок, Киик-Коба)
Микулинское межледниковье	Солютре (Пушкари I, Мезин, Супонево)	Ориньякско-солютрейская стадия	Мустье	Позднее мустье (Волгоград, Староселье)	Волгоград		Раннее мустье	Мустье (Выхватинцы)

Таблица 3 (окончание)

Стратиграфическая шкала (по А.И. Москвитину)	В.И. Громов, Е.В. Шанцер 1958	Г.И. Горецкий 1959	А.А. Величко 1957, 1961	В.И. Громов 1961	Н.И. Москвитин 1961	Н.И. Кригер 1965	М.Ф. Веклич 1966	А.А. Величко, И.К. Иванова, В.М. Муратов 1969
Московское оледенение				Начало верхнего палеолита, ориньяк (Сюрень I, Сунгирь)				
Одинцовское межледниковье	Мустье	Мустье						Ашель (Выхватинцы? Яштух? Абадзехская)
Днепровское оледенение								
Доднепровское время		Древний палеолит		Развитое мустье (Язви, Бессергеновка, р. Кодор)				

[1]*Варсанофьева В.А.* Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии // МОИП. 1947. С. 7.

[2]*Варсанофьева В.А.* Алексей Петрович Павлов. . . С. 279.

[3]*Городцов В.А.* Несколько геологических наблюдений, произведенных в пределах Ярославской губернии // Тр. Яр. ЕИО. 1902. Т.3.

[4]*Городцов В.А.* Волжские моллюски в окрестностях Ярославля // Там же. 1902. Т.1.

[5]*Городцов В.[А].* Кости мамонта в берегах ручья Громца (Мышкинского уезда Ярославской губ.); Геол. очерк // ЕГМ. 1899. Т.3. С. 103—108; *Он же.* Сведения о находках мамонтовых костей в Ярославской губернии в 1830 и 1831 гг. // ЕГМ. 1899. Т. 3. С. 108—110.

[6]*Городцов В.[А].* О результатах геологического исследования образцов и разреза артезианского колодца (глубиной 560 фут.) при фабрике А.А. Локалова близ с.Великого Ярославской губернии и уезда // СК. Ярославль, 1901. № 50.

[7]*Городцов В.А.* Верхнеюрские образования в окрестностях г. Ярославля // ЕГМ. 1897—1898. Т. 2, ч. 1. С. 30—32.

[8]*Москвитин А.И.* Ярославский "мамонт" // БМОИП. Отд. геол. 1950. Т. 25. Вып. 3. С. 97—108.

[9]*Городцов В.А.* Исследование гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. // Тр. СА РАНИОН. 1926. Т. 1. С. 5—38.

[10]*Городцов В.А.* Тимоновская палеолитическая стоянка: Результаты археологических раскопок в 1933 г. // Тр. ИАЭИА. М.; Л., 1935. Т.1, вып. 3.

[11]*Городцов В.А.* Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки // МИА. 1941. № 2. С. 7—25.

[12]*Городцов В.А.* Археология. Т.1: Каменный период. М.; Пг., 1923. С. 396.

[13]*Брюсов А.Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952. С. 262.

[14]*Карпинский Ю.П.* Каменноугольные отложения южной половины Окско-Цнинского вала // Изв. Моск. Геолог. Треста. 1937. Т.4. С. 62—89.

[15]*Городцов В.А.* Предварительные сведения об исследовании Тимоновской палеолитической стоянки близ г. Брянска // ИГАИМК. 1932. № 11/12. С. 55—57; *Он же.* Тимоновская палеолитическая стоянка. . .

[16]*Величко А.А.* Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. М., 1961. С. 296.

[17]*Величко А.А.* Палеогеография стоянок позднего палеолита бассейна средней Десны: Природа и развитие первобытного общества на территории европейской части СССР. М., 1969. С. 97—103.

[18]*Крайнов Д.А.* Жилища Тимоновской палеолитической стоянки: (По раскопкам В.А. Городцова) // СА. 1956. № 15. С. 13—34.

[19]*Городцов В.А.* К вопросу об установлении натурального масштаба времени по аллювиальным отложениям в долинах рек Окской системы // Тр. САИАИ РАНИОН. 1928. Т. 2. С. 12—25.

[20]*Городцов В.А.* Материалы для археологической карты долины р. Оки // Тр. XII АС в Харькове. 1902. Т. 1; *Он же.* К вопросу об установлении натурального масштаба времени. . .

[21]*Городцов В.А.* Рост и убыль чернозема в южнорусских степях // Тр. Яр. ЕИО. 1902. Т. 1.

[22]*Крупнов Е.И.* О жизни и научной деятельности В.А. Городцова // СА. 1956. Вып. 25. С. 5—12.

[23]*Городцов В.А.* Руководство для археологических раскопок. М., 1914. С. 22.

[24]*Уваров А.С.* Археология России: Каменный период. М., 1881. Т. 1.

[25]*Mortillet G. de.* Classification des diverses periodes de l'Age de la Pierre // C. r. Conr. intern. d-Anth. prehist. Bruxelles, 1872. P. 432.

[26]*Mortillet G.de.* L'Epoque de la Madeleine en Russie // Mater. pour L'hist. primit. et natur. de l'homme. P., 1884. V. 18. T. P. 475—476; *Мортилье А.* Доисторическая жизнь. СПб., 1903.

[27]*Уваров А.С.* Археология России: Каменный период. Т.1.

[28]*Мержковский К.С.* Каменный век в Египте и Сирии: (Из текущей литературы по каменному веку) // ИРГО. 1881. Т. 17, вып. 5. С. 287–312.

[29]*Оссовский Г.О.* Опыт хронологической классификации находок каменного века в России по находкам, добытым из пещер Келецкой губ. и окрестностей Кракова // Тр. VI АС в Одессе (1884 г.). 1886. Т. 1. С. 47–71.

[30]*Волков Ф.К.* Искусство мадленской эпохи в Украине // АЛЮР. 1903. № 1. С. 15–25; *Он же.* Палеолит в Европейской России и стоянка в с. Мезино Черниговской губ. // ЗОРСА РАО. СПб., 1913. Т. 9. С. 293–336.

[31]*Фомин И.И.* Искусство палеолитического периода в Европе. М., 1912. С. 40, 60.

[32]*Хвойка В.А.* Киево-Кирилловская палеолитическая стоянка и культура эпохи мадлен // АЛЮР. 1903. № 1. С. 26–36.

[33]*Веселовский Н.И.* Доисторическая археология: Первобытный человек. СПб., 1905.

[34]*Спицын А.А.* Русский палеолит // ЗОРСА РАО. СПб., 1915. Т. 11. С. 132–172.

[35]*Городцов В.А.* Первобытная археология: Курс лекций. М., 1908.

[36]*Городцов В.А.* Археология. Т. 1: Каменный период.

[37]*Мещанинов И.И.* Верхний палеолит // ИГАИМК. 1931. Т. 2, вып. 1.

[38]*Монгайт А.Л.* Археология в СССР. М., 1955. С. 47,48.

[39]*Равдоникас В.И.* К вопросу о социологической периодизации палеолита в связи с взглядами Маркса и Энгельса на первобытное общество // ИГАИМК. 1931. Т. 9, вып. 2.

[40]*Бонч-Осмоловский Г.А.* К вопросу об эволюции древнепалеолитических индустрий // Человек. 1928, № 2/4. С. 1–45.

[41]*Бонч-Осмоловский Г.А.* Итоги изучения крымского палеолита // Тр. II Междунар. КИЧП. М.; Л., 1934. Вып. 5. С. 141–183.

[42]*Ефименко П.П.* Палеолитические стоянки Восточно-Европейской равнины // Там же. С. 88–113; *Он же.* Первобытное общество. Л., 1938.

[43]*Замятин С.Н.* О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода: Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1957. С. 89–152.

[44]*Ефименко П.П.* Некоторые итоги изучения палеолита СССР // Человек. 1928. № 1. С. 45–59.

[45]*Ефименко П.П.* Палеолитические стоянки...; *Он же.* Современное состояние советской науки об ископаемом человека // МЧП. М.; Л., 1950. Вып. 2.

[46]*Ефименко П.П.* Современное состояние советской науки...; *Он же.* Первобытное общество.

[47]*Ефименко П.П.* Первобытное общество; *Он же.* Костенки I. М.; Л., 1958.

[48]*Борисковский П.И.* К вопросу о стадиальности в развитии верхнего палеолита // ИГАИМК. 1932; Т. 14, № 1. *Он же.* Позднепалеолитические памятники Восточно-Европейской равнины и проблемы их исторического освещения // МЧП. М.; Л., 1950. Вып. 2. С. 107–117.

[49]*Борисковский П.И.* Некоторые вопросы развития позднепалеолитической культуры Русской равнины // Палеолит и неолит СССР. (МИА. 1957. Т. 3. № 59. С. 174–190).

[50]*Борисковский П.И.* Некоторые вопросы развития...; *Он же.* Некоторые спорные вопросы периодизации позднего палеолита Русской равнины. Вопросы стратиграфии и периодизации палеолита // Тр. КИЧП. 1961. Т. 18. С. 46–49.

[51]*Борисковский П.И.* Древнейшее прошлое человечества. М., 1980.

[52]*Громов В.И.* Итоги изучения четвертичных млекопитающих и человека на территории СССР // Материалы по изучению четвертичного периода СССР: К докл. сов. делегации на III конф. АИЧПЕ. М.; Л., 1936; *Он же.* Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР: (Млекопитающие, палеолит) // ИГН. Геол. сер. М.; Л., 1948. Вып. 64, № 17.

[53]*Громов В.И.* Принципы построения схемы периодизации палеолита: Вопросы стратиграфии и периодизации палеолита // Тр. КИЧП. 1961. Т. 18. С. 7–21.

[54]*Рогачев А.Н.* Новые данные о стратиграфии палеолита Восточно-Европейской равнины // Палеолит и неолит СССР. (МИА. 1953. № 39).

[55]*Рогачев А.Н.* Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблемы развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // Палеолит и неолит СССР. (МИА. 1957. Т. 3, № 59. С. 9—134); *Он же.* Некоторые вопросы стратиграфии и периодизации верхнего палеолита Восточной Европы: (О принципе геологической стратиграфии при изучении палеолита) // Тр. КИЧП. 1916. Т. 18.

[56]*Рогачев А.Н.* Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района...; *Он же.* Некоторые вопросы стратиграфии и периодизации...; *Он же.* Значение и роль социальной среды в развитии культуры первобытного общества // Природа и развитие первобытного общества на территории европейской части СССР. М., 1969. С. 181—196.

[57]*Громов В.И.* Принципы построения схемы периодизации...; *Кригер Н.И.* Выступления в прениях по вопросу о геологическом возрасте палеолита на совещании по периодизации и стратиграфии палеолита, 1959 г. // Тр. КИПЧ. 1961. Т. 18. С. 189—193.

[58]*Уваров А.С.* Археология России: Каменный период. Т. 1.

[59]*Nikitin S.* Sur la constitutio des dépots guaternaires en Russie et Leurs Relations aux trauvailles: Résultant de l'activité de L'homme préhistorique // Congr. intern. d'archeol. préhist et d'anthrop. q-me ses. Moscou, 1892. P. 1—34.

[60]*Криштафович Н.И.* Станции древнейшего палеолитического человека на территории Европейской России и их геологический возраст // Дневник XI съезда русских естествоиспытателей и врачей. СПб., 1902. № 4. С. 133—134; *Он же.* О геологических исследованиях палеолитических стоянок европейской части СССР летом 1904 г. // Древн. Тр. МАО. 1907. Т. 21, вып. 2. С. 174—183.

[51]*Криштафович Н.И.* Станции древнейшего палеолитического человека...

[52]*Городцов В.А.* Археология. Т. 1.: Каменный период.

[53]*Penck A.* Die alpinen Eiszeitbildungen und der prähistorische Mensch // Arch. Antropol. Braunschroeig, 1903. Bd. 1, H. 2. S. 78—90.

[54]*Boule M.* Les grottes de Grimaldi // Anthropologie. P., 1903. T. 17, N. 3/4. P. 257—289.

[65]*Городцов В.А.* Археология. Т. 1. Каменный период.

[66]*Павлов А.П.* Неогеновые и послетретичные отложения Южной и Восточной Европы // МГООЛЕАЭ. М., 1925. Вып. 5.

[67]*Мирчинк Г.Ф.* О соотношении речных террас и стоянок палеолитического человека в бассейне рек Десны и Сожа // БМОИП. 1929. Т. 7, № 1/2. С. 3—19.

[68]*Мирчинк Г.Ф.*Геологические условия нахождения палеолитических стоянок в СССР и их значение для восстановления четвертичной истории // Тр. II Междунар. конф. КИЧП. М.; Л.; Новосибирск, 1934. Вып. 5. С. 45—54.

[69]*Громов В.И.* Проблема множественности оледенений в связи с изучением четвертичных млекопитающих // ПСГ. 1933. № 7. С. 33—49; *Он же.* Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии...

[70]*Громов В.И.* Итоги изучения четвертичных млекопитающих и человека...

[71]*Мирчинк Г.Ф.* Корреляция континентальных четвертичных отложений Русской равнины и соответствующих отложений Кавказа и Понто-Каспия // МЧП: К докл. сов. дел. на III конф. АИЧПЕ. М.; Л., 1936.

[72]*Ефименко П.П.* Первобытное общество.

[73]*Городцов В.А.* Археология. Т. 1: Каменный период.

[74]*Герасимов И.П.* Вопросы четвертичной палеогеографии на археологической конференции в Киеве в 1939 г. // Проблемы физической географии. М., 1941. Вып. 10. С. 97—104.

[75]*Величко А.А.* Геологический возраст верхнего палеолита...

[76]*Москвитин А.И.* Сравнительно-стратиграфический обзор разрезов плейстоцена европейской части СССР, Польши и Чехословакии, содержавших следы пребывания палеолитического человека: Вопросы геологии антропогена. М., 1961; *Он же.* Выступление в прениях // Вопросы стратиграфии и периодизации палеолита. М., 1961. С. 218—222.

[77] *Веклич М.Ф.* Четвертинні в ідклади правобережжя середнього Дніпра // Тр. Ин-та геол. наук АН УРСР. Сер. геоморф. та четверт. геол. Київ, 1958. Віп. 3; *Величко А.А., Иванова И.К., Муратов В.М.* Геологическая история Русской равнины, Крыма и Кавказа в плейстоцене и возраст палеолитических культур: Природа и развитие первобытного общества на территории европейской части СССР. М., 1969; *Иванова И.К.* Геологические условия нахождения палеолитических стоянок Среднего Приднестровья // Тр. КИЧП. 1959, Вып. 15; *Кригер Н.И.* О геологическом возрасте среднего и верхнего палеолита в бассейнах Волги, Дона и Днепра // Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. М., 1965. С. 157–165.

[78] *Городцов В.А.* Археология. Т. 1: Каменный период.

В.М. ЛОЗОВСКИЙ

РАЗРАБОТКА В.А. ГОРОДЦОВЫМ ТИПОЛОГИИ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ

В общей схеме теории археологии В.А. Городцова типологический метод служит наряду с другими методами (дедукцией, индукцией, археологическим наблюдением и т.д.) инструментом археологического исследования[1]. В фундаментальной монографии "Археология. Том 1. Каменный период". В.А. Городцов определяет типологический метод как второй специальный метод археологического исследования и собственно цель типологии – начальную классификацию предметов, явлений, получаемых в результате раскопок [2].

При разработке основ типологического метода В.А. Городцов использовал достижения своих знаменитых предшественников: О. Монтелиуса, Ж. Дешелетта, Питт-Ривера, Нильса Оберга и др. Прежде чем приступить к обобщающей типологической классификации каменных орудий стоянок эпохи верхнего палеолита, ученый уже имел опыт создания типологии керамики эпохи неолита и бронзы[3] и каменных топоров фатьяновской культуры[4]. Используя этот опыт в сочетании с археологической теорией, Городцов разрабатывает собственно принципы типологического метода.

Его разработки находились под влиянием естественноисторической классификации Линнея. Это отразилось на ее внешней форме, а также на формулировке самого понятия "тип". Под типом Городцов понимал собрание предметов, схожих по назначению, веществу и форме. Все вещественные археологические памятники делились им на категории по назначению типов, на группы – по веществу, на отделы – по форме, свойственной нескольким типам, и основой всего был тип – единая форма, присущая определенным археологическим памятникам[5]. Идеальным в его представлении было собрание чистых типов, но, поскольку это невозможно, он расширил само понятие "тип", вводя для него определение "собрание предметов более или менее близких по своей форме". Данью классификации Линнея явилось предложение использовать в терминологии латинский язык. В.А. Городцов считал, что "конечной целью служит точное определение каждого типа во времени и пространстве, чтобы сообщить каждому типу археологических памятников значение

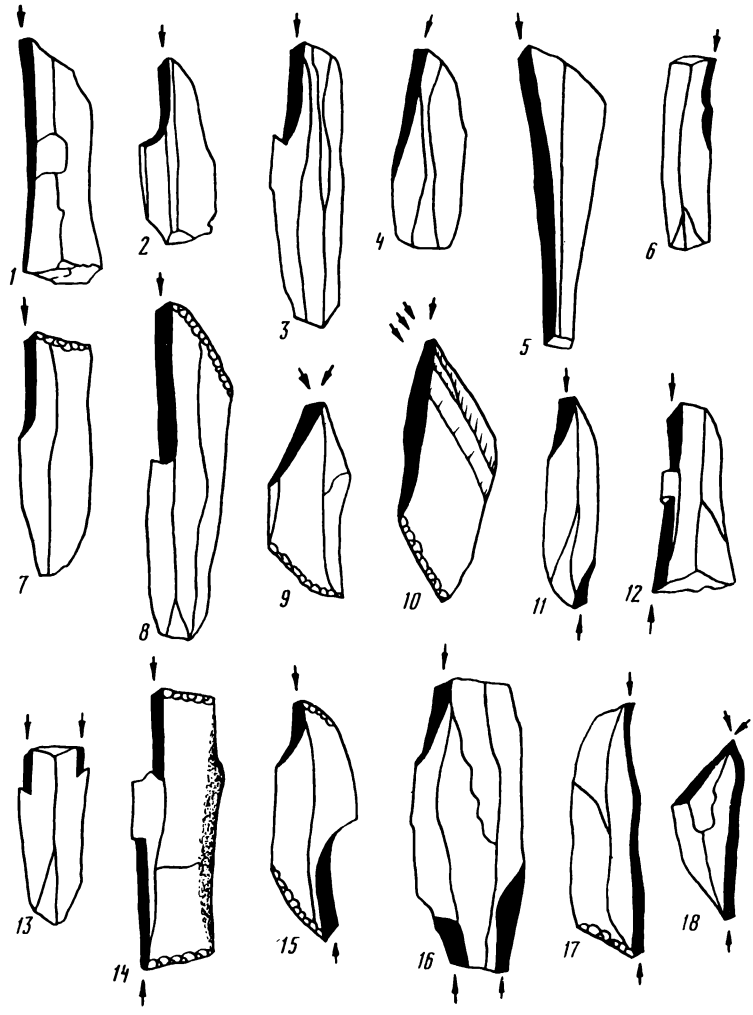


Рис. 1. Отделы (*1—4*) и типы (*5—18*) кремниевых резцов Тимоновской и Супоневской палеологических стоянок (по В.А. Городцову)

иероглифов, по которым можно читать историю материальной и духовной культуры вымерших поколений"[6].

Теоретически разработанная типологическая классификация была впервые подробно применена им при анализе кремневых резцов Тимоновской и Супоневской стоянок (всего 380 предметов)[7]. Эта классификация основывалась прежде всего на технике обработки, выявленной при анализе кремневого инвентаря и на экспериментальной работе. Впервые в ходе экспериментального изготовления резцов В.А. Городцов установил, что резцовые сколы снимались при помощи отбойника удлиненной формы, используя для упора кость животного. По характеру полученных

резцовых граней ученым было выделено четыре типа резцов, что явилось основой его типологии: 1) резцы с прямой боковой гранью – негатив скола идет от вершины к основанию параллельно продольной оси заготовки (рис. 1, *1*); 2) боковая грань излучистая – негатив скола идет от вершины по выгнутой плоскости в бок (рис. 1, *2*); 3) боковая грань заносистая – негатив скола идет от вершины в бок, но, не доходя до конца, дает резкий излом (рис. 1, *3*); 4) боковая грань косая – негатив скола направлен от центра вершины по прямой в бок (рис. 1, *4*).

По размеру заготовок, используемых для изготовления, резцы были дополнительно разделены еще на три типа: малый (до 4 см), средний (4–6 см), крупный (от 6 см и больше). Эти размеры не произвольны, а, как пишет В.А. Городцов, "взяты из множества измерений и наблюдений: они условны, но практически удобны"[8].

Для группировки резцов в отделы (более высший порядок типологической классификации В.А. Городцова) им были взяты такие признаки, как способ подготовки площадки для снятия резцового отщепа и количество резцовых сколов орудия. В соответствии с этим было установлено 13 отделов: 1) одногранный простой – резцовый скол снят с естественного окончания заготовки (рис. 1, *5*); 2) одногранный обрубной – резцовый скол снят с преднамеренно сломанного конца (рис. 1, *6*); 3) одногранный поперечноретушный – резцовый скол снят с площадки, подготовленной ретушью, оформляющей прямой конец заготовки (рис. 1, 7); 4) одногранный косоретушный – резцовый скол снят с площадки, подготовленной ретушью, скашивающей край заготовки (рис. 1, *8*); 5) двухгранный – режущий угол образован двумя резцовыми гранями (рис. 1, *9*); 6) многогранный – режущий угол образован тремя или несколькими гранями (рис. 1, *10*); 7) дублированный простой – резцовые сколы сняты с противоположных, предварительно неподготовленных концов заготовки (рис.1, *11*); 8) дублированный обрубной – резцовые сколы сняты с обоих предварительно обрубленных концов заготовки (рис. 1, *12*) или с одного конца на противоположных боках (рис. 1, *13*); 9) дублированный поперечноретушный – резцовые сколы сняты с противоположных концов, оформленных поперечной ретушью (рис. 1, *14*); 10) дублированный косоретушный – резцовые сколы сняты с концов, оформленных кососкашивающей концы ретушью (рис. 1,*15*); 11) тройной обрубной – резец, имеющий три резцовых скола, два на одном и один на противоположном концах заготовки (рис. 1, *16*); 12) тройной поперечноретушный – расположение резцовых сколов такое же, как в 11 отделе, но концы оформлены поперечной ретушью; 13) комбинации резцов различных отделов на одной заготовке (рис. 1, *17–18*). Следуя дальше типологической классификации, В.А. Городцов подчиняет отделы группам. В отношении анализируемого материала устанавливается только одна группа – резцы, изготовленные из кремня[9]. Таким образом им было выделено 13 отделов и 156 типов.

Дальнейшие работы, проводимые на Тимоновской стоянке, дали огромный материал. В неопубликованной монографии "Тимоновская палеолитическая стоянка" В.А. Городцов указывает, что число кремневых резцов возросло до 7984 экз. Проработав весь этот материал, ученый внес изменения в первоначально предложенную схему классификации. Так,

11 и 12 отделы тройных резцов были объединены с 6 отделом многогранных и сокращено количество типов в 5–11 отделах. В окончательном варианте схемы классификации состояла из 11 отделов и 75 типов. Работа по описанию кремневых резцов с применением типологической классификации оказалось столь удачной, что В.А. Городцов пишет: "Если в 1929 г. для классифицирования и описания 300 резцов Супоневской и Тимоновской палеолитических стоянок у меня потребовалось времени три месяца, то классификация и описание 2511 резцов, добытых раскопками 1933 г., заняло только один мой рабочий день (около 12 часов)"[10].

Кроме категории кремневых резцов, В.А. Городцовым были учтены и подвергнуты типологической классификации все остальные изделия из камня. Если сначала ученым выделялось только 16 категорий кремневых орудий[11], то дальнейшая работа с материалом Тимоновской стоянки позволила расширить их число до 24: 1) нуклеусы, 2) нуклеовидные рубанки, 3) нуклеовидные долота, 4) нуклеовидные топорки, 5) нуклеовидные метательные камни, 6) нуклеовидные ретушеры, 7) ножевидные пластинки, 8) ножевидные пластинки La gravetta, 9) скобели, 10) скребки, 11) пилки, 12) проколки, 13) микролиты, 14) вкладыши, 15) резцы, 16) отщепы от резцов, 17) крупные осколки-топоры, 18) крупные осколки, могущие служить орудиями, 19) плашки, 20) каменные наковальни, 21) отбойники, 22) осколки, 23) лампочки, 24) утюжки[12].

Разработка типологии некоторых категорий находок и сейчас представляет интерес. По В.А. Городцову, категория нуклеусов выделяется как "ядрища, имеющие назначение служить для отделения от них пластин". Они характеризуются присутствием на их верхней части плоскости удара (площадки): без этого признака они не "опознаваемы". В состав группы кремневых нуклеусов входят 1133 экз. По форме В.А. Городцов делит их на четыре отдела: 1) нуклеус пирамидальный; 2) призматический; 3) плитчатый однобокий; 4) плитчатый двубокий. В зависимости от размеров нуклеусы в отделе делятся на типы: малый, средний, крупный.

Нуклеовидные метательные камни насчитывают 236 экз. Эта категория находок определяется Городцовым как "камни хорошо приспособленные к схватыванию и бросанию рукой, а еще лучше, к бросанию из пращи или другого метательного снаряда". Все они изготовлены из нуклеусов. "Форма их разнообразна, но всегда они угловато-занозистые" – пишет исследователь. По форме им выделяются два отдела: дисковидные и овальные.

К категории ножевидных пластинок (10 487 экз.) В.А. Городцовым отнесены "пластинки, которые могут быть использованы в роли ножей". Часть пластин обработана ретушью, часть без этой обработки, но их форма позволяет их использовать в качестве ножей. В категорию кремневых ножевидных пластинок включено пять отделов: 1) прямые пластины, вершины которых более или менее совпадают со средней продольной линией; 2) скошенные, концы пластин более сильно скошены в ту или другую сторону; 3) ланцетовые пластинки, формою напоминающие клинки ланцетов; 4) косоретушные (Chatelperron) – все пластины этого отдела имеют ретушь по обушку; ретушь идет или вдоль всего обушка или только вдоль его верхней части; 5) круторетушные (La gravetta) – узкие ножи всегда с крутой ретушью вдоль всего обушка. В.А. Городцов

отмечал, что "обыкновенно тщательно и изящно обработанные пластинки этого отдела служили ножами для хирургических операций, а также и татуировки, если таковая существовала у тимоновского палеолитического населения".

Для скребков Тимоновской стоянки (1386 экз.) В.А. Городцовым устанавливаются четыре отдела по признаку толщины продольного профиля орудия; 1) низкие – скребки с лезвием тоньше обуха; 2) равные – лезвийная часть по толщине равна обушковой части; 3) высокие – лезвия орудия толще обушковой части; 4) дублированные. По соотношению ширины лезвия к телу орудия проводится деление на типы. В каждом отделе по три типа: узкий – лезвие у́же тела орудия, средний – лезвие равно ширине тела, широкий – лезкие шире тела орудия.

Впервые в отечественной археологии В.А. Городцов выделяет такую категорию находок, как кремневые вкладыши: "четырехугольные или трапециевидные осколки, полученные от расчленения ножевидных пластинок с целью использования их в качестве зубцов деревянных и костяных клинков ножей". Категория включает два отдела: ретушированные вкладыши. Также впервые ученым был изучен такой массовый материал, как осколки, найденный на стоянке в количестве 80 тыс. экз. Он же делит их по размеру на крупные и мелкие, отмечая, что "крупные могли и, наверное, служили орудиями"[13].

Предложенная В.А. Городцовым подробная типология кремниевых орудий (в частности резцов) явилась фактически первой подобного рода работой в отечественной археологии. При ее создании ученый использовал материалы палеолитических стоянок, где в подавляющем большинстве резцы изготовлены из пластин, а такие категории заготовок, как отщепы, осколки и сработанные нуклеусы остались вне его поля зрения. Тем не менее разработки типологической классификации кремневых орудий послужили основой для дальнейших работ в этой области. Предложенное В.А. Городцовым типологическое деление кремневых резцов сохранилось и используется не только для палеолита, но и для других эпох каменного века.

[1] *Викторова В.Д.* Археологическая теория в трудах В.А. Городцова // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 10–11.

[2] *Городцов В.А.* Археология. Т. 1: Каменный период. М.; Пг., 1923. С. 15–17.

[3] *Городцов В.А.* Русская доисторическая керамика. М., 1901.

[4] *Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916. С. 7–25.

[5] *Городцов В.А.* Типологический метод в археологии. Рязань, 1927. С. 6.

[6] Там же. С. 8.

[7] *Городцов В.А.* Техника и типологическая классификация кремневых резцов Супоневской и Тимоновской палеолитических стоянок из раскопок 1928 и 1929 гг. // РАНИОН. М.; Л., 1930. Вып. 5. С. 15–44.

[8] Автор приносит благодарность Д.А. Крайнову за предоставленную возможность ознакомиться и использовать в работе неопубликованную монографию В.А. Городцова "Тимоновская палеолитическая стоянка".

[9] *Городцов В.А.* Техника и типологическая классификация... С. 20–24.

[10] *Городцов В.А.* Тимоновская палеолитическая стоянка. Рукопись.

[11] *Городцов В.А.* Тимоновская палеолитическая стоянка: Результаты археологических раскопок в 1933 г. М.; Л., 1935. С. 19.

[12] *Городцов В.А.* Тимоновская палеолитическая стоянка. Рукопись.

[13] Там же.

Л.В. КОЛЬЦОВ

БУТОВСКИЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ СТОЯНОК БОРКИ И ШУМАШЬ II (ИЗ ФОНДОВ РЯЗАНСКОГО ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ)

Мезолитическая стоянка Борки, находящаяся ныне в черте Рязани, давно и широко известна. Она была открыта в 1878 г. знаменитым русским почвоведом В.В. Докучаевым, который сообщил об этом А.С. Уварову. Последний упомянул ее в своем очерке по каменному веку России[1]. Затем в 1880 г. с дюн на Борковском острове собрал большую коллекцию В.А. Городцов[2]. Им были обследованы различные пункты дюн (особенно Сакор-гора) и раскопаны небольшие участки, давшие разновременный материал, в том числе и мезолитический. Кроме того, в 1883–1885 гг. на одной из Борковских дюн – Сакор-горе проводил работы член Рязанской ученой архивной комиссии А.И. Черепнин. Он тоже указал на наличие на памятнике материалов разных эпох: неолитической и, как он ошибочно считал, палеолитической[3]. В 1885 г. В.А. Городцов вторично обследовал Борковский остров и, в частности, Сакор-гору[4]. В 1923 г. вышла в свет книга В.А. Городцова, в которой он, повторяя уже описанные результаты исследования Борковских дюн, приводит уточненные данные о стратиграфии и условиях залегания мезолитического культурного горизонта[5]. Впервые в отечественной литературе он указал, что культурные слои различного времени на дюнах могут и не смешиваться и залегать в строгой последовательности. Однако в то время еще не было понятия о мезолите применительно к бассейну Оки. Поэтому В.А. Городцов посчитал мезолитический слой ранненеолитическим.

Только в 1941 г. М.З. Паничкиной были опубликованы сборы В.В. Докучаева со стоянки Борки[6]. В 1937–1947 гг. на Борковских дюнах (особенно Сакор-горе) проводил исследования В.И. Зубков. Он подтвердил стратиграфию, установленную для памятника В.А. Городцовым[7]. Такова в общих чертах история исследования памятника. К этому надо добавить, что опубликованы только материалы В.В. Докучаева и В.И. Зубкова, находки же В.А. Городцова и А.И. Черепнина до сих пор не введены в научный оборот.

Кроме названных выше работ, материалы стоянки Борки использовались в ряде обобщающих исследований. Так, М.В. Воеводский отнес ее к волго-окской мезолитической культуре и поместил в число памятников средней поры мезолита[8]. А.А. Формозов в своей периодизации мезолита Восточной Европы отнес Борки ко второй половине мезолита, но не к его концу[9]. Так же он рассматривал Борки и позже[10]. К позднему мезолиту отнес Борки в свое время и автор настоящей статьи[11].

Стратиграфию стоянки Борки (Сакор-гора) В.А. Городцов дал в своей обобщающей работе "Археология". Он приводит следующие данные:

1. Темный, насыщенный углем культурный слой; в верхней его части находки железного века, в нижней – позднего неолита мощностью 0,22–0,70 м.

2. Пепельно-темный слой с находками позднего неолита мощностью 0,09–0,18 м.

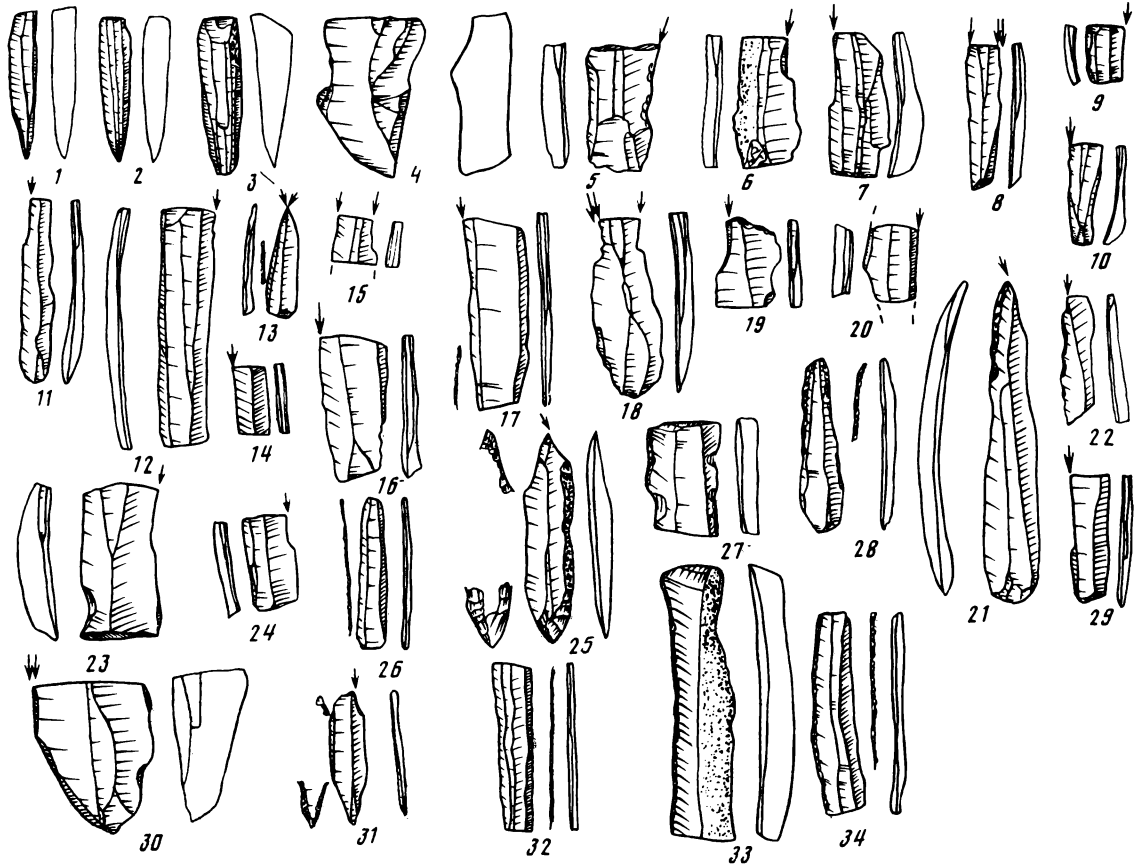
3. Красноватые пески с темными пятнами и прослойками; в нижней части залегал мезолитический горизонт; между поздним неолитом и мезолитом, на глубине 0,35 м от начала слоя найдены два крупных оббитых топора.

Любопытно, что В.И. Зубков, проводивший в 30–40-х годах нашего столетия обследование Борковской стоянки, указывает аналогичную стратиграфию.

В данной статье нет смысла подробно описывать изданный М.З. Паничкиной и В.И. Зубковым материал со стоянки Борки. Он давно и хорошо известен. Напомним только, что в составе этих коллекций были нуклеусы конические одноплощадочные для скалывания пластин или пластин и отщепов с круговым скалыванием, а также призматические двуплощадочные ядрища от пластин с круговым скалыванием. Как видно из описания нуклеусов, основной заготовкой для орудий служили ножевидные пластины. Преобладающим типом скребка был концевой на ножевидной пластине, хотя в достаточном числе встречены и полуокруглые скребки на небольших отщепах. Основной тип резца – на углу сломанной пластины. Однако есть резцы и с ретушированной площадкой скола и срединные. Часть угловых резцов изготовлена на массивных осколках. Выявлен один комбинированный резец: на одном конце заготовки с ретушированной площадкой скола, на другом – на углу сломанной пластины. Наконечники стрел представлены постсвидерскими типами с черешком. Найдены две высокие асимметричные трапеции. А.А. Формозов считает их треугольниками[12], однако обработанные края у этих вещей не смыкаются, поэтому так их назвать никак нельзя. Это именно трапеции. Мы публикуем материалы В.А. Городцова и А.И. Черепнина из сборов на стоянке Борки, находящиеся в Рязанском областном музее. Надо сказать, что, судя по данным всех исследователей, работавших на Борковском острове, мезолитическое поселение было приурочено к одному пункту этого острова – Сакор-горе. По-видимому, эту самую высокую точку острова и облюбовал для своего поселения мезолитический человек.

В фондах Рязанского музея хранятся значительные коллекции из сборов и раскопок на стоянке Борки, произведенных В.А. Городцовым и А.И. Черепниным. Обе коллекции происходят из одного пункта Борковских дюн – Сакор-горы. Поэтому при описании мы объединяем их. Основным сырьем при изготовлении представленных орудий служил местный валунный кремень разных сортов и оттенков, но ряд вещей сделан из мелового кремня высокого качества, вероятно, из верхнеокских месторождений.

О характере раскалывания кремня можно судить по нуклеусам, имеющимся в коллекциях. Среди них пять конических нуклеусов от ножевидных пластин (рис.1, *1–3*), одноплощадочных, как правило, с подправленными площадками. У трех экземпляров площадки скошены, у двух – перпендикулярны продольной оси орудия. В сборах еще три скола с площадок таких же, вероятно, нуклеусов. Скалывание заготовок с таких ядрищ производилось по всему периметру, они долго были в употреблении, поэтому сильно сработаны. Кроме того, в коллекции есть


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34

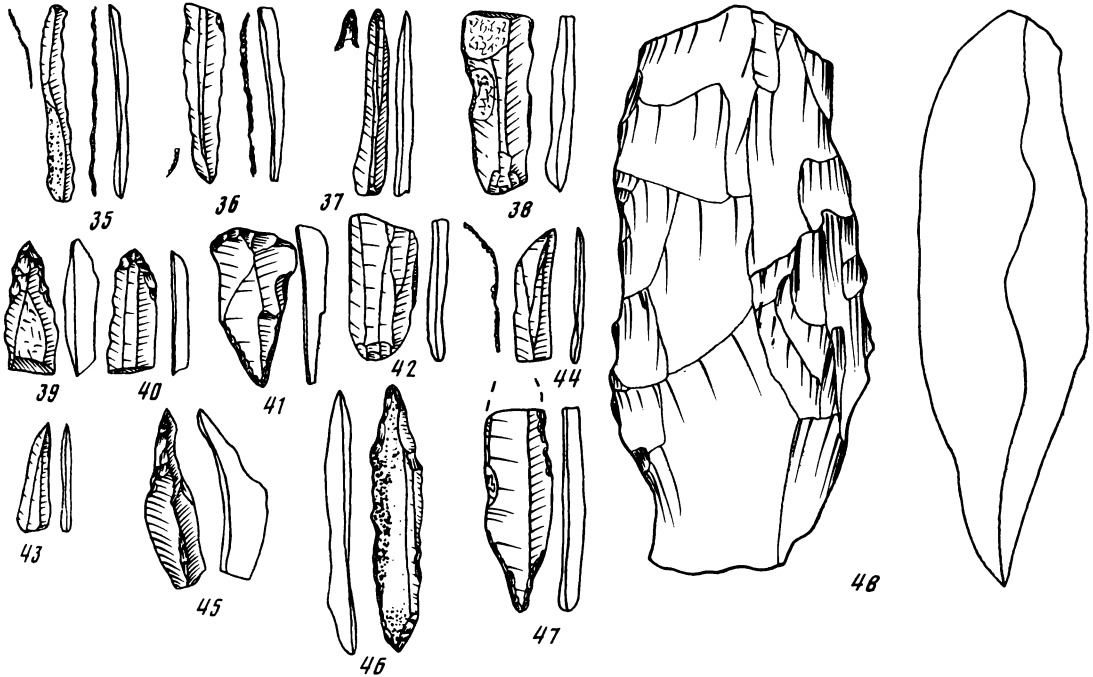
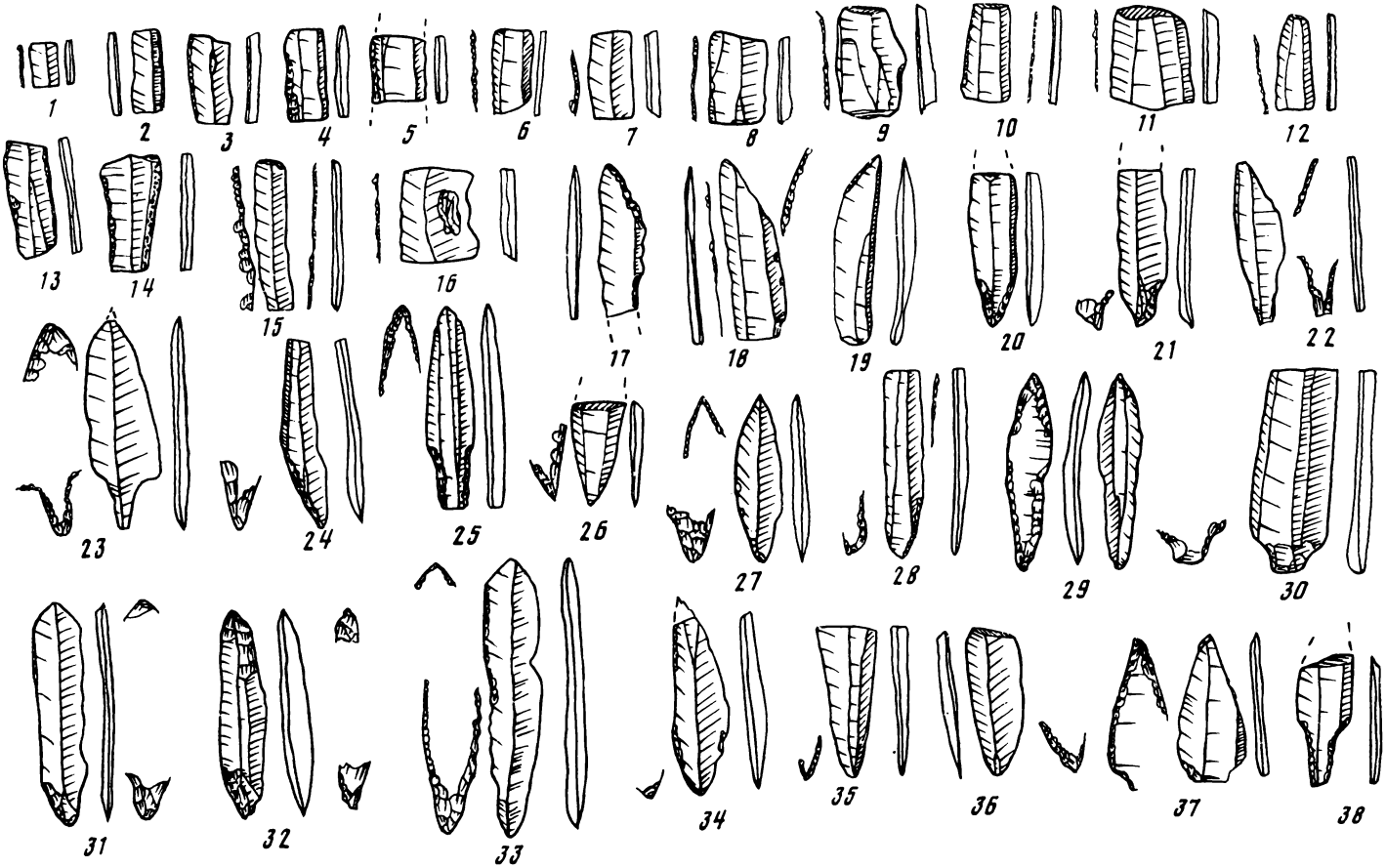


Рис. 1. Мезолитические материалы стоянки Борки
(масштаб 2:3)


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38

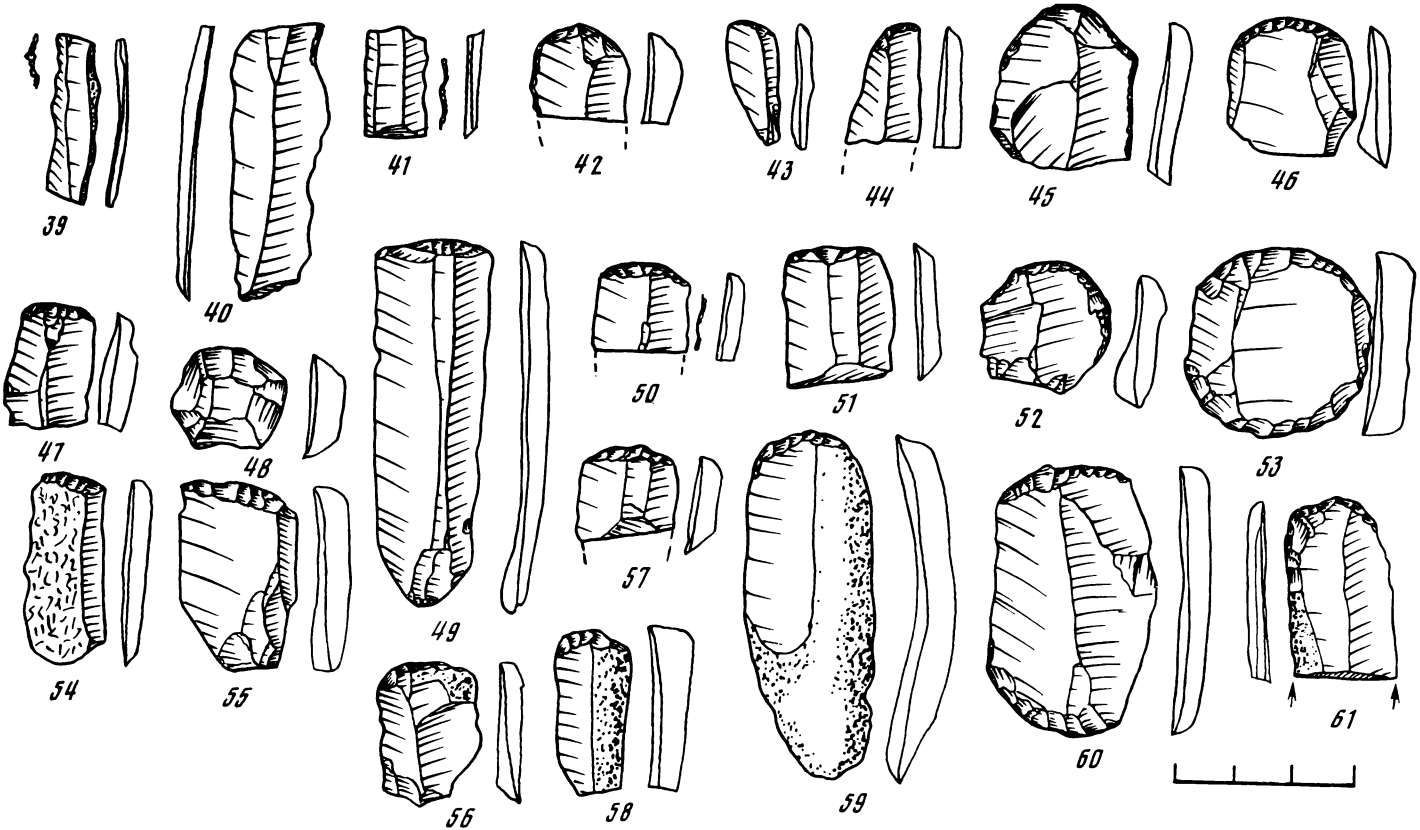


Рис. 2. Мезолитические материалы стоянки Борки

один уплощенно-призматический нуклеус от пластин и отщепов (рис.1, *4*). Он двуплощадочный, одна из площадок скошена, другая перпендикулярна плоскости скалывания. Обе не обработаны, скалывание производилось с двух сторон.

Основной заготовкой служила ножевидная пластина, хотя ряд орудий изготовлен на отщепах, осколках и кусках кремня.

В коллекции 20 скребков. Восемь из них скошенные (рис.2, *43, 44, 54–56, 59*). Пять изготовлены на пластинах, один на пластинчатом отщепе, остальные на отщепах. Рабочие лезвия у большинства выпуклые, только у одного прямое. Ретушь, формирующая их, как правило, крутая, только у одного экземпляра она полукрутая; при этом фасетки у большинства среднего размера, правда, у одного скребка ретушь мелкая, а у другого крупнофасеточная, семь скребков концевых (рис.2, *46–51, 58*). Все они на пластинках, кроме одного, который изготовлен на отщепе. Рабочие лезвия, по преимуществу выпуклые, лишь у двух экземпляров они почти прямые. Ретушь у большинства крутая, у двух экземпляров полукрутая. Фасетки в большинстве случаев среднего размера, однако есть и крупные. Один скребок, концевой, с небольшим выступом на рабочем лезвии (рис.2, *57*), изготовлен на обломке пластины. Его выпуклое рабочее лезвие оформлено крутой среднефасеточной ретушью. В коллекции, кроме того, есть полукруглый скребок на отщепе (рис.2, *52*), который тоже несет среднефасеточную ретушь и подокруглый скребок на сколе с нуклеуса (рис.2, *48*), рабочий край которого оформлен грубыми сколами. Есть и два двойных скребка: один из них (рис.2, *53*) на отщепе, имеет два выпуклых рабочих лезвия, сформованных крутой крупнофасеточной ретушью. Второй, изготовленный на пластинчатом отщепе (рис.2, *60*),имеет одно лезвие с небольшим выступом, другое выпуклое, оба лезвия скошены, сформованы крутой средне- и крупнофасеточной ретушью.

Встречены комбинации скребков с различными другими орудиями. Это прежде всего скребок с выступом и с ретушью, заходящей на боковой край (рис.2, *61*), изготовленный на пластине. Рабочее лезвие скребка выпуклое, с небольшим выступом, сформовано крутой среднефасеточной ретушью. Более пологой крупнофасеточной ретушью оформлена часть бокового края. Резцовые сколы длинные, узкие, нанесены с противоположного скребковому лезвию конца пластины, по обоим краям. Второй концевой скребок на пластине несет мельчайшую крутую ретушь по одному краю на спинке (рис.2, *50*). Третий концевой скребок на пластине имеет крутую среднефасеточную ретушь на спинке по одному краю (рис.2, *42*). Один из концевых скребков на отщепах (рис.2, *45*) имеет по одному краю мелкофасеточную крутую ретушь, а по другому несколько средних фасеток пологой ретуши.

24 резца изготовлены на пластинках. Только один резец сделан из сработанного нуклеуса. Подавляющее большинство их относится к типу на сломанном конце заготовки (рис.1, *5–12, 14–18, 20, 22–24, 29–31*). Резцовые сколы у основной массы орудий узкие и короткие (длинные редки), но есть сколы и средней ширины. Среди этого типа встречается двойное орудие на одном конце заготовки. Часть этих резцов скомбини-

рована с другими орудиями. Так, у одного из них на боковом краю сформованы полукрутой среднефасеточной ретушью две узких и мелких выемки: орудие служило, вероятно, и скобелем (рис.1, *5*). Еще у одного резца такая же выемка, но более широкая, крупнофасеточной крутой ретушью сформована на углу, противоположном резцовому сколу (рис.1, *23*). Наконец, один резец этого типа изготовлен на сломанном наконечнике. Наконечник черешковый, черешок обработан мелкой крутой ретушью по краям и на брюшке. Остаток острия пера несет несколько фасеток плоской мелкой ретуши (рис.1, *31*). Кроме того, в коллекции есть резцы других типов. Это прежде всего срединный резец на пластинке, которая несет на брюшке по одному краю несколько фасеток мелкой крутой ретуши (рис.1, *13*). Рабочее лезвие резца получено двумя короткими и узкими резцовыми сколами. Один резец на пластинке относится к типу косоретушных (рис. 1, *19*). Резцовый скол длинный и довольно широкий. Скошенный конец пластины затуплен среднефасеточной крутой ретушью. Еще два резца относятся к типу поперечных (рис.1, *21, 25*). Один из них изготовлен на пластине, часть края которой, прилегающего к резцовому сколу, обработана полукрутой широкофасеточной ретушью. Резцовый скол короткий, довольно широкий. Второй такой резец изготовлен на сломанном наконечнике. Наконечник иволистный. Острие и перо на брюшке обработаны полукрутой широкофасеточной ретушью. Черешок на спинке подправлен такой же крутой ретушью по одному краю. Резцовый скол короткий и узкий.

Микролитическая группа представлена в основном вкладышами из сечений пластин. Их в коллекции 28 экз. Характер обработки этих орудий различен. Часть из них имеет мелкую крутую ретушь на спинке и по одному краю целиком (рис.2, *2, 3*). У других край на спинке затуплен среднефасеточной ретушью (рис.2, *4, 5, 14*). Иногда мелкая крутая ретушь затупливает один край целиком на брюшке (рис.2, *1, 6–9, 11, 12, 16*). Встречаются вкладыши с мелкой противолежащей затупливающей ретушью (рис.2, *10*) и с такой же ретушью на двух краях спинки (рис.2, *13*). Особо хотелось бы отметить пластинку, у которой один из концов слегка скошен мелкой крутой ретушью, один из краев на брюшке затуплен такой же ретушью, а другой край обработан на брюшке плоской среднефасеточной ретушью (рис.2, *15*). Группа острий невелика: их всего 3 экз. У одного из них конец сильно скошен мелкой крутой ретушью (рис. 2, *19*). У другого конец тоже сильно скошен крутой среднефасеточной ретушью, а другой конец, обломанный, имеет вид выемки у основания, сформован крутой мелкой ретушью (рис.2, *17*). У третьего конец сильно скошен полукрутой среднефасеточной ретушью на брюшке (рис.2, *18*).

Большой серией представлены в коллекции наконечники стрел. Их 19 экз. Все они изготовлены на пластинках. Однако характер обработки их различен. Опишем сначала целые или почти целые орудия. Среди них несколько иволистных по форме наконечников. У одного из них плоской ретушью на брюшке обработаны черешок и перо, а полукрутой – острие по двум краям и черешок по одному (рис.2, *32*). Второй имеет одну крутую плоскую фасетку на острие брюшка и полукрутую ретушь на его черешке, а также на спинке по одному краю (рис.2, *31*). Третий имеет

слегка скошенное крутой мелкой ретушью на спинке острие, зато брюшко обработано у него почти по всему периметру полукрутой ретушью (рис.2, *29*). К тому же типу относятся несколько фрагментированных наконечников. У одного из них крутой среднефасеточной ретушью обработан только черешок на спинке (рис.2, *20*). Еще у трех полукрутой ретушью черешок обработан на брюшке (рис.2, *26, 35, 36*). Один из наконечников с отломанным острием несет крутую противолежащую ретушь на черешке и части пера по одному краю брюшка (рис.2, *28*). Другой такой же наконечник имеет на черешке брюшка две фасетки плоской ретуши и частично ретушированные крутой мелкой ретушью края (рис. 2, *34*). Вторую группу наконечников составляют черешковые формы. Они тоже обработаны по-разному. У одного из них черешок оформлен мелкой крутой ретушью по одному краю спинки и полукрутой среднефасеточной ретушью по краям брюшка (рис. 2, *22*). Острие пера у этого наконечника скошено крутой среднефасеточной ретушью на брюшке. Второй наконечник с хорошо выделенным полукрутой среднефасеточной ретушью по краям брюшка черешком несет еще крупную плоскую ретушь на острие брюшка (рис. 2, *23*). Третий имеет крутую среднефасеточную ретушь по краям спинки на черешке и такую же полукрутую по краям брюшка на острие (рис. 2, *25*). Четвертый, у которого черешок только намечен с одной стороны, имеет несколько фасеток крутой мелкой ретуши на спинке черешка по одному краю. Зато на брюшке он подправлен на черешке почти плоской крупнофасеточной ретушью. Острие заострено крутой мелкой ретушью по краям брюшка (рис.2, *27*). Следующий наконечник имеет крупно- и среднефасеточную полукрутую ретушь на брюшке черешка и нижней трети пера. Острие у него сформовано мелкой крутой ретушью на брюшке. Крутой среднефасеточной ретушью подправлена часть одного края пера (рис. 2, *33*). Еще один почти целый наконечник несет крутую ретушь по одному краю брюшка целиком, а по другому до половины от острия к черешку (рис. 2, *37*). На спинке у него слегка подправлены острие и черешок по одному краю. Встречено несколько сломанных черешковых наконечников. У одного из них на черешке плоская крупно- и среднефасеточная ретушь на брюшке и полукрутая среднефасеточная по одному краю спинки (рис.2, *21*). Второй, видимо, не совсем удавшийся, имеет странную скошенную форму черешка. Асимметричность ему придала крупнофасеточная полукрутая ретушь по одному краю. На брюшке черешок обработан такой же ретушью по двум краям (рис.2, *24*). У третьего фрагмента полукрутой ретушью обработано брюшко на черешке и слегка крутой ретушью подправлен один край спинки (рис.2, *30*). Последний фрагмент с хорошо выделенным крутой ретушью черешком на спинке (рис. 2, *38*).

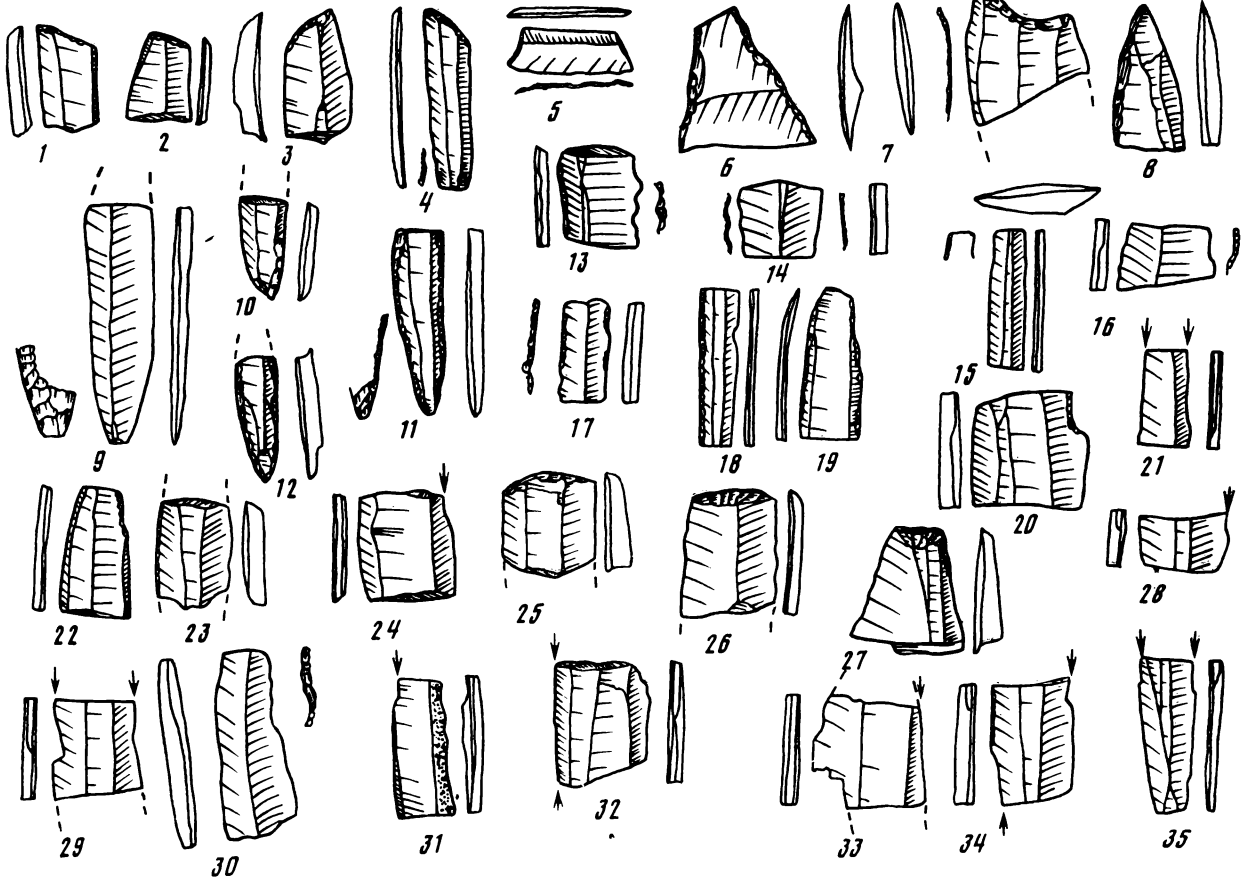
В коллекции девять орудий, которые можно считать ножами. Все они на пластинках. Обработка их различная. У двух из них мелкой крутой ретушью затуплен на брюшке край, противоположный рабочему (рис.1, *26, 32*). У двух этот край обработан так же, но на спинке (рис.1, *33, 42*). У одного один край затуплен крутой ретушью на спинке, а другой (не полностью) подправлен полукрутой ретушью на брюшке (рис.1, *34*). У шестого ножа на спинке два края не полностью ретушированы полукру-

то, а один из них еще так же и на брюшке (рис.1, *28*). Седьмой нож имеет крутую мелкую ретушь на одном крае брюшка полностью, а на другом частично (рис.1, *35*). Один нож имеет изогнутый край, затупленный мелкой ретушью на брюшке (рис.1, *44*). И последний (может быть, пилка) имеет среднефасеточную плоскую ретушь на брюшке по одному краю и частично крутую по другому (рис. 1, *36*). Скобели (8 экз.) довольно однотипны. Они все на пластинах. Имеют широкие и мелкие выемки, сформованные обычно полукрутой ретушью на спинке или на брюшке (рис.1, *27*; 2, *39–41*).

Сверла (4 экз.) все на пластинках, симметричные. Почти все не имеют выделенной рабочей части. У трех из них рабочие концы оформлены крутой крупнофасеточной ретушью по краям спинки (рис.1, *39, 40*). Одно из них двойное (рис.1, *46*). У четвертого рабочий конец оформлен крутой ретушью на брюшке (рис.1, *37*) и слегка выделен. Из двух проколок одна слегка асимметричная, изготовлена на пластинке. Невыделенное жальце и частично края оформлены крутой мельчайшей ретушью (рис.1, *43*). Вторая проколка на ребристой пластине. Она симметричная. Невыделенное жальце только на самом кончике оформлено мелкой крутой ретушью (рис.1, *45*). Следует остановиться еще на трех орудиях. Один слегка скошенный концевой скребок, изготовленный на пластинчатом отщепе, несет на конце, противоположном скребковому лезвию, рабочий конец сверла (рис.1, *41*). Лезвие скребка оформлено крутой крупнофасеточной ретушью, невыделенный, слегка асимметричный рабочий конец сверла крутой среднефасеточной. Кроме того, на одном из боковых краев орудия мелкая и узкая выемка, сформованная крутой ретушью; орудие, вероятно, служило еще и скобелем. Сломанная на одном конце пластина несет на краю несколько фасеток плоской ретуши (рис.1, *47*). Вероятно, она употреблялась в качестве ножа. Другой, целый конец пластины выделен в виде массивной рабочей части симметричного сверла крутой среднефасеточной ретушью на спинке. Третье орудие – это очень массивное тесло, оббитое грубыми сколами по обеим поверхностям (рис.1, *48*). Обух практически не подправлен, узкое лезвие сформовано боковым сколом типа транше. Тесло, по-видимому, не было в работе.

Таким образом, перед нами комплекс, типичный для поздних этапов бутовской культуры. Об этом говорят следующие признаки. Прежде всего это характер раскалывания кремня: в коллекции только нуклеусы подконические и карандашевидные главным образом от пластин. Основной заготовкой орудий служит пластина. Наконечники стрел представлены только поздними постсвидерскими типами. Преобладают различные модификации концевых скребков. Резцы главным образом типа на углу сломанной пластины. Ножи выдержанной формы. Широко представлены вкладыши. Сверла и проколки в основном симметричные, что очень характерно для бутовской культуры. Представлены, хотя и в небольшом числе, острия со скошенным концом. О позднем возрасте стоянки в пределах бутовской культуры говорит наличие оббитого тесла.

Мезолитические материалы со стоянки Шумашь II (сборы В.А. Городцова и Н.Н. Говорова) дают нам очень интересный и выразительный комплекс находок. В качестве сырья использовался главным образом мест-


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35

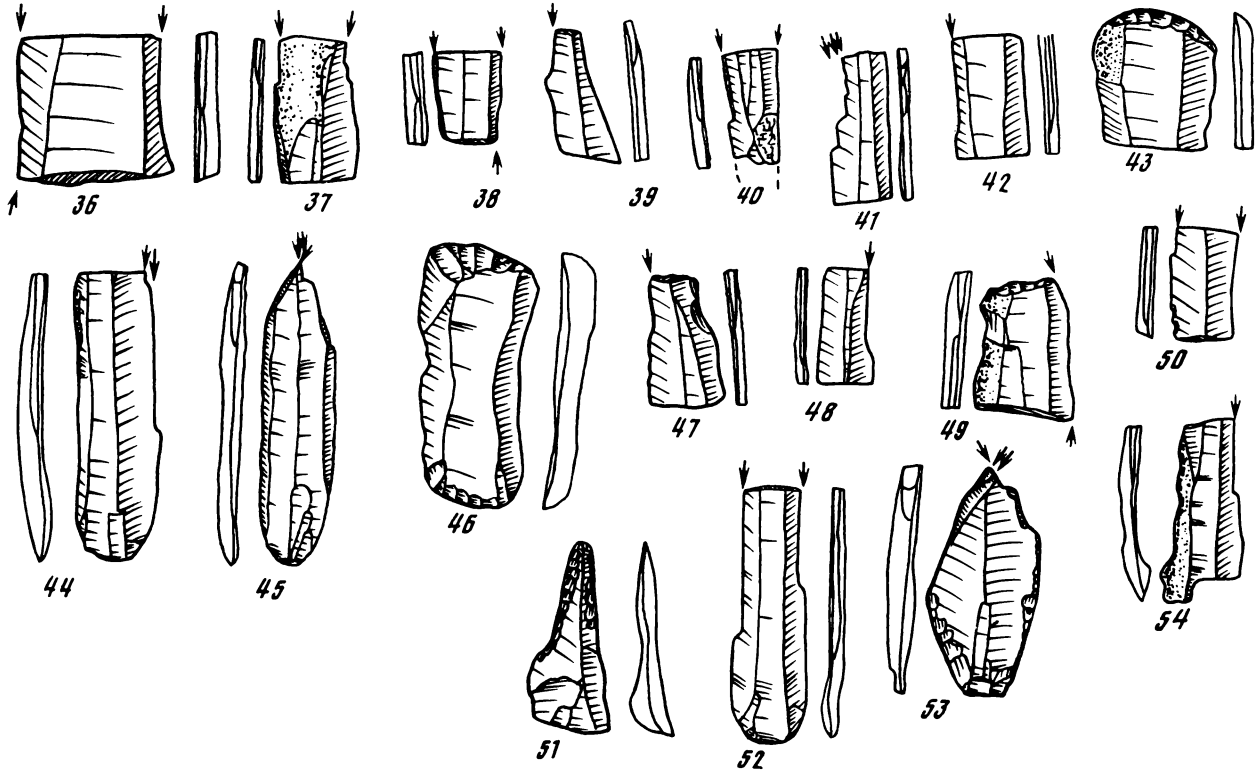


Рис. 3. Мезолитические материалы стоянки Шумашь II
(масштаб 1:1)

ный валунный кремень разных цветов. Однако некоторые орудия изготовлены из мелового кремня высокого качества. Основной заготовкой служила ножевидная пластина: практически все орудия на ножевидных пластинах. В составе коллекции семь скребков. За исключением одного, все они концевые. Рабочие лезвия, как правило, выпуклые, оформлялись среднефасеточной крутой (в одном случае полукрутой) ретушью (рис. 3, *25–27, 43*). Один скребок двойной скошенный, имеет крутые выпуклые рабочие лезвия, оформленные крупно- (одно лезвие) и среднефасеточной ретушью (рис. 3, *46*).

Очень широко на стоянке представлена группа резцов. Их 35 экз. В подавляющем большинстве они относятся к типам на углу сломанной пластинки. Среди них 11 боковых резцов и 8 угловых. Резцовые сколы, как правило, узкие, хотя встречаются и средние (рис. 3, *24, 28, 31, 33, 39, 41, 42, 44, 47, 48, 54*). К этому же типу относятся 9 двойных резцов (рис. 3, *21, 29, 32, 34, 35, 37, 40, 50, 52*), причем у 7 экз. резцовые сколы нанесены на двух углах на одном конце заготовки, при этом два из них боковые, три угловые, а два боковые–угловые. У одного углового резца сколы нанесены на одном краю с разных концов заготовки, а у последнего – по диагонали (этот последний экземпляр, будучи угловым резцом, несет по краю тонкую ретушь, характерную для вкладышей). Два резца этого же типа тройные (рис. 3, *36, 38*), при этом у них по два лезвия угловых и по одному боковому. Кроме перечисленных, в коллекции два срединных резца (рис. 3, *45, 53*). У обоих лезвие сформировано тремя резцовыми сколами. У одного из этих орудий на обоих боковых краях пологая ножевая ретушь (на одном краю крупнофасеточная, на другом мелкая). И, наконец, последний резец (рис. 3, *49*) относится к типу комбинированных: на одном конце это косоретушированный угловой резец, на другом – угловой резец на сломанном конце заготовки.

Очень интересна микролитическая группа орудий стоянки. Это прежде всего высокая асимметричная трапеция (рис. 3, *6*), с почти прямыми ретушированными крутой среднефасеточной ретушью краями. Основания трапеции не параллельны, короткое основание почти в 2,5 раза короче длинного. Нижнее основание прямое. Следов работы на орудии нет, поэтому можно считать его наконечником с поперечным лезвием. Вторая трапеция (рис. 3, *5*) низкая, симметричная, с одним прямым, другим вогнутым ретушированными мелкой ретушью краями. Нижнее основание выпуклое, имеет волнистый характер, брюшко по всей длине обработано мелкой крутой ретушью. По-видимому, это орудие служило вкладышем. Возможно, что одно сломанное орудие (рис. 3, *7*) тоже было трапецией. Один из концов пластины, на которой сделано орудие, несет на спинке полукрутую крупнофасеточную ретушь, расположенную так, что этот конец приобретает вогнутый вид. Один из боковых краев (если это орудие было трапецией, этот край был нижним основанием), имеющий выпуклую форму, на брюшке покрыт мелкой крутой ретушью на всю длину.

Группа изделий имеет ретушированные углы (рис. 3, *15, 20, 22, 30*). У двух из них мелкая ретушь располагалась на спинке, у двух других на брюшке (у одного из последних ретушь среднефасеточная).

В количестве 48 экз. в коллекции представлены пластины–вкладыши с ретушью по краю (рис. 3, *17, 18, 23*). Характер их обработки абсолютно одинаков, это, как правило, мелкая крутая ретушь по одному краю, на спинке или на брюшке. Только у одного экземпляра характер обработки несколько иной: по одному краю брюшка идет среднефасеточная, совершенно плоская ретушь. На спинке по этому же краю идет крутая мелкая ретушь (не полностью). Другой край в двух местах спинки частично затронут такой же ретушью.

Наконечники стрел представлены 4 экз. (к сожалению, у всех сломано острие пера). Характер их обработки различен. У одного иволистного экземпляра брюшко обработано почти целиком плоской отжимной ретушью, что придает ему характер свидерских наконечников (рис. 3, *9*). Второй обломок обработан по черешку крутой крупнофасеточной ретушью на спинке (рис. 3, *10*). Третий имеет крутую среднефасеточную ретушь на спинке по периметру (рис. 3, *12*). И, наконец, четвертый имеет такую же на спинке, один край покрыт мелкой крутой ретушью на брюшке, и, кроме того, черешок несет несколько фасеток плоской крутой ретуши (рис. 3, *11*).

Четыре острия имеют в разной степени скошенный мелкой или среднефасеточной ретушью конец (рис. 3, *1–4*). У одного из них на брюшке мелкой крутой ретушью подправлен угол. Пятое острие (рис. 3, *8*) имеет скошенный полукрутой крупной ретушью край.

Единственное слегка асимметричное сверло с выделенной рабочей частью обработано по краям крупнофасеточной полукрутой ретушью (рис. 3, *51*).

Скобель имеет широкую и неглубокую выемку, обработанную мелкой крутой ретушью на брюшке (рис. 3, *16*).

В коллекции представлены и комбинированные орудия. О комбинациях резцов и острий с другими формами мы уже упоминали. Существуют еще комбинации со скобелями (рис. 3, *13–14*). Выемки скобелей в этом случае мелкие и узкие, всего их две, обработаны в одном случае крутой мелкой, а в другом полукрутой среднефасеточной ретушью.

Единственным экземпляром в коллекции представлен обломок ножа, у которого оба края покрыты очень мелкой приостряющей ретушью (рис. 3, *19*).

Таким образом, основные черты этого комплекса выражаются в резком доминировании пластинчатой техники, господстве резцов над скребками, причем среди последних встречаются только варианты концевых форм, в преобладании среди резцов форм на углу сломанной пластинки, в наличии наконечников стрел на пластинах иволистной формы, геометрических форм орудий, скошенных острий, незначительном числе скобелей и большом количестве однородных вкладышей с ретушью по краю. Все эти черты позволяют отнести Шумашь II к позднему этапу бутовской культуры.

Эти новые материалы дополняют наши сведения о мезолите Оки, которые пока остаются еще довольно скудными. Остается надеяться, что в ближайшие годы в связи с расширением исследований в бассейне Оки мы получим здесь более полную картину мезолитической эпохи.

В заключение хотелось бы отметить значение работ В.А. Городцова на Оке для изучения мезолита. Он первым в отечественной археологии доказал, что в песчаных отложениях, на террасах и дюнах, должны сохраняться и сохраняются неразрушаемые развеиванием или другими естественными процессами участки, сохраняющие стратиграфию. Именно на стоянке Борки В.А. Городцов искал и нашел их. В своей книге он упоминает об оставшихся неразрушенными участках и на других стоянках берегов Оки – Ужалье, Дубровичи. И там В.А. Городцов выделял докерамические слои. Исследования последних лет подтвердили правоту В.А. Городцова по вопросу сохранности хотя бы части стратиграфии памятников первобытности в песчаных отложениях.

Несомненной заслугой В.А. Городцова является выделение мезолитических комплексов на ряде окских стоянок (правда, как уже отмечалось, в то время не существовало понятие "мезолит", и он называл их раннеонеолитическими). Тем не менее он совершенно верно оценил их отличие от памятников развитого неолита с керамикой, что нашло подтверждение в наше время. Исследования В.А. Городцова на стоянках Рязанского течения Оки, безусловно, дали толчок развитию наших сведений о мезолите в Волго-Окском междуречье и это ярко проявилось уже вскоре после Великой Октябрьской революции.

[1]*Уваров А.С.* Археология России: Каменный период. М., 1881. Т. 1. С. 283.

[2]*Городцов В.А.* Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки // Тр. XII АС в Харькове 1902 г. М., 1905. Т. 1. С. 579–587.

[3]*Черепнин А.И.* Местная старина // Тр. Ряз. АК. 1894. Т. 9. вып. 1. С. 3–12.

[4]*Городцов В.А.* Материалы для... С. 187–588.

[5]*Городцов В.А.* Археология. Т. 1.: Каменный период. М.; Пг., 1923. С. 330–332.

[6]*Паничкина М.З.* Мезолитическая стоянка Борки // МИА. 1941. № 2. С. 149–157.

[7]*Зубков В.И.* Новые сборы на Борковской мезолитической стоянке // КСИИМК. 1950. Вып. 32. С. 141–150.

[8]*Воеводский М.В.* Мезолитические культуры Восточной Европы // Там же. Вып. 31.

[9]*Формозов А.А.* Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР // СА. 1954. Т. 21.

[10]*Формозов А.А.* Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959. С. 81.

[11]*Кольцов Л.В.* Мезолит Волго-Окского междуречья; Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1965. С. 10, 12.

[12]*Формозов А.А.* Проблема этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977.

А.В. ЭНГОВАТОВА

ТРУДЫ В.А.ГОРОДЦОВА ПО ИЗУЧЕНИЮ НЕОЛИТА БАССЕЙНА р. ОКИ

"Имею честь уведомить Ученую Архивную Комиссию, что в минувшем 1888 г. мною открыты в окрестностях с.Дубровичи Рязанской губернии и уезда, на месте, называемом Борок, остатки селения доисторического человека..."[1] – с этого заявления, поступившего 11 июня 1889 г. в Рязанскую Ученую Архивную Комиссию, начался научный путь 29-летнего поручика 11 гренадерского фанагорийского полка Василия Алексеевича Городцова.

Во второй половине XIX в. в России наблюдается необычайный интерес к истории и археологии. Создаются археологические общества, издаются труды, проводятся съезды*. Активно действует провинициальная интеллигенция. Созданы, например, Одесское Археологическое общество, Общество Истории и Древности при Казанском университете, Архивные Комиссии в Пскове, Рязани, Ярославле и т.д.

Конечно,число публикаций и докладов, посвященных первобытности, невелико. Но исследованиями в этой области уже занимались такие видные ученые, как К.С. Мережковский и И.С. Поляков[2], вышли книги А.А. Иностранцева[3] и А.С. Уварова[4].

Большое количество переводной литературы открывало широкие возможности для самообразования (выходили труды по первобытной истории и этнографии Д. Леблока, Э. Тейлора, И. Ворсо, К. Фогта и др.).

В 70–80-х годах многие земские деятели, интересующиеся историей, собирали "коллекции древностей". Об уровне этих исследований можно судить по истории первых раскопок В.А. Городцова. Право производить раскопки на стоянках, впоследствии открытых В.А. Городцовым в местечке Борки, оспаривали члены Рязанской Архивной Комиссии Н.Н. Баженов и А.В. Селиванов. Первым раскопки осуществил рязанский доктор Н.Н. Баженов. В.А. Городцов, присутствовавший там, как описывал это действие:"Все эти работы носили характер поспешности: большая и самая важная канава была доведена только до половины требуемой глубины и оставлена ради рытья других малых канав... проработав таким образом не более 3 часов, г-н Баженов отправился в с.Дубровичи и занялся скупкой орудий, находившихся у крестьян"[5]. Так и недокопав раскоп, Н.Н. Баженов вскоре уехал за границу. В Париже он сделал доклад о стоянке и передал некоторые орудия в иностранные музеи. В это

---

* Изданы 46 томов годичных отчетов Археологической Комиссии, 37 томов Материалов по археологии России, 66 томов Известий Археологической комиссии, 26 томов Записок Русского Археологического общества, 46 томов Записок Русского Археологического общества, 46 томов Записок отделений, 22 тома Трудов и 10 томов Известий Русского Археологического общества. Московское археологическое общество издало 25 томов Древностей основной серии и свыше 25 выпусков по отделениям, 14 томов Материалов по археологии Кавказа, Труды Всероссийских археологических съездов составили серию в 40 томов – все это свидетельствует о бурной научной деятельности в России в конце XIX в.

время в результате полного провала раскопок Н.Н. Баженова, поручик Фанагорийского полка, в "свободное от маневров время" сам занялся раскопками у с. Дубровичи, Шумашь, Алеканово и Муромино. Через несколько месяцев В.А. Городцов сделал свой первый доклад, сопровождая его демонстрацией коллекции кремневых орудий[6], полученных при раскопках, сборах и опросе местных жителей[7].

Чисто "книжное" образование В.А. Городцова совершенно очевидно по его первым публикациям[8]. Методика раскопок в начале также далека от совершенства: "по дну полуспущенного пруда (где, по мнению В.А. Городцова, был центр стоянки) рабочие шли цепью и собирали орудия и осколки кремня руками"[9]. И тем более замечательно, что благодаря своей наблюдательности, "желанию понять памятник" В.А. Городцов вскоре уже ставил такие вопросы, делал такие наблюдения и выводы, над которыми не задумывались "компетентные и подготовленные для данной цели люди". Уже через два года попечитель Ярославской Ученой Архивной Комиссии обращается к В.А. Городцову с просьбой принять на себя ведение раскопок памятников каменного века ввиду его "опытности в этом деле"[10]. Несомненно, личные качества исследователя в столь быстром продвижении сыграли не последнюю роль.

Опираясь на труды А.А. Иностранцева и А.С. Уварова, В.А. Городцов пошел намного дальше, пытаясь дать комплексную реконструкцию жизни первобытного человека. Задачей ученого было "составить понятие как о быте населения, так и о времени его существования", "определить границы владения племени, оценить его роль в истории человеческой культуры"[11], т.е. В.А. Городцов ставил проблему человека, его образа жизни, взаимоотношения с природой, проблему особо актуальную для современного этапа исследований[12].

При исследованиях В.А. Городцов часто использовал дедуктивный метод в сочетании с индуктивным, что позволило ему делать обобщения и смелые выводы, намного опережавшие свое время. Первые работы ученого, посвященные анализу материалов неолитических поселений, отличает так называемая городцовская методика, когда "правильность идей, гипотез проверяется не их общезначимостью и не собственно здравым смыслом, а новыми наблюдениями, новыми фактами действительности"[13].

Комплексность задач исследования определяла и подход к памятнику. В.А. Городцов всегда пытается реконструировать его "экологию", придавая этому большое значение. Так, о Воронецкой стоянке он пишет: "Берега (Оки) были вдвое... или более чем вдвое ниже современных, а следовательно, сырые и болотистые, такие берега должны изобиловать богатой флорой и фауной"[14]. "Если реставрировать первоначальный вид стоянки (Панфилово), то следовало бы представить ее на берегу Оки, между впадающих в нее рўчьев, или на дельте одного ручья, имевшего два устья"[15]. Отмечая особую ценность жизни рядом с водой для неолитических жителей, В.А. Городцов говорит, наблюдая местоположение Галической стоянки, что сам он выбрал бы более высокое и сухое место, "где легче дышать и лучше можно было укрепиться от врагов"[16]. О выгодах островного положения (таких стоянок, как Черепки и Ловецкие

выселки) в неолитическое время В.А. Городцов заключает по "толстому культурному слою, который говорит об удобстве местности для жизни человека"[17]. Изучая неолитические стоянки р.Оки, ученый выделял временные и постоянные стойбища. Различия он проводил по мощности культурного слоя, наличию жилищ, костров, хозяйственных ям. По реконструкции В.А. Городцова недалеко от постоянного становища были и остатки "нечастых посещений"[18], т.е. базовый лагерь окружали места временных остановок различного назначения. И базовые, и временные стоянки были сезонными: "зимой лучше жить не на пойме, а в лесах на материковых берегах, где лучше устроить теплые жилища"[19]. Предположение В.А. Городцова о сезонном характере стоянок каменного века до сих пор еще не доказано, хотя и имеет, несомненно, огромное значение для правильного понимания памятника.

В.А. Городцов одним из первых задумался над причиной накопления и характером культурного слоя стоянок, резко отличающегося от естественных отложений: "пепелисто-темные культурные слои дюн обязаны своим происхождением выжиганию или палам, производимым неолитическим человеком с целью очищения занимаемых им под стоянки местностей от вредных элементов окружающей природы"[20]. После Городцова проблема "образования культурного слоя неолитических стоянок", к сожалению, так и не получила дальнейшего развития в специальных исследованиях. О самостоятельной ценности культурного слоя для В.А. Городцова говорит хотя бы тот факт, что стоянку с разрушенными культурными отложениями (в состав которых входят остатки сгоревших деревьев, растений в виде золы и угля, продукты растительного перегноя, черепки, осколки кремня, кости и т.д.) он считал потерявшей бóльшую часть информации[21], что само по себе представляет удивительно современный подход к проблеме. В.А. Городцов упоминает даже о "шлейфах" стоянок, расположенных у самого берега, причем, по его мнению, "количество археологических остатков должно увеличиваться по мере спуска к воде"[22].

Особо его интересует слой землянок: тут В.А. Городцов обращает внимание на отличие в ее заполнении, объясняя это специфической деятельностью человека внутри жилищ. Вообще обнаружение жилищ-землянок на неолитических стоянках – несомненная заслуга В.А. Городцова. А.С. Уваров полагал, что неолитическое население Оки никогда не строило жилищ, так как летом, когда они жили на открытых стоянках, землянки были не нужны, а зимой люди уходили в пещеры[23]. Начиная с 1910 г. раскопки Волосовской стоянки, В.А. Городцов искренне удивился, почему А.С. Уваровым и П.П. Кудрявцевым не прослежено жилищ[24]. Более того, он разработал даже специальную методику раскопок этих землянок: "стенки их по возможности не портились, а оставлялись в первоначальном виде, по окончании же исследования их содержимого вновь засыпались точно такой же почвой, какая из них вынималась. Такой способ исследования, может быть, сохранит памятник для будущего времени и даст возможность сделать проверку их предшествующих исследователей"[25]. Конечно, в то время раскопки велись траншеями, но содержимое землянки бралось единым комплексом, тщательно про-

слеживались элементы конструкции, очаги, заполнение, отмечались скопления находок. Это позволило дать внешнюю и внутреннюю реконструкции землянок, а также сделать на основе этого анализ социальной жизни неолитического человека.

О внешнем виде землянки Галической стоянки В.А. Городцов пишет так: "Крыша землянки была конической формы и состояла из жердей, связанных длинными прутьями, перекрытыми сверху камышом, травой или другими материалами"[26]. Для жилищ стоянки Черепки он отмечает любопытную деталь конструкции: "Дно землянки выложено известковыми камнями, облицовка стен тоже известковая"[27]. Очаги описываются с особой подробностью: ученый различает постоянные очаги с каменной обкладкой и временные неглубокие очажки.

Воссоздавая весь приочажный комплекс землянки 1 стоянки Черепки, Василий Алексеевич фиксирует детали живой жизни неолитического человека: "небольшой плоский камень, удобный для сидения, кучу осколков нижних конечностей крупных животных, предназначенных для изделий и положенных для просушки возле очага"[28]. По осколкам кремня исследователь делает вывод о производстве орудий внутри землянок. "Нахождение сосудов выше пола землянки может указывать на то, что внутри ее существовали деревянные сооружения в виде нар или лавок, на которых стояли сосуды, а также могли спать и сидеть люди"[29].

Особенно важны социальные реконструкции В.А. Городцова, сделанные на материале Панфиловской стоянки: "Полагая по два аршина окружности на человека, можно заключить, что в ней обитало от 20 до 25 персон. Наряду с людьми жили собаки, экскременты которых, переполненные мелкими костями рыб, были найдены внутри землянки и снаружи"[30]. "Необыкновенная обширность жилищ и их скученность указывает на социальную спаянность, может быть, близкую к первобытному коммунизму"[31]. В реконструкции "семейно-общественной жизни" В.А. Городцов указывает на "бедность женских личных украшений", что свидетельствует о том, что "женщины одинаково с мужчинами несли все тяготы общественной жизни, не имея времени заниматься нарядами". "Но что особенно интересно, так это полное отсутствие детских игрушек. Эта отрицательная черта как будто указывает на слабо развитую семейную жизнь, где на детей мало обращается внимания"[32]. Рассмотренные стороны жизни неолитического человека, несмотря на их значение, остались мало освещенными и в современной литературе.

В.А. Городцов часто подвергался нападкам за метод раскопок жилищ "выкружкой", так как из-за него якобы все землянки в плане становились идеально круглыми. Это не совсем правильно, ибо даже при такой методике В.А. Городцов выявил "овальные" жилища на Волосовской стоянке[33], которые,вероятно, представляли собой прямоугольные конструкции с заплывшими краями.

Датировку неолитических стоянок В.А. Городцов давал не только исходя из типологии, но и пользуясь данными геологии. В этом он явился продолжателем работ И.С. Полякова и А.А. Иностранцева. Для датирования по относительной шкале применялся и классический типологический метод. Рассматривая тип как "собрание предметов более или менее

одинаковых по назначению, веществу и форме"[34], развивающийся во времени по своим законам, В.А. Городцов видел в этих изменениях основу датировки памятника.

В определении эпохи неолита В.А. Городцов придерживался классических формулировок: "неолит характеризуется совершеннейшими приемами обработки каменных орудий посредством полирования, пиления и сверления"[35], т.е. делил каменный век по приемам и технике обработки орудий.

В.А. Городцов много сделал и для изучения неолитической керамики, самого массового материала на поселениях. Определив, что есть элементы орнамента, характерные для узких промежутков времени и бытующие в более широких рамках, он продемонстрировал возможность более точного датирования комплекса по керамике. Для этого необходимо было выработать единую номенклатуру, что он и сделал[36]. Последняя применяется практически без изменений и сейчас.

Комплексно подходя к керамическому материалу (изучая технологию изготовления, примеси, качество обжига, форму, орнамент и т.д.), В.А. Городцов хотел также шире и достовернее реконструировать "технологию и эстетические взгляды неолитического человека", пытался даже "расшифровать" значение некоторых элементов орнамента. Конечно, некоторые из его предположений не подтвердились (например, он видел в "расчесах" на внутренней стороне неолитических сосудов остатки основы, на которых сосуд формировался). Но, несомненно, В.А. Городцов заложил те основы и выделил те направления, которые до сих пор остаются в центре внимания археологов.

Воссоздавая хозяйственную деятельность неолитического человека по остаткам костей на поселении, В.А. Городцов определяет ее как охотничье-рыболовческую. Причем отмечает, что население Средней России долгое время оставалось при старых неолитических формах быта с "переходом в металлический период"[37]

В своих работах В.А. Городцов давал не только определение видов промысловых животных (что было тогда обычным явлением), но и специально занимался историей собаководства. Так, например, ученый выяснил, что в эпоху неолита в Европе обитало минимум три разновидности собак, причем постоянное их присутствие отмечается им и в Европейской части СССР[38].

В.А. Городцову принадлежит и один из первых "сводов памятников" – работа, необходимая для любых исторических исследований о неолите. В его "Материалы для археологической карты долины и берегов реки Оки"[39] вошли все известные неолитические памятники, а неолитические стоянки Оки В.А. Городцов сделал по-настоящему "эталонными". Например, для уточнения датировки и культурной принадлежности стоянок Белого моря он сравнивает их с окскими[40]. В курсе лекций "Бытовая археология" В.А. Городцов иллюстрирует неолитическую эпоху России также на примере окских стоянок.

Долгое время В.А. Городцов работал хранителем Исторического музея. И на этом поприще он сделал необычайно много для изучения неолита. Музейными работниками по достоинству отмечен его вклад в создание

коллекций, оформление экспозиций и т.д. В ежегодных отчетах музея можно найти описания исследователем даров и покупок "первобытных древностей"[41].

В прекрасно оборудованных залах и хранилищах Исторического музея В.А. Городцов ежегодно проводил практические занятия по первобытной археологии со студентами Московского Археологического института[42]. Среди них были Д.Н. фон-Эдинг и В. Гольмстен, помогавшие ему при раскопках Волосовской стоянки[43]. Со своими студентами В.А. Городцов раскопал также стоянки Панфилово и Галическую стоянку[44].

Изучение окского неолита было началом археологической деятельности В.А. Городцова. Как у всякого талантливого человека, круг его интересов с годами расширялся и вскоре последовали статьи о бронзовом веке России, палеолите, проблемах скифов, раннем железном веке Оки и т.д. Однако вопросы окского неолита волновали В.А. Городцова на протяжении всей его научной деятельности. К сожалению, он не успел опубликовать свой итоговый труд по неолиту. Но его дело продолжили ученики – Д.Н. Эдинг, В.В. Гольмстен, А.Я. Брюсов, М.Е. Фосс, Д.А. Крайнов* и др., которые явились преемниками ученого в деле изучения проблем Волго-Окского неолита.

[1]*Городцов В.А.* Результаты археологических исследований 1898 г., проведенных на берегах р. Оки, в пределах Рязанской губернии // АИЗ. М., 1899. Т. 7, № 7. С. 151.
[2]*Формозов А.А.* Начало изучения каменного века в Росии. М., 1983.
[3]*Иностранцев А.А.* Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882.
[4]*Уваров А.С.* Археология России: Каменный период. М., 1881. Т. 1.
[5]*Городцов В.А.* Как были открыты следы поселений каменного века в окрестностях сел: Шумошь, Дубровичи, Алеканово и Муромино Рязанского уезда в 1888–1889 гг.// Тр. Ряз. АК. 1901. Т. 16, вып. 1. С. 83.
[6]*Городцов В.А.* Результаты археологических исследований... С. 191.
[7]*Городцов В.А.* Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г.// Древн. ТР. МАО. 1900. Т. 17. С. 88.
[8]*Городцов В.А.* Результаты археологических исследований... С. 182; *Он же.* Как были открыты следы поселений... С. 91.
[9]*Городцов В.А.* Отчет об археологических исследованиях... С. 89.
[10]Там же. С. 20.
[11]*Городцов В.А.* Как были открыты следы поселений ... С. 93.
[12]Археология Центральной Африки. М., 1988. С. 7–8.
[13]*Викторов В.Д.* Археологическая теория в трудах В.А. Городцова // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск. 1977. С. 11.
[14]*Городцов В.А.* Отчет об археологических исследованиях... С. 24.
[15]*Городцов В.А.* Панфиловская палеометаллическая стоянка // Тр. Влад. ГМ. 1926. вып. 2. С. 16.
[16]*Городцов В.А.* Галический клад и стоянка // Тр. САИАИ. М., 1928. Т. 2. С. 39.
[17]*Городцов В.А.* Результаты археологических исследований... С. 187.
[18]*Городцов В.А.* Следы неолитических стоянок в окрестностях Нижнего Новгорода // АИЗ. М., 1897. Т. 5, № 3. С. 70.

---

* В последние годы жизни В.А. Городцов продолжал читать лекции по археологии студентам Московского университета, их прослушали и будущие специалисты по неолиту и бронзе Оки Т.Б. Попова и И.К. Цветкова.

[19]*Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 г. // АИЗ. М., 1898. Т. 6, № 7/8. С. 222.

[20]*Городцов В.А.* Дневник археологических исследований в долине р. Оки, произведенных в 1898 г. // Древн. Тр. МАО. 1901. Т. 18. С. 69—70.

[21]*Городцов В.А.* Галический клад... С. 20.

[22]*Городцов В.А.* Следы неолитических стоянок... С. 78.

[23]*Уваров А.С.* Археология России.

[24]*Городцов В.А.* Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. М., 1914. С. 108.

[25]*Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Белевском... С. 198.

[26]*Городцов В.А.* Галический клад... С. 29.

[27]*Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Белевском... С. 198.

[28]Там же. С. 200.

[29]*Городцов В.А.* Панфиловская палеометаллическая станция... С. 8.

[30]Там же.

[31]Там же.

[32]Там же. С. 17.

[33]*Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Белевском... С. 108.

[34]*Городцов В.А.* Типологический анализ в археологии. Рязань, 1927. С. 8.

[35]*Городцов В.А.* Вступительная статья // Никольский В.К. Очерки первобытной культуры. М., 1927. С. 7.

[36]*Городцов В.А.* Русская доисторическая керамика // Тр. XI АС. Киев, 1901. Т. 1. С. 577—672.

[37]*Городцов В.А.* Культура бронзовой эпохи в Средней России // ОРИМ за 1914 г. 1915. С. 121—226.

[38]*Городцов В.А.* К истории приручения собаки в пределах СССР по данным археологии // История приручения, эволюция и породообразование домашних животных. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 151—159.

[39]*Городцов В.А.* Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки // Тр. XII АС. Харьков; М., 1905. Т. 1.

[40]*Городцов В.А.* Заметки о доисторических стоянках побережья Белого моря // Древн. Тр. МАО. 1901. Т. 19, вып. 2. С. 74.

[41]*Городцов В.А.* Приобретение памятников Рос. Историческим музеем: Дары и покупки: Доисторические древности // ОРИМ за 1908 г. 1909. С. 4—10, 13, 14, 17, 18; ОРИМ за 1909 г. 1910. С. 10, 11, 16; ОРИМ за 1910 г. 1911. С. 6, 7, 12; ОРИМ за 1911 г. 1912. С. 10, 11, 15; ОРИМ за 1913 г. 1914. С. 3—13; ОРИМ за 1914 г. 1915. С. 8—11; ОРИМ за 1915 г. 1916. С. 7—20; *Он же.* Отдел древностей доисторических // ОРИМ за 1912 г. 1913. С. 9—11; *Он же.* Обзор важнейших поступлений в Гос. Исторический музей по отделу древностей первобытных и курганных // ОГИМ за 1916—1925 гг. М., 1926. С. 6—12, 44, 45.

[42]*Городцов В.А.* // ОГИМ за 1911 г. ... С. 37.

[43]*Городцов В.А.* Следы неолитических стоянок... С. 3.

[44]*Городцов В.А.* Панфиловская палеометаллическая стоянка...; *Он же.* Галический клад...

А.В.УТКИН

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОГРЕБЕНИЯ I НА ВОЛОСОВСКОЙ СТОЯНКЕ

В 1910 г. В.А.Городцов провел широкомасштабные исследования знаменитой Волосовской стоянки[1], которые стали своеобразным этапом в истории изучения новокаменного века лесной зоны Восточной Европы. На территории поселения, помимо остатков жилищно-хозяйственных комплексов и находок огромного количества самых разнообразных артефактов, было обнаружено древнее человеческое захоронение (№ 1). Впоследствии оно, к сожалению, оказалось забытым и в литературе не упоминалось, хотя в отчете В.А.Городцов приводил его краткое описание[2].

Погребение открыто на глубине 1 3/4 аршина от современной поверхности. Костяк принадлежал взрослому субъекту, лежал вытянуто на спине (слегка повернуто на левый бок) и головой был ориентирован на северо-запад. Кисть правой руки находилась в области живота. Возле скелета прослежены угольки. Сопровождающих вещей не оказалось.

Отсутствие подробной публикации материалов раскопок также не позволяет точно датировать погребение. Однако на основании косвенных данных и аналогий можно определить наиболее вероятную его культурную принадлежность. Основная масса керамической коллекции с Волосовской стоянки, как известно, состоит из обломков собственно волосовской посуды. Кроме того, в ней небольшим количеством представлены фрагменты сосудов эпохи бронзы и черепки с ямочно-гребенчатым орнаментом[3]. Другими словами, на поселении формально выделяются по крайней мере три культурно-хронологических комплекса, стратиграфическое членение которых, скорее всего, не наблюдалось, иначе "такой точный и опытный исследователь, как В.А.Городцов, не мог бы этого не заметить"[4]. Отнесение погребения к эпохе бронзы или к неолитическому (льяловскому)времени крайне сомнительно. В первом случае этому явно противоречит обряд погребения, во втором – относительно небольшая глубина захоронения. Наоборот, определение его как волосовского выглядит предпочтительнее.

Во-первых, в отчете В.А.Городцова могильная яма не упоминается. Ее очертания в грунте, по-видимому, остались незамеченными, так как захоронение находилось в культурном слое, который отложился в волосовское время[5].

Во-вторых, к настоящему времени на ряде памятников Центра Русской равнины (Языково I, Федоровская, Водыш, Гавриловская, Сахтыш I, II, IIа, VIII и др.)[6] исследовано достаточно большое количество волосовских захоронений, среди которых количественно выделяются одиночные безынвентарные трупоположения на спине. Кстати, почти все они находились в культурном слое и их могильные ямы не прослежены.

В третьих,при раскопках В.А. Городцова в 1910 г.на Волосовской стоянке был обнаружен клад кремневых орудий[7]. Аналогичные клады сейчас известны и на других стоянках (Володары, Владычинская-Береговая II, Сахтыш II и VIII). Связь этих кладов с погребениями бесспорна.

По мнению И.К.Цветковой и Д.А.Крайнова, они являлись частью сложного погребального обряда волосовцев[8].

В-четвертых, в 1983 г. И.К.Цветкова произвела новые раскопки на поселении[9], в результате которых открыто еще одно погребение (№ 2). Оно находилось в могильной яме овальной формы, ориентированной по длинной оси с севера на юг. Костяк оказался полностью разрушенным. Украшения отсутствовали, но на дне могилы найдено несколько орудий (два кремневых ножа, скребок и заготовка сланцевого желобчатого долота). Это погребение, как и все материалы из своих раскопок, И.К.Цветкова относит к протоволосовскому (ранневолосовскому?) этапу волосовской культуры, что вызывает определенные сомнения, так как даже по предварительным данным, приведенным И.К.Цветковой в информации о раскопках Волосовской стоянки, более половины всей керамики (56 %) имеет органическую (растительную?) примесь в тесте[10].

Таким образом, приведенные доказательства, на мой взгляд, свидетельствуют о волосовской принадлежности погребения I и, рассматривая его в контексте с кладом кремневых орудий и вторым погребением, следует констатировать факт существования на эпонимной стоянке волосовской культуры элементов сложного погребального обряда, что лишний раз подтверждает единство этой культуры.

[1]*Городцов В.А.* Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. // Древн. Тр. МАО. 1914. Т. 24.

[2]Там же. С. 109.

[3]*Брюсов А.Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952. С. 75, 77.

[4]Там же. С. 74.

[5]*Городцов В.А.* Археологические исследования... С. 109.

[6]*Бадер О.Н.* Археологические раскопки у д. Языково // АЖ. М., 1936. № 2; *Он же.* Неолитические погребения на Верхней Волге // СА. 1937. № 3; *Казаринов Л.Н.* Прошлое Чухломского края // Тр. Чухломского отделения Костромского научного общества и Чухломского музея. Солигалич, 1929. Вып. 4; *Гаврилова И.В.* Неолитические племена Костромского Поволжья // МИА. 1973. № 172; *Она же.* Об особенностях памятников волосовского типа в Костромском Поволжье // КСИА. 1980. Вып. 161; *Цветкова И.К.* Гавриловская неолитическая стоянка с могильником: (По материалам раскопок 1945 г.) // КСИИМК. 1947. Вып. 17; *Гадзяцкая О.С., Крайнов Д.А.* Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья // КСИА. 1965. Вып. 100; *Крайнов Д.А.* Стоянка и могильник Сахтыш VIII // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973; *Он же.* Новые исследования стоянки Сахтыш II // КСИА. 1982. Вып. 169.

[7]*Цветкова И.К.* Волосовский клад // Тр. ГИМ. 1957. Вып. 23.

[8]*Цветкова И.К.* Ритуальные клады стоянки Володары // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975; *Она же.* Погребение волосовской культуры на стоянке Владычинская-Береговая II // Тр. ГИМ. 1985. Вып. 60; *Крайнов Д.А.* Новые исследования... С. 84; *Он же.* О религиозных представлениях племен волосовской культуры // Древности славян и Руси. М., 1988.

[9]*Цветкова И.К.* Раскопки Волосовской стоянки // АО 1983 г. М., 1985. С. 95, 96.

[10]Там же. С. 96.

О.С.ГАДЗЯЦКАЯ

В.А.ГОРОДЦОВ О ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В.А.Городцов, обладавший широкими научными интересами, особое внимание уделял изучению археологических памятников эпохи бронзы. В специальном исследовании "Культуры бронзовой эпохи в Средней России" он научно обосновал вопрос о выделении особой фатьяновской культуры и посвятил ей большой раздел[1]. В этой работе В.А.Городцов не только очертил территорию, занятую фатьяновскими древностями, провел анализ материалов – инвентаря из погребений и случайных находок, но и правильно определил хронологические рамки бытования культуры, связав ее с широким кругом других культур эпохи бронзы II тысячелетия до н.э. Представления ученого о фатьяновской культуре явились тем фундаментом, на который в дальнейшем опиралось значительное число археологических исследований. Многие наблюдения В.А.Городцова как общего, так и частного порядка не утратили своей значимости и поныне.

К моменту написания В.А.Городцовым работы о фатьяновской культуре для территории лесной полосы Восточной Европы уже имелись сведения как о могильниках, так и о находках отдельных предметов, в основном каменных сверленых топоров. О фатьяновских древностях писал еще А.С.Уваров, который, как известно, отнес фатьяновский могильник к каменному веку[2].

Но уже в 1903 г. А.А.Спицын датировал находки фатьяновского типа медным веком и отметил резкое отличие их от памятников эпохи камня. Он же очертил обширную территорию от Прибалтики до Прикамья, на которой были обнаружены своеобразные находки фатьяновского и близкого им облика[3]. В.А.Городцов продолжил изучение фатьяновской культуры, к которой он проявлял постоянный интерес. Еще в 90-х годах XIX в., вслед за А.А.Спицыным, ученый провел раскопки Великосельского фатьяновского могильника[4]. Коллекции вещей из погребений этого могильника, как и Фатьяновского, поступили в Исторический музей, где работал В.А.Городцов. Там же хранились и многочисленные сверленые топоры, найденные случайно в разных пунктах, количество которых постоянно росло. Особое значение для написания работы о культурах эпохи бронзы имела случайная находка 1908 г. металлического проушного топора у д.Фатьяново Ярославской губернии. В.А.Городцов сам ездил на место находки и установил, что топор безусловно связан с разрушенным погребением Фатьяновского могильника. Этот факт послужил для него окончательным доказательством для отнесения фатьяновской культуры к эпохе бронзы.

По отдельным, зачастую разрозненным находкам В.А.Городцов в основном правильно определил территорию ее распространения, включив в нее Волго-Окское междуречье и прилегающие губернии (Тверскую, Ярославскую, Костромскую, Владимирскую, Нижегородскую, Московскую, Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Орловскую, Смоленскую).

Характеризуя фатьяновскую культуру в целом, В.А.Городцов выделял два объекта исследования – могильники и стоянки, которые он на-

зывал "коллективными" памятниками, и простые бытовые, т.е. вещи. Погребальный ритуал фатьяновцев Василий Алексеевич специально не анализировал, так как сведения были еще незначительны. Однако он обратил внимание на изолированное положение "типа могильника", отметив существование лишь "немногих признаков", которые сближают фатьяновский ритуал с памятниками, имеющими скорченные костяки на широкой территории – Кавказа, Южной России, Польши, Западной Европы.

Объектом тщательного анализа В.А.Городцов выбрал бытовые памятники (вещи) фатьяновской культуры. Особое внимание он уделил классификации каменных орудий и керамики.

В.А.Городцовым впервые разработана типология каменных сверленых топоров, которая имела значение не только для своего времени, но и была использована в работах археологов значительно позже. Он разделил каменные сверленые топоры на 16 типов (клиновидные, ромбические, ромбические хордовые, обушковые, обушковые хордовые, длинно-обушковые, длиннообушковые хордовые,булавовидные,лопастные, лопастно-хордовые, лопастно-клевцевидные, ладьевидные, втульчатые, втульчатые-хордовые, пестиковые, пестиковые-ромбические). Применил принцип выделения типов топоров по нескольким признакам: учитывается общая форма орудия (очертания его в фас и профиль, относительные пропорции частей орудия), особенности отдельных частей – обушка и лезвия и пр. Таблица В.А.Городцова "Топоры фатьяновской культуры и соприкосновенные к ней"[5] является хорошим примером типологической схемы. Выделены последовательные ступени классификационной градации: 1) категории; 2) группы; 3) отделы; 4) типы. Для своего времени это была одна из немногих четких типологий для памятников эпохи бронзы Восточной Европы.

Дальнейшие исследования внесли в эту схему поправки в основном за счет большей детализации, что дало увеличение типов и подтипов сверленых топоров. На основе типологии В.А. Городцова развернутую классификацию сверленых топоров разработал для фатьяновской культуры Д.А.Крайнов[6]. В свою очередь эта типология была использована О.Н.Бадером и А.Х.Халиковым при создании типологической схемы топоров для балановских памятников Среднего Поволжья[7]. Отметим, что многие определения, терминология, названия типов топоров, используемые В.А.Городцовым, были сохранены и употребляются до сих пор. Развит и применяется и другой важный момент типологического определения предмета: выявление широкого круга аналогичных вещей, позволяющего создавать археологические карты, выявлять типы, характерные для определения культуры. Отмечая области распространения и выработки сверленых топоров во многих местах Восточной Европы, В.А.Городцов подчеркивает местное производство многих из них: на памятниках фатьяновской культуры об этом свидетельствуют находки конических высверлин из топоров.

Описание каждого типа каменных топоров В.А.Городцов обязательно сопровождал заключением о путях проникновения его на территорию фатьяновской культуры. Важным итогом анализа ученого было выявле-

ние местных форм, характерных для фатьяновской культуры, прежде всего лопастных. Однако считая, что сама форма топора с лопастью заимствована с юга (Иран, Малая Азия, Кавказ), В.А.Городцов слишком большую роль отводил импорту готовых изделий. Так, наличие ладьевидных топоров "вне области фатьяновской культуры" он считал результатом экспорта с фатьяновской территории, что не всегда справедливо. Интересно мнение В.А.Городцова о зависимости формы каменных орудий от металлических, которые могли быть прототипами, например, для лопастных топоров. Вопрос этот не решен окончательно и в настоящее время.

Именно применение типологического анализа привело исследователя к важному выводу о широких межплеменных связях в эпоху бронзы.

Не менее известна и созданная В.А.Городцовым типологическая схема деления топоров меднобронзовых проушных[8]. Из шести основных типов металлических топоров он впервые выделил особый "косо-вислообушный" (фатьяновский) тип проушного топора. Дальнейшие находки подтвердили не только правомерность выделения фатьяновского типа топоров, но и его местное производство. Сейчас на территории фатьяновско-балановских племен из могильников известно 12 медных топоров, не считая случайные находки. Среди шести типов медно-бронзовых топоров наиболее ранними В.А.Городцов считал топоры с длинной втулкой, т.е. широкообушные, а поздними узкообушные. Несмотря на то что некоторые из выделенных типов, по данным В.А.Городцова, найдены в пределах фатьяновской территории, сейчас мы не можем отнести их к фатьяновским (таковы типы 1,2,5). Относительно топоров с узким обухом (тип 4) и сам В.А.Городцов писал: "Отношение их к фатьяновской культуре загадочно и время неопределенно". Время проникновения проушных топоров в Среднюю Россию он относил приблизительно к первой половине II тысячелетия до н.э.[9] В.А.Городцов считал, что проушные топоры имеют южное происхождение и проникли из Ирана через Кавказ. Идея заимствования формы у южных прототипов для медных топоров верна в самом общем плане. Во всяком случае, известно, что во II тысячелетии до н.э. уже существовало их местное производство в Поволжье. Позднейшие исследования, спектральный и химический анализ показали, что металл (медь), из которого были сделаны фатьяновские топоры, связан не с южными кавказскими источниками сырья и импортом, как считал В.А.Городцов, а близок месторождениям восточным, в частности медистым песчаникам Среднего Поволжья[10]. Местное изготовление фатьяновцами проушных медных топоров подтвердили и находки глиняных литейных форм в Волосово-Даниловском и Чурачикском могильниках[11]. Значение работы В.А.Городцова по созданию схемы-типологии медно-бронзовых топоров определяется тем, что оно было первым в отечественной археологии и положило начало последующим разработкам в этой области. Отметим, что В.А.Городцов все же допускал возможность существования местной металлургии, связывая с ней каменные литейные формы (предметы, более известные под названием "выпрямители древков стрел"). Давая краткую характеристику прочему инвентарю фатьяновских могильников, костяным и кремневым изделиям, мелким металлическим украшениям, В.А.Городцов приводил в основном южные

аналогии – это инвентарь степных курганов, донецкая катакомбная культура. В частности, он считал, что приток спиральных височных колечек (подвесок) в фатьяновскую культуру шел с Кавказа[12], что не подтвердилось в дальнейшем.

Большое внимание уделял В.А.Городцов анализу керамики, считая ее одним из важных факторов "при выяснении площади распространения культур, а также и при учете посторонних влияний на данную культуру". Он создал первую типологическую схему "Керамика фатьяновской культуры", в которой, так же как и при работе с топорами, использовал такие понятия, как категория, группа, отдел, тип[13]. Отмечая "вполне сложившийся выразительный характер" фатьяновской керамики, он выделил четыре основных типа посуды: 1) шаровидный, 2) высокошейный, 3) цилиндрошейный, 4) чашевидный. Указывая аналогии для каждого типа сосудов вне фатьяновской территории, В.А.Городцов нередко затрагивает материалы слишком далеких территорий (например, для сосудов типа 2 – сосуды из Италии и Испании). В то же время широкие знания помогли ему правильно, как выяснилось теперь, наметить исторические связи в эпоху бронзы. Так, единичная в то время находка цилиндрошейного сосудика в Фатьяновском могильнике позволила ему выявить "точку соприкосновения фатьяновской керамики с широким морем западноевропейской шнуровой керамики". В связи с этим он еще раз подчеркнул свое несогласие с теми западными исследователями, которые относили подобную керамику к неолиту[14]. В описание керамики В.А.Городцов включал не только характеристику формы, но и размеры сосудов, состав и цвет глины. Подробнее он остановился на особенностях орнамента. Обратив внимание на лопастной узор фатьяновских сосудов, он находит аналогии в основном в южных памятниках северокавказских и донецких катакомбных культур. Последнее сходство приводит В.А.Городцова к мысли о сосуществовании фатьяновской и катакомбной культур, т.е. орнаментика использована им для выявления культурных связей и решения хронологических вопросов. Второй орнаментальный мотив, который отмечает В.А.Городцов, это ромбы, заполненные штрихами. Как мы знаем, это один из характернейших элементов фатьяновской орнаментики. Однако В.А.Городцов, приведя отдельные аналогии из Сибири и Западной Европы, слишком увлекался, говоря о вероятности генетической связи орнамента "всех этих отдаленных стран"[15]. Он видел в ромбическом узоре направление деловых сношений "...между странами Западной Европы, Средней России и Сибири" во II тысячелетии до н.э. Третий мотив орнамента на фатьяновской посуде "сигмовидный" (вертикальные зигзаги), по мнению В.А.Городцова, сходен с западноевропейскими, с одной стороны, и уральскими – с другой. Другие виды орнамента, как он писал, "по своей примитивности и общераспространенности пока не представляют интереса". Для археологических исследований В.А.Городцова характерен разносторонний анализ предмета и использование многих его особенностей, даже частных, для широких выводов о связях культур и их хронологических соответствиях.

В качестве примера можно указать на рассмотрение им такой детали фатьяновской керамики, как круглые вдавления на донцах сосудов,

иногда подчеркнутые орнаментом. Ученый выделяет в пределах Европейской России "три культуры бронзовой эпохи" с сосудами, имеющими подобные ямки на дне: Северо-Кавказскую, трипольскую (?) и приднепровскую с бокаловидной керамикой. В.А.Городцов приходит к выводу, что "...изучаемый признак фатьяновской керамики заимствован Северного Кавказа, хотя возможен занос его и с Приднепровья". И далее следует очень верное, с нашей точки зрения, замечание о том, что именно приднепровская керамика заслуживает особого внимания, так как тесно связана с "морем особой керамики" – бокаловидными типами сосудов (с перехватом в середине), "простирающимися через всю Западную Европу". Это время – конец III–начало II тысячелетия до н.э., "когда могла существовать в Средней России фатьяновская культура и когда сношения ее с приднепровской культурою являлись возможными". Таким образом, В.А.Городцов одним из первых поставил вопрос о характере связей фатьяновской культуры со среднеднепровской. До сих пор ученые не пришли к однозначному выводу: были ли эти связи генетическими или просто соседскими. Однако появляется все больше доказательств, подтверждающих родственность этих культур[16].

Исследования В.А.Городцова по фатьяновской культуре в свое время имели большое значение и дали направление для дальнейших работ в области изучения культур эпохи бронзы. В.А.Городцов не только разносторонне, насколько позволял имеющийся в его распоряжении материал, охарактеризовал культуру, но и определил ее место среди памятников эпохи бронзы широкого региона. Подчеркивая родственность фатьяновской культуры с юго-восточными, преимущественно кавказскими древностями, он не мог не отметить замеченного им сходства с приднепровской культурой, а через нее "с западноевропейским культурным морем шнуровой керамики". Но объяснял он это "только добрососедскими отношениями и связями", в которых "более активную роль... играл Запад"[17]. Позднее В.А.Городцов еще раз высказал свое мнение о кавказском происхождении фатьяновской культуры[18]. Дальнейшие исследования не подтвердили гипотезу о кавказских связях фатьяновской культуры, хотя она и имела сторонников[19]. В последнее время получило, однако, развитие наблюдение В.А.Городцова о западном направлении связей фатьяновской культуры, что наиболее полно представлено в работах Д.А.Крайнова[20].

Начатое В.А.Городцовым изучение фатьяновской культуры было продолжено многими исследователями[21]. Накопленные в течение многих десятилетий археологические материалы и новые раскопки позволили существенно расширить наши представления о культуре, получить развернутую характеристику по многим вопросам. Уточнены границы ее распространения, проведен подробный анализ погребального обряда и вещевых комплексов, разработана типология каменных, костяных, металлических орудий, украшений и керамики. Рассмотрены вопросы хронологии и периодизации, хозяйства и быта. Выделены локальные варианты культуры, проанализированы антропологические материалы. Изданы Своды памятников по фатьяновской и балановской культурам или, что представляется более правильным, единой культурной общности[22]. Сов-

ременные представления о фатьяновской культуре нашли отражение и в разделах Археологии СССР[23]. Датируется фатьяновская культура так же, как и считал В.А.Городцов, в основном первой половиной II тысячелетия до н.э., что подтверждают и радиокарбоновые даты. В целом подход В.А.Городцова к археологическому материалу во многом определил методы работы его учеников и последователей. Важно, что типологический анализ вещей был необходим В.А.Городцову прежде всего как средство для построения общей концепции исторических процессов, происходивших в древности.

[1]Отчет Российского исторического музея за 1914 г. М., 1916.

[2]*Уваров А.С.* Археология России: Каменный период. М., 1881. Т. 1.

[3]*Спицын А.А.* Медный век в Верхнем Поволжье // ЗОРСА РАО. СПб., 1903. Т. 5, вып. 1; *Спицын А.А.* Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России // Там же. СПб., 1905. Т. 7, вып. 1.

[4]*Городцов В.А.* Раскопки могильника на Черной Горе в окрестностях с. Великого Ярославской губ. и уезда. Ярославль, 1898.

[5]*Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России // ОРИМ. 1916. Табл. VIII.

[6]*Крайнов Д.А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья: Фатьяновская культура II тысячелетия до н.э. М., 1972. С. 38–61.

[7]*Бадер О.Н., Халиков А.Х.* Памятники балановской культуры // САИ. М., 1976. Вып. В1-25. С. 59–65.

[8]*Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи... С. 147–156.

[9]Там же. С. 154–156.

[10]*Черных Е.Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966. С. 75, 76.

[11]*Крайнов Д.А.* Металлургия у племен фатьяновской культуры // КСИА. 1971. Вып. 127; *Каховский В.Ф.* Чурачикский курган в Чувашии // СА. 1963. № 3.

[12]*Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи... С. 160.

[13]Там же. С. 161.

[14]Там же. С. 163.

[15]Там же. С. 165.

[16]Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 41, 42, 75.

[17]*Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи... С. 169.

[18]*Городцов В.А.* Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. М., 1927. Т. 7. С. 616.

[19]*Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966.

[20]*Крайнов Д.А.* Древнейшая история...

[21]*Кривцова-Гракова О.А.* Хронология памятников фатьяновской культуры // КСИИМК. 1947. Вып. 16; *Бадер О.Н.* Балановская культура // СА. 1961. № 4; *Он же.* Балановский могильник. М., 1963; *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969; *Степанов П.Д.* Ош-Пандо. Саранск, 1967; *Крайнов Д.А.* Древнейшая история... и др.

[22]*Крайнов Д.А.* Памятники фатьяновской культуры: Московская группа // САИ. М., 1963. Вып. В1-19; *Он же.* Памятники фатьяновской культуры: Ярославско-Калининская группа // САИ. М., 1964. Вып. В1-20: *Гадзяцкая О.С.* Памятники фатьяновской культуры: Ивановско-Горьковская группа // САИ. М., 1976. Вып. В1-21; *Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С.* Фатьяновская культура: Ярославское Поволжье // САИ. М., 1987. Вып. В1-22; *Бадер О.Н., Халиков А.Х.* Памятники балановской культуры / САИ. М., 1976. Вып. В1-25.

[23]Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. С. 58–83.

Н.Я. МЕРПЕРТ

В.А. ГОРОДЦОВ И НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА КАСПИЙСКО-ЧЕРНОМОРСКИХ СТЕПЕЙ

Культура энеолита и бронзового века бескрайней степной полосы нашей страны по праву рассматривается ныне как одна из традиционных и наиболее значительных тем отечественной археологии. Я бы назвал ее и одной из наиболее динамичных тем. Ежегодно, особенно в последние десятилетия, резко возрастает фонд ее источников, десятки поселений и тысячи погребений вскрываются в самых различных районах огромной территории от степей Северо-Западного Причерноморья до степей Южной Сибири. Территориальные рамки темы все время расширяются: они отодвинуты за пределы Советского Союза – на западе до Юго-Восточной и Центральной Европы, на востоке до областей Центральной Азии. Изменяется тема и хронологически: с открытием новых, неизвестных ранее, пластов нижняя ее граница заметно опускается, а верхняя все более четко смыкается с началом раннего железного века. Еще шире становятся проблемные рамки темы: с ней ныне неразрывно связана разработка коренных вопросов палеогеографии, особенно почвоведения и климатологии, – палеоэкономики, антропологии, социальной и этнической характеристики значительной части древнего населения Европы. Достаточно назвать здесь проблемы заселения степной полосы, распространения в ней (а через нее и в смежных с ней лесостепных и лесных областях) производящей экономики с выработкой специфически степных ее форм, формирования гигантских, беспрецедентных по масштабу для древнейшей истории, культурных общностей, свидетельствующих не только о резком усилении перемещений и связей, в том числе между заметно удаленными друг от друга областями, но и об определенной консолидации значительных групп населения. Последние явления – консолидация больших групп, их распространение и подвижность в специфических условиях степной полосы, взаимная ассимиляция и активные многообразные связи были важнейшим фактором в этногенетическом процессе, в том числе в процессе формирования и в дальнейших судьбах конкретных групп индоевропейской языковой семьи. Недаром вот уже много десятилетий лингвисты пристально следят за археологическим изучением степной полосы и привлекают ее материалы при разработке как общих, так и конкретных вопросов индоевропейской проблемы.

Достаточно хорошо известны научная значимость и бесконечное многообразие и собственно археологической проблематики, связанной с изучением памятников степной бронзы. Можно без преувеличения сказать, что проблематика эта является "становым хребтом" всего изучения энеолита и бронзового века СССР. И всегда следует помнить, что само ее возникновение, как и доказательство наличия этих периодов в истории евразийских степей, первая научная систематизация их материалов, обоснование основных направлений их исследований связаны прежде всего с именем Василия Алексеевича Городцова, явившегося

подлиным основоположником этой важнейшей темы, создателем первого фонда ее источников, первой системы их культурно-исторической интерпретации. Им заложен прочный фундамент, на котором зиждется все дальнейшее, ныне уже более чем восьмидесятилетнее развитие темы. И сколь ни обогащена она была за этот значительный период новыми открытиями, новыми методологическими установками, новой методикой, основополагающие положения В.А. Городцова сохраняют непреходящую ценность по сей день, к ним неизменно обращаются и будут обращаться все исследователи как степного бронзового века, так и древнейшей истории Евразии в целом.

С особой определенностью значение работ В.А. Городцова выявляется на фоне предшествовавших им раскопок степных курганов. Никто не знает, когда был раскопан первый из них, хотя внимание к себе они привлекали уже в средневековье, а не позднее XVII в. стали объектами кладоискательства[1]. В XVIII в. "учеными экспедициями" Академии наук степные курганы зафиксированы уже в ряде районов как Северного Причерноморья, так и Поволжья, и Сибири, некоторые же из них были раскопаны. Есть все основания полагать, что среди них были и курганы бронзового века, хотя прямых свидетельств этого не сохранилось: древности такого рода не могли быть в то время еще ни поняты, ни оценены. То же следует сказать и о первой половине XIX в., хотя здесь уже появляются сведения об отдельных раскопках подкурганных погребений, описания которых позволяют отнести их к бронзовому веку[2]. Но это можно сделать теперь, когда выработаны критерии подобного определения. Тогда их, естественно, не было. Более того, положение особенно не изменилось и во второй половине XIX в., хотя в это время в разных районах степной полосы начались целенаправленные и значительные по масштабам раскопки. Первые же большие курганы, вскрытые в середине указанного столетия, дали значительное число погребений "со скорченными и окрашенными костяками". Но не они являлись тогда целью раскопок, которая определялась уже самим названием одной из первых публикаций: "Древности Геродотовой Скифии". Крайне бедные, а зачастую и совсем лишенные инвентаря, эти погребения к Геродотовой Скифии отношения не имели. Они являлись своего рода "отходами производства" при поисках скифских могил и вызывали лишь досаду у первых раскопщиков курганов. В лучшем случае эти погребения кратко и бессистемно фиксировались в отчетах. Лишь в единичных случаях предпринимались попытки их интерпретации, касавшиеся, как правило, отдельных памятников или групп. Если и появлялись попытки общей периодизации, то они носили еще в значительной мере интуитивный характер. Сама же фиксация совершенствовалась медленно, столь же медленно детализировалось и отражение ее в отчетах.

Первые сведения о находках "скорченных и окрашенных костяков" чрезвычайно скудны. Например, упоминается, что в 1852 г. такой костяк без вещей был найден Т.Р. Бегичевым в кургане у станицы Сенной на Тамани[3]. Для подобного погребения, вскрытого Я.Я. Волошинским в 1855 г. у с. Янковичи Киевской губ., отмечены наличие перекрывающего

яму накатника и северо-восточная ориентировка погребенного[4]. Несколько скорченных погребений вскрыл в 1856 г. П.С. Савельев в кургане "Долгая могила" у с. Александрополь (ныне Новопокровский р-н Днепропетровской обл.). Из текста отчета мы узнаем лишь об ориентировке некоторых из них и о наличии в двух случаях красной охры[5], скудная графическая документация позволяет ориентировочно отличить основное погребение от впускных[6].

На Нижнем Дону около 40 курганов было раскопано в 1853 г. П.М. Леонтьевым (у станиц Недвиговской, Елисаветовской, Гниловской). Среди разновременных погребений, найденных в этих курганах, могут быть выделены, безусловно, принадлежащие эпохе бронзы. Они удивили П.М. Леонтьева отсутствием вещей и скорченным на боку положением костяков. Эти костяки, "... так сказать втиснутые в могилу...", дали ему повод для курьезного заключения о том, что "... это были могилы рабов, окружавшие могилу господина"[7]. Никаких попыток хотя бы приблизительно наметить возраст погребенных или соотношение между отдельными могилами предпринято не было.

Но после раскопок П.С. Савельева и П.М. Леонтьева на протяжении всей второй половины XIX в. не проходило и года без сообщений о находках погребений "со скорченными и окрашенными костяками".

В 1859 г. И.Е. Забелин вскрыл большой курган у Гермесовой Близницы в районе с. Марьевки[8]. Все погребения этого кургана содержали скорченные костяки, имевшие различную ориентировку. Ряд костяков был окрашен. В большой центральной яме, перекрытой мощным накатником из бревен, соломы и глины, найден костяк, лежавший скорченно головой на запад и сопровождаемый кусками охры (погребение "Д"). В такой же яме погребения "С" скорченный и окрашенный костяк лежал головой на восток. Два других окрашенных костяка погребения имели северную ("А") и южную ("F") ориентировку, один из них сопровождался кремневыми наконечниками копья и стрелы. Четыре костяка открыты в катакомбе (одна из первых катакомб в Северном Причерноморье), один в яме с уступом; последнее погребение относится, очевидно, к позднему бронзовому веку. Характерно описание этих раскопок в "Отчете Императорской Археологической Комиссии" за 1859 г.: "... открыто 10 самых бедных гробниц с 12 человеческими остовами, в расположении которых относительно стран света не было никакого определенного порядка. Все остовы лежали скорчившись, большая часть на боку, а некоторые навзничь"[9].

Такие же погребения были открыты И.Е. Забелиным и в ряде других курганов этого района, в том числе еще в одной "Долгой могиле", состоявшей из трех слившихся насыпей, а также в соседнем с ней кургане. Исследователь отмечает, что костяки располагались как в грунтовых ямах, так и на поверхности материка. Они сопровождались горшками, а в одном случае медным ножом. В последнем кургане основное погребение было открыто в яме: костяк лежал скорченно головой на восток, инвентаря не было, впускное же погребение содержало скорченный на правом боку костяк, ориентированный на восток и сопровождавшийся горшком желтого цвета[10].

В 1860–1861 гг. И.Е. Забелин несколько расширил район исследований и раскопал ряд курганов вблизи станции Краснокутской. В ··ганах оказался ряд грунтовых ям со скорченными костяками, лежавшими на правом и левом боках головой в основном на запад и северо-запад и в ряде случаев окрашенных[11]. Характерно следующее описание одного из этих курганов в отчете: "Раскопка кургана в самом начале обнаружила, что он заключает в себе целое кладбище, подобное открытому в 1859 г. в одной из Гермесовых Близниц, где гробницы расположены были без всякого порядка и при остовах почти не оказалось никаких вещей. Узнав, что находится в кургане, не было нужды производить дальнейшее его исследование, которое не могло подавать уже надежды на важные открытия, а поэтому большая часть курганной насыпи оставлена не раскопанной"[12].

Подобные же "огорчения" принес И.Е. Забелину и ряд других курганов. Так, в центре большого кургана у с. Беленького найдена окруженная кромлехом гробница из каменных плит, а в ней скорченный на спине костяк головой на восток. Инвентаря ни при нем, ни при впускных погребениях не было, костяки в большинстве своем также были скорчены на спине или на боку, ориентированы на юг, запад или север и в отдельных случаях окрашены[13]. В Острой Томаковской могиле "отмечен четко выявившийся кромлех, в центре найдены грунтовые ямы со скорченными погребениями, окрашенными и ориентированными на северо-восток и юго-запад, ряд катакомб и один кенотаф[14].

Ныне трудно произвести даже самую элементарную классификацию древнейших погребений, открытых первыми исследователями степных курганов. Но наличие среди "скорченных и окрашенных костяков" погребений раннего бронзового века, скорее всего древнеямных, представляется безусловным. Кроме того, даже более чем краткие заметки И.Е. Забелина позволили впервые зафиксировать стратиграфический приоритет погребений в больших центральных ямах перед погребениями и катакомбами.

В 1864–1866 гг. на Нижнем Дону провел значительные исследования В.Г. Тизенгаузен. Им был вскрыт ряд курганов близ Новочеркасска, у станиц Аксайской и Гниловской. В них зафиксирован ряд скорченных погребений, причем подчеркнуты находки "следов ярко-красной краски", сосудов, "длинного необделанного кремневого ножа", костяных бус и пронизок, раковин, небольшого каменного долота и медного шила[15]. Особого внимания заслуживает первая попытка стратификации кургана у станицы Гниловской близ Ростова-на-Дону. Курган этот, как подчеркивается в отчете, "...состоял так сказать из трех ярусов и заключал в себе могилы, несомненно относящиеся к трем различным эпохам: каменной, бронзовой и железной. На это явно указывают и различное устройство гробниц и различного типа вещи, найденные при остовах. К древнейшей каменной эпохе должна быть отнесена вырытая в материке неглубокая яма, в которой находились два человеческих остова с длинным необделанным кремневым ножом, костяными бусами и раковинами. К этому же периоду, вероятно, относились и две другие могилы, вырытые в материке на одном уровне с предыдущей и заключав-

шие в себе при человеческих остовах необожженные горшки очень грубой работы. Могила второй эпохи, очевидно, как это доказали слои насыпи, устроена была в материке уже тогда, когда над первыми насыпан был курган. Находившийся в ней остов лежал на глубине двух сажен от поверхности материка в небольшой катакомбе, для устройства которой прорыт был через курганную насыпь спуск в виде колодца сажен пять глубины. При покойнике, лежавшем на истлевшей соломе, находились глиняный сосуд, также довольно грубой работы, но уже с различными выпуклыми украшениями, и длинный бронзовый наконечник копья... Наконец, к третьей, железной эпохе следует отнести могилу, устроенную в самой насыпи кургана"[16].

Эти наблюдения, сделанные 120 лет тому назад, свидетельствуют об определенном совершенствовании методики раскопок и фиксации находок, о заметно ином по сравнению с П.С. Савельевым или П.М. Леонтьевым отношении исследователя к погребальному памятнику в целом и особенно к "скорченным погребениям". Последние исследователь попытался расчленить стратиграфически и на этом основании, а также с учетом характера инвентаря, отнести их к определенным историческим эпохам. При этом определенно указано, что древнейшие окрашенные погребения в ямах относятся к более ранней эпохе, чем катакомбы. Впервые была предположена принадлежность древнеиших погребений каменной эпохе, что чрезвычайно важно, несмотря на совершенно закономерную для того времени ошибочность заключения. Впервые, и уже безошибочно, для следующего яруса погребений названа здесь и эпоха бронзы.

По сути дела, это первая, пусть еще очень примитивная, попытка хронологизации и исторической интерпретации первобытных погребений степных курганов.

Начиная с 80-х годов XIX в., исследования приобретают уже весьма значительный масштаб и охватывают ряд районов Северного Причерноморья. В 1883 г. Д.Я. Самоквасов вскрыл ряд разновременных погребений в 28 курганах на р. Конке близ с. Ново-Григорьевки. В 10 курганах он обнаружил погребения "со скорченными и окрашенными костяками". Попытка его дать историческую интерпретацию этим находкам явилась определенным шагом назад по сравнению с выводами В.Г. Тизенгаузена. Последний, как отмечалось выше, достаточно четко относил ряд погребений к бронзовой эпохе. Д.Я. Самоквасов же вообще отрицал наличие бронзового века в Северном Причерноморье. Древнейшие подкурганные погребения он относил к эпохе, условно названной им киммерийской и охватывающей, по его мнению, огромный период господства каменных орудий. Эта эпоха была непосредственно сменена железным веком[17].

К каменному периоду отнес погребения со скорченными и окрашенными костяками и Г.Л. Скадовский, произведший в 1886–1889 гг. большие раскопки в правобережье Нижнего Днепра. Вместе с тем предпринятая этим исследователем попытка классификации подкурганных погребений представляла определенный интерес[18]. Все открытые памятники он разделил на семь хронологических групп от каменного века до времени греческой колонизации. Погребения со скорченными и окрашенными

костяками были отнесены им к первой группе и, в свою очередь, разделены на две подгруппы. К первой он отнес погребения в материке с положением умерших на спине с согнутыми в коленях ногами. Ко второй, более поздней, подгруппе отнесены погребения в насыпи со скорченными на боку костяками. При ошибочности общего определения периода данные стратиграфические наблюдения представляются полезными и правильными, они продолжают и развивают приведенные выше заключения В.Г. Тизенгаузена. И, главное, важна сама тенденция внесения определенной системы в массу казавшихся тогда однообразными погребений, попытка выделения среди них последовательных хронологических групп. В определенной мере эти попытки подготовили создание знаменитой классификации В.А. Городцова.

Что касается определения периода существования погребений со скорченными и окрашенными костяками, то и здесь новые исследования вскоре привели к сдвигам в правильном направлении. А.А. Бобринский, основываясь на результатах больших раскопок в Среднем Поднепровье (Киевская и Полтавская области), предложил классификацию подкурганных погребений, основанную не только на особенностях обряда, но и на материале орудий. Среди древнейших погребений он выделил две группы, отнеся более ранние к каменному периоду, более поздние – к каменно-бронзовому. Им первым было введено в русскую археологическую литературу понятие энеолита и правильно обосновано отнесение к этому периоду определенной части погребений со скорченными и окрашенными костяками. Впервые в практике изучения данной категории памятников он стал обращать внимание на исследование антропологического и остеологического материала. В целом публикации А.А. Бобринского явились заметным шагом вперед в деле исследования древнейших степных курганов[19].

Одновременно начались исследования степных курганов и на правобережье Среднего Днепра. Большой интерес вызвали находки Г. Оссовского в Кобринских курганах[20]. Расширением работ в этом районе явились значительные по масштабу раскопки А. Быдловского на Уманьщине (начиная с 1901 г.), у сел Новоселки и Язковицы[21]. Материалы этих раскопок получили детальную и для своего времени интересную (хотя и весьма спорную по выводам) интерпретацию в специальной работе Э. Маевского[22] и в дальнейшем пользовались неизменным вниманием исследователей культур шнуровой керамики Восточной и Центральной Европы.

Тогда же начались раскопки степных курганов и в Днестровско-Прутском междуречье, где в 1889–1891 гг. около полутора десятков насыпей было вскрыто Ф.И. Кнауэром в нижнем течении рек Сараты и Когильника, а начиная с 1892 г. и вплоть до начала XX в. свыше 400 курганов было раскопано И.Я. Стемпковским на Днестре у г. Тирасполя[23].

К востоку от Днепра исследования охватывали в последние десятилетия XIX в. все новые и новые районы. В ряде пунктов Среднего Поднепровья, Приазовья и Подонья, начиная с 1886 г., производил большие и по методике вскрытия курганов, и по фиксации находок совершенные для своего времени раскопки И.Е. Бранденбург. Им был получен огромный

материал и сделаны интересные стратиграфические наблюдения: развивая намеченную уже ранее тенденцию, он пытался выделять последовательные горизонты погребений[24]. Это дает возможность пользоваться его наблюдениями и ныне, в частности при выяснении стратиграфического соотношения древнеямных и среднеднепровских погребений.

Значительные раскопки курганов в днепровском левобережье и Приазовье были произведены Д.И. Эварницким у с. Веселое и хутора Благодатного Запорожской обл.[25] и Ф.А. Брауном у сел Нижние Серогазы и Большая Белозерка Херсонской обл.[26] причем последний сделал ряд важных стратиграфических наблюдений, касавшихся соотношения скорченных погребений различных типов (прежде всего в ямах и катакомбах) под единой насыпью.

На Кубани, начиная с 1895 г., вел регулярные раскопки Н.И. Веселовский[27]. Раскопки эти достигли значительного размаха и дали большой и яркий вещественный материал. В ходе их был открыт знаменитый Майкопский курган, что заметно повысило интерес к первобытным древностям Юга России. Но методически работы Н.И. Веселовского были далеки от совершенства даже в сравнении с работами его современников и предшественников (например, А.А. Бобринского и Н.Е. Бранденбурга). И более всего это касается документации находок погребений со скорченными и окрашенными костяками: не только стратиграфия и вопросы последовательности погребений, но и самые элементарные данные о последних в отчетах указанного исследователя должного отражения не получили. Более того, как и за полвека до этих работ, сами находки подобных погребений вызывали разочарование у Н.И. Веселовского и даже обусловливали прекращение раскопок некоторых курганов.

В Крыму в те же годы ряд древнейших курганов был вскрыт Ю.А. Кулаковским[28].

Началось изучение первобытных курганов и в Поволжье, что связано с именами активных членов Саратовской архивной комиссии Н. Минха, Ф. Зайковского, В.Ф. Орехова. Наибольший интерес представляют здесь небольшие, но хорошо документированные раскопки А.А. Спицына в правобережье Волги близ Камышина[29], фактически положившие начало исследованию погребений раннего бронзового века Поволжья. Но лишь фактически: указанный период еще не упоминался, а историческая принадлежность открытых памятников оставалась неопределенной.

Последнее в полной мере относится и к первым попыткам обобщения накопленных к концу XIX в. материалов древнейших подкурганных погребений[30], среди которых наиболее значительной является, несомненно, сводка А.А. Спицына "Курганы с окрашенными костяками", в которой со свойственной этому исследователю тщательностью были собраны все известные в то время данные по рассматриваемой проблеме[31]. Все погребения со скорченными и окрашенными костяками были здесь распределены автором по девяти территориальным группам с попыткой выяснения специфики каждой из них. Для своего времени сводка представляла несомненную ценность: она дала определенное представление о территориальном размахе и многообразии изучаемого явления и содер-

жала достаточно интересные заключения автора, касающиеся конкретной специфики погребального обряда отдельных групп.

Работа А.А. Спицына подвела итог изучению степных курганов в XIX в., отразив как его достижения, так и недостатки. Собрав весь полученный к тому времени материал, автор рассматривает его как отражение единого (по культурным и даже антропологическим признакам) явления, распространившегося единовременно "... вместе с какой-нибудь передвинувшейся народностью", различавшегося лишь по территориальным вариантам и, подобно появлению своему, единовременно и внезапно исчезнувшего. Стратиграфические данные, а в значительной мере и различия погребального инвентаря не привлекли здесь внимания А.А. Спицына. Никаких попыток выделения хронологических групп сделано не было, территориальные же группы объединяли явно разновременные и разнокультурные погребения. Поэтому определить историческое место этих групп и выделить подлинные культурные общности было невозможно: сводка ограничивается аккумуляцией фактов. Несовершенство ее в этом плане сознавал и сам автор, специально отметивший: "Изучение этих курганов есть одна из важных тем русской археологии. Если она до сих пор не овладела ничьим вниманием, то лишь потому, что научное открытие русских древностей вообще есть дело огромной трудности и исключительных усилий. Оно в будущем"[32].

Слова А.А. Спицына глубоко справедливы. Но, к счастью, будущее, о котором он пишет, оказалось не за горами. Переломный момент в разработке рассматриваемой проблемы наступил уже в самом начале XX в. Он связан с деятельностью XII Археологического съезда в Харькове в 1902 г. и с именем В.А. Городцова.

В порядке подготовки указанного съезда в пределах бывшей Харьковской губернии было раскопано значительное число курганов[33]. Совершенно особое место среди этих работ занимают раскопки В.А. Городцова в Изюмском уезде и принципиально новая интерпретация им полученных материалов. Главным результатом этих исследований выдающегося русского ученого явилось выделение конкретных культур северскодонецкого региона степной полосы, доказательство принадлежности этих культур к бронзовому веку, установление их соотношения и относительной хронологии. Гигантская аморфная общность погребений со скорченными и окрашенными костяками перестала существовать. Ее место заняла обоснованная система хронологически последовательных культур. Отдельные стратиграфические наблюдения предшествовавших исследователей были суммированы, резко обогащены и получили принципиально новое освещение. Если прежде ряд ученых отрицал само наличие бронзового века на территории Восточной Европы и, в частности, в степной полосе, то теперь появилась возможность не только с уверенностью утверждать его существование, но и выделить основные ступени его развития. "В продолжение рассматриваемой эпохи, – писал В.А. Городцов, – на берегах р. Донца, в пределах Изюмского уезда, успели последовательно смениться по крайней мере четыре различных типа погребений и в культуре совершился полный круг появления и развития

бронзы и, по всей вероятности, полное вытеснение из употребления каменных орудий. Самым древним является тип погребений в ямах, позже его сменил тип катакомбных погребений, еще позже следовал тип срубных погребений, а потом – тип погребений в насыпях и на горизонте"[34]. Взяв здесь за основу тип погребального сооружения, В.А. Городцов привел свою схему в соответствие с основными моментами эволюции индустрии и правильно отметил закономерность в изменении соотношения каменных и металлических орудий внутри отдельных групп. Должное внимание уделил он и особенностям погребального обряда, подчеркнув доминанту определенной ориентировки и определенного положения костяка в различных группах. И, естественно, при обосновании намеченной последовательности были прежде всего учтены стратиграфические данные. Впервые для данной категории памятников В.А. Городцов произвел корреляцию всех необходимых показателей – стратиграфических, типологических, технологических, общеэкономических. "На смену типа ямных погребений, – писал он, – явился тип погребений в катакомбах. Более позднее его явление доказывается не только более широким знакомством владельца катакомб с металлургией и скотоводством, но также и тем, что при сооружении катакомб часто прорезались ямы и разрушались находящиеся в них остатки погребений, тогда как обратное ни разу не наблюдалось"[35].

На этих принципах В.А. Городцовым были выделены ямная, катакомбная и срубная культуры. Понятия эти прочно вошли в научную литературу и легли в основу всех дальнейших исследований степного бронзового века, полностью сохраняя свое значение до наших дней.

Большим и принципиально важным для своего времени достижением явилось четкое выделение основных признаков указанных культур и стремление к комплексной их характеристике. Достаточно показательно здесь выделение древнейшей ямной культуры. В качестве характерних ее признаков определены наличие курганной насыпи, простые ямы, часто перекрытые бревенчатыми накатниками, посыпка дна охрой, углем или известью, как скорченное на спине или боку, так и вытянутое положение костяка с господством восточной или северо-восточной ориентировки, следы охры на костях погребенных, наконец, немногочисленный и редко встречающийся, но достаточно специфичный инвентарь. Среди последнего наиболее характерной признана керамика, архаизм которой и живейшая связь с неолитическими традициями подчеркивались особо.

Можно поражаться глубокой справедливости общей интерпретации ямных погребений, предложенной В.А. Городцовым, непосредственно после выделения их в особую группу из числа прочих древнейших погребений исследованного района. Время их существования он уверенно относил к бронзовому веку, отмечая, что "... общее состояние культуры было еще близко неолитической..., но все это уже освещалось светом высшей металлической культуры: близ жилища человека появились невиданные ранее домашние животные и трудные работы в исключительных случаях выполняются металлическими орудиями, которыми рубятся толстые дубовые бревна, копаются глубокие ямы в труднопрони-

цаемой лёссовой почве и с неслыханным и ранее непонятным успехом. Каменные орудия постепенно отступают на задний план"[36].

Здесь мы встречаемся с первым в отечественной археологии опытом определенной исторической реконструкции на основании материалов еще недавно полностью отрицавшегося бронзового века степной полосы. Открытия В.А. Городцова и обоснованные им ступени развития бронзового века носили отнюдь не локальный характер. Уже через два года, в связи с новыми раскопками в Бахмутском у. бывшей Екатеринославской губ., ученый особо подчеркнул, что погребения отмеченного выше типа (прежде всего скорченные на спине) "... уже не раз встречались в разных пунктах Южной России.. они известны на р. Волге, в Саратовской губернии, на Дону, в области Войска Донского, в Крыму и на Днепре, в Киевской и Херсонской губерниях"[37]. Таким образом, исследование впервые выделенной древнейшей культуры степного бронзового века сразу же вышло далеко за пределы бассейна Северского Донца (позднее В.А. Городцов еще более конкретизировал свои наблюдения: "... ямная культура занимала обширную область, простиравшуюся от Урала до Днепра"[38]).Он подчеркнул, что это в полной мере касается и последующих ступеней развития бронзового века, представленных катакомбной и срубной культурами. Обосновав по всем отмеченным выше параметрам выделение этих культур, В.А. Городцов с самого начала рассматривал их не как локальные северскодонецкие группы, а как явления огромного территориального размаха, сыгравшие определяющую роль в древнейшей истории всей степной полосы европейской части страны. Работы исследователя можно без преувеличения назвать открытием бронзового века каспийско-черноморских степей. Они положили начало подлинному, всесторонне обоснованному выделению конкретных хронологических и культурных групп среди массы накопившихся к началу нашего века погребений со скорченными и окрашенными костяками. Они впервые показали огромную научную ценность памятников этих групп, явившись решающим импульсом для дальнейших, уже целенаправленных их исследований, все более расширяющихся и плодотворных. Были заложены основы периодизации целой исторической эпохи и выработаны ее принципы. Периодизация эта явилась прочным фундаментом всех последующих исследований, касающихся как соотношения различных культурных групп и их относительной хронологии, так и исторического их осмысления, выяснения их роли и места в древнейшей истории населения евразийских степей, постановки и разработки вопросов их экономического, культурного, социального и этнического содержания.

Трудно переоценить значение этих работ и резонанс их в отечественной первобытной археологии, прежде всего в археологии бронзового века. Достаточно напомнить, что они сыграли решающую роль в создании классификации памятников этой эпохи азиатской части степной полосы: периодизация, успешно разработанная С.А. Теплоуховым четверть века спустя для бронзового века Минусинской котловины, в значительной мере явилась результатом перенесения принципов, выработанных В.А. Городцовым, на материалы Южной Сибири[39].

В дальнейшем В.А. Городцов неоднократно возвращался как к вопросам общей периодизации культур степного бронзового века, так и к характеристике последних, в том числе и ямной культуры, которую он с самого начала твердо относил к раннему бронзовому веку, а позже развил и подкрепил этот совершенно правильный тезис[40].

Таким образом, был определен еще один период в истории степной полосы и положено начало специальному его изучению.

Для периодизации же в целом весьма важна и показательна произведенная В.А. Городцовым классификация погребений Одесского кургана – блестящий и для своего времени совершенный образец анализа стратиграфических показателей сложного погребального памятника[41]. Фактически впервые в столь развернутом виде он поставил вопрос о структуре курганной насыпи, этапах ее создания и связанных с рассматриваемым периодом ярусах погребений, причем археологические показатели приведены здесь в соответствие с данными почвенных характеристик. Весьма четко проведена корреляция стратиграфических индикаторов с типами погребений и установлены принципы соотношения погребений как одного, так и различных типов[42]. При этом общая периодизация получила еще одно серьезное подкрепление, в то же время лишь ее наличие обусловило возможность предложенной классификации.

При определенных уточнениях, внесенных в этот конкретный вопрос исследованиями последующих лет[43], самый принцип анализа, выработанный В.А. Городцовым, оказался незыблем и чрезвычайно перспективен. Начало ему было положено раскопками Изюмских курганов, а следующим этапом явился анализ стратиграфии Одесского кургана, а прямым продолжением стала вся дальнейшая, ведущаяся по сей день, разработка проблемы курганной стратиграфии, без которой немыслимы ныне ни сами раскопки, ни, главное, превращение в исторический источник степных погребальных памятников как бронзового века, так и последующих эпох. И совершенно закономерно, что при многочисленных уточнениях периодизации В.А. Городцова в последующие десятилетия, при некоторых дополнениях и изменении отдельных ее элементов все попытки принципиального пересмотра кончались неудачей и фактическим возвращением к основным ее положениям.

Ограничусь кратким рассмотрением лишь двух характерных (и в то же время весьма различных) попыток такого рода. Первая – предпринята А.М. Тальгреном в его весьма интересном и ценном исследовании[44]. Автор считает классификацию В.А. Городцова построенной лишь на различиях конструкции могильных сооружений, что представляется ему недостаточным. В частности, он рассматривает ямные погребения как разновременные. Вместе с тем в распространении катакомб он видит явление хронологического, географического и отчасти культурного характера. Признает он и отнесение срубных погребений к следующему хронологическому периоду. Еще более поздним и специфически восточным явлением он считает погребения "в больших ямах". Последнее обосновано слабо и подтверждения в дальнейших исследованиях не получило. Что же касается основных групп, то А.М. Тальгрен фактически вернулся к основным ступеням схемы В.А. Городцова. Правда, фор-

мально он попытался противопоставить ей новое двучленное деление степного бронзового века с периодами А и В. Но это деление, построенное почти исключительно на типологии металлических изделий при явном недоучете комплексности, привело к путанице и искусственному объединению в единые группы разновременных и разнокультурных памятников.

Заключение А.М. Таллыгрена о том, что форма могилы не может считаться решающим фактором хронологизации, которую следует основывать только на инвентаре, само требует поправок и уже ни в коей мере не может опровергнуть принципы периодизации В.А. Городцова. Во-первых, форма и конструкция могилы должны учитываться наряду с инвентарем и данными стратиграфии при создании любой периодизации. Во-вторых, В.А. Городцов, как подчеркивалось выше, отнюдь не ограничивал принципы своей периодизации только сменой погребальных сооружений. Последние он использовал в своей схеме лишь как материал, наиболее наглядный и удобный для наименования периодов, выделения которых с самого начала опиралось и на стратиграфию, и на положение костяков (здесь ученым приведены и соответствующие цифровые данные), и, что уже подчеркивалось выше, на эволюцию индустрии и экономики в целом, нашедшей отражение в инвентаре погребений. А.М. Таллыгрен внес в периодизацию В.А. Городцова ряд частных поправок, часто существенных и оправданных, но в целом он не опроверг ее, а, скорее, подтвердил, ибо именно эта периодизация приведена в соответствие со схемой абсолютной хронологии восточноевропейского бронзового века, предложенной им самим[45]. Надо отметить, что схема эта явилась для своего времени несомненным научным достижением и внесла известную ясность в абсолютную хронологию бронзового века Северного Причерноморья.

Вторая попытка связана с периодом становления советской археологической науки, выработкой ее методологических и методических основ, переходом к принципиально новой классификации, отражающей прежде всего закономерности социально-экономического развития. Она была предпринята в интересном и в целом значительном исследовании А.П. Круглова и Г.В. Подгаецкого, которое может рассматриваться как первый опыт социально-экономической характеристики основных ступеней развития родового общества степей Восточной Европы[46]. Авторы подвергли во многом справедливой критике формально-типологическую ограниченность и методическую нечеткость предшествующих исследований, впервые обратили должное внимание на массовый археологический и остеологический материал поселений степных племен, синтезировали все имевшиеся в то время данные о различных отраслях экономики и, наконец, также впервые, попытались обосновать общую схему социального развития древнейшего степного населения. Но, внеся ряд правильных, а иногда и существенных фактических исправлений в схему В.А. Городцова, А.П. Круглов и Г.В. Подгаецкий совершенно незакономерно попытались отвергнуть ее в целом. При этом фактическое исследование было по сути дела подчинено априорной схеме. Последняя же в свою очередь явилась попыткой приложения к рассматриваемой проблеме

господствовавшей тогда теории стадиального развития с универсальным и в то же время обезличенным пониманием термина "стадия". Поэтому построенной на совокупности фактических данных схеме В.А. Городцова были противопоставлены обобщенные стадии, объединявшие памятники различных культур, отнесенных к единой ступени социально-экономического развития. Сами эти ступени были определены и охарактеризованы далеко не бесспорно: в частности, резко приниженным оказался экономический уровень степных племен раннего бронзового века, наличие производящего хозяйства у них, вопреки фактам (но в угоду схеме), полностью отрицалось (гораздо правильнее этот вопрос рассмотрен В.А. Городцовым[47]), абсолютно бездоказательно и ошибочно утверждалось господство у ямных племен матриархальных отношений. Конкретность развития определенных культур была утеряна. Вопросы хронологии вообще оказались за пределами внимания А.П. Круглова и Г.В. Подгаецкого. Там же, где авторы анализировали конкретный материал, они неизбежно были вынуждены обращаться к схеме В.А. Городцова. Более того, возникает вопрос, была ли бы возможна схема А.П. Круглова и Г.В. Подгаецкого без периодизации В.А. Городцова? Полагаю, что нет: ведь фактически предложенные указанными авторами стадии совпадают с основными ступенями этой периодизации и обосновываются материалами культур, впервые выделенных, осмысленных и поставленных в определенную историческую последовательность В.А. Городцовым.

Недаром возвращение к конкретным исследованиям в последующие десятилетия в значительной мере явилось возвращением к основным положениям и прежде всего к периодизации выдающегося русского ученого. Шли годы. Полевые исследования памятников бронзового века каспийско-черноморских степей приняли гигантские, невиданные в мировой археологической практике масштабы. Возросший в сотни раз материал заставляет многое пересматривать, ставит перед исследователями все новые и новые проблемы. В полной мере это касается раннего бронзового века. Здесь выделены новые культуры, а некоторые из известных ранее рассматриваются ныне как гигантские культурно-исторические области. Резко возросла информативность материала, детализирована и с помощью новых методов заметно укреплена периодизация, неизмеримо обогащены представления об экономическом развитии, разрабатываются сложнейшие вопросы социального, этнического, общеисторического плана. Но, сколь ни изменились ныне состояние изученности раннего бронзового века каспийско-черноморских степей и степень разработки связанной с ним проблематики, никогда не следует забывать, что основы последней были заложены в первые годы нашего века, а в дальнейшем блестяще развиты Василием Алексеевичем Городцовым. Principium dimidium totius*.

*Начало — половина дела.

[1]*Формозов А.А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 16.
[2]*Формозов А.А.* Первые научные раскопки в Нижнем Поволжье // СА. 1971. № 1. С. 191–193.
[3]Древн. Тр. МАО. 1876. Т. 6. С. 107; *Спицын А.А.* Курганы с окрашенными костяками // ЗРАО. 1899. Т. 11. С. 88.
[4]*Спицын А.А.* Курганы... С. 115.
[5]ДГС. 1866. Вып. 1. С. 26–28.
[6]Там же. Атлас. Табл. В-II.
[7]*Леонтьев П.М.* Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // Пропилеи. М., 1854. Кн. 4. С. 520.
[8]ОАК за 1859 г. СПб., 1862. С. VI–VII; *Спицын А.А.* Курганы... С. 104.
[9]ОАК за 1859 г. ... С. VII.
[10]*Спицын А.А.* Курганы... С. 104.
[11]ОАК за 1860 г. СПб., 1862. С. VII–X; *Спицын А.А.* Курганы... С. 105.
[12]ОАК за 1860 г. ... С. X.
[13]*Спицын А.А.* Курганы... С. 106.
[14]ОАК за 1861 г. СПб., 1863. С. VIII; *Спицын А.А.* Курганы... С. 105.
[15]ОАК за 1864 г. СПб., 1865; ОАК за 1865 г. СПб., 1866; ОАК за 1866 г. СПб., 1868; *Спицын А.А.* Курганы... С. 128.
[16]ОАК за 1866 г. ... С. XV.
[17]*Самоквасов Д.Я.* Основания хронологической классификации и каталог древностей. Варшава, 1892; *Он же.* Могилы русской земли. М., 1908.
[18]*Скадовский Г.Л.* Белозерское городище Херсонского уезда, Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепровского лимана // Тр. VIII АС. М., 1887. Т. 3.
[19]*Бобринский А.А.* Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. СПб., 1887. Т. 1; 1894. Т. 2.; 1901. Т. 3.
[20]*Ossowski G.* Materialy do paleoethologii kurhanow ukrainskich // Zbior Wiadomoscej do antropologii krakowej. Krakow, 1887–1888. Т. 12.
[21]*Byadlowski A.* Modily w Nowosiolce // Swiatowit. W-wa, 1904. Т. 5; *Idem.* Mogily w Jaskowicy // Ibid. W-wa, 1905. Т. 6.
[22]*Majewski E.* O charakterze starszych kurhanow grupy Tackowickiey // Ibid.; *Idem.* O kurchanach so skieletami barwionemi swiata Nadczarnomorskiego // Ibid.
[23]*Кнауэр Ф.И.* О курганах, раскопанных в Южной Бессарабии // Чтения Ист. об-ва Нестора Летописца. 1889. Кн.3; *Он же.* Вторая археологическая раскопка у с. Сараты (в Южной Бессарабии) // Там же. 1890. Кн. 4; *Гошкевич В.И.* Клады и древности Херсонской губернии. Херсон. 1902. Т. 1.
[24]*Бранденбург Н.Е.* Журнал раскопок с 1886 по 1902 г. (Издан Н. Печенкиным). СПб., 1908.
[25]*Эварницкий Д.И.* Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии // Тр. XII АС. М., 1905. Т. 1.
[26]*Браун Ф.А.* Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. // ИАК. СПб., 1906. Вып. 19.
[27]ОАК за 1895 г. СПб., 1897.
[28]ОАК за 1896 г. СПб., 1898.
[29]ОАК за 1895 г.
[30]*Бранденбург Н.Е.* Об аборигенах Киевского края // Тр. XI АС. М., 1901. Т. 1; *Кулаковский Ю.А.* К вопросу об окрашенных костяках // Там же.
[31]*Спицын А.А.* Курганы...
[32]Там же. С. 105.
[33]Тр. XII АС в Харькове. М., 1905. Т. 1.
[34]*Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии // Там же. С. 179.
[35]Там же. С. 188.

[36]Там же.
[37]*Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г. // Тр. XIII АС. М., 1907. Т. 1. С. 219.
[38]*Городцов В.А.* Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. М., 1927. Т. 7. С. 611.
[39]*Теплоухов С.А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ. Л., 1929. Вып. 2.
[40]*Городцов В.А.* Бронзовый век... С. 611–612.
[41]*Городцов В.А.* Классификация погребений Одесского кургана // ОРИМ за 1915 г. М., 1916.
[42]Там же. С. 128. Рис. 3–5, 7, 8.
[43]*Эбенович В.Г., Лесков А.М.* Еще раз о стратиграфии и классификации 89 погребений Одесского кургана // КСИА. 1969. Вып. 115.
[44]*Tallgren A.M.* La Pontide prescythique apres linitroduction des metau // ESA. 1926. V.2.
[45]Ibid.; *Tallgren A.M.* Studies of the Pontic Bronze Age // ESA. Helsinki, 1937. V. 9.
[46]*Круглов А.П., Подгаецкий Г.В.* Родовое общество степей Восточной Европы. М.; Л., 1935.
[47]*Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде... С. 188; *Он же.* Бронзовый век... С. 612.

Е.Н. ЧЕРНЫХ, С.В. КУЗЬМИНЫХ

СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКАЯ ПРОБЛЕМА В ТРУДАХ В.А. ГОРОДЦОВА

1912 г. был счастливым для российской археологии. Тогда на юге Бессарабии местные немецкие колонисты обнаружили знаменитый Бородинский клад с набором великолепного оружия – серебряными копьями и изящными нефритовыми топорами[1]. Летом того же года в тысячах километров к северо-востоку от Бессарабии близ устья Оки штабс-капитан А.М. Конев натолкнулся на Сейминский могильник. Сразу же вслед за открытиями В.А. Городцовым сформулирована знаменитая сейминско-турбинская (правда, тогда еще только сейминская!) проблема[2], которая по существу беспрерывно будет обсуждаться в течение последующих 75 лет.

Однако в 1912, 1913 и 1914 гг. уникальный могильник на Сейминской дюне был фактически уничтожен, это стало одной из горестных страниц российской археологии. "Раскопки" вели члены Нижегородской ученой архивной комиссии, ее председатель С.М. Парийский, а также приглашенный из г. Гдова некий г-н Трофимов. Особенно трагичным для Сеймы оказался сезон 1914 г., когда сюда для сноса памятника явилось несколько сотен солдат, "...вызванных начальником местной дивизии из вверенных ему полков, при участии г-д офицеров, членов Комиссии и других лиц, прибывших в значительном числе посмотреть на добывание древних вещей из почвы"[3] Могильник был раскопан в два дня. В результате перед исследователями-археологами оказалась груда великолепных бронзовых и каменных вещей, с которыми вскоре удалось ознакомиться выдающемуся русскому археологу В.А. Городцову. По иронии судьбы единственные достойные внимания сведения об условиях залегания

добытых здесь древностей сообщили не "ученые" члены Нижегородской Комиссии, а уже упоминавшийся штабс-капитан А.М. Конев. Выдержки из его дневника обильно цитировал не только В.А. Городцов, но и многие десятилетия спустя О.Н. Бадер[4].

Так или иначе, но находки на Сейминской дюне были немедленно и тщательно изучены В.А. Городцовым и признаны одними из важнейших для реконструкции исторических процессов, происходивших на территории Северной Евразии во II тысячелетии до н.э. Совершенно очевидным для исследования явился факт разрушения здесь значительного древнего могильника, тогда как в результате проведенных "раскопок" оставался неясным даже характер памятника! При этом данный могильник оказался далеко не во всем похожим на те, что раскапывались, например, в более южных областях – на Донце и ряде других районов. Анализ керамики показал, что на дюне кроме захоронений могли иметь место и разновременные слои поселений, что некоторые из этих слоев допустимо считать не только более ранними, нежели некрополь, но и более поздними. С погребениями, по мнению В.А. Городцова, можно было связывать прежде всего целые сосуды, а к поселениям относить сравнительно невыразительные обломки глиняных горшков. Облик найденной здесь керамики позволил ему сразу же вспомнить целый ряд стоянок в бассейне Оки, где встречалась, как он считал, сходная посуда. Последнее явилось для В.А. Городцова основанием для реконструкции особой сейминской культуры и локализации ее по преимуществу в бассейнах Средней Оки и, может быть, Средней Волги. Такой керамики ни на севере Восточной Европы – в лесной полосе, ни на юге – в степях В.А. Городцов не знал, как, впрочем, и на просторах Сибири, и потому относил сейминскую культуру к числу вполне самобытных, хотя и испытывавших заметные "внешние, преимущественно восточные влияния".

Особое место в его исследовании, без сомнения, заняли типологический и искусствоведческий анализы великолепного сейминского оружия: кинжалов с фигурными навершиями на рукоятях, кельтов, наконечников копий с вильчатым и ромбическим стержнем пера. Здесь он показал себя подлинным мастером не только скрупулезного морфологического анализа, но и продемонстрировал поразительную эрудицию в определении казавшихся ему значимыми аналогий и параллелей, зачастую чрезвычайно удаленных от Среднего Поволжья и разбросанных от Передней Азии до Скандинавии и от Западной Европы вплоть до Китая.

Исследование о Сейме и сейминской культуре было подготовлено В.А. Городцовым удивительно быстро – уже в 1914 г., а в 1916 г. оно появилось в печати в виде специального раздела монографии "Культуры бронзовой эпохи в Средней России". В ней и была подробно изложена не только история открытия и "раскопок" Сейминского некрополя, но и сформулированы все основные заключения о характере и происхождении сейминских древностей, об основных параллелях этой культуры и ее судьбах. Излагалось все это ярким и выразительным литературным языком.

Вслед за локализацией сейминской культуры необходимо было определить ее хронологическое место. Она появилась здесь, как думал

Василий Алексеевич, позднее фатьяновской, а также более южной донецкой катакомбной; фатьяновскую же культуру сейминская вполне могла вытеснить из бассейна Оки на север или северо-запад. Вероятным соседом сейминской культуры на юге была срубная, а ее наследниками и, может быть даже производными, явились культуры, оставившие нам такие памятники, как Младший Волосовский могильник, обнаруженный в близком к Сейме регионе. "Генезис культуры также не выяснился, хотя, вероятнее всего, культура проникла в Среднюю Россию из Волжско-Камской области или вообще с востока... Сейминская культура носит очень выразительные признаки сильного культурного влияния Сибири и признаки менее сильного влияния Средней Азии, через посредство которой она входила в связь с Месопотамским культурным очагом конца бронзовой эпохи"[5]. Последнее заключение о связях с Передней Азией (Месопотамией) напрашивалось в результате искусствоведческого анализа сейминской пластики,который так привлекал ученого. "Вместе с тем через область сейминской культуры распространялось сибирское влияние далее к западу и, в частности, в направлении Бессарабии, где серебряное копье с вильчатым стержнем, а также нефрит – и может быть серпентин – являются свидетелями сношений с отдаленными странами Сибири"[6].

Этот вывод до сих пор поражает своей глубиной и смелостью, особенно если учесть, как мало источников для такого рода суждений находилось тогда в руках археологов. Спустя 11 лет в статье о бронзовом веке на территории СССР В.А. Городцов напишет, что известно лишь 18 археологических культур, относящихся к протяженнейшей эпохе раннего металла на всех громадных пространствах Северной Евразии[7]. А в работе 1914 г. ученый продолжал и развивал эту свою мысль:"В начале второй половины II тысячелетия совершилось проникновение в Среднюю Россию сейминской культуры, явившейся сильным авангардом сибирского культурного течения, проникшего не только через всю Россию, но и через всю Западную Европу, включая такие отдаленные области, как Англия, Португалия, Италия и Балканский полуостров. На долю сейминской культуры выпала роль транзитной и передаточной инстанции"[8]. За всем этим он угадывал еще не сформулированную в те годы проблему генезиса новой для культур Центральной и Западной Европы технологии изготовления литого оружия с полыми втулками – кельтов и наконечников копий. Ведь среди поистине гигантских серий этого оружия в северной половине Евразии сейминские экземпляры являлись одними из древнейших, если не самыми ранними.

Со временем стало ясно, что Сейминский могильник не единственный памятник подобного рода, что на территории Восточной Европы еще ранее, в конце прошлого века, были сделаны находки сходного облика[9]. Так, в д. Турбино на Каме, на месте обнаружения знаменитого кинжала, чья рукоять была украшена фигурками горных баранов, А.В. Шмидт в 1924–1927 гг. раскопал древние погребения сейминского типа, и в их могилах не оказалось человеческих скелетов[10]. В опубликованной в 1927 г. статье в Большой Советской Энциклопедии Городцов уточнил и расширил территорию распространения сейминской культуры, включив в

нее не только бассейн Средней и Нижней Оки, но и Прикамье, Средний Урал, а также Зауралье вплоть до Тобольска. Он привлек дополнительное внимание к связям с Прибалтикой, одновременно посетовав на все еще недостаточную обследованность культуры в целом. Все свои основные ранние выводы в этом кратком обзоре он повторил. Статья в Энциклопедии была второй и по существу последней, где В.А.Городцов сколько-нибудь подробно касался сейминской проблемы.

В последующие десятилетия, какие бы впечатляющие открытия новых сейминско-турбинских некрополей не происходили, принципиальной ревизии главных заключений В.А. Городцова не наблюдалось. Дискуссия, которая велась в более позднее время, да и продолжается до настоящего дня, разворачивалась в основном вокруг вопроса о принадлежности сейминско-турбинских некрополей к культуре местных народов, представленных лишь остатками селищ, где бы они не располагались – на Оке (Сейма, Решное), Каме (Турбино, Усть-Гайва и др.), Печоре (Канинское святилище) либо в бассейне Иртыша (Ростовка и др.) и даже восточнее. Материальная культура во всех этих регионах, обнаруженная в слоях поселений, оказывалась достаточно несходной между собой, что породило гипотезы о существовании уже комплекса самых различных культур. Первоначально, вслед за Н.А. Прокошевым, объединявшим в единые этнокультурные сообщества поселения типа Астраханцевского хутора и Турбино, О.Н. Бадер сконструировал особое понятие турбинской культуры, представленной Турбинским кладбищем и поселками гаринско-борского типа в Среднем Прикамье[11]. Позднее эта, в свое время достаточно широко распространенная, гипотеза была отвергнута, поскольку облик древностей из некрополя, с одной стороны, и из селищ – с другой, оказался, скорее, контрастным, нежели сходным. Выделяли и иные культуры – типа чирковско-сейминской для Среднего Поволжья, сейминско-самусьской общности (или эпохи) для Западной Сибири и т.п. В результате стало вполне очевидным, что ни о какой единой культуре, по огромной территории которой оказались разбросанными сейминско-турбинские бронзы и отдельные памятники, говорить нельзя.

Целостное рассмотрение всех сейминско-турбинских древностей от Саяно-Алтая до Прибалтики и Северо-Западного Причерноморья позволило выдвинуть еще одну гипотезу о непохожем на другие, весьма своеобразном сейминско-турбинском транскультурном феномене[12]. Крайне неожиданная вспышка данного феномена чрезвычайно сильно отразилась на развитии и технологии древнейшей металлургии в северной половине Евразии. Подробные морфологические и спектроаналитические исследования металла из различных сейминско-турбинских коллекций в очередной раз подтвердили важнейшую мысль В.А. Городцова о сибирском генезисе вообще, о саяно-алтайском исходном районе этого явления и о вероятном участии в данном процессе некоторых, поныне не вполне ясных, культур востока Средней Азии. В своем стремительном движении с востока на запад сейминско-турбинские группы металлургов и коневодов сталкивались с рядом разнокультурных объединений, и следы инкорпорации представителей этих общностей мы без особого труда улавливаем в материалах могильных комплексов.

Акцент нашей статьи, однако, направлен не на историю открытия могильных памятников этого облика и не на раскрытие сущности сейминско-турбинского феномена. В гораздо большей степени нас привлекает здесь анализ логики и последовательность умозаключений В.А. Городцова, приведших выдающегося исследователя к его важнейшему и в конечном итоге справедливому, как показывают все последующие изыскания, заключению о центральноазиатских корнях сейминской культуры (если пользоваться его термином). Особый интерес данного аспекта коренится хотя бы в том, что это утверждение В.А. Городцова базировалось на весьма существенном и, как это ни странно, явно ошибочном постулате; однако этот последний парадоксальным образом привел ученого к принципиально верному заключению, которое мы так часто повторяем в настоящей статье. Мысль наша станет яснее, если первоначально остановиться на некоторых любопытных и немаловажных обстоятельствах, сопровождавших открытие В.А. Городцова и которые не могут не натолкнуть на подобные размышления.

Исходя из наличия имевшегося тогда материала, кажется, что гораздо более логичным для исследователя было бы сделать как бы "обратный" вывод: именно Восточная Европа являлась родиной сейминской культуры и металлургии данного типа, и уже только потом ее влияние распространялось на восток – в Сибирь – и на запад. Ведь даже в настоящий момент восточноевропейских материалов в несколько раз больше, нежели сибирских, а 75 лет назад такое соотношение казалось просто подавляющим. На гигантских пространствах Западной Сибири и юга Восточной Сибири такие находки в начале века исчислялись по существу редкостными единицами. Типологическое многообразие бронз из Восточной Европы и сейчас выглядит намного более предпочтительным , особенно если принимать во внимание материалы, чуждые для сейминско-турбинского комплекса – типа абашевских и раннесрубных (так называемый евразийский компонент, связанный с формами бронз и технологией Евразийской металлургической провинции). Наличие нефрита предположительно восточного происхождения могло объясняться и обменными взаимосвязями. Минусинские бронзы – карасукские ножи и так называемые минусинско-красноярские кельты датируются в целом более поздним временем, нежели металл сейминско-турбинский, да и морфологически они заметно отличаются от сейминско-турбинских рядом своих существенных деталей. О химическом составе металла и связи его с теми или иными месторождениями различных регионов судить в те годы еще не могли.

Даже сегодня мы с большим трудом можем назвать предшествующие для сейминско-турбинской металлургии звенья в горных областях Саяно-Алтая. Строго говоря, если бы В.А. Городцов в 1916 г. сделал "обратный" вывод, последний выглядел бы более закономерным, нежели тот, который сформулирован им в ранней работе. Пожалуй, в этом отношении более последовательным, но, как оказалось неправым, был А.М. Таллгрен, выводивший Сейму первоначально из древностей фатьяновского типа, т.е. европейских[13]. Весьма примечательно, что В.А. Городцов, однако, такого вопроса даже не поставил и соответственно подробно никак не обсуждал.

Сталкиваемся мы и с другим весьма любопытным обстоятельством: свое заключение о восточных корнях сейминской культуры В.А. Городцов сформулировал фактически моментально, всего лишь несколько месяцев спустя после "раскопок" Сеймы. Размышляя над этим, мы не можем избавиться от впечатления, что он был готов к этому ответственному выводу, что последний следовал из логики его предшествующих размышлений общеметодологического порядка, что с Сеймой в руках В.А. Городцова как бы появилось новое важное звено, лишь подкреплявшее его прежние позиции. И это было действительно так.

Всего за два года до открытия Сеймы вышла в свет одна из основных работ В.А. Городцова "Бытовая археология". Ex oriente lux, без сомнения, служило идеей, насквозь пронизывающей зту книгу, особенно в тех случаях, когда он оценивал древнейшую историю европейского континента. В Передней Азии, Месопотамии гнездился основной генератор идей и технологий. Отсюда различными и дальними дорогами – через Кавказ, Малую Азию и Средиземноморье приходили в Европу знания и новшества. Пять таких путей насчитывал В.А. Городцов, и средиземноморская дорога являлась самой значимой из них. В Восточную Европу благотворные идеи и достижения двигались в основном из Месопотамии через Кавказ и Балканы.

Однако был еще один, может быть самый далекий, и потому уже наиболее примечательный путь: из Переднего Востока в Центральную Азию, а уже оттуда в Восточную Европу. Путь этот "...выходил из сибирского культурного очага и направлялся к северному Уралу, откуда далее шел двумя ветками: северною в Скандинавию и южною в Малороссию и далее в Северную Европу... Что касается распространения бронзовых и медных изделий, то, вероятнее всего, оно совершалось при помощи бродячих мастеров литейщиков и кузнецов, столь прославляемых в финских старинных песнях и сказаниях. По крайней мере, этим легче всего объяснить, что, при отсутствии на огромных пространствах северной и средней России каких-либо более значительных культурных центров, металлические вещи изучаемого времени отличаются довольно значительным развитием"[14].

Итак, большая часть Европы – Северная и Средняя Россия – была не способна к генерированию значимых культурно-технологических идей. Об этом В.А. Городцов говорил с большой уверенностью. В лесной зоне России "...человек был не в состоянии заняться созданием собственной культуры, хотя в руки его и успели поступить семена высших культур в виде металлургии и скотоводства..."[15] Ну, а что же народы восточноевропейских степных пространств? "Столь же неспособными к развитию самостоятельной культуры оказались и русские степи... С самого начала образования и до последнего исторического времени степь являлась свидетельницей буйного разгула, попрания прав и всякого бесчиния. Лишь только мирный человек начинал заниматься делом и готовился вкусить его плоды, как из другого, часто совершенно неведомого, угла наскакивал новый человек и забирал или разрушал все результаты мирного труда без остатка... Не имея возможности разграничиться, эти люди тотчас же вступали между собой в бой и вели его до тех пор, пока

окончательно не уничтожали друг друга или не уходили из пределов степи. Так случилось уже на памяти сравнительно поздней истории с киммерийцами, скифами, сарматами, готами, аланами, хазарами и десятками других... Служа вечной украйной Азии и Европы, русская степь была всегда знакома с плодами высших культур, которые всегда притекали сюда из всех ближайших культурных очагов"[16]. Да и как было не поверить этому: ведь еще совсем недавно – в доекатерининскую эпоху – разбойная вольница южнорусской "дикой" степи, ее неистовый и разрушительный дух являлись реальностью для россиян.

Однако шло время, ширились исследования, прояснялась истинная роль народов восточноевропейской степи – этой "вечной культурной периферии цивилизованного мира". Установили, например, что уже в V тысячелетии до н.э. здесь ранее, чем в других районах, одомашнили лошадь и использовали ее под верховую езду. Впервые на земле появилась конница, и в течение последующих шестидесяти столетий – вплоть до новейшего времени – кавалерия стала основным, таранным видом войск. С приручением лошади облегчились сухопутные коммуникации, резко ускорился темп передвижений. Может быть, также впервые на Земле степные племена начали использовать колесный транспорт. Получая металл из горно-металлургических центров Кавказа или Балкан, кланы степных мастеров-литейщиков вполне успешно участвовали в разработке и модификациях новых типов бронзовых орудий и оружия, и отзвуки влияний их достижений ощущались далеко в среде южных, исходных центров цивилизаций. Развитие культуры степных народов подчинялось общим ритмам глобальных культурно-технологических процессов, равнозначных и для них, и для "более развитых народов Юга и Востока". Обитатели степей подвергались тяжким испытаниям катастрофических периодов деструкции, общих для пространств воистину гигантских и населенных самыми различными племенами. Культурная депрессия сменялась периодом взлета, и ритм таких волнообразных перемен оказывался общим для народов большинства территорий Старого Света.

Однако все это установили позднее, а в 1912 г. великолепные бронзы Сеймы появились для исследователя как нельзя более кстати, убеждая – прежде всего В.А. Городцова – в справедливости исповедуемой им теории о вековой неспособности восточноевропейских народов к созиданию "высших форм" культуры. Кажется, именно таким образом ошибочный постулат парадоксально привел исследователя к справедливым заключениям, что,впрочем, не так уж редко встречается в истории науки. Анализ творчества крупных ученых всегда увлекает: ведь поучительными являлись не только их прозрения, но и заблуждения; даже их ошибки несли на себе яркую печать таланта и смелых поисков.

[1] *Штерн Э.Р.* Бессарабская находка древностей в 1912 г. // МАР. 1914. Вып. 34.
[2] *Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916. С. 59–104.
[3] Там же. С. 62.
[4] *Бадер О.Н.* Бассейн реки Оки в эпоху бронзы. М., 1970. С. 82–91.

[5]*Городцов В.А.* Культуры... С. 103.
[6]Там же.
[7]*Городцов В.А.* Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. М., 1927. Т. 7. С. 622, 623.
[8]*Городцов В.А.* Культуры... С. 103.
[9]*Пономарев П.А.* Из археологической поездки на Каму // ИОИАЭ. 1886. Т. 6, вып. 1; *Спицын А.А.* Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. 1893. Вып. 1; *Он же.* Галичский клад // ЗОРСА РАО. СПб., 1903. Т. 5, вып. 1.
[10]*Schmidt A.* Die Ausgrabungen bei dem Dorf Turbina an der Kama // Anzeiger der Finnisch-ugrischen Forschungen. Helsinki, 1927. Bd. 18. H. 1/3.
[11]*Бадер О.Н.* Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964.
[12]*Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Археология СССР. М., 1987.
[13]*Tallgren A.M.* L'age du cuivre dans la Russie Centrale // Finska fornminnes föreningens Tidskrift. Helsinki, 1920. Т. 32/2.
[14]*Городцов В.А.* Бытовая археология: Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте. М., 1910. с. 216, 218.
[15]Там же. С. 249.
[16]Там же. С. 249–251.

К.А. СМИРНОВ

РОЛЬ В.А. ГОРОДЦОВА В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУР ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Крупнейший русский археолог В.А. Городцов внес большой вклад во все разделы отечественной археологии, в том числе и в разработку вопросов эпохи раннего железа. Данная проблематика не была ведущей темой его исследований, тем не менее достижения ученого в этой области науки были огромны, а многие идеи сыграли большую роль и получили дальнейшее развитие в трудах его учеников и последователей.

В.А. Городцов был не только пытливым исследователем, им очень многое сделано для подготовки научных кадров: сначала он преподавал в Московском Археологическом Институте, а с 1919 г. в МГУ. Курс изданных лекций "Бытовая археология" хорошо знаком многим поколениям археологов[1]. Говоря о преподавательской деятельности Василия Алексеевича, надо отметить, что он всегда стремился, чтобы его ученики имели широкий научный кругозор, были знакомы со всеми основными достижениями мировой науки. Для него археология с самого начала была дисциплиной исторической, использующей данные многих естественных наук. Излагая материал, он старался показать динамику исторического процесса, проследить, на базе каких ранних культур возникали более поздние, а также установить связи между одновременными культурами. В лекциях В.А. Городцов широко использовал данные письменных источников и при помощи их реконструировал исследованные памятники. Так, хорошо зная не только отечественную археологию, он начал описание эпохи раннего железа с Западной Европы, уделяя боль-

шое внимание гальштатской и латенской культурам. Ученый подробно охарактеризовал их памятники и постарался определить место последних в общем историческом процессе. При описании латенской культуры В.А. Городцов широко использовал данные письменных источников и в том числе Записки Ю. Цезаря.

Описание культур раннего железа в Восточной Европе исследователь начал с Кавказа, правильно определив роль этого региона, где возникли древнейшие государства на территории нашей страны (Урарту). Он отмечал, что "Кавказ как часть Передней Азии искони жил с нею одной культурной жизнью"[3].

Подробно, насколько это было возможно в курсе лекций, он описывал яркую культуру древнего поселения Кавказа и пытался определить его связи. Говоря о культурах степной полосы – киммерийской, скифской и сарматской, В.А. Городцов рассматривал их как последовательные этапы развития: "Древности южной России ранней поры железных орудий могут быть приписываемы трем народностям, последовательно друг за другом игравшим главные исторические роли: киммерийцам, скифам и сарматам"[4]. При анализе материалов из скифских царских погребений исследователь широко использовал данные письменных источников и в первую очередь "Историю" Геродота. Характеризуя культуры "Средней и Северной России", он коснулся в основном памятников дьяковской и ананьинской культур. Кроме того, следует сказать, что ученый затрагивал и проблему сетчатой керамики, к которой обращался в ряде работ и которая не получила окончательного разрешения до настоящего времени[5].

В заключение, говоря о лекциях В.А. Городцова, надо отметить, что он был хорошо знаком со всеми достижениями археологической науки своего времени как отечественной, так и зарубежной и стремился рассматривать определенные памятники культуры в общем историческом процессе.

Он много сделал для изучения археологии лесной полосы и Волго-Окского междуречья в частности. Большое место в этих исследованиях занимает проблема сетчатой керамики. В то время, в конце прошлого века, сетчатая керамика была выделена В.И. Сизовым. Описывая материалы с Дьякова городища, он ввел термин, прочно вошедший в науку, и высказал предположение, что сетка получается путем "прижимания сетки к стенкам сосуда" и что относится она к эпохе раннего железа[6]. Работа В.И. Сизова вышла в 1897 г.

В этом же году В.А. Городцов обнаружил аналогичную керамику в бассейне р. Оки. Он правильно датировал ее эпохой бронзы: "По своему типу она не подходила ни к неолитической посуде, ни к посуде железного века, что и давало повод относить ее к особой промежуточной культурной эпохе"[7]. Далее, при описании материалов Алекановской стоянки он высказал мысль, что сетка заимствована от неолитического орнамента и чрезвычайно похожа на "сетчатый орнамент древней эпохи железа. Оттиски нити или ткани на поверхности сосуда он называл орнаментом. В настоящее время большинство исследователей считают его способом обработки поверхности сосуда[8]. В.А. Городцов, рассматривая сетку, выделил ниточный орнамент и правильно установил, что он является

несколько более ранним по отношению к другим типам. Его наблюдения и выводы, сделанные на стадии первого накопления материала, явились большим успехом исследователя.

Проницательный ученый прекрасно понимал значение проблемы сетчатой керамики для археологии Восточной Европы, поэтому он возвращался к ней неоднократно. Через 10 лет в курсе лекций "Бытовая археология" он коснулся времени возникновения сетчатой керамики и способа нанесения оттисков на поверхность сосуда. Он писал: "Еще в конце бронзовой эпохи в приокской области появляется довольно оригинальный орнамент, воспроизводившийся тонкою нитью, которую держали в обеих руках на высоту стенок сосуда и в этом положении прикладывали к сырой глине"[9]. Нанесение сетки другого типа он описывал следующим образом: "Такие сетки, по-видимому, изготовлялись специально для орнаментации сосудов, на которые надевались, как джерсе, а в верхней части наскоро выплетались непосредственно на сосудах. Когда орнамент был готов, верхняя часть сетки распускалась и нижняя совлекалась с сосуда вниз"[10]. Описывая материалы, найденные при исследовании Волосовской дюны, исследователь отмечал широту распространения сетчатой керамики в Восточной Европе. Он писал: "Керамика с такими сетчатыми узорами имела широкое распространение: она известна на всей площади Волжско-Окского междуречья и прилегающих областях, а в последнее время ее нашли в Псковской, Тамбовской и Саратовской губерниях"[11]. Касаясь ее времени, В.А. Городцов отметил, что в финских могильниках, расположенных на той же территории, она не обнаружена, что позволяет датировать ее более ранним временем.

Еще раз к этой проблеме В.А. Городцов вернулся при исследовании Старшего Каширского городища. Рассматривая керамический материал, он писал: "Подавляющая масса сосудов лепилась вторым способом, внутри специальных мешочков, сделанных из ткани, причем дно сначала выходило неправильно округлым, а затем выправлялось на гладкой поверхности"[12]. И далее он отмечал, что отпечатки сетки "нередко заглаживались так, что от них или совсем не оставалось, или оставались только слабые следы"[13]. Поверх сетки иногда наносился орнамент.

Таким образом, в результате изучения проблемы сетчатой керамики в лесной полосе Восточной Европы В.А. Городцов определил время ее бытования для бассейна р. Оки эпохами бронзы и железа. Говоря о способе нанесения, он считал, что сетка – это отпечаток ткани. Описание процесса изготовления сосудов в мешках свидетельствует, что он рассматривал ее как технический прием, хотя в ряде мест и называет орнаментом. В пользу этого же вывода свидетельствует и сделанное им наблюдение, что в ряде случаев отпечаток ткани заглажен и поверх него нанесен орнамент. В.А. Городцов совершенно правильно выделил отпечатки одиночных нитей, как более ранние. Все эти наблюдения подтвердились в ходе последующих работ.

Говоря об исследованиях памятников эпохи раннего железа в лесной полосе, нельзя не отметить раскопки Младшего Волосовского могильника, проведенные В.А. Городцовым в 1910 г. Проанализировав инвентарь

из девяти погребений и детали погребального обряда, он датировал их начальной стадией эпохи раннего железа[14] и совершенно правильно сопоставил этот могильник с Ананьинской культурой: "По своему общему составу культура волосовских погребений ближе всего стоит к культуре Ананьевского могильника"[15].

Огромный вклад В.А. Городцов внес и в изучение дьяковской культуры, главным образом в бассейне р. Оки.

А.А. Спицын в вышедшей в 1903 г. статье "Городища дьякова типа" обобщил материал, накопленный к тому времени. Он отметил, что эти городища являются единственным источником дославянского периода, так как письменные документы этого времени и этой территории отсутствуют. Исследователь датировал памятники VI–VIII вв. н.э. Говоря о назначении городищ, А.А. Спицын ошибочно определял их как жертвенные места, сопоставляя с камскими "кострищами"[16].

В.А. Городцов с группой учеников в 1923 г. произвел раскопки на Огубском городище, а в 1925–1926 гг. на Старшем Каширском.

До этого памятники лесной полосы никогда не изучались в таком объеме. Конечно, в настоящее время можно указать на ряд погрешностей, допущенных при исследовании. Надо отметить, что ученый копал памятник траншеями и не вскрывал больших площадей. Это привело к тому, что многие комплексы были разрознены. В.А. Городцов не производил на памятнике нивелировку. Представленные чертежи слишком схематичны, они скорее являются схемами, а не полевыми чертежами. Весь массовый материал – обломки посуды, кости и т. д. исследователь оставил на месте работ. Коллекция керамики, хранящаяся в ГИМе, включает всего несколько десятков образцов и, конечно, ни в коей мере не отражает всего богатства материала. Она даже не была подсчитана и неизвестно, какой процент составляла сетчатая керамика. Судя по тексту описи на стр. 9, последняя преобладала, а судя по дневнику, ее было значительно меньше.

Но несмотря на отмеченные недостатки, значение исследования Старшего Каширского городища В.А. Городцовым очень велико. В результате раскопок были выявлены жилища и этим неопровержимо доказано, что городища являются остатками древних поселений, а не жертвенных мест. Жилищ было обнаружено 22, но, по мнению исследователя, их было больше. Все жилища представляли собой круглые в плане землянки с очагами"[17].

Было установлено, что в древности мыс, на котором помещалось поселение, был укреплен. По краю площадки проходил частокол, а со стороны поля был выкопан ров, насыпан небольшой вал и на нем возведен частокол. Оказалось, что на краю мыса первоначально имелась промоина. При сооружении поселка жители засыпали промоину землей, утрамбовали и установили сверху частокол. В.А. Городцов предполагал, что склоны мыса были подрезаны и выровнены, чтобы придать им большую крутизну[18]. Все перечисленное, особенно выравнивание площадки, свидетельствует о высоком уровне организации и о строительных навыках жителей поселения.

В.А. Городцов описал и проанализировал находки, разработал класси-

фикацию и на основании аналогий датировал памятник. Нельзя не отметить, что при этом в полной мере проявилась огромная эрудиция исследователя, знание им археологии и этнографии, способность к анализу.

Описание и анализ находок В.А. Городцов начал с керамики, несомненно одной из самых важных категорий находок. Как было отмечено выше, обломки посуды почти полностью были оставлены на городище. Не был даже подсчитан процент сетчатой и орнаментированной керамики. В разделе, специально посвященном керамике, В.А. Городцов изложил свои соображения относительно способов ее изготовления и нанесения сетки, а также описал очень важное наблюдение, что на многих фрагментах сетчатая поверхность была заглажена и орнамент был нанесен поверх нее.

Помимо посуды, В.А. Городцов рассмотрел и другие керамические предметы, как, например грузики дьякова типа. Исследователь изложил точки зрения своих предшественников и отметил, что, по его мнению, грузики могли иметь разные назначения. Одни из них, вероятно, играли роль пуговиц, другие пряслиц[19]. Большое внимание было уделено также рогатым кирпичам и керамическим бусам.

На городище была найдена огромная коллекция костяных предметов. Среди них наиболее важными находками являются костяные наконечники стрел. Значение последних было очень велико, так как они являлись средством охоты и ведения войны. В.А. Городцов разработал первую классификацию наконечников, которая сыграла большую роль при дальнейшем изучении памятников дьяковской культуры.

Имеющиеся 102 наконечника он разделил на два отдела: а) втульчатые, б) черешковые. Отдел втульчатых включал 3 типа, а отдел черешковых – 11[20]. Исследователь выделил 3 типа, которые, по его мнению, возникли под влиянием бронзовых скифских образцов: ланцетовидные шпорцовые, одношипные шпорцовые и однокрылые (каширские). Он сравнил их со скифскими образцами и на основании аналогий определил их возраст в пределах VII–V вв. до н.э.[21]

Правомерность сравнения и справедливость датирования не раз вызывали возражения. Однако крупнейший знаток скифских древностей Б.Н. Граков признал такое сравнение правильным[22]. В его пользу свидетельствует и то, что шпорцовые стрелы, несомненно, являются подражанием металлическим образцам. Тонкий шип как элемент наконечника стрелы мог возникнуть только в металле. У костяных образцов шип является подражанием, и подражанием неудачным, так как при изготовлении шипа приходилось резать поперек волокна кости и он получался хрупким[23]. Кроме того, у одношипных шпорцовых шип на черешке вообще теряет смысл, так как имеются массивные шипы на пере.

В.А. Городцов описал и классифицировал и прочие костяные предметы: гарпуны, проколки, кочедыги. Необходимо сказать несколько слов о классификации костяных и роговых ручек ножей. Рукоятки были разделены на два отдела по способу крепления к клинку: на втульчатые и разрезные. Эта классификация была использована при создании последующих. Отдел втульчатых включает ряд типов, некоторые из которых

встречаются на всей территории дьяковской культуры. Разрезные рукоятки до настоящего времени известны только на Старшем Каширском городище. Они представляют собой пластинки, накладываемые на черешок ножа попарно и закрепляемые заклепками. Надо отметить, что В.А. Городцов неправильно отнес к отделу втульчатых замечательную фигурную рукоять, изображающую голову хищного зверя, по-видимому, медведя с глазами, обозначенными гвоздиками[24]. Эта рукоятка состоит из двух пластинок, соединенных в тыльной части. В ней сохранился след от заклепки[25]. И.Г. Розенфельдт, которая обратила внимание на эту конструктивную особенность предмета, связала ее со скифским влиянием. Действительно, рукоятки такого устройства, но без фигурного завершения известны на скифских памятниках среднего Дона[26]. Таким образом, эта рукоятка может быть отнесена к отделу разрезных или выделена в особый отдел частично-разрезных. Несомненно, рукоятка должна рассматриваться как результат скифского влияния, но не как предмет импорта, так как трактовка глаз животного при помощи гвоздиков – прием неизвестный в скифском искусстве.

Среди костяных предметов следует также отметить струги из бычьих ребер. В этой связи В.А. Городцов приводит свидетельство Геродота о том, что скифы для обработки кожи употребляют бычьи ребра: "ребром быка, очистив кожу от мяса, он разминает ее руками"[27]. В.А. Городцов высказал предположение, что Геродот описал в данном случае северных соседей скифов, так как в то время на скифских памятниках такие струги еще не были известны[28].

Наряду с другими материалами исследователь проанализировал костяные остатки, найденные при раскопках, и сделал вывод, что основой экономики обитателей городища было скотоводство. В то же время были хорошо развиты охота и рыболовство[29]. Большое внимание исследователь уделил анализу культовых сооружений и привел многочисленные аналогии.

Исходя из раннего облика материала и учитывая скифские находки (глазчатые бусы) и костяные подражания скифским наконечникам стрел, В.А. Городцов датировал памятник временем от VII–V по IV в. до н.э.[30]

Таким образом, в результате исследования Старшего Каширского городища В.А. Городцов неопровержимо доказал, что городища являются не жертвенными местами, а поселениями,и определил экономическую основу того общества – скотоводство. Впервые была установлена ранняя дата дьяковских поселений – VII–V вв. до н.э. Было доказано, что обитатели лесов жили не изолированно от остального мира, а имели тесные контакты со своими южными соседями – обитателями степи и лесостепи.

Кроме того, большое значение имеет то, что В.А. Городцов дал систематическое описание материальной культуры обитателей поселения. Интересно отметить, что он попытался охарактеризовать даже ткачество, использовав в качестве источника оттиски ткани на черепках[31].

Говоря об этнической принадлежности обитателей городища, исследователь высказал предположение, что "народность дьяковской культуры,

часть которой составляло и население Каширского городища", была "финнообразною", т. е. до некоторой степени сближенною с финской народностью"[32].

Вклад В.А. Городцова в изучение древнейших памятников эпохи раннего железа в лесной полосе далеко не исчерпывается вышесказанным. Необходимо отметить и городище Казенный бугор (Кропотовское), исследованное ученым с группой студентов в 1927 г. Городище находится в Каширском р-не Московской обл., недалеко от Старшего Каширского и дало материал очень близкий, примерно того же времени[33].

Если изучение Старшего Каширского городища дало возможность В.А. Городцову сделать описание раннего памятника в лесной полосе, то Огубское городище, исследованное в 1923 г., было поздним. Оно было раскопано на два года раньше Старшего Каширского и располагало материалом, хотя и интересным, но гораздо более бедным. Однако недооценивать его нельзя. Говоря о научных результатах проведенных работ, надо отметить, что были найдены жилища: ряд круглых сооружений с чашевидным дном и одно прямоугольное. В.А. Городцов называл их землянками[34]. Интересно отметить, что в начале статьи, перечисляя задачи, которые ученый ставил, приступая к раскопкам, в числе прочего отмечено: "Определение вида жилых сооружений на площади городища"[35]. Это позволяет думать, что исследователь не сомневался, что перед ним остатки поселения. В.А. Городцов попытался рассчитать, каких размеровмогло достигать население поселка. По его мнению оптимальное число жителей было около 150 человек[36]. Это была одна из первых попыток демографических подсчетов. Наличие среди находок серпов и жерновов позволило ученому сделать вывод, что население наряду со скотоводством и охотой занималось земледелием. При рассмотрении экономики жителей городища он поставил земледелие на первое место, на второе скотоводство, потом охоту и рыболовство. По его мнению, рыболовство играло наименее значительную роль[37].

Наличие пастовых и золоченых стеклянных бус, а также украшений с эмалями дало В.А. Городцову основание говорить о торговых связях обитателей поселения с южными соседями. По его мнению, в обмен на привозные украшения они отдавали шкуры пушных зверей: бобров, куниц и т. д.[38] Время жизни на поселении на основании ряда привозных вещей он определяет периодом I–IV вв. н.э.[39]

Говоря об этнической принадлежности обитателей городища, исследователь высказывает мысль, что наиболее вероятно это были финны[40].

К исследованиям дьяковских городищ примыкают раскопки Троице-Пеленицкого городища в Спасском уезде Рязанской губернии. В.И. Городцов сделал ряд интересных наблюдений относительно времени памятника и занятий его обитателей. Находки железных серпов позволили сделать вывод, что главную роль в экономике играло земледелие. На второе место исследователь поместил скотоводство, на третье и четвертое охоту и рыболовство[41].

Большой интерес представляет статья о Дубровичском могильнике[42]. В.А. Городцов описал материалы памятников разного времени, находив-

шихся на развеиваемых дюнах. Среди них главное место занимал финский могильник первой половины – середины I тысячелетия.

Нельзя не упомянуть и статью В.А. Городцова, посвященную описанию и анализу предметов из Подчеремского клада[43]. Последний был открыт геологами в 1929 г. на берегу р. Подчеремы, притока р. Печоры на Северном Урале. В 1930 г. при осмотре места находки было найдено еще несколько предметов, так что всего было собрано 72 вещи. В состав клада входили как бытовые предметы (украшения и их детали), так и предметы, связанные с культом. В.А. Городцов подробно описал и проанализировал находки и датировал комплекс в целом. При этом, как и во всех других случаях, он привлекал аналогии, свидетельствующие о его огромных знаниях, а весь комплекс оценивал на фоне исторических событий того времени. Учитывая стилистические особенности предметов, он датировал клад IV в. н.э., допуская, что одна вещь могла быть изготовлена в конце III в.[44] Проанализировав предметы из клада, исследователь сделал ряд интересных выводов относительно экономики и общественного строя людей, изготовивших эти вещи.

Исследования В.А. Городцова не ограничивались лесной полосой. Он внес значительный вклад и в изучение степных культур Северного Причерноморья.

В этой связи следует упомянуть статью "К вопросу о киммерийской культуре", в которой автор попытался выделить комплекс предметов вооружения, характерный для этого народа[45]. Он рассмотрел все свидетельства древних авторов о киммерийцах и мнения ученых по данному вопросу. Все они помещали киммерийцев в Северном Причерноморье и отмечали их походы в Малую Азию. Далее ученый попытался выделить киммерийские вещи. Он исходил из того, что место обитания киммерийцев – Северное Причерноморье не было изолировано от остального мира: Западной Европы, Кавказа и т. д. и на всей этой огромной территории бытовали вещи сходных типов и прежде всего – кельты.

Такое же сходство прослеживалось и для более поздних периодов: для скифской и сарматской эпох. В.А. Городцов выделил ряд находок из Северного Причерноморья и сравнил их с гальштатскими и кавказскими материалами. Эти предметы он датировал X–VIII вв. до н.э. В статье перечислен ряд предметов, которые, по мнению ученого, были связаны с киммерийцами. В то время число их было невелико. Что же касается статьи, то она интересна с точки зрения методического подхода к решению проблемы, т. е. написана на широком историческом фоне с учетом всех источников как исторических, так и археологических.

Описанию раскопок скифских курганов на Дону посвящена статья «Раскопки "Частых курганов" близ Воронежа в 1927 г.»[46]. Были исследованы четыре скифских кургана, один "курганообразный холм загадочного назначения" и один курган, более ранний по времени. Надо отметить, что раскопки велись колодцами, что, конечно, является большим недостатком, так как благодаря этому не были обследованы края курганной насыпи. Однако это требования методики сегодняшнего дня, а в 1927 г. раскопки колодцем были нормой. В.А. Городцов провел раскопки курганов с большой тщательностью и сделал наблюдения, которые

позволили установить, что все курганы были ограблены в древности людьми, хорошо знакомыми с устройством погребальных сооружений. По-видимому, ограбление совершалось тогда, когда связки сгнивали и кости распадались. Все это позволило В.А. Городцову сделать вывод, что у скифов и сарматов существовали специалисты – грабители курганов, владевшие хорошо разработанными методами[47].

Благодаря тщательности исследования был прослежен ряд важных деталей, в частности, остатки погребальной пищи и цилиндрические ямы на дне погребальной камеры, по мнению В.А. Городцова, служившие для принесения даров божеству или божествам подземного мира[48]. Говоря о времени курганов, Василий Алексеевич принял дату М.И. Ростовцева и датировал их концом IV – началом III в. до н.э., но при этом сделал оговорку, что, судя по прежде найденным бронзовым ножам, некоторые из курганов должны быть отнесены к гораздо более раннему времени – VI–V вв. до н.э.[49]

Нельзя не упомянуть исследования, проведенные В.А. Городцовым в 1934–1935 гг., Елизаветинского городища на р. Кубани, в 18 км от Краснодара, и близлежащих могильников[50]. Располагая небольшими средствами, ученый сумел получить сравнительно большие результаты и на основании их сделал целый ряд интересных исторических выводов. При раскопках были обнаружены остатки каркасных глинобитных домов. Используя этнографические материалы Краснодарского края В.А. Городцов сделал заключение, что существовавший там тип построек появился в глубокой древности[51]. Кроме того, им был прослежен ряд конструктивных особенностей этих построек.

На основании находок исследователь реконструировал экономику обитателей городища. Судя по находкам серпов и жерновов, а также обугленных зерен пшеницы и проса, земледелие было развито достаточно широко. Однако, по мнению специалиста, скотоводство играло более значительную роль. В меньшей степени были развиты охота и рыболовство.

Интересные результаты были получены при изучении могильников. Было установлено, что наиболее крупные курганы относятся к более раннему времени, а более поздние погребения не имеют насыпей. Многие могилы были разграблены в древности и сделанные наблюдения позволили высказать предположение, что грабители были хорошо знакомы с устройством могил. Проанализировав материалы, полученные при раскопках, В.А. Городцов сделал предположение, что городище в начале своего существования было колонией Пантикапея, причем основную часть населения составляли местные жители[53].

Большую роль в развитии науки сыграла статья В.А. Городцова "Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве"[54].

На предметах народного искусства, полотенцах в первую очередь, девушки вышивали сюжеты строго канонизированного характера. В центре помещалось женское изображение – Великая богиня, мать всего сущего. По обеим сторонам от нее располагались фигуры всадников. На одних изображениях фигура богини находилась в храме, на других имеются фигуры птиц и т. д. В.А. Городцов обратил внимание на то, что в

дакском искусстве, и в меньшей степени в сарматском, часто встречается точно такая же композиция: в центре Великая богиня, а по бокам всадники. Исследователь отметил, что такое сходство не случайно. Эта идея В.А.Городцова получила развитие в трудах его учеников и последователей.

Подводя итоги научной и педагогической деятельности ученого, необходимо отметить следующее.

Он познакомил слушателей Московского Археологического института с основными культурами эпохи раннего железа на западе – с гальштатской и латенской культурами и сравнил их с культурами Восточной Европы.

В.А. Городцов внес огромный вклад в изучение памятников эпохи раннего железа в лесной полосе Восточной Европы. Он доказал, что городища являются остатками поселений и что обитатели их владели высокими для своего времени строительными навыками. Он подтвердил, что обитатели лесов имели тесные контакты с жителями степей и, основываясь в значительной степени на привозных вещах, построил хронологическую шкалу от VII–VI вв. до н.э. до IV в. н.э., а также разработал классификацию для отдельных групп находок; некоторые из них легли в основу современных.

В.А. Городцов попытался реконструировать экономику племен лесной полосы для разных периодов. Последующие исследования в значительной мере подтвердили его предположения.

В.А. Городцов изучал памятники лесной полосы в связи с общим историческим процессом, и в этом заключается его основная заслуга. Идеи, высказанные ученым, сыграли огромную роль в дальнейшем изучении дьяковской и городецкой культур.

[1] *Городцов В.А.* Бытовая археология: Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте. М., 1910.
[2] Там же. С. 308.
[3] Там же. С. 317.
[4] Там же. С. 341.
[5] Там же. С. 373.
[6] *Сизов В.И.* Дьяково городище близ Москвы. М., 1897. Тас. IX. Т. 2. С. 258.
[7] *Городцов В.А.* Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки 1897 г. М., 1900. с. 26.
[8] Там же. С. 34, 35.
[9] *Городцов В.А.* Бытовая археология... С. 372.
[10] Там же. С. 373.
[11] *Городцов В.А.* Археологические исследования в окрестностях р. Мурома в 1910 г. М., 1914. С. 13.
[12] *Городцов В.А.* Старшее Каширское городище // ИГАИМК. М.; Л., 1933. Вып. 85. С. 9.
[13] Там же. С. 9.
[14] *Городцов В.А.* Археологические исследования в окрестностях г. Мурома... С. 13.
[15] Там же.
[16] *Спицын А.А.* Городища Дьякона типа // ЗОРСА РАО СПб., 1903. Т. 5, вып. 1. С. 111.
[17] *Городцов В.А.* Старшее Каширское городище. С. 8.
[18] Там же. С. 6,8.
[19] Там же. С. 12.

[20]Там же. С. 22.
[21]Там же. С. 24.
[22]*Граков Б.Н.* Старейшие находки железных вещей в европейской части территории СССР // СА. 1958. № 4. С. 3.
[23]*Смирнов К.А.* Дьяконовская культура // Дьяконовская культура. М., 1974. С. 31.
[24]*Городцов В.А.* Старшее Каширское городище. С. 30.
[25]*Розенфельдт И.Г.* Итоги раскопок Щербинского городища // КСИА. 1967. Вып. 112. С. 93.
[26]*Либеров П.Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону // САИ. М., 1965. Вып. Д1-31. С. 71. Табл. 16, *1,2.*
[27]*Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М., 1982. С. 123.
[28]*Городцов В.А.* Старшее Каширское городище. С. 22.
[29]Там же. С. 39.
[30]Там же. С. 45.
[31]Там же. С. 39.
[32]Там же. С. 46.
[33]*Романовская С.В.* Материалы из раскопок городища "Казенный бугор" // Сб. науч.-археол. кружка. М., 1928. Вып. 1. С. 38.
[34]*Городцов В.А.* Болотное огубское городище // Тр. ГИМ. М., 1926. Вып. 1. С. 113.
[35]Там же. С. 110.
[36]Там же. С. 115.
[37]Там же. С. 115, 116.
[38]Там же. С. 120.
[39]Там же. С. 123.
[40]Там же.
[41]*Городцов В.А.* Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища Холмища в 1926 г. Рязань, 1930. С. 26.
[42]*Городцов В.А.* Дубровичский финский могильник // К материалам по археологии Рязанского края. Рязань. 1925.
[43]*Городцов В.А.* Подчеремский клад // СА. 1937. № 2. С. 113.
[44]Там же. С. 143.
[45]*Городцов В.А.* К вопросу о киммерийской культуре // Тр. СА РАНИОН. М., 1928. Т. 2. С. 46.
[46]*Городцов В.А.* Раскопки "Частых курганов" близ Воронежа в 1927 г. // СА. 1947. № 9. С. 13.
[47]Там же. С. 23.
[48]Там же. С. 18.
[49]Там же. С. 27.
[50]*Городцов В.А.* О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г. // СЭ. 1935. № 3. С. 71; *Он же.* Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. // СА. 1936. № 1. С. 171.
[51]Там же. С. 174.
[52]Там же. С. 178, 179.
[53]Там же. С. 183.
[54]*Городцов В.А.* Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве // Тр. ГИМ. М., 1926. Вып. 1.

Ю.Б. ЦЕТЛИН

В.А. ГОРОДЦОВ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ

Одним из наиболее крупных представителей отечественной археологической науки конца XIX – первой половины XX в. был Василий Алексеевич Городцов (1860–1945 гг.). Для него как исследователя были особенно характерны тонкая наблюдательность, необычайная широта научных интересов, глубина и своеобразие подхода к изучению явлений прошлого. Эти черты его личности в полной мере проявились в изучении древней глиняной посуды. Здесь он сделал чрезвычайно много. В 1901 г. был издан труд В.А. Городцова "Русская доисторическая керамика"[1], где были подведены итоги ее предшествующего изучения в России и дана как бы программа на будущее, которая указала одно из важнейших направлений деятельности в области археологии для исследователей XX столетия.

В данной статье рассмотрены два основных вопроса. Первый – вклад В.А. Городцова в изучение древней керамики. Второй – что́ было сделано в этой области последующими исследователями, в частности с точки зрения практического применения и дальнейшего развития его идей.

В.А. Городцов одним из первых обратил внимание на древнюю глиняную посуду как на важнейший исторический источник по самым различным вопросам истории человеческого общества. При этом он отчетливо понимал, что чисто описательный подход, который практиковался в работах археологов XIX в., явно недостаточен для того, чтобы на его основе строить изучение прошлого по вещественным источникам, в частности керамике. Необходимо было разработать систему аналитического изучения этого источника.

Отмечая важность керамического материала для изучения древней истории, В.А. Городцов оценивал его "сравнительно со многими доисторическими памятниками, не исключая металлических, из которых большинство при одинаковых условиях легче теряют свою форму и даже исчезают совсем"[2]. Многочисленные достоинства керамики, по его мнению, ставят знания о ней "на один уровень с другими знаниями и дисциплинами, как например, нумизматикой, сфрагистикой, геральдикой и т.п."[3] Спустя 20 лет В.А. Городцову представилась возможность в какой-то мере воплотить в жизнь такое свое отношение к этому источнику, когда он занял кафедру первобытной керамики на керамическом факультете Высших государственных художественно-технических мастерских в Москве, которым руководил известный специалист в этой области А.В. Филиппов [4].

Мысль о необходимости создания системы аналитического изучения и описания древней керамики возникла у В.А. Городцова под влиянием общего уровня развития естественных наук и существовавшего в то время разнобоя в подходах к ее описанию и номенклатуре, имевшихся в литературе. Его беспокоило, что в будущем "все это будет продолжаться и увеличиваться в том же духе, пока, наконец, не выработается одна

система и одна номенклатура, для появления которых назрело время и достаточно подготовлена почва"[5].

Однако эта исследовательская задача оказалась столь сложной и многогранной, что единая система анализа и номенклатуры керамики не создана в археологической науке до сих пор. Тем не менее первый опыт ее создания был осуществлен именно В.А. Городцовым.

Система[6], предложенная В.А. Городцовым, включает пять разделов, по которым должно вестись изучение керамического материала: I. Материал керамических изделий. II. Способы выработки керамических изделий. III. Виды керамических изделий. IV. Высушивание и обжигание керамических изделий. V. Орнамент.

В первом разделе предлагается фиксировать, был ли сосуд изготовлен из чистой глины или с какими-либо примесями и каковы именно эти примеси (дресва, песок, ракушка и т.п.). В.А. Городцов специально обращает внимание на то, что при фиксации примесей необходимо четко различать, являются ли они искусственными, т.е. специально введенными в глину мастером, или естественными, характеризующими особенности глиняной залежи. Он пишет: "В сомнительных случаях опаснее сделать ошибку в утверждении, чем отрицании искусственной примеси, так как утверждение должно свидетельствовать о таком развитии культуры, какого она не имела"[7].

Во втором разделе В.А. Городцов выделяет пять способов выработки сосудов, располагая их в последовательности от менее совершенных к более совершенным: от лепки на устойчивых основах до изготовления на гончарном круге. Здесь еще отсутствуют указания на разные приемы конструирования сосудов – кольцевой и спиральный налепы. В то время эти детали технологии не привлекали внимания археологов. Однако в более поздней работе 1922 г. В.А. Городцов кратко описывает их, как хорошо известные по данным этнографии[8].

Раздел третий включает изучение форм сосудов и их номенклатуру. Автор называет восемь основных видов керамической посуды (корчаги, горшки, чаши, тарелки, кувшины, ковши, кружки и сосуды загадочного назначения). Особое внимание уделяется описанию частей сосудов (край, обрез края, шея, горло, плечи, боковые стенки и днище) и особенностей формы каждой части. В.А. Городцов рекомендует обращать внимание на верхнюю часть сосуда, за которой позднее закрепилось в литературе название венчик, так как "детальное изучение этой части сосудов. . . обещает дать интересный материал для сравнений и выводов"[9]. Кроме того, ученый предлагает фиксировать различные налепные детали на формах (ушки, ручки) и разнообразные отверстия в глиняных изделиях, что может дать информацию о сферах их применения в быту. Определенное значение, по мнению В.А. Городцова, имеет также учет размерных особенностей сосудов, по крайней мере, для их сравнительного анализа.

Кроме непосредственно глиняной посуды, в этом разделе разбираются и другие сферы использования глины (в строительстве, пластике, для поделок технического и музыкального назначения), которые в данном случае мною не рассматриваются.

Четвертый раздел посвящен описанию способов высушивания и обжи-

га керамики. Здесь выделяются высушивание на солнце и три вида обжига: слабый, средний и сильный. Кроме того, по этнографическим данным автор отмечает три способа обжига: в кострах, печах и горнах. В то время по этим разделам технологии еще практически отсутствовали конкретные знания, которые позволили бы изучать их по древним сосудам. Получение таких знаний В.А. Городцов ставит в качестве одной из задач для будущих исследователей.

Пятый раздел предполагает анализ орнамента глиняной посуды. Автор подчеркивает большое значение орнамента как исторического источника: у "первобытного человека орнамент пользовался весьма большим значением, и поэтому изучение его проливает много света на некоторые стороны давно минувшей жизни и открывает в археологии новые широкие горизонты"[10]. Здесь особенно проявились глубина и оригинальность подхода исследователя к объекту изучения: орнамент рассматривается как явление иерархическое, могущее изучаться на разных уровнях анализа. В связи с этим В.А. Городцов выделяет, с одной стороны, элементы (т.е. неделимые части орнамента) и узоры или мотивы (т.е. комбинации или сочетания элементов), а с другой – классификационные уровни изучения: семейства,роды и виды орнамента, указывая, что особенно существенно в методическом отношении, четкие критерии для каждого из этих уровней. "Появление, распространение и уничтожение тех или других элементов и мотивов орнамента. . . дает возможность следить за событиями в пространстве и времени, а это есть одна из главных задач каждой исторической науки"[11].

Изучение орнамента на посуде, по мысли В.А. Городцова, необходимо начинать с выяснения того, каким инструментом наносился тот или иной элемент узора и выделяет при этом 19 различных орудий. Затем дается классификация орнамента по трем уровням, отмеченным выше. Всего В.А. Городцов выделяет восемь различных семейств орнамента (печатных, чеканных, резных, инкрустированных, лепных, растительных, точеных, графитных) по способу применения орудий его нанесения; внутри семейства делятся в общей сложности на 22 рода, а последние включают 79 различных видов орнамента, что в целом позволяет вести детальные наблюдения. Все описанные процедуры ставят своей целью прежде всего разложение изучаемого явления на составные части. Однако В.А. Городцов прекрасно понимал, что сам по себе анализ не может рассматриваться как конечный результат изучения. Он дожен быть завершен синтезом полученной информации. Этот этап синтеза нашел определенное отражение в двух заключительных пунктах его программы: фиксация типов узоров, т.е. того, как организованы в композицию элементы и виды орнамента (выделены шесть основных наиболее распространенных типов – рябчатый, елочный, шахматный, городчатый, клетчатый, полосатый), и фиксации особенностей расположения разных видов орнамента на поверхности сосудов.

Такова в основных чертах программа аналитического описания и изучения керамики, предложенная В.А. Городцовым более 80 лет назад. Как можно видеть, в ней нашли отражение все три основные составляю-

щие глиняной посуды как объекта изучения: техника и технология изготовления, форма сосудов и их орнаментация.

Несмотря на то что ее создание относится ко времени становления археологии как науки, когда объем положительных знаний о прошлом был весьма ограничен, а разработка способов их получения пребывала еще в зачаточном состоянии, программу В.А. Городцова в целом никак нельзя назвать умозрительной – она выросла из назревших потребностей практики и опирается на весьма фундаментальные основания, каковыми являются данные археологии, этнографии и эксперимента. Остановлюсь более подробно на последнем, так как это первое применение экспериментального подхода в археологии не только отечественной, но и мировой. Здесь В.А. Городцов выступил подлинным новатором.

Разрабатывая свою программу изучения керамики, ученый практически во всех ее разделах опирался на результаты физического моделирования изучаемых явлений. Так, при анализе исходного сырья для разделения естественного (природного) и искусственно введенного песка в формовочной массе он считал необходимым проводить сравнительный анализ примесей в керамике и природной глине из окрестных залежей, где она могла добываться древними гончарами[12], указывая на отличительные признаки песка и дресвы, которые, по его словам, часто не учитывались археологами. В ходе создания научного труда в 1901 г. В.А. Городцов, вероятно, еще не располагал экспериментальными наблюдениями о "способах выработки керамических изделий". Однако позднее, в 20-х годах, он предпринимает специальные исследования в этой области, в частности при изучении форм-моделей для изготовления глиняной посуды. Следствием этого явилось убеждение в том, что отпечатки различных тканей и других материалов на поверхности сосудов "являются результатом не только орнаментации, но и, преимущественно, особых приемов лепки"[13]. Важно подчеркнуть, что речь идет не о простой имитации способов работы, а о сопоставлении следов, которые остаются на поверхности экспериментальных сосудов, со следами на керамике из раскопок[14]. Конечно, необходимо учитывать, что это были лишь первые попытки обращения к такому подходу, а не систематическое моделирование всех этапов производственного процесса.

Как и следовало ожидать, роль эксперимента оказалась весьма ограниченной при изучении форм глиняной посуды, а также их сушки и обжига, что было связано, во-первых, со сложностью экспериментального изучения этих сторон древнего гончарства и, во-вторых, с тем, что конечные результаты такой работы не были вполне очевидны. Здесь В.А. Городцов опирался главным образом на материалы этнографии и некоторые наблюдения за особенностями водопоглощения и механической твердости поверхностей сосудов, которые, по его мнению, позволяли судить о качестве обжига. Зато в заключительном разделе, посвященном изучению орнамента, экспериментальная работа была развернута весьма широко. Прежде всего эксперимент был положен в основу реконструкции орудий и инструментов, служивших для нанесения орнамента на древние сосуды. Автор пишет: "Для установления каждого вида узора и указания его места в классификации необходимо точное определение того

орудия или инструмента, которым вид воспроизводился. Определение их весьма удобно производить посредством гипсовых и восковых слепков, а также вопроизведением исследуемых узоров отысканными инструментами или орудиями на мягкой глине или воске. В своей практике я пользовался всеми упомянутыми средствами. . ."[15] Проведение столь обширных экспериментов позволило В.А. Городцову не только выделить разные элементы орнамента, но и для большинства из них указать вполне определенные признаки, по которым они могут быть зафиксированы на древней керамике.

В широком применении методов физического моделирования особенно сказались оригинальность и глубина подхода В.А. Городцова к изучению древней керамики, способность подойти к решению этой задачи с позиций естествоиспытателя, стремящегося к строгой доказательности своих выводов.

Теперь рассмотрим, на решение каких исторических задач нацеливал В.А. Городцов практическое применение своей программы изучения древней глиняной посуды.

Как отмечалось выше, одной из задач каждой исторической науки является, по мнению исследователя, "следить за событиями в пространстве и времени".

Решение такой задачи в конце XIX – начале XX в. было весьма осложнено ограниченным числом раскопанных и изученных памятников. Тем не менее В.А. Городцову удалось сделать множество интересных наблюдений пространственно-временны́х особенностей глиняной посуды. Остановлюсь лишь на некоторых из них. Изучая распространение разных элементов орнамента, он приходит к выводу, "что одни из них пользовались весьма широким распространением и удивительной долговечностью, другие, наоборот, держались в небольших районах и скоро вытеснялись новыми видами[16]. Именно эти последние в дальнейшем стали основой для выделения локальных археологических культур, в частности культур эпохи неолита. Располагая весьма ограниченным по территориальному охвату материалом, В.А. Городцов наметил в бассейне р. Оки зоны распространения глиняной посуды с ромбическим (ямочным) и рамчатым элементами орнамента[17], которые позднее были охарактеризованы как белевская и волосовская археологические культуры.

Сравнивая, например, керамические остатки эпохи неолита и бронзового века, он установил, что для первой из этих эпох была характерна круглодонная глиняная посуда с невыраженными или слабо выраженными шеей и плечиками, которая в последующее время постепенно вытесняется плоскодонной посудой с четко профилированными частями формы[18]. В целом, по мнению В.А. Городцова, когда разработана система аналитического описания и изучения археологического материала, в частности, керамики, "история развития каждого признака дает возможность определить, хотя и схематическую, относительную хронологию вещей"[19]. Поэтому там, где позволяют накопленные наукой к тому времени знания, он пытается расположить выявленные признаки с точки зрения относительной последовательности их возникновения. Например, конструирование глиняной посуды началось, по его мнению, с

использования различных форм-моделей, затем человек научился лепить сосуды от руки, а позднее это начало делаться на специальной гончарной доске, которая постепенно была заменена гончарным кругом[20].

Необходимо отметить, что В.А. Городцов прекрасно осознавал, что его наблюдения являются лишь первой попыткой вторжения в совершенно новую область знания, какой является древнее гончарство. Обращаясь к будущим исследователям, он пишет, что в его системе изучения керамики "новые приобретения и открытия всегда найдут. . . место и явятся не только ожидаемыми, но и весьма желательными дополнениями", а "частные недостатки, которые выяснятся в ее плане или выборе терминов, легко могут быть исправлены, не представляя вреда целому"[21].

Для того чтобы правильно понять и оценить значение работ В.А. Городцова для последующего изучения древней керамики, необходимо попытаться выделить и охарактеризовать основные направления этого исследовательского процесса, сложившиеся в советской археологической науке на протяжении XX столетия. Хотя в рамках небольшой статьи это невозможно сделать сколько-нибудь полно, такой разбор, как мне кажется, позволит увидеть главные тенденции, по которым идет изучение этого вопроса, а также некоторые достигнутые на сегодняшний день результаты.

С точки зрения содержания исследовательских задач, в изучении древней керамики можно наметить два основных направления: формально-типологическое и источниковедческое. В рамках формально-типологического направления осуществляется процедура разделения керамики по ряду тех или иных признаков на однородные в этом отношении группы, обособленные в пространстве и во времени, которые только в дальнейшем так или иначе интерпретируются на историческом уровне или не интерпретируются совсем (наиболее ярким примером такого подхода является выделение локальных археологических культур по данным изучения керамики). Источниковедческое направление предполагает выявление и анализ тех свойств глиняной посуды, которые и делают ее источником для изучения различных сторон жизни древних обществ (в частности, истории населения, его социальной организации, мировоззренческих представлений и т.п.).

В течение XX столетия формально-типологическое направление в изучении древней керамики является господствующим в отечественной и мировой археологической науке. Поэтому я ограничусь лишь краткой характеристикой разных исследовательских подходов в рамках этого направления и ссылкой на весьма ограниченное число работ, иллюстрирующих каждый из них.

Всего представляется возможным выделить три различных подхода к изучению керамики: описательный, естественно-научный и формализованный.

Описательный подход является традиционным и наиболее распространенным в практических исследованиях. Он базируется на субъективном выделении разных качественных (и реже количественных) признаков посуды, по которым она затем объединяется в некие однородные группы, близкие по времени бытования или территории распространения. Факти-

чески именно таким был подход В.А. Городцова. Результатом практического применения этой методики было выделение многочисленных локальных культур эпохи неолита и бронзового века на территории европейской части СССР[22]. Важно отметить, что в своей практической работе исследователи обычно использовали и используют не всю программу описания посуды, предложенную В.А. Городцовым, а лишь те или иные ее разделы (в одних случаях, как, например, для культур эпохи неолита – это преимущественно орнаментика, в других – для более поздних эпох – формы сосудов и т.п.), которые позволяли зафиксировать наиболее яркие отличительные черты изучаемого конкретного материала. Это объясняется целым комплексом причин, в том числе необычайным обилием керамических коллекций, что делало затруднительной их обработку по полной программе и, конечно, противоречило представлениям ее создателя. При таком подходе некоторая часть признаков (как, например, технологические) либо вообще не фиксировалась, либо не использовалась в ходе дальнейшего исследования, что закономерно вело к утрате значительной части информации о прошлом.

В известном смысле как реакция на субъективность традиционного описательного подхода в археологической науке складываются иные подходы, имеющие целью по возможности объективизировать разные этапы изучения керамики.

С точки зрения попыток такой объективизации, наиболее сложным является этап выделения признаков, по которым в дальнейшем идет целенаправленная классификация керамики. Попытка решить эту задачу была предпринята представителями естественно-научного подхода. Она сводилась прежде всего к тому, чтобы выделить те или иные "технические показатели", характеризующие объект исследования. С этой целью изучаются особенности минералогического и химического состава сырья, в том числе содержание редкоземельных и радиоактивных элементов, водопоглощение черепка, пределы прочности его в сухом и влажном состояниях, морозоустойчивость и т.п. Одним из первых опытов подобного изучения был анализ трипольской керамики[23]. В дальнейшем керамика разных культур была предметом пристального внимания О.А. Кульской, О.Ю. Круг, Э.В. Сайко и других исследователей[24]. Особенно широкое распространение такой подход получил в зарубежной археологии[25].

Не входя в детальное рассмотрение его возможностей на современном уровне развития науки, отмечу только ряд моментов, кажущихся мне наиболее существенными: 1) малую доступность для археологов необходимых приборов и технических средств, что допускает их использование в единичных случаях; 2) большую трудоемкость применения этих методов, из-за чего обследованию могут быть подвергнуты лишь выборочные образцы, а не массовый керамический материал; 3) в результате такого анализа (что особенно важно) исследователь получает в значительной степени формальные физико-химические характеристики некоторых свойств изучаемого образца, которые чрезвычайно трудно использовать при решении конкретных исторических проблем, стоящих перед археологией как наукой о прошлом.

Внедрение формализованного подхода в археологии, и в частности его

применение к изучению древней глиняной посуды, является частью общего процесса математизации научного знания. Смысл введения такого подхода состоит в том, чтобы по возможности упорядочить все этапы исследовательской процедуры, начиная с описания тех или иных признаков изучаемого объекта и кончая его интерпретацией.

В связи с этим специалистами выделяются три основные задачи, которые должны быть решены: 1) точное описание объектов изучения; 2) формализация операций над источниками (имеются в виду процедуры сравнения, поиска аналогий, классификация и т.п.); 3) введение способа обработки массовой информации с помощью ЭВМ[26]. Осуществление всех этих задач предполагается на основе широкого внедрения методов статистической обработки источников. Очевидно, что такой подход рассчитан в первую очередь на массовый археологический материал, каковым является прежде всего керамика. Однако в широком внедрении такого подхода к изучению археологического материала, в том числе и керамики, таится существенная опасность. Дело в том, что всякая наука, которая начинает использовать формально-математические методы, должна быть прежде всего подготовлена к этому всем своим предшествующим внутренним развитием. Это означает применительно к археологии чрезвычайно высокий уровень источниковедческого анализа, в частности в сфере изучения керамики. В противном случае применение этих методов к материалу который еще недостаточно хорошо понят на содержательном уровне, неизбежно приведет к печальным результатам.

Вероятно, широкому внедрению формализованного подхода должно предшествовать применение методов количественного анализа изучаемых объектов, к чему призывал В.А. Городцов[27], рассматривая это, совершенно правильно, не как самостоятельный метод исследования, а как существенное дополнение к описательному и содержательному анализу керамики.

Развитие второго (источниковедческого) направления шло по пути решения двух основных исследовательских задач – дальнейшей разработки и обоснования отдельных звеньев системы В.А. Городцова, дополнения ее новыми разделами и раскрытия источниковедческих возможностей керамики для изучения различных сторон жизни древнего общества.

Первая задача решалась совместными усилиями этнографов и археологов. Внимательное изучение этнографических данных о гончарстве позволило существенно дополнить практически все разделы в программе, предложенной В.А. Городцовым. Например, трудами Д.К. Зеленина[28], М.В. Воеводского[29], Б.А. Рыбакова[30] были детально описаны такие приемы конструирования глиняной посуды, как кольцевой и спиральный налепы, разные виды гончарных кругов (ручной круг легкого и тяжелого типов, ножной круг), а также выделены некоторые признаки, по которым эти явления можно было бы фиксировать по древней керамике[31].

Наряду с этим решался вопрос о применении накопленных знаний для решения конкретных исторических проблем. А.В. Арциховский[32] и Б.А. Рыбаков[33] высказали предположения о связи использования гончарного круга с ремесленной формой организации труда, а гончарных клейм

на посуде – с наследственным характером сельского и городского ремесла и малой производительностью труда в гончарстве. Так было положено начало новому направлению – изучению социальной истории древнего гончарства на основании вещественных источников.

В 1962 г. в Институте археологии АН СССР по инициативе академика Б.А. Рыбакова была реализована идея В.А. Городцова о необходимости специального и целенаправленного изучения древней керамики. В рамках Лаборатории естественно-научных методов начала работать Лаборатория "История керамики" под руководством А.А. Бобринского, целью которой стала разработка специальных методов изучения древней глиняной посуды как особого исторического источника.

К настоящему времени в советской археологической науке наиболее полной разработке подверглись вопросы техники и технологии древнего гончарного производства, составляющие первый, второй и частично четвертый разделы в системе В.А. Городцова. На основании комплексного анализа этнографических, археологических и экспериментальных данных по гончарству А.А. Бобринским была разработана целостная система технико-технологического изучения древней керамики, включающая почти все основные стадии производственного процесса. В результате этих исследований выяснилось, что данные о технике и технологии древнего гончарства являются важным источником для решения многих исторических проблем. Во-первых, опираясь на конкретные данные о степени развития функций гончарного круга, которые могут быть зафиксированы по обломкам глиняной посуды, оказалось возможным судить о разных экономических формах древних гончарных производств (домашнем, ремесленном на заказ и с рыночным сбытом продукции). Во-вторых, выяснилось, что анализ смешанных и несмешанных навыков труда на разных ступенях производственного процесса дает в руки исследователей важный источник для изучения истории древнего населения, в частности процессов его этнокультурного смешения и развития[34].

Дальнейшее развитие археологической науки подтвердило точку зрения В.А. Городцова о большой роли орнамента в изучении истории древних обществ. Например, обращаясь к семантическому значению орнамента, он высказал предположение, что "часто употребляемые окским неолитическим человеком виды лапчатого орнамента не были случайными, а, вероятнее всего, служили для изображения звериных следов и именно следов зайцев, с которыми лапчатые узоры имеют наибольшее сходство. Ведя охотничью жизнь, человек должен был любить звериные следы: явление их в поле у охотника возбуждает надежду на счастье, а изобилие является залогом успеха и благополучия"[35].

Выяснение значения и смысла древнего орнамента на глиняной посуде относится к числу наиболее сложных задач археологии. На необходимость ее разработки неоднократно указывали различные исследователи еще в первые годы Советской власти[36].

В 1949 г. появилась статья Е.Ю. Кричевского, где проводится мысль об отражении в орнаменте на трипольской керамике космогонических представлений этого населения[37].

Позднее чрезвычайно большое внимание изучению семантики древ-

него орнамента уделил Б.А. Рыбаков. Обращение к этой теме он начал с расшифровки славянского земледельческого "календаря" на трех сосудах черняховской культуры[38]. Вслед за этим сюжетом внимание исследователя привлекла семантика трипольского орнамента. Б.А. Рыбаков неоднократно обращается к этой проблеме в отдельных статьях, где наряду с орнаментом на посуде анализу подвергается орнамент на глиняной мелкой пластике и других изделиях[39]. Обобщенное изложение полученных результатов было дано им в фундаментальном исследовании о славянском язычестве[40]. Анализ семантики трипольского орнамента позволил выявить не только систему мировоззрения ранних земледельческих племен, но и установить изменение этой системы во времени – дать ее периодизацию[41]. Дальнейшее развитие космогонических представлений племен эпохи энеолита отмечено Б.А. Рыбаковым по керамике культуры шаровидных амфор, в частности по фатьяновским сосудам[42], а следы этих представлений – по глиняным сосудам более позднего времени, относящимся к тшинецко-комаровской и скифской культурам[43].

Однако внимание исследователей к древнему орнаменту на посуде не ограничивается только его семантикой. Накопление данных о пространственно-временны́х особенностях орнаментальных узоров, которые отмечал В.А. Городцов, выдвинуло проблему объяснения причин этих различий. Попытка ее решения связана в советской первобытной археологии с именем М.Е. Фосс. В своей работе о культурах северного неолита[44] на основании сопоставления этнографических и археологических материалов исследовательница приходит к заключению, что особенности орнамента отражают различные в этнокультурном отношении группы древнего населения, а наблюдения за ними могут позволить выявить группы родственного и неродственного населения по этому признаку. Детальное изучение орнаментов на неолитической глиняной посуде может, по ее мнению, стать основой для выделения отдельных племенных группировок древнего населения. Однако конкретные указания на пути решения этой проблемы в работе М.Е. Фосс отсутствуют.

Наиболее сложным объектом изучения с точки зрения выявления его источниковедческих возможностей оказались формы глиняной посуды. В решении этой задачи сейчас сделаны, по сути дела, лишь самые первые шаги. Исследования А.А. Бобринского в этой области, проведенные на материалах черняховской культуры[45], выявили возможность выделения среди всей массы глиняной посуды, относящейся к данной культуре, форм, возникновение которых является следствием подражания местных гончаров инокультурным образцам, прежде всего античным. Это проявляется в закономерных нарушениях общей пропорциональности форм сосудов, которые возникают при воспроизведении мастером неизвестной ему до этого модели. Первоначально прослеженное по данным этнографии, это явление оказалось чрезвычайно широко представленным в археологических материалах.

Таким образом, в рамках второго направления в исследовании древней глиняной посуды, сложившегося в советской археологии на протяжении XX столетия, объектами изучения стали, хотя и в разной степени, все три стороны этого источника: техника и технология, орнаментация

и формы глиняной посуды. По каждому из этих разделов достигнуты конкретные результаты с точки зрения решения основной исследовательской задачи – изучения древней керамики как особого исторического источника.

Предпринятый обзор основных направлений современного изучения керамики неоспоримо доказывает, что многие из научных подходов, применяемых ныне, впервые были намечены в трудах одного из основателей русской и советской археологии – Василия Алексеевича Городцова.

[1]*Городцов В.А.* Русская доисторическая керамика. М., 1901. Этой работе предшествовало его выступление на XI Археологическом съезде. См.: *Городцов В.А.* Необходимость выработки номенклатуры и системы описания доисторической керамики // Изв. XI АС. Киев. 1899. С. 118, 119.

[2]*Городцов В.А.* Русская доисторическая керамика. С. 2.

[3]Там же.

[4]*Городцов В.А.* К выяснению древнейших технических приемов гончарного дела // Казан. музейный вестн. 1922. № 2. С. 178.

[5]*Городцов В.А.* Русская доисторическая керамика. С. 3.

[6]С современной точки зрения это правильнее было бы назвать не системой, а программой изучения керамики, так как система предполагает необходимую взаимосвязь входящих в нее элементов и разделов.

[7]*Городцов В.А.* Русская доисторическая керамика. С. 14.

[8]*Городцов В.А.* К выяснению древнейших технических приемов... С. 186, 187.

[9]*Городцов В.А.* Русская доисторическая керамика. С. 26.

[10]Там же. С. 40.

[11]Там же.

[12]Там же. С. 14.

[13]*Городцов В.А.* К выяснению древнейших технических приемов... С. 181.

[14]Там же. С. 184.

[15]*Городцов В.А.* Русская доисторическая керамика. С. 40.

[16]Там же. С. 5.

[17]Там же. С. 5,6.

[18]Там же. С. 4, 26–28.

[19]Там же. С. 4.

[20]Там же. С. 18–21.

[21]Там же. С. 7.

[22]*Бадер О.Н., Воеводский М.В.* Стоянки Балахнинской низины // ИГАИМК. 1934. Вып. 106. С. 298–346; *Фосс М.Е.* Неолитические культуры Севера европейской части СССР // СА. 1947. № 9. С. 29–46; *Брюсов А.Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952; *Гурина Н.Н.* Валдайская неолитическая культура // СА. 1958. № 3. С. 31–45; *Крайнов Д.А., Хотинский Н.А.* Верхневолжская ранненеолитическая культура // СА. 1977. № 3. С. 42–68; *Крайнов Д.А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья: Фатьяновская культура, II тысячелетие до н.э. М., 1972.

[23]*Красников И.П.* Трипольская керамика: (Технол. этюд) // СГАИМК. 1931. № 3. С. 10–12.

[24]*Кульська О.А., Дубіцька Н.Д.* Будівельни матеріали трипільської культури (Хіміко-технологічне дослідження) // Трипільская культура. Київ, 1940. Т. 1. С. 325–336; *Она же.* Кераміка трипільської культури (Хіміко-технологічне дослідження) // Там же. С. 307–334; *Она же.* Химико-технологическое исследование ольвийских керамических изделий // Ольвия. Киев, 1940. Т. 1. С. 171–185; *Августиник А.И.* К вопросу о методике исследования древней керамики // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 149–156; *Круг О.Ю.* Применение петрографии в археологии // Археология и естественные науки // МИА. 1965. № 129. С. 146–152; *Сайко Э.В.* Техника и технология в становлении и развитии ремесленного производства: (По материалам керамического ремесла Средней Азии в древнейший, древний и средневековый периоды): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1977.

[25]*Bennyhoff J.A., Heiser R.F.* Neutron activation analysis of some Cuicuilco and Teo-

tihuacan pottery: archaeological interpretation of results // American Antiquity. Salt Lake City, 1966. V. 31, N 6. P. 870—871; *Wayne C.* Combined thermal and X-ray diffraction technique for identification of ceramic ware temper and paste minerals // Ibid. Wash. (D.C.), 1974. V. 39, N 3. P. 477—483.

[26]Археология и естественные науки // МИА. 1965. № 129; Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970; *Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер А.Я.* Анализ археологических источников: (Возможности формализованного подхода). М., 1975.

[27]*Городцов В.А.* Русская доисторическая керамика. С. 10.

[28]*Зеленин Д.К.* Примитивная техника гончарства налепом в Восточной Европе // Этнография. 1927. № 1/2. С. 87—105.

[29]*Воеводский М.В.* К истории гончарной техники народов СССР // Там же. 1930. № 4. С. 55—70; *Он же.* К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны европейской части РСФСР // СА. 1936. № 1. С. 51—77.

[30]*Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 73—77, 163—182.

[31]Подробный анализ истории изучения техники и технологии гончарства дан в работе: *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. С. 5—14.

[32]*Арциховский А.В.* Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1934. № 11/12. С. 35—60.

[33]*Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. С. 175—182.

[34]*Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы.

[35]*Городцов В.А.* Русская доисторическая керамика. С. 78.

[36]*Жебелев С.А.* Введение в археологию. Пг., 1923. Т. 4. С. 145; *Готье Ю.В.* Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы. Л., 1925. Т. 1. С. 79.

[37]*Кричевский Е.Ю.* Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы // Учен. зап. ЛГУ. 1949. № 85. С. 54—110.

[38]*Рыбаков Б.А.* Календарь IV в. из земли полян // СА. 1962. № 4. С. 66—89.

[39]*Рыбаков Б.А.* Семантика трипольского орнамента // Тез. докл. на заседаниях, посвящ. итогам полеаых исслед. 1963 г. М., 1964. С. 23—25; *Он же.* Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА. 1965. № 1. С. 24—47; № 2. С. 13—33; *Он же.* Религия и миропонимание первых земледельцев Юго-Восточной Европы (IV—III тысячелетия до н.э.) // Докл. и сообщ. археологов СССР. VII Междунар. конгр. доисториков. М., 1966. С. 106—120.

[40]*Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981.

[41]Там же. С. 208.

[42]Там же. С. 234, 235.

[43]Там же. С. 250, 251, 335—337.

[44]*Фосс М.Е.* Древнейшая история Севера европейской части СССР // МИА. 1952. № 29. С. 64—77.

[45]*Бобринский А.А.* Формы бытовой глиняной посуды черняховской культуры: (Методы анализа и классификации). 1984. Рукопись.

Б.А. ШРАМКО

В.А. ГОРОДЦОВ И ИЗУЧЕНИЕ ПОСЕЛЕНИЙ СКИФИИ

В научном наследии В.А. Городцова скифская тематика занимает сравнительно немного места[1], но тем не менее и в этой области отечественной археологии ему в ряде случаев принадлежит честь первооткрывателя, многие выводы которого получили подтверждение и дальнейшее развитие в трудах современных исследователей. В чем же конкретно состоит

вклад В.А. Городцова в изучение культуры земледельческих племен лесостепной Скифии и особенно в исследовании их поселений.

Знакомство с лесостепными памятниками скифской эпохи началось, как известно, давно, еще со времени раскопок А.Мельгуновым Литой могилы в 1763 г., но знакомство это долгое время было весьма односторонним. Раскапывались преимущественно курганы. Поселения почти не привлекали внимания исследователей. До работ В.А. Городцова на Бельском городище в 1906 г. в литературе имелось ничтожно мало сведений о поселениях Скифии, а качество публикаций оставляло желать лучшего. В.В. Пассек[2], И.И. Фундуклей[3], Филарет[4] в своих работах дали только первые, преимущественно краткие топографические сведения о ряде городищ без необходимой характеристики археологического материала скифской эпохи, которым они еще не располагали или не умели выделить из общей массы находок. Поэтому до 70-х годов XIX в. было еще распространено выдвинутое З.Доленга-Ходаковским (А.Чарноцким) предположение о том, что городища являются своеобразными богослужебными центрами. Только Д.Я. Самоквасову удалось поколебать это мнение, но оставалось еще много неясного[5]. В.В. Хвойко опубликовал в 1905 г. краткие сведения общего характера о своих работах на Пастырском и Матронинском городищах, правильно установив, что на них имеются отложения скифской эпохи[6]. Однако его методы изучения иногда были недопустимы и для того времени. Например, для получения материалов из культурного слоя Пастырского городища он распахивал данное многослойное поселение тяжелым плугом[7]. Это, конечно, не укрепляло доверия к его описаниям, и В.А. Городцов относился скептически к некоторым выводам исследователя[8]. Для определения принадлежности городища к скифской эпохе достаточно было и подъемного материала, который удачно использовал А.А. Бобринский, определив задолго до этого, еще в 1895 г., наличие отложений скифской эпохи на Бельском городище и сравнив его с Матронинским и Немировским городищами[9]. В.Е. Данилевич совместно с Е.Н. Мельник раскопал у с. Буды в Ахтырском уезде Харьковской губ. селище с зольниками, но ошибочно принял их за курганы с остатками трупосожжений[10]. И.А. Зарецкий много лет собирал на песчаных дюнах у с.Лихачевки подъемный материал, относящийся к разным эпохам, в том числе и скифской[11]. К сожалению, правильно классифицировать и датировать свои находки он еще не мог. Таким образом, раскопки на поселениях велись редко, а методика их изучения не была разработана. Неудивительно, что А.А. Спицын в своей обобщающей работе "Курганы скифов-пахарей" вынужден был признать, что к отысканию поселений "у нас пока не приложено серьезного внимания"[12]. И все же крупнейшее в Восточной Европе Бельское городище скифской эпохи не могло не привлекать первых исследователей поселений. Филарет[13] дает о нем еще очень краткие и неточные сведения, неправильно указывая длину валов Западного и Восточного укреплений. Более обстоятельно описывает городище А.А. Бобринский, опубликовавший схематический план Западного укрепления[14]. Однако размеры укреплений он указывает по глазомерным данным, расположенные внутри городища зольники называет курганами. В то же время А.А. Бобринскому уже были хорошо

известны образцы керамики, бронзовые наконечники стрел и другие находки из курганов скифской эпохи в Среднем Поднепровье. Характеризуя подъемный материал Бельского городища, он, хотя и не называет конкретной даты, но уверенно говорит о глиняной посуде типичных скифских образцов и о фрагментах греческой керамики. К сожалению, полное отсутствие в его публикации изображений каких-либо находок не позволяло последующим исследователям составить сколько-нибудь ясное представление об этих материалах, а описание их не всегда отличалось точностью. Так, типичная для Западного укрепления Бельского городища чернолощеная керамика описывалась как посуда, покрытая довольно аккуратной поливой. Раскопок на городище А.А. Бобринский не производил.

Таким образом, В.А. Городцов приступил в 1906 г. к первым раскопкам грандиозного Бельского городища, располагая очень скудными данными о нем и о других синхронных поселениях Скифии. Это были не только первые, но в то же время хорошо продуманные раскопки городища скифской эпохи, проведенные на высоком научном уровне. Прежде всего бросается в глаза широкий размах работ, проведенных в течение одного полевого сезона, и их комплексность. В.А. Городцов не ограничился изучением разных объектов только на самом Бельском городище (исследование оборонительных сооружений – валов и рвов, майданообразных сооружений, внутренней площади с зольниками), хотя и это была не легкая задача, так как речь идет о гигантском поселении, общая площадь которого превышается 4000 га, а общая длина оборонительных сооружений составляет почти 34 км. Достаточно сказать, что известные тогда Пастырское и Матронинское городища имеют площадь соответственно 18 и 20 га. Ученый прекрасно понимал, что сколько-нибудь четкое представление о Бельском городище нельзя получить, рассматривая его изолированно. Поэтому в том же 1906 г. он произвел разведки и раскопки в окрестностях городища: на селище у с. Должик, на зольниках в Осиягах и на Саранчевом поле, на майданах Саранчевого поля и в Скороборе, в курганных могильниках Осняги, Скоробор и у хутора Блажки. Это позволило получить большой сравнительный материал и не только показать ряд особенностей крупнейшего городища скифской эпохи, но по существу открыть новую археологическую культуру – культуру лесостепных земледельческих племен Скифии.

Раскопки В.А. Городцова, и это хорошо отражено в опубликованной им работе[15], отличают большая целеустремленность и тщательный анализ стратиграфических данных. Он не рассчитывал на случайные находки, а организовывал исследования так, чтобы даже минимально полученный материал позволял найти ответы на конкретные вопросы. Прежде всего В.А. Городцов постарался изучить систему оборонительных сооружений и определить соотношение между отдельными их частями. Здесь следует отметить, что никто до В.А. Городцова вообще не воспринимал Бельское городище во всей его сложности с Западным, Восточным и Куземинским укреплениями как единый взаимосвязанный комплекс. В наиболее полном предшествующем описании А.А. Бобринского дается общая характеристика только Западного укрепления, а Восточное лишь упомянуто как

"другое громадное городище" без указания на его связь с Бельским. Куземинское городище скифской эпохи осталось неизвестным А.А. Бобринскому и писавшему после него В.Г. Ляскоронскому[16]. Бобринский отмечает, что с. Куземина «находится гора, называемая "Замковая", но следов замка здесь, как говорят, незаметно»[17]. На самом деле на Замковой горе в с. Куземине находится хорошо выраженное городище роменской культуры, а Куземинское укрепление Бельского городища расположено на мысу против него, В.А. Городцов впервые выявил все части укреплений Бельского городища и опубликовал полный его план, сделал правильный вывод об одновременности сооружения Восточного и Западного укреплений[18].

Большое внимание было уделено изучению устройства оборонительных сооружений и майданообразных сооружений Западного укрепления, а также различных майданов в окрестностях Бельска. В.А. Городцов впервые снял точные профили валов и рвов, сделал их разрезы на разных участках городища, тщательно анализируя в каждом случае стратиграфию насыпей валов и заполнение рвов. Такие исследования оборонительных сооружений производились впервые на городище скифской эпохи. В результате удалось точно установить, что на Западном укреплении ров был кольцевым, а древним является только восточный вход.

В специальный раздел выделено исследование майданообразных сооружений, и это не случайно. Во-первых, специфика западного укрепления Бельского городища состоит в том, что его вал изрезан во многих местах большими продольными ямами двух типов. Около одних располагаются направленные внутрь городища валы, напоминающие усы майданов. Другие имеют только выход во внутреннюю часть городища, а продолговатые валы у них отсутствуют. Во-вторых, в окрестностях Бельского городища, в урочищах Саранчево поле и Скоробор, также зафиксированы майданы и непонятные майданообразные сооружения. В то время назначение и время возникновения тех и других было полной загадкой. Высказывалось предположение, что майданы являются небольшими городищами. Под именем городищ явные майданы фигурируют, например, на составленной Д.И. Багалеем Археологической карте Харьковской губ.[19] Даже гораздо позже А.А. Захаров[20] и А.И. Фурманская[21] ошибочно утверждали, что Раскопана Могила – это городище, в то время как речь шла о типичном майдане среди курганного могильника[22]. В.А. Городцов не мог за один полевой сезон решить все вопросы, связанные с изучением майданов и майданообразных сооружений. Однако он решительно и совершенно правильно высказался против предположения о том, что майданы являются городищами[23]. Им были внимательно исследованы майданообразные сооружения первого типа (с направленными внутрь городища валами) на Западном укреплении и ряд майданов в курганных могильниках. Тщательное изучение стратиграфии насыпей и состава их отложений позволили ему сделать вывод, что майданообразные сооружения первого типа и майданы в курганных могильниках являются образованиями позднего времени, связанными с деятельностью кладоискателей и селитровщиков XVI–XVII вв.[24] Этот вывод впоследствии был подтвержден новыми исследованиями[25]. Что касается майданообразных

сооружений второго типа, которые В.А. Городцов не успел рассмотреть, то, как показали раскопки, они являются остатками древних помещений, располагавшихся внутри вала[26], что также не противоречит взглядам ученого.

Важные результаты дало изучение В.А. Городцовым внутренней части Западного и Большого укреплений Бельского городища. Здесь он столкнулся, помимо всего прочего, с проблемой зольников, которая тогда была совершенно не ясна. В.А. Городцову было известно, что В.В. Хвойко, встретивший зольники на Пастырском городище, считал их местами трупосожжений, а И.А. Зарецкий, видевший их на селище в Лихачевке, рассматривал зольники как места жертвоприношений[27]. К этому следовало добавить, что А.А. Бобринский и В.Е. Данилевич смешивали зольники с курганами. Внимательно проанализировав стратиграфию и состав находок в раскопанных им зольниках, В.А. Городцов отвергает эти мнения и приходит к правильному выводу о том, что зольники – это своеобразные образования, связанные с хозяйственной и бытовой деятельностью обитателей городища, которые нарастали очень медленно, а возникали в результате существования обычая ссыпать печную золу и связанные с жилищем культурные остатки в одно место[28]. В.А. Городцов лишь не объясняет причину возникновения такого обычая. Сейчас, после получения большого количества новых материалов, можно добавить, что этот обычай возник в результате особого отношения к домашнему очагу, который считался священным. Там, где огонь очага является священным, вполне закономерно и почтительное отношение к происходящей из этого очага золе, а также ко всем остаткам, происходящим из жилища, в котором находится данный очаг. Золу и остатки нельзя было разбрасывать где попало, а необходимо было собирать в определенном месте, связанном в конечном счете также с очагом. Это подтверждается разнообразными письменными и этнографическими источниками. Археологические раскопки показывают, что зольники часто располагаются над древними очагами, около жилищ, святилищ или прямо на месте старых жилищ, очаг которых был священным местом, оставаясь центром семейного или общинного культа огня[29]. В зольниках действительно встречаются остатки жертвоприношений, но В.А. Городцов был прав, считая, что нельзя все сводить к одним жертвоприношениям, как это делал И.А. Зарецкий. Жертвоприношения оказываются обычно впущенными в уже существующий зольник, т.е. совершаются на священном месте, связанном с культом огня или очага, восходящим в лесостепи по крайней мере к бронзовому веку[30] и сочетающемуся с земледельческим культом плодородия. При раскопках В.А. Городцова в зольниках также были найдены культовые предметы в виде антропоморфной и зооморфной статуэток и глиняной лепешки[31], относящихся к этому культу. Кроме того, обнаружен интересный обломок жертвенника, назначение которого в то время объяснить было трудно. В.А. Городцов предполагал, что это может быть кусок штукатурки от какой-то постройки[32]. Находка сравнительно хорошо сохранившегося глиняного жертвенника с аналогичным орнаментом на поселении у с. Жаботин[33] позволяет сейчас вполне определенно считать, что В.А. Городцову удалось найти остаток такого же сооруже-

ния. Это подтверждают и новые раскопки на Западном укреплении, где в 1968 г. в зольнике 19 также были выявлены остатки орнаментированного глиняного жертвенника[34].

Анализируя материалы, полученные при раскопках зольников Бельского городища, В.А. Городцов впервые дает полноценный очерк хозяйства населения лесостепной земледельческой культуры. Этот очерк по своей полноте и обстоятельности намного превышает все то, что было известно в литературе о хозяйстве и быте местных жителей. И главное здесь было не в новых интересных находках, а в научном подходе к изучению материалов. В.А. Городцов показывает методику раскопок, подробно описывает находки каждого слоя, подкрепляет описания чертежами, зарисовками вещей, фотографиями. Все это усиливает доказательность его прекрасно обоснованных выводов. Сделанные при изучении обычного, не вызывающего сенсаций материала открытия ученого были подчас настолько неожиданны, что их не всегда должным образом оценивали даже специалисты.

Так, В.А. Городцову впервые удалось установить на Западном укреплении остатки земляночного жилища[35]. Само жилище прослеживалось не очень хорошо из-за более поздних ям, но глинобитная печь сохранилась полностью[36]. Возможно, именно эта сохранность и не позволила А.А. Спицыну правильно оценить эту находку, так как ничего подобного археология Скифии в то время не знала. Он высказал мнение, что яма с печью может относиться к иному времени[37]. Однако новые многолетние раскопки на Бельском городище показали, что глинобитные печки скифской эпохи встречаются часто и на Западном, и на Восточном укреплениях, а те из них, которые расположены в ямах жилищ или небольших кухонь, сохраняются хорошо[38]. Поэтому нет никаких оснований сомневаться в открытии В.А. Городцова.

В.А. Городцов принадлежал к числу тех археологов, которые всегда очень внимательно относились к обнаружению изделий, характеризующих различные ремесла и домашние промыслы. Поэтому он тщательно фиксирует находки орудий производства, кусков руды, шлаков и полуфабрикатов на Бельском городище. Особенно была важна фиксация находок медной руды и медных шлаков[39], бронзовых полуфабрикатов в виде наконечников стрел с остатками литков[40]. Все эти материалы, убедительно свидетельствующие о наличии местной металлургии и металлообработки цветных металлов, недостаточно оцениваются некоторыми современными исследователями. Так, Т.Б. Барцева, не приводя никаких доказательств и даже не делая ссылок на работу В.А. Городцова, пытается возражать против заключения о местной добыче цветного металла ремесленниками Бельского городища[41]. Между тем, новые находки вплоть до остатков целых ремесленных мастерских и специальные анализы ошлакованных стенок плавильных печей и других остатков подтверждают выплавку меди местными бельскими металлургами из привозных окисленных руд[42].

При раскопках 1906 г. В.А. Городцов впервые при изучении поселений Скифии не только тщательно зафиксировал, но и проанализировал остеологические остатки. В работе дается характеристика состава стада, охот-

ничьей добычи и продуктов собирательства. Определены кости животных, птиц и моллюски. Такого полного описания остеологического материала из поселений Скифии не было до 50-х годов, а некоторые выводы В.А. Городцова являются и сейчас более убедительными, чем новые. Например, в прекрасном, сделанном на высоком научном уровне исследовании В.И. Цалкина имеется утверждение, что население местных городищ и селищ раннего железного века не употребляло в пищу собак[43]. В.А. Городцов же считал наоборот[44]. Видимо, вывод В.И. Цалкина слишком категоричен и не должен относиться ко всем лесостепным поселениям. По крайней мере наши многолетние наблюдения за находками на Бельском городище и ряде других поселений Левобережья позволяют считать, что в данном случае прав был В.А. Городцов, так как кости собак нередко встречаются разрозненными и расколотыми среди пищевых отбросов, так же как и кости других животных, мясо которых употребляли в пищу. Эта деталь может оказаться важной при окончательном определении этнической принадлежности местного населения скифской эпохи в сочетании с другими своеобразными признаками.

Раскопки значительного количества (22) курганов и зольников у с. Должик в Осиягах позволило отнести эти памятники к той же культуре, которая исследовалась на городище. Впервые был получен очень ценный взаимосвязанный комплекс материалов, относящийся к укрепленному и неукрепленному поселению и могильникам. Особо следует отметить, что в кургане 1 урочища Осияги было с присущей В.А. Городцову аккуратностью не только обнаружено культовое сожжение стеблей пшеницы с зернами в колосьях, но и взяты образцы этих зерен, которые хранятся в Государственном историческом музее в Москве. Это – единственный из сохранившихся дореволюционных образцов культурных злаков лесостепной Скифии, который мы имеем возможность изучить в настоящее время.

Очень осторожно исследователь подходит к вопросам датировки и, основываясь главным образом на находках античного импорта, делает вывод, что "греческая посуда VI в. до н.э. указывает не начало, а только середину времени изучаемой керамики" бельских зольников [45]. Учитывая неразработанность хронологии раннего железного века в то время, такое заключение следует считать вполне правомерным.

Таким образом, своими исследованиями Бельского городища и его окрестностей В.А. Городцов внес много нового в изучение поселений лесостепной Скифии, получив первоклассный материал и впервые раскрыв многие стороны жизни местного земледельческого населения, правильно решив ряд общих вопросов, относящихся к оценке городищ и майданов, майданообразных сооружений и зольников.

[1] *Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ., 1901 // Тр. XII АС. М., 1905. Т. 1.; *Он же.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губ., 1903 // Тр. XIII АС. М., 1907. Т. 1; *Он же.* Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г. // Тр. XIV АС. М., 1911. Т. 3; *Он же.* Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Тр. ГИМ. М., 1926. Вып. 1; *Он же.* О результатах археологических исследований Елизаветинского

городища и могильника в 1934 г. // СЭ. 1935. № 3; *Он же.* Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. // СА. 1936. № 1; *Он же.* Раскопки Елизаветинского городища // Экспедиции АН СССР. М.; Л., 1935, 1937; *Он же.* Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 г. // Памятники древности на Дону. Ростов н/Д., 1940. Вып. 1; *Он же.* Станица Елизаветинская // Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг. М.; Л., 1941; *Он же.* Раскопки Частых курганов близ Воронежа // СА. 1947. Т. 9.

[2]*Пассек В.В.* Курганы и городища Харьковского, Волковского и Полтавского уездов // Рус. ист. сб. М., 1839. Т. 3, кн. 3. С. 228—229.

[3]*Фундуклей И.И.* Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии. Киев, 1848.

[4]*Филарет.* Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. 1—4. М.; Харьков, 1852—1857.

[5]*Макаренко Н.Е.* Городища и курганы Полтавской губернии. Полтава, 1917. С. 8, 9.

[6]*Хвойко В.В.* Городища Среднего Приднепровья, их значение, древность и народность // Тр. XII АС. М., 1905. Т. 1. С. 93—99.

[7]*Третьяков П.Н.* У истока древнерусской народности. Л., 1970. С. 80, 81.

[8]*Городцов В.А.* Дневник археологических исследований... С. 149.

[9]*Бобринский А.А.* Сведения о различных курганах и земляных сооружениях, находящихся в Зеньковском уезде Полтавской губ., в окрестностях села Глинища и на границе губерний Полтавской и Харьковской // ОАК за 1895 г. СПб., 1897. С. 125—128.

[10]*Данилевич В.Е.* Раскопки курганов около с. Буд. и хутора Березовки Ахтырского уезда Харьковской губ. // Тр. XII АС. М., 1905. Т. 1. С. 411—433.

[11]*Зарецкий И.И.* Заметка о древностях Харьковской губ. Богодуховского уезда, слободы Лихачевки // Харьков. сб. Харьков, 1888. Вып. 2.

[12]*Спицын А.А.* Курганы скифов-пахарей // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 141.

[13]*Филарет.* Историко-статистическое описание... Отд. 3. С. 96.

[14]*Бобринский А.А.* Сведения о различных курганах... С. 126. Рис. 297.

[15]*Городцов В.А.* Дневник археологических исследований...

[16]*Ляскоронский В.Г.* Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рек Псла и Ворксльı // Тр. XIII АС. М., 1908. Т. 1. С. 174. Рис. 32.

[17]*Спицын А.А.* Курганы скифов-пахарей. С. 127.

[18]*Городцов В.А.* Дневник археологических исследований... С. 102.

[19]*Богалей Д.И.* Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губ. // Тр. XII АС. М., 1905. Т. 1. С. 7. № 7 и др.

[20]*Zakharow A.A.* Zaketsky's excabations in the Croverment of Kharkow // ESA. 1939. V. VII.

[21]*Фурманьска А.І.* Бронзоливарнне ремесло в ОльвІЇ // Археологія. Київ, 1963. Т. 15. С. 70.

[22]*Шрамко Б.А.* Появление освоение железа в Восточной Европе // Из истории борьбы КПСС за построение социализма и создание коммунистического общества в СССР. Харьков, 1965. Вып. 4. С. 226.

[23]*Городцов В.А.* Дневник археологических исследований... С. 143.

[24]Там же. С. 98—100.

[25] *АндрІенко В.П.* Майдани І майдановидні споруди УкраЇни // ВІсник ХДУ. Харьков, 1971. № 62. 1 ст. Вып. 5. С. 65—76.

[26]*Шрамко Б.А.* Восточное укрепление Бельского городища // Скифские древности. Киев, 1973. С. 93—95; *Он же.* Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон // Скифский мир. Киев. 1975. С. 107—115.

[27]*Городцов В.А.* Дневник археологических исследований... С. 149.

[28]Там же. С. 150.

[29]*Шрамко Б.А.* Крепость скифской эпохи... С. 178—198; *Он же.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962. С. 204—207.

[30]*Березаньска С.С.* Кераміка легрудівської культури // Археологія. Київ, 1964. Т. 16. С. 62—66.
[31]*Городцов В.А.* Дневник археологических исследований... Табл. II, 20, 21, 23.
[32]Там же. С. 114, 151. Рис. 112.
[33]*Покровская Е.Ф.* Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботино // КСИА. 1962. № 12. С. 73—81. Рис. 2.
[34]*Шрамко Б.А.* Исследования Бельского городища // АИУ. 1968. Киев, 1971. С. 52, 53. Рис. 2, *17*.
[35]*Городцов В.А.* Дневник археологических исследований... С. 103—108. Рис. 101.
[36]Там же. Рис. 102.
[37]*Спицын А.А.* Курганы скифов-пахарей. С. 142.
[38]*Шрамко Б.А.* Восточное укрепление... С. 87. Рис. 3, 4; С. 107. Рис. 12.
[39]*Городцов В.А.* Дневник археологических исследований... С. 122, 123.
[40]Там же. Табл. III, 25, 27—29.
[41]*Барцева Т.Б.* Цветная металлообработка скифского времени: Лесостепное днепровское левобережье. М., 1981. С. 4.
[42]*Шрамко Б.А.* Восточное укрепление... С. 101.
[43]*Цалкин В.И.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // МИА. 1966. № 135. С. 49.
[44]*Городцов В.А.* Дневник археологических исследований... С. 109.
[45]Там же. С. 157.

М.А. ДЭВЛЕТ

В.А. ГОРОДЦОВ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ

Научные интересы Василия Алексеевича Городцова были исключительно широки и разносторонни. Каким бы периодом древней истории нашей страны он ни занимался, к каким бы категориям археологических памятников ни обращался, всегда его исследования оставляли заметный след в деле разработки научной проблемы или вносили существенный вклад в науку.

Принимая активное участие в научном описании и систематизации коллекций Российского Исторического музея, В.А. Городцов живо интересовался новыми поступлениями, пополнявшими его археологическое собрание. Естественно, он не мог не обратить внимание на материалы по петроглифам, которые были переданы в дар музею в декабре 1916 г. Эти материалы представляли собой каменные плиты, покрытые наскальными изображениями, а также фотографии петроглифов из Тургайской обл. Два камня, испещренные выбитыми изображениями животных и людей, передала музею Н.С. Воронец. Каменные плиты с рисунками были отбиты ею в Тургайской обл. от скалы, носящей название Тюйё-Май-Нак, расположенной на берегу р. Лак-Пай (Лакбай), притока р. Байконур. Сведения об этом памятнике приводились Н.С. Воронец в специальной статье[1]. Осенью того же 1916 г. В.А. Городцов получил серию фотографий петроглифов, снятых в долине р. Байконур геологом М.М. Пригоровским, а позднее и описание этого местонахождения.

Сопоставив сведения о памятниках, открытых Н.С. Воронец и М.М. При-

горовским, В.А. Городцов пришел к заключению, что обе группы наскальных рисунков расположены недалеко друг от друга, предположительно на расстоянии не более 2 км. Ныне этот памятник носит название Байконур и согласно современному административному делению находится в Джездинском р-не Джезказганской обл., занимающей южную часть Казахского мелкосопочника. Эта территория еще в древности получила название Сары-Арка, что в переводе означает "желтеющий хребет". Здесь в 1983–1985 гг. проводил фиксацию наскальных изображений Петроглифический отряд археологической экспедиции Карагандинского университета. Полностью были скопированы наскальные изображения пяти местонахождений, в том числе петроглифы Байконура[2]. На местонахождении Байконур выявлено три группы наскальных рисунков, две из которых расположены в 0,12 км друг от друга, а третья в 6 км к северо-северо-востоку от них на противоположном берегу реки[3]. Ныне в этом регионе идет интенсивное разрушение скал с рисунками.

Уделяя много внимания популяризации археологического собрания Исторического музея, В.А. Городцов в дореволюционный период регулярно печатал обзоры новых поступлений. В 1926 г. музей начал осуществлять публикацию "Трудов Государственного Исторического музея" и в первом же выпуске было помещено шесть работ ученого, в том числе статья, посвященная петроглифам долины р. Байконур[4]. Как сообщил В.А. Новоженов, петроглифы, опубликованные в этой статье, в настоящее время уже утрачены.

Несмотря на то что материалы, которыми располагал В.А. Городцов, были невелики по объему, тем не менее ему удалось на основании их анализа поставить ряд существенных и актуальных для своего времени вопросов изучения петроглифов, рассмотреть некоторые из них, отложив решение других до будущих времен, когда исследователи будут располагать более полными данными. Он отмечал, что еще на стадии знакомства с наскальными изображениями перед ученым "невольно и вполне естественно возникает целый ряд вопросов: о протяженности времени, пространства явлений, о их творцах, о их назначении и культурном значении. Общие ответы на эти вопросы нетрудны, так как обеспечиваются обширными материалами, освещенными наукой для других местностей. Так, например, хорошо известно, что скальные рисунки как во времени, так и в пространстве имеют огромное распространение. Древнейшие из них относятся к палеолитической эпохе, зато новейшие еще воспроизводятся нашими современниками. Они найдены во многих местах Европы, Африки, Азии, Австралии и Америки"[5].

Следует отметить, что в то время в нашей стране научный подход к изучению петроглифов еще только вырабатывался. Собственно наскальным изображениям была посвящена только одна монография, а именно, книга И.Т. Савенкова "О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее". Наспех написанная, неотредактированная, она даже для своего времени обладала многими существенными недостатками[6]. Внешний вид книги И.Т. Савенкова, пухлого, богато изданного фолианта, до наших дней порой оказывает гипнотическое воздействие на читателя, создавая иллюзию солидного, фундаментального труда. В.А. Городцов не

поддался внешнему впечатлению. Проницательно подметив недостатки этой работы, он писал: "К сожалению, автор, очевидно, стремясь ко всестороннему и полному освещению скальных рисунков и знаков, смешал несколько совершенно самостоятельных тем в одну и дал досадную смесь, для пользования которой требуется масса непроизводительного труда и траты времени"[7].

Справедливо подчеркнув, что в обширном труде И.Т. Савенкова хронологическому определению наскальных рисунков уделено недостаточно внимания, В.А. Городцов отметил: "К сожалению, на этом важном вопросе автор останавливается только вскользь, мимоходом, не приводя никаких серьезных доказательств. Между тем, такие доказательства, несомненно, существуют в достаточном количестве"[8].

Для определения относительной хронологии петроглифов, по мнению В.А. Городцова, существенное значение приобретает изучение сюжетов, имеющих четкие хронологические рамки, таких как изображения кольчуг, шлемов, всадников в седлах со стременами, домашних животных, а также степени интенсивности "пустынного загара".

Ученый внимательно отнесся к рассмотрению вопроса, волнующего исследователей и в наши дни и все еще окончательно не решенного: о происхождении "пустынного загара" – защитной корки, образующейся на поверхности скал, об ареале этого явления, о химических анализах корки. Он подчеркнул, что "каково бы ни было происхождение пустынного загара, важно то, что он совершается медленно, а это дает возможность определить с некоторою точностью время цветовых явлений, наблюдаемых на рисунках. Эти цветовые явления, судя по имеющимся образцам, указывают на то, что рисунки появились не в одно время, что более темные из них явились ранее более светлых, а это уже не маловажно, и при дальнейшем изучении их на месте может привести к важным научным выводам"[9].

Отметив сходство, доходящее, по его мнению, до тождества, между енисейскими и тургайскими петроглифами, В.А. Городцов счел возможным датировать их, как он выразился, "общими датами", полагая, что и те, и другие синхронны. Гипотеза, выдвинутая В.А. Городцовым, относительно принадлежности тургайских и енисейских наскальных рисунков одной и той же народности, однако, не выдержала проверку временем, тем не менее на некоторых приводимых им параллелях между петроглифами этих регионов хотелось бы остановиться подробнее.

В.А. Городцов обратил внимание на головной убор в виде трех лучей у фертообразной антропоморфной фигуры, представленной на фотографии М.М. Пригоровского[10], и привел ряд аналогий, подобным головным уборам. Несмотря на то что не все детали данного антропоморфного изображения четко прослеживаются на иллюстрации в силу недостаточно высокого полиграфического уровня издания, все же следует отметить, что более всего данный головной убор сходен с теми, которые венчают головы антропоморфных фигур и сопровождают маски-личины, представленные на скалах Саянского каньона Енисея и в бассейне р. Хемчик в местности Бижиктиг-Хая, близ пос. Кызыл-Мажалык. В бронзовом веке личины-маски с головными уборами, близко сопоставимыми с верхне-

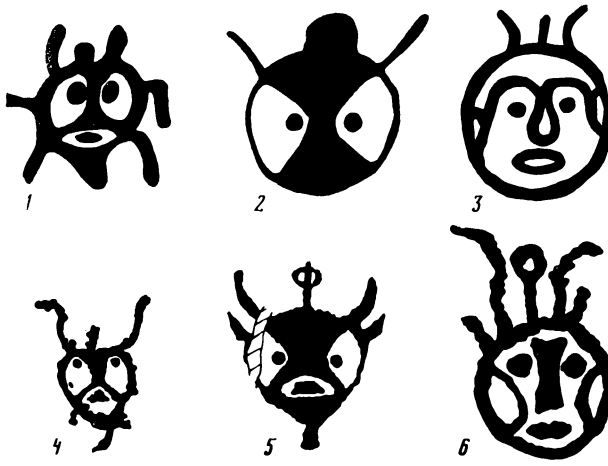


Рис. 1. Наскальные изображения личин-масок
1 — Гегамские горы, *2* — верховья р. Инд, *3* — Нижний Амур, *4–6* — Верхний Енисей

енисейскими, встречаются в искусстве петроглифов на обширнейшей территории от Гегамских гор на западе[11] до Нижнего Амура на востоке (рис. 1, *1–6*)[12]. Отметив широкое распространение изображений личин-масок в древности на азиатском континенте, можно высказать предположение, что сходство между ними на огромных территориях было вызвано не только и даже не столько непосредственными контактами, а в значительной мере общностью идеологических представлений, проявляющихся в близких формах обрядов и атрибутов, применявшихся их участниками.

Сопоставление материалов по наскальным изображениям Саянского каньона Енисея и ламаистской мистерии цам позволяет прийти к заключению, что на скалах представлены древние прототипы масок докшитских божеств – грозных защитников буддийской религии. Надо полагать, что при распространении буддизма в глубинные районы Центральной Азии древние местные божества, духи предков и т.д. воспринимались буддийскими проповедниками как враждебные силы, злые демоны. Согласно традиционной версии "северного буддизма", включенной в канонический текст, Шакьямуни предсказал, что расцвет его вероучения наступит в будущем в том "снежном царстве", которое не смог обратить в веру ни один из трех прежде являвшихся на землю будд, в царстве, которое "населено злокозненными духами и демонами"[13]. В дальнейшем северный буддизм – ламаизм, ассимилируя местные добуддийские культы, включил их в свой пантеон, возведя в разряд гневных божеств – докшитов.

На вопрос о том, когда и на какой территории могли иметь место контакты носителей древних обрядов с буддийским миром, в результате которых первобытная мистерия была ламаизирована, при современном уровне наших знаний ответить трудно. Новейшие исследования наскальных изображений, произведенные пакистанско-западногерманской экс-

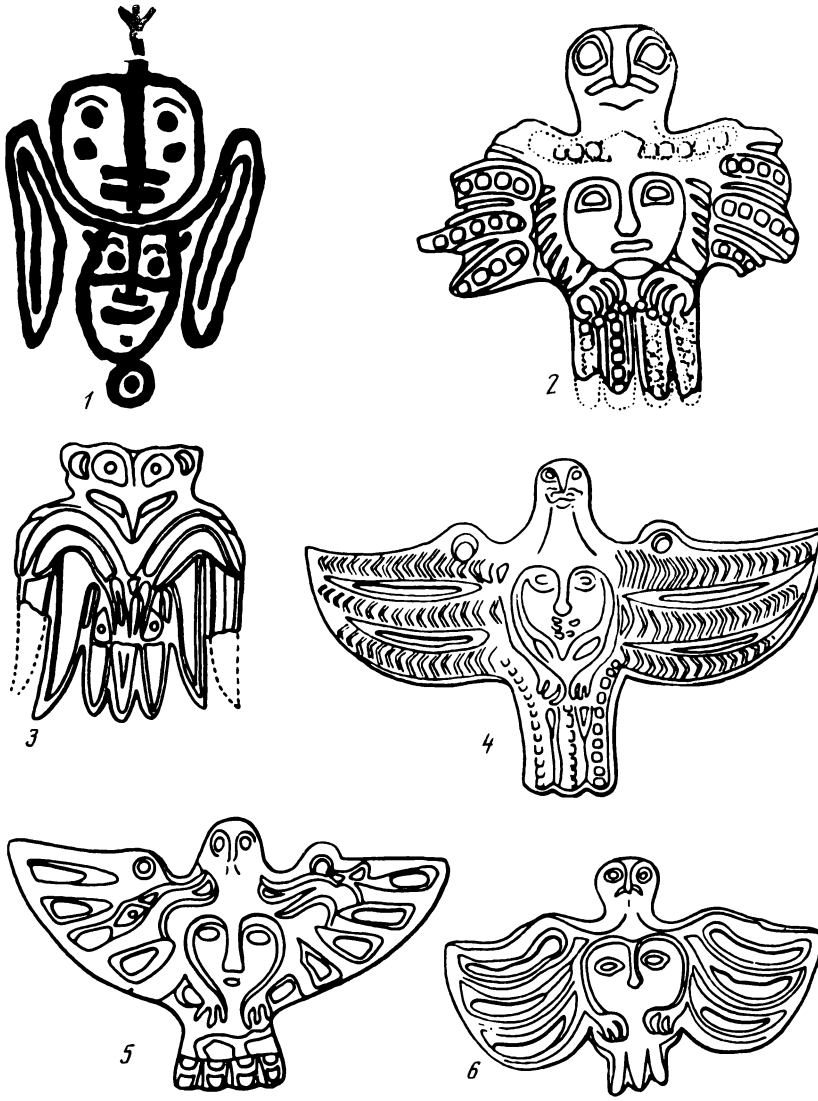


Рис. 2. Изображение двойной личины с "крыльями" Алды-Мозага (1) и произведения мелкой металлической пластики (*2–6*) – литые бронзовые пластины (по А.П. Смирнову)

педицией под руководством К.Йеттмара и А.Дани в верховьях р. Инд[14], как будто позволяют нащупать одну из возможных территорий, на которой могли иметь место подобные контакты. В верховьях р. Инд высоко в горах на скалах представлены древнейшие буддийские изображения, а также личины, судя по всему, еще более древние. Мотивы и стилистические особенности древнейшего комплекса, по мнению К.Йеттмара, связаны с культурой окуневского круга. В качестве аналогий личи-

нам он приводит мугур-саргольские личины-маски[15]. Далее ученый пишет: "Без знакомства с работами советских ученых был бы невозможен и другой мой труд, интерпретирующий наиболее ранние группы наскальных изображений. Я следил за усилиями советских коллег, старавшихся разгадать захватывающую, но загадочную символику окуневской культуры. Именно поэтому я сразу же насторожился, увидев на скалах напротив Чиласа похожее на маску условное изображение человеческого лица. Казалось, что оно взято из репертуара человеческих изображений окуневской культуры"[16]. Одна из опубликованных К.Йеттмаром личин, близко сходная с мугур-саргольскими, имеет на голове помимо рогов выступ на макушке. Однако в отличие от мугур-саргольских, увенчанных Ф-образными антеннами, по форме сходными с очиром или ваджрой, между рогами этой личины имеется выступ, напоминающий ушнишу на голове буддийских божеств. Открытия в верховьях Инда позволяют надеяться, что в дальнейшем будут выявлены и другие центры, где в древности могли иметь место контакты буддийского мира с населением, использовавшим в культовых целях рогатые демонические маски.

В.А. Городцов подчеркивал, что уже упоминавшаяся фигура человека с тремя лучами на голове, представленная на фотографии М.М. Пригоровского, сходна с металлическими антропоморфными изображениями, так называемыми чудскими образками. Он отметил широкое распространение подобных изображений и особо подчеркнул сходство сибирских и испанских наскальных рисунков[17].

Здесь уместно привести еще одну аналогию трехлучевому головному убору "чудских образков". Это бронзовая бляшка в виде головы человека в трехзубчатой тиаре, случайно найденная в Монголии на территории Центрального аймака[18]. Бляшка рельефная, длиной 6 см, на оборотной стороне имеет два шпенька, один сверху, другой снизу, возможно для крепления на деталях одежды. По краю бляшки, как бы обрамляя лицо, проходит узкий рельефный валик. Лицо человека ярко выраженного монголоидного антропологического типа: раскосые узкие глаза, широкие скулы, резко очерченные брови сходятся на переносице. Подбородок тяжелый, массивный. Обращают на себя внимание длинные усы с концами, загнутыми кверху, как было принято изображать усы на лицах средневековых каменных изваяний[19]. На лбу диадема в виде ленты, составленной из соединенных между собою колец. Надо лбом изображены три сужающиеся в верхней части луча, над каждым из которых расположена рельефная точка-"жемчужина".

Подобная бронзовая бляха в виде антропоморфной личины с головным убором в виде трех лучей встречается впервые, однако тиары с тремя зубцами были известны в древности и средневековье довольно широко. О головных уборах эпохи средневековья мы можем составить представление по изображениям на Кудыргинском валуне, на головах каменных изваяний из Семиречья, на Сулекской писанице.

Исследователи Кудыргинского валуна полагают, что такие тиары венчают головы богов и жрецов[20]. Л.Р. Кызласов высказал мнение, что центральная фигура всей сцены на Кудыргинском валуне, сидящая женщина с трехроговой тиарой на голове – это Умай – женское божество, почи-

тавшееся древними тюрками[21]. Обращаясь к указанным изображениям, Г.В. Длужневская приводит старинное алтайское предание о родовом предке по записи, сделанной еще в 20-х годах[22]. В имени старушки, о которой идет речь в легенде, содержится понятие "трехрогая священная мать", где под "священной матерью" подразумевается богиня Умай орхонских надписей[23]. Л.Р. Кызласов, приводя многочисленные аналоги головному убору, представленному на Кудыргинском валуне, делает вывод, что с трехрогим головным убором связаны только ритуальные изображения, большей частью в подобном уборе изображались божества[24].

Трехзубчатые тиары встречаются и на средневековых каменных изваяниях Семиречья[25]. В Западной Сибири в искусстве коренного населения и на предметах среднеазиатского импорта в эпоху средневековья трехлучевые короны изображались на головах воинов-"богатырей". Высказывалась точка зрения, что применительно к западносибирскому региону трехрогие головные уборы следует рассматривать не только как шаманские короны, но и как военные шлемы, которые появились у лесных племен под влиянием центральноазиатского доспеха. Подобные головные уборы были мало рациональны как средство защиты, скорее всего, благодаря таким коронам в сложной боевой обстановке можно было определить ранг сражающихся военных предводителей[26].

Примечательно, что антропоморфные изображения эпохи бронзы, снабженные головными уборами в виде лучей или рогов, иногда имеют ту же характерную деталь, что и на публикуемой бляшке из Монголии, а именно, точки над верхним краем отходящих от головы линий[27]. Можно высказать предположение о глубокой традиционной преемственности подобной трактовки головных уборов на культовых антропоморфных изображениях, происходящих из глубинных азиатских регионов.

Хотелось бы развить еще одну линию сопоставлений, предложенную В.А. Городцовым в статье о наскальных изображениях Байконура. Описывая антропоморфную фигуру по фотографии М.М. Пригоровского, он отметил, что "по своему общему виду эта фигура человека удивительно похожа на многие литые металлические изображения антропоморфных существ на так называемых чудских образках, находимых в большом количестве на среднем Приуралье"[28]. Действительно, произведения мелкой металлической пластики в виде плоских литых бронзовых пластин с изображением человека, птиц и зверей, или, как их еще называли, "чудские образки", представляют широкое поле для сопоставления с наскальными рисунками.

Культовое литье древних народов лесной полосы Урала и Западной Сибири отражает религиозные воззрения населения. Исследовательница культового литья Л.В. Чижова подчеркивает, что "сходство образов и сюжетов, стилевых традиций и манер являются проявлением того единства, которое, с одной стороны, говорит о значительных культурных связях, а с другой – свидетельствует об единстве духовной культуры народов лесной полосы Урала и Западной Сибири"[29]. Глубинная подоснова духовной культуры древнего населения Урала и Сибири, вплоть до Дальнего Востока, нашла проявление в обычае изображать личины-маски пре-

имущественно на прибрежных скалах. Среди петроглифов Уральского очага благодаря локальной специфике исследователи выделяют наскальные изображения Вишерского Писаного камня. Одну из отличительных особенностей этой группы составляют изображения личин и своеобразных антропоморфных фигур[30]. Новые исследования петроглифов Сибири позволяют аргументировать предположение о возможности датировать антропоморфные личины Писаного камня на р. Вишере бронзовым веком. К этому же времени, надо полагать, относятся и другие антропоморфные изображения местонахождения.

Отметив черты единства духовной культуры древних народов лесной полосы Урала и Западной Сибири по материалам культового литья, а также Урала, Сибири и Дальнего Востока по материалам петроглифов, можно подойти к сопоставлению изображения на скалах Енисея и литых бронзовых шаманских бляшек Урала и Западной Сибири. Я имею в виду рисунок двойной личины с "крыльями" по бокам, обнаруженный на правом берегу р. Чинге при впадении ее в Енисей (рис. 2, *1*). Представляется, что последний может быть сопоставлен с изображением птицы с человеческой личиной на груди. Это один из самых характерных сюжетов так называемых шаманских блях[31] (рис. 2). Местонахождение, Правый берег р. Чинге, или Алды-Мозага, расположено близ святилища Мугур-Саргол, на противоположном берегу Енисея. Есть основания полагать, что только часть личин-масок с правобережья р. Чинге синхронна мугур-саргольским, в целом же личины Алды-Мозага были созданы в более позднее время, что является темой специального исследования. Здесь же следует отметить, что рассматриваемая личина составляет поздний пласт изображений личин-масок Алды-Мозага.

В.А. Городцов обратил внимание на использование древним художником при создании композиций естественных особенностей скальной поверхности, по его выражению, "готовых очертаний пейзажа"[32]. Так, трещины, рассекающие плоскость скалы в разных направлениях, в представлении создателей петроглифов ассоциировались с извилистой горной тропой, с ее спусками и подъемами. Располагая выбитые фигуры вдоль трещин, творцы петроглифов как бы подчиняли изгибам воображаемой тропы направление пути каравана. Эти рисунки создавались, по мнению В.А. Городцова, с магическими целями. "И вот, чтобы не было несчастий с караваном, – писал он, – чтобы горные спуски и подъемы были преодолимы, чтобы дикий зверь не наносил ущерба каравану, художник-маг и изобразил на картине это путешествие, которое по его воле должно быть благополучным"[33].

Необходимо отметить, что для облегчения труда будущих исследователей петроглифов В.А. Городцов приложил к статье список литературных источников, являющийся для того времени наиболее полной библиографической сводкой о наскальных изображениях, начиная от работ Д.Г. Мессершмидта и кончая книгой И.Т. Савенкова, статьями и монографиями зарубежных исследователей А.Брейля и Г.Обермайера.

Целый ряд существенно важных вопросов изучения наскальных изображений, поставленных в статье В.А. Городцова, ныне успешно решается в современном петроглифоведении, другие аспекты изучения этих па-

мятников древнего искусства еще находятся в стадии разработки. В отношении собственных научных заключений, сделанных на основании рассмотрения наскальных рисунков Байконура. В.А. Городцов с присущей ему скромностью писал, что это лишь предварительные сообщения, задача которых привлечь внимание исследователей к таким ценнейшим археологическим памятникам, какими являются петроглифы. "Мы вправе ожидать, – писал он, – что при дальнейшем изучении материала на месте будет обильный приток новых черт и явлений, способных более определенно ответить на научные запросы, постановка и решение которых при настоящих условиях может оказаться преждевременною, и если мы позволим себе слегка коснуться некоторых из них, то только для того, чтобы углубить интерес к новым фактам и возбудить желание к продолжению собирания их"[34].

[1]*Воронец Н.С.* Изображения на скалах, найденные на границе Тургайской и Сырдарьинской областей, на реке Лак-Пай // РАЖ. М., 1917. Кн. 39–40, 1916. № 3/4. С. 57–60.

[2]*Новоженов В.А.* О датировке наскальных изображений Сары-Арки // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 79–89; *Он же.* Петроглифы казахского мелкосопочника // Проблемы археологии степной Евразии: Тез. докл. Кемерово, 1987. Ч. 1. С. 104–105

[3]*Новоженов В.А.* О датировке наскальных изображений Сары-Арки. С. 83.

[4]*Городцов В.А.* Скальные рисунки Тургайской области // Тр. ГИМ. Разряд археол. М., 1926. Вып. 1. С. 37–69.

[5]Там же. С. 49.

[6]*Дэвлет М.А.* Иван Савенков // ВИ. 1987. № 1. С. 180–184.

[7]*Городцов В.А.* Скальные рисунки... С. 64.

[8]Там же. С. 54.

[9]Там же. С. 41.

[10]Там же. С. 8.

[11]*Мартиросян А.А.* Наскальные изображения Гегамских гор // Археологические памятники Армении. № 11: (Наскальные изображения). Ереван, 1981. Вып. 3. Табл. VII, *1*.

[12]*Окладников А.П.* Петроглифы нижнего Амура. Л., 1971. Табл. 76, *1*.

[13]*Кочетов А.Н.* Буддизм. М., 1983. С. 118.

[14]*Jettmar K.* The visitor's book of a Silk Road: Rockcarvings and inscriptions in North Pakistan // Dt. Forsch.-gemeinsch. 1980. N 2/3. S. 6–9.

[15]Zwischen Candhara und den Seidenstrassen: Felsbilder am Karakorum Highway. Mainz a. R., 1985. Ph. 3–4.

[16]*Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. М., 1986. С. 6.

[17]*Городцов В.А.* Скальные рисунки... С. 48.

[18]Музей изобразительных искусств МНР. Инв. № 1918–972.

[19]*Грач А.Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961. С. 61.

[20]*Кызласов Л.Р.* К истории шаманских верований на Алтае // КСИА. М.; Л., 1949. Вып. 29; С. 48–54. *Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. С. 20; *Длужневская Г.В.* Еще раз о Кудыргинском валуне: (К вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // ТС, 1974. М., 1978. С. 230–237.

[21]*Кызласов Л.Р.* К истории... С. 49.

[22]*Дыренкова Н.П.* Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926. Вып. 1. С. 247–248.

[23]*Длужневская Г.В.* Еще раз ... С. 231.

[24]*Кызласов Л.Р.* К истории... С. 51.
[25]*Шер Я.А.* Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966. Табл. XVI, *67—71*; XIX, *83*, XXI, *90*; XXII, *99, 103.*
[26]*Соловьев А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. Новосибирск, 1987. С. 63—64.
[27]*Липский А.Н.* Новые данные по афанасьевской культуре // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. Рис. 2; *Леонтьев Н.В.* Наскальные рисунки Коровьего лога // Изв. СО АН СССР. № 11, вып. 3. Сер. обществ. наук. 1976. Рис. 4, *2*; *Он же.* Антропоморфные изображения окуневской культуры // Сибирь, Центральная и восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1978. Рис. 2, *3*; 9, *1*; 10, *1, 3*; *Пяткин Б.Н., Мартынов А.И.* Шалаболинские петроглифы. Красноярск, 1985. Табл. 39, *4*; *Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н.* Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата, 1985. С. 10; *Кубарев В.Д.* Загадочные росписи Каракола // Природа. 1987. № 8. С. 65 (рис.), 68 (рис.); *Студзицкая С.В.* Изображение человека в искусстве древнего населения Урало-Западносибирского региона: (Эпоха бронзы) // Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987. Рис. 4, *5*.
[28]*Городцов В.А.* Скальные рисунки... С. 48.
[29]*Чижова Л.В.* Идеология древнего населения Урала и Западной Сибири: (По материалам культового литья): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 7.
[30]*Чернецов В.Н.* Наскальные изображения Урала // САИ. М., 1971. Вып. В4-12. Рис. 40.
[31]*Спицын А.А.* Шаманские изображения // ЗОРСА РАО. СПб., 1906. Т. 8, вып. 1. Рис. 259—288; *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. М., 1952. № 28. Табл. 64—66; *Чернецов В.Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии н.э. // МИА. М., 1957. № 58. Табл. 18, 11, 13; *Грибова Л.С.* Пермский звериный стиль: (Проблемы семантики). М., 1975. Табл. 1, *1*; *Оборин В.* Древнее искусство народов Прикамья: Пермский звериный стиль. Пермь, 1976. Рис. 1.
[32]*Городцов В.А.* Скальные рисунки ... С. 52.
[33]Там же. С. 42.
[34]Там же. С. 49.

В.П. ДАРКЕВИЧ

РАСКОПКИ В.А. ГОРОДЦОВА В СТАРОЙ РЯЗАНИ

С 14 июля по 18 августа 1926 г. Государственным Историческим музеем совместно с Рязанским областным краеведческим музеем были проведены широкие археологические исследования в Старой Рязани. Работами руководил В.А. Городцов[1]. О полученных результатах можно судить по рукописному дневнику В.А. Городцова (архив Рязанского областного историко-архитектурного музея-заповедника, № 152), его заметке в научно-популярном журнале[2] и развернутой статье А.А. Мансурова, написанной по материалам дневника В.А. Городцова[3]. Кроме того С.Н. Боголюбским по костным остаткам изучена палеофауна Рязани[4].

Основным объектом раскопок стало Северное городище – древнейшее ядро города. В его восточной части заложили восемь продольных и поперечных траншей длиной от 20 до 162 м. Местами мощность культурного слоя достигала 1,5 м, по-видимому в местах сооружений, углубленных в материк. Траншеи шириной 2 м расширяли в обе стороны там, где встречали остатки жилищ с разрушенными глинобитными печами. В

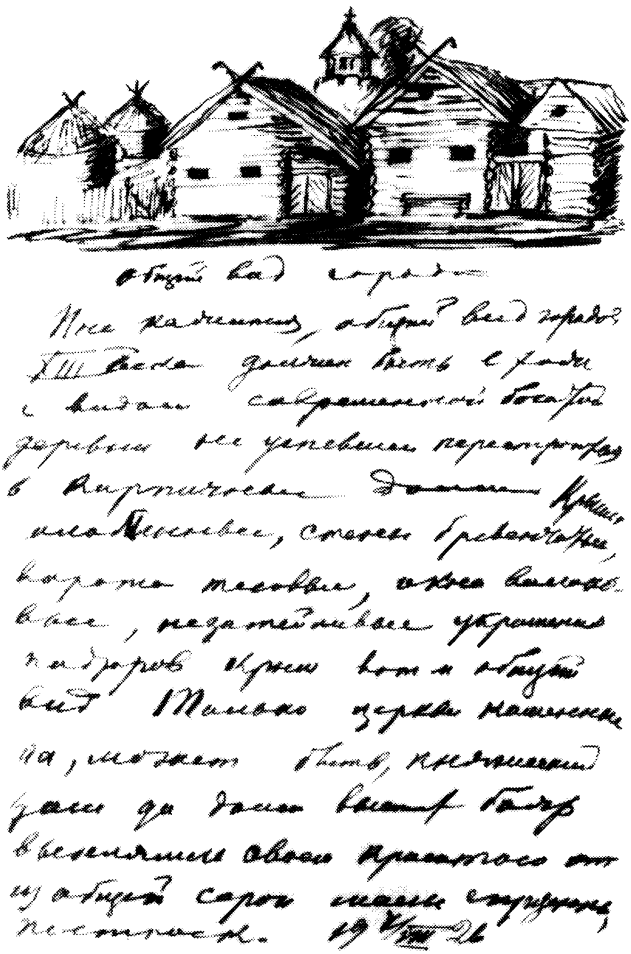


Рис. 1. Страничка из дневника В.А. Городцова. Общий вид городской застройки

результате получались квадратные или прямоугольные раскопы площадью 6 × 6, 7 × 7, 7 × 8, 8 × 8 и 7 × 10 м. Всего в 1926 г. "открыты развалины 48 домов, из них отчищено и изучено 19"[5]. 17 жилищ раскопаны на Северном городище[6].

Разведочный характер работ не помешал В.А. Городцову высказать интересные соображения о внешнем виде древнего города. Вот одна из страничек его дневника от 7 августа (рис. 1). Эскизный рисунок воспроизводит часть застройки: вдоль улицы стоят в ряд рубленые одноэтажные дома с узкими волоковыми окнами и двускатными кровлями; за

Рис. 2. Страничка из дневника В.А. Городцова. Реконструкция жилища

заборами усадеб видны стога сена. Два дома объединены общими воротами, ведущими в узкие дворы. На заднем плане церковь с полукруглыми закомарами и коническим куполом на цилиндрическом барабане. Подчеркнута однотипность застройки и ее теснота. Читаем текст под рисунком: "Мне кажется, общий вид города XIII в. должен быть сходен с видом современной богатой деревни, не успевшей перестроиться в кирпичные дома. Крыши соломенные, стены бревенчатые, ворота тесовые, окна волоковые, незатейливые украшения подзоров крыш, вот и общий вид. Только церкви каменные да, может быть, княжеский дом да дома высших бояр выдялялись своею красотою из общей серой массы окружающих построек". Описание не противоречит нашим современным представлениям о Рязани XI–XIII вв. с ее усадебной планировкой и преобладанием наземных домов. Правда, господствовала нерегулярная застрой-

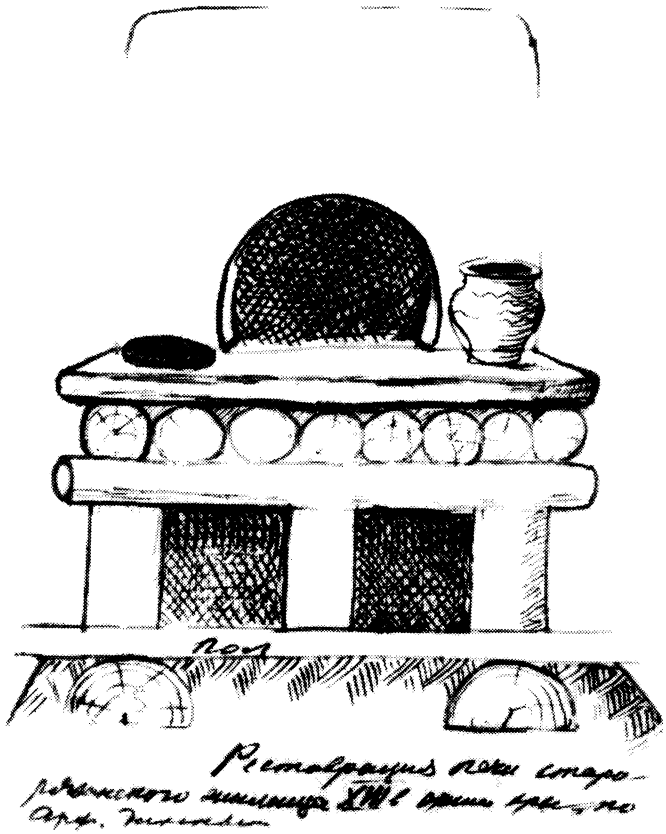


Рис. 3. Страничка из дневника В.А. Городцова. Реконструкция глинобитной печи

ка, расположение усадеб, как правило, не подчинялось жесткой системе. О рязанских усадьбах В.А. Городцов пишет на другой странице дневника: "1) Были ли дворы при домах и, если были, то какой они имели вид? Большими дворы, очевидно, не были; это доказывается теснотою размещения домов, но все же дворы должны были существовать, иначе нельзя представить содержание домашних животных в зимнее время. Не примыкали ли дворы к домам и не ютились ли они, как на севере в наше время, под общей кровлей дома? (Это предположение пока не подтвердилось – *В.П.*). 2) Были ли гумна и риги, необходимые для хранения

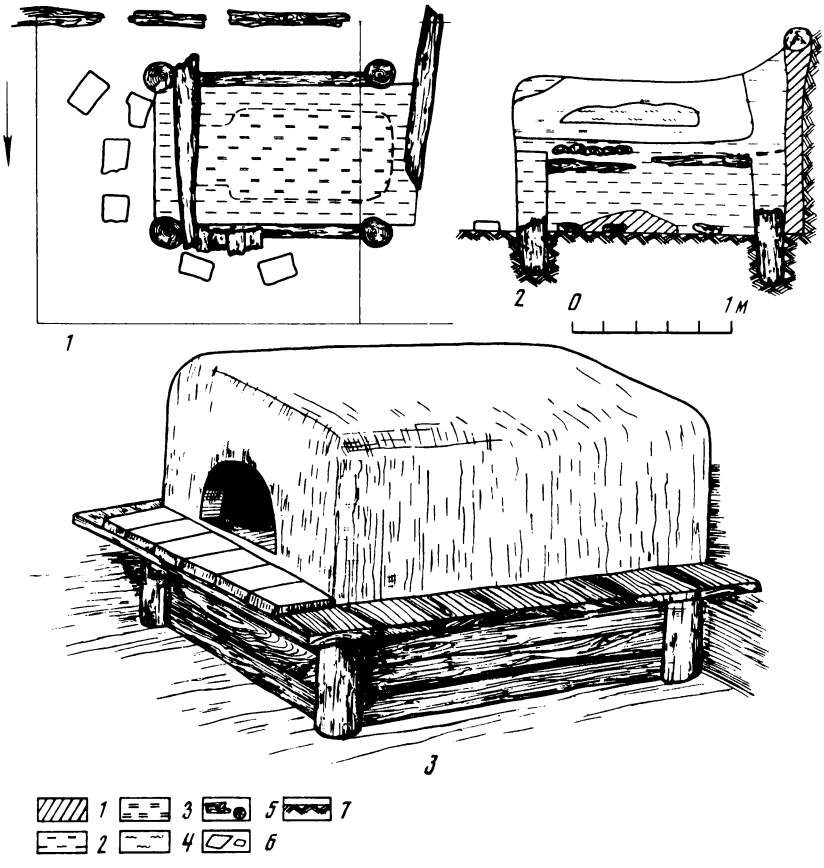


Рис. 4. План, разрез и реконструкция печи. Старая Рязань, 1977 г. раскоп 14 (реконструкция В.П. Фролова)

1 — культурный слой; *2* — глина; *3* — обожженная глина; *4* — зола; *5* — обугленное дерево; *6* — кирпичи; *7* — материк

урожая и молотьбы злаков? Где они могли находиться? Полагаю, что риги и гумна были на середине исследованной площади, где домов оказалось очень мало. Что касается формы, то ее следовало бы представлять, как современные формы риг и гумен, т.е. в виде сараев, сбитых из досок или сплетенных из хвороста, и оглаженного тока для молотьбы вне сарая-риги. Это самые первобытные формы". В.А. Городцов подчеркивал связь горожан с земледелием, что подтверждают находки сельскохозяйственных орудий.

В.А. Городцову принадлежит реконструкция ("по данным раскопок 1926 г. и этнографическим пережиткам") рядового наземного жилища XIII в., слегка углубленного в материк (рис. 2)[7]. По его мнению, все дома "оказались деревянными, просторными, с досчатыми полами, двускатными тесовыми и соломенными крышами. В 17 исследованных домах находились глинобитные печи, поставленные не в углу, как это делает-

ся в современных деревянных избах, а посредине пола. . . В двух домах, из которых один представляется самым богатым, стояли кирпичные печи, занимавшие места в углу. В домах особенно хорошо сохранились подпольные ямы. Обыкновенно их было по две"[8]. По данным раскопок 1966–1979 гг. (под руководством А.Л. Монгайта и В.П. Даркевича), реконструкция В.А. Городцова в основных чертах подтверждается для одного из ведущих типов старорязанских жилищ. Необоснованным оказался вывод о расположении печи посередине избы. Как правило, печь ставили в одном из углов, противоположных входу[9].

Удачна реконструкция В.А. Городцовым глинобитных печей (рис. 3)[10]; близкие аналогии им обнаружены при исследованиях последних лет (рис. 4)[11]. Разумеется, это не единственный тип печей в жилых домах.

Из раскопок В.А. Городцова, главным образом из траншей на Северном городище, происходит обильный вещевой материал (около 4000 предметов). Только немногие вещи, хранящиеся в ГИМе (инв.№ 58603), были опубликованы в монографии А.Л. Монгайта[12]. Остальные остались неизданными. Попытаемся отчасти восполнить этот пробел.

Изделия из железа и стали. К числу деревообделочных инструментов относятся простые долота в виде цельного четырехгранного стержня с лезвием на одном конце и обухом на другом; ширина лезвия 1,1 см (рис. 5, *1*). Узколезвийный клиновидный топор можно отнести к XI – началу XII в. (рис. 5, *4*), после чего этот архаический тип повсеместно сменили широколезвийно-лопастные топоры (рис. 5, *5*)[13]. У широколезвийного топора сохранились остатки деревянной рукоятки.

Из инструментария "кузнецов меди и серебру" отметим кузнечный молоток и пинцет (рис. 5, *2, 6*). О стойловом содержании скота свидетельствуют косы-горбуши, которые употребляли для сенокошения. Все экземпляры среднерусского типа XI–XIII вв. (рис. 5, *9*)[14]. Нередки находки серпов "московского" типа для уборки урожая зерновых (рис. 5, *7, 8*)[15]. Предметы, характеризующие скотоводство, представлены кольчатыми удилами XII–XIII вв. (рис. 6, *25*). Один фрагмент удил состоит из подвижного звена с трубковидно вытянутой петлей грызла и кольца диаметром 3,5 см (рис. 6, *24*). У второго экземпляра грызло представляет собой один прямой стержень, диаметр колец 5 см (рис. 6, *25*). У ледоходной конской подковы XIII в. длина несущей платформы с шипом 4 см, передний и задний ее обрезы скруглены, зубцы высотой около 5 см сближены друг с другом (рис. 5, *3*).

Большие промысловые рыболовные крючки для ловли крупной рыбы сделаны из прямоугольного в сечении стержня, более тонкого в изогнутой части крючка. Противоположный зубцу конец расплющен в виде лопаточки или образует петлю (рис. 6, *20–23*).

Многочисленны черешковые наконечники стрел разных типов XI–XIII вв. (пользуемся классификацией А.Ф. Медведева)[16]. Среди них имеются плоские: ромбовидные с расширением в середине длины пера, без упора (рис. 6, *9, 10*); ромбовидные с упором и расширением в нижней трети длины пера (рис. 6, *11, 12, 14*); треугольная (рис. 6, *13*); срезни в виде узкой вытянутой лопаточки (рис. 6, *1, 2*). В числе граненых бронебойных стрел отметим узкую шиловидную квадратного сечения с перехватом у

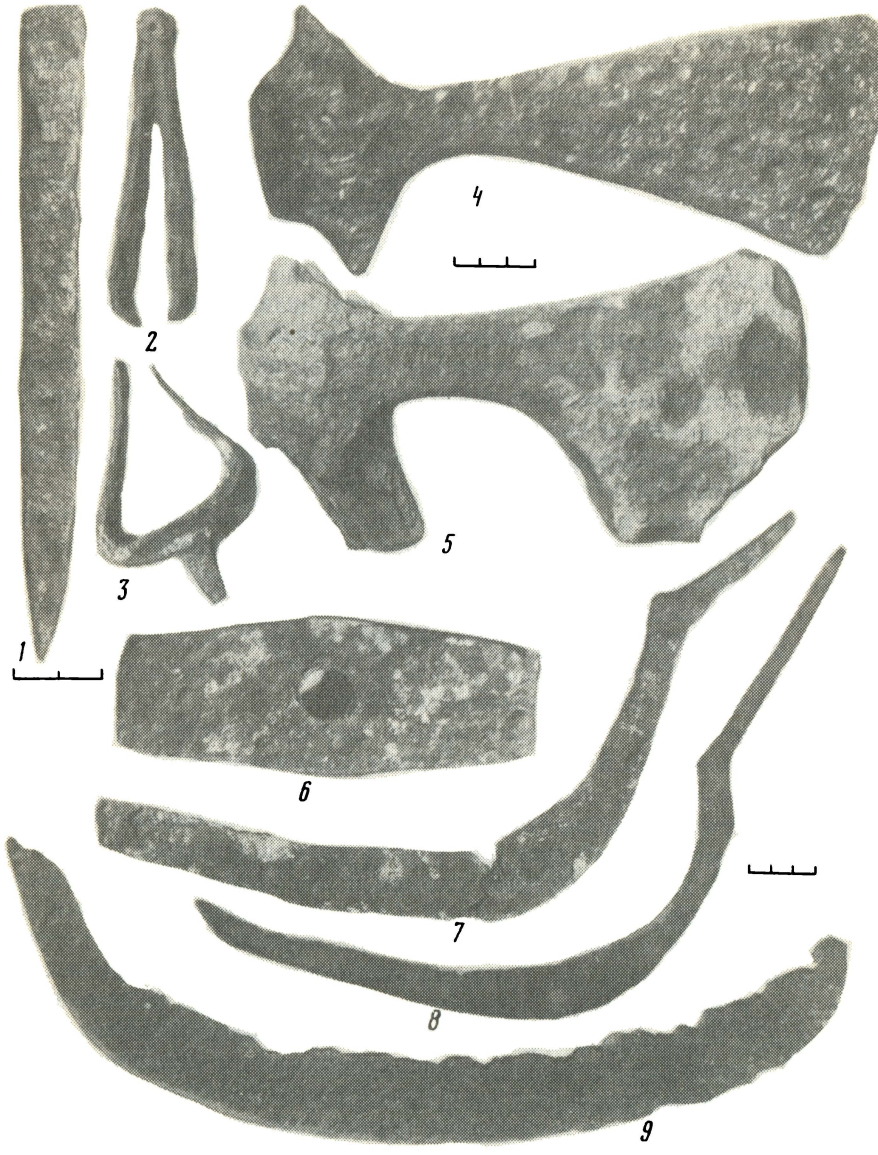


Рис. 5. Изделия из железа

1 — долото; *2* — пинцет; *3* — ледоходная конская подковка; *4,5* — топоры; *6* — молоток; *7,8* — серпы; *9* — коса-горбуша

Рис. 6. Изделия из железа

1–14 — наконечники стрел; *15* — фигурная накладка; *16–18* — ключи; *19* — фрагмент замка; *20–23* — рыболовные крючки; *24–25* — удила

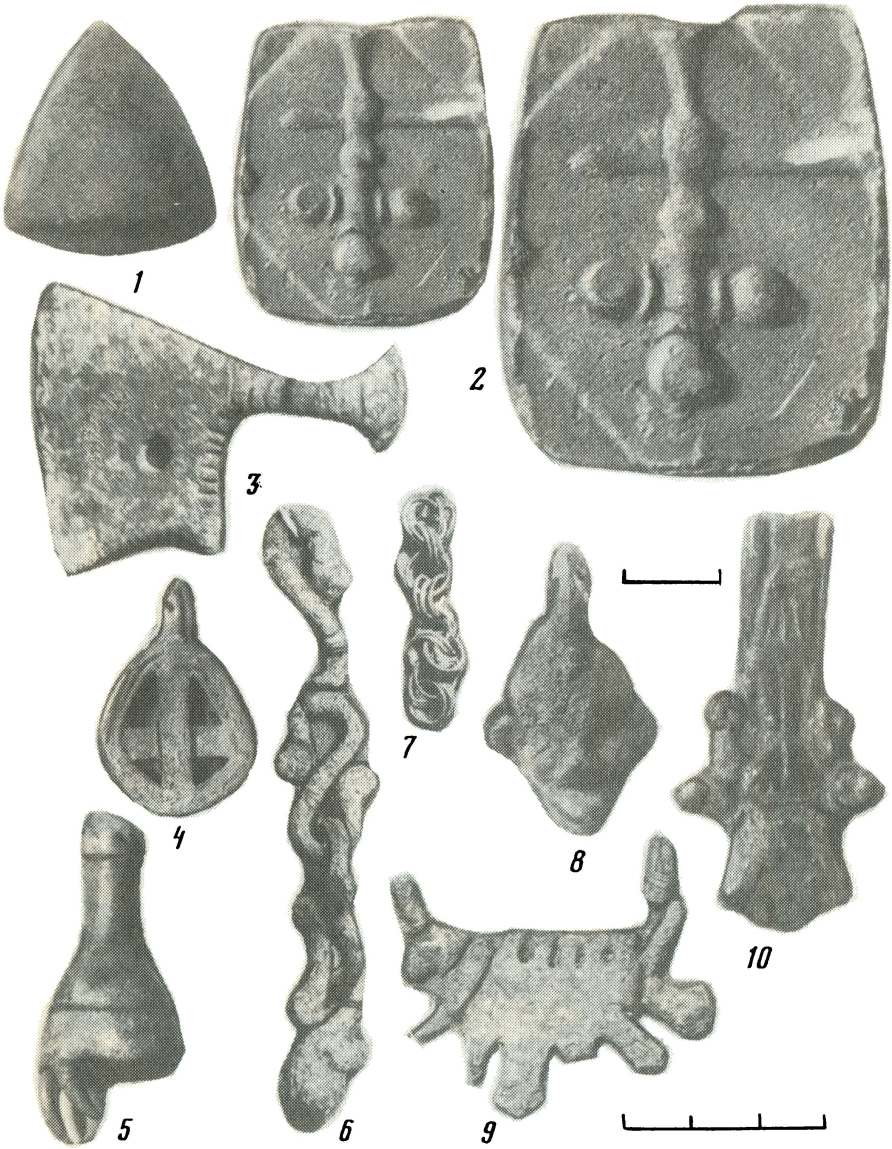


Рис. 7. Литейная форма и изделия из бронзы

1 — матрица; *2* — литейная форма (гипсовый оттиск); *3* — амулет-топорик; *4,5* — привески; *6,7* — цепочки; *8* — привеска-амулет в форме человеческой личины; *9* — семилопастное височное кольцо; *10* — фрагмент креста

черешка (рис. 6, *3*), бронебойную в виде кинжальчика ромбического сечения (рис. 6, *4*), пирамидальную с массивной короткой боевой головкой квадратного сечения и с перехватом у короткого черешка (рис. 6, *5*), пирамидальные квадратного сечения с валиком на шейке (рис. 6, *6, 7*), бронебойную с массивной боевой головкой ромбических очертаний и ромбического сечения с шейкой (рис. 6, *8*).

Висячие замки и ключи типов Б и В (по Б.А. Колчину)[17] относятся к XII – первой трети XIII в. (рис. 6, *16, 17, 19*). Втульчатые ключи от нутряных замков (рис. 6, *18*) применяли с XI в. и позднее.

Ювелирные изделия. О мастерских "кузнецов железу, меди и серебру" на Северном городище свидетельствует цельнолитая бронзовая матрица с выпуклой рабочей и плоской нижней сторонами (рис. 7, *1*). В каменной литейной форме из жилища 8, где найдены и куски меди, отливали тельные крестики с утолщенными профилированными концами (рис. 7, *2*) Подобные крестики известны среди находок на городище. Они широко распространены в русских землях с XI в., особенно в Приднепровье[18].

Амулет-топорик из жилища 4 (рис. 7, *3*)[19] с оттянутым вниз лезвием по форме приближается к боевым топорам типа IV (по А.Н. Кирпичникову), которые господствовали в XI в.[20] В Новгороде одна из подобных привесок встречена в слое начала XI в., другая – середины XI в.[21] Привески-амулеты носили на бронзовых цепочках с S-видными или круглыми проволочными звеньями в три оборота (рис. 7, *6, 7*). Отметим плоскую ажурную привеску грушевидной формы с крестом внутри (рис. 7, *4*) и массивную коническую привеску XII–XIII вв., выполненную в технике литья по восковой модели. Ее форма типична для шумящих украшений финно-угорских племен Приладожья и Белозерья. В петли по нижнему краю пронизки были продеты цепочки с колокольчиками или бубенчиками[22]. Очевидно, служила амулетом маленькая (высота с ушком 2,7 см) литая сильно коррозированная привеска в виде человеческого лица (рис. 7, *8*). Рельефно выделены глазницы, широкий нос, острый подбородок, оттопыренные уши. Семилопастное височное кольцо с каплевидными лопастями (жилище 3) относится к концу XI или рубежу XI–XII вв. (рис. 7, *9*)[23]. Найден фрагмент редкого по форме бронзового креста XIII в. с рельефным изображением Распятия (сохранилась нижняя ветвь высотой 4,3 см). Крестик литой, оборот гладкий с двумя штифтами. По сторонам фигурного конца симметричные выступы в виде выпуклых кружков (условные обозначения Голгофы?). От фигуры Христа уцелели нижняя часть туловища, препоясание; ступни, расположенные параллельно, прибиты двумя гвоздями (рис. 7, *10*).

К принадлежностям костюма относятся бронзовые фибулы. Среди них подковообразная треугольная в сечении с многогранными головками в виде усеченной пирамиды со срезанными углами (рис. 8, *1*). Сходные фибулы известны из Приладожья, Гнездовского и Ярославского могильника, с Сарского городища. Вне Руси фибулы с многогранными головками на концах найдены в Финляндии, Прибалтике, Швеции, Норвегии и на Готланде в памятниках конца IX – первой половины XI в.[24] В Новгороде три таких фибулы происходят из слоев от X до середины XII в.[25] Подковообразные круглые в сечении фибулы с маковидными головками

Рис. 8. Принадлежности костюма, писала

1,2 — фибулы; *3–5* — поясные пряжки; *6* — булавка; *7,8* — железные писала; *9* — ременной разделитель; *10* — поясная накладка

(рис. 8, *2*) на территории Руси встречены в пределах Вологодской, Смоленской, Ярославской, Псковской и Ленинградской областей, тесно связанных с Прибалтикой. Маковидные фибулы считают прибалтийскими и датируют в основном XI в., отдельные экземпляры относятся и к XII в.[26] В Новгороде они найдены в слоях от середины XI до середины XII в.[27] Из раскопок В.А. Городцова происходит спиралеконечная фибула круглого сечения. Судя по одинаковой толщине дуги, на всем ее протяжении она, вероятнее всего, датируется XI в.[28]

В состав мужского поясного набора входили пряжки, ременные разделители, накладки. Широко распространены бронзовые лировидные пряжки, в том числе с приемником арочной формы, не отделенным от рамки (рис. 8, *4, 5*). Они характерны для мужских погребений грунтового могильника XI – начала XII в., исследования которого с 1966 г. проводились на Южном городище[29]. У кольцевого ременного разделителя скандинавского стиля (XI – начало XII в.) три отверстия служили для распределения ремней (жилище 5). Изделие бронзовое, литое; треугольная средняя часть украшена на концах головками животных (рис. 8, *9*). Сходные звериные морды в стиле северной орнаментации украшают бронзовые наконечники ножен мечей[30]. По Г.Ф. Корзухиной, эти наконечники типа V найдены в Калининградской обл., бассейне Западной Двины, Среднем Поднепровье, в Болгарии[31]. В жилище 17 обнаружен бронзовый литой наконечник ремня того же времени; на его тыльной стороне три штифта (рис. 8, *10*). Рельефный орнамент включает части цветка-розетки: сердцевину и два лепестка (сравни поясные бляшки из Елецкого монастыря в Чернигове)[32]. К XII – первой трети XIII в. относится железная булавка с подвижной кольцевидной головкой (рис. 8, *6*). Тем же временем датируется железный стиль-писало с лопаточкой в форме бокальчика с оттянутыми краями (рис. 8, *8*)[33]. Аналогичное писало обнаружено в комплексе усадьбы, сгоревшей в 1237 г.[34]. Второе писало с обломанной фигурной лопаточкой (имела крестообразную прорезь?), возможно, напоминало экземпляр из Витичева XII – первой половины XIII в. (рис. 8, *7*)[35].

Пластинчатый браслет, несомкнутый, гладкий, слегка суженный к концам (ширина в средней части 0,8 см) сделан из массивной пластины (рис. 9, *1*). Орнаментирован углубленными точками, которые образуют квадраты с соединяющими их линиями. Витой завязанный браслет сложного плетения (2 × 3), характерный для XII–XIII вв., среди древностей Средней Оки – редкая находка (рис. 9, *2*)[36].

Несколько перстней относятся к решетчатым – однозигзаговые, трехпунктирный (три ряда круглых прорезей) и шестипуктирный (рис. 9, *3–5*). В вятических курганных комплексах решетчатые перстни появились не раньше XII в., чаще встречаются в погребениях второй половины XII в.[37] В Новгороде решетчатый двузигзаговый перстень найден в слое 60–70-х годов XII в.[38] Пластинчатый широкосрединный перстень с заходящими концами украшен пунсонными кружками (рис. 9, *6*). На печатном бронзовом перстне с круглым литым щитком выполнена рельефным контуром схематичная фигурка птицы (рис. 9, *7*). В Новгороде перстни с круглыми щитками получили распространение со второй половины XII в.[39]

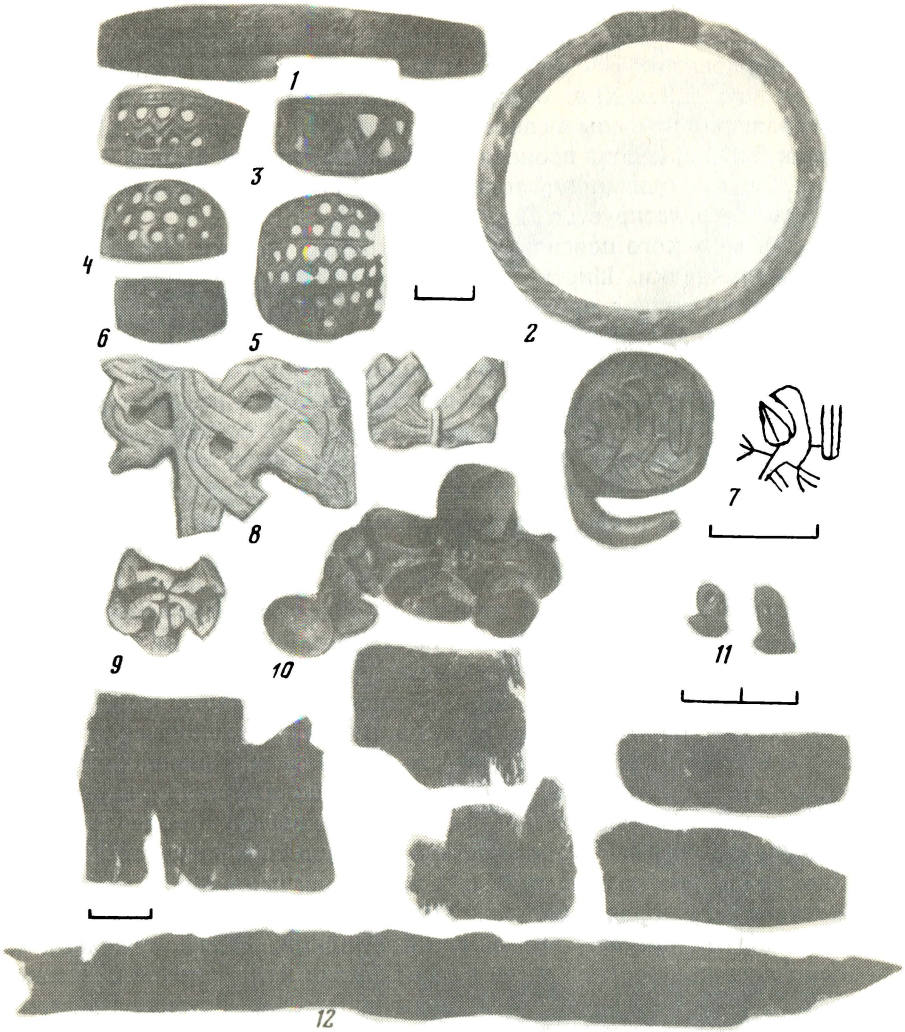


Рис. 9. Металлические украшения и фрагменты тканей

1, 2 — браслеты; *3–5* — решетчатые перстни; *6* — пластинчатый перстень; *7* — щитковосрединный перстень с изображением птицы (фотопрорисовка изображения); *8* — накладки от ларцов; *9–12* — инвентарь погребений (*9–11* — пуговки, *12* — фрагменты шелковых лент)

Этой дате отвечает и манера изображения птицы. С X в. мотив птицы на щитках русских перстней нередок[40].

Ажурными бронзовыми накладками с узором из переплетающихся лент, возможно, украшали ларцы (рис. 9, *8*).

Интересен литой бронзовый подсвечник XII – первой половины XIII в. из жилища 9 (рис. 10). У него трехгранное основание на ножках в виде стилизованных звериных лап; цилиндрический ствол с шаровидным

Рис. 10. Бронзовый подсвечник

основанием декорирован глубокими насечками. Чашка для стекавшего воска и острие для насаживания свечи отломаны. Подсвечник относится к предметам импорта. Сравнительно простая форма затрудняет его локализацию (возможно, крымское или придунайское происхождение).

Поделки из кости. Развитие косторезного дела подтверждается обилием костей животных со следами обработки. Это – двусторонние цельные гребни разных типов (48 экз.), которые по новгородской шкале датируют-

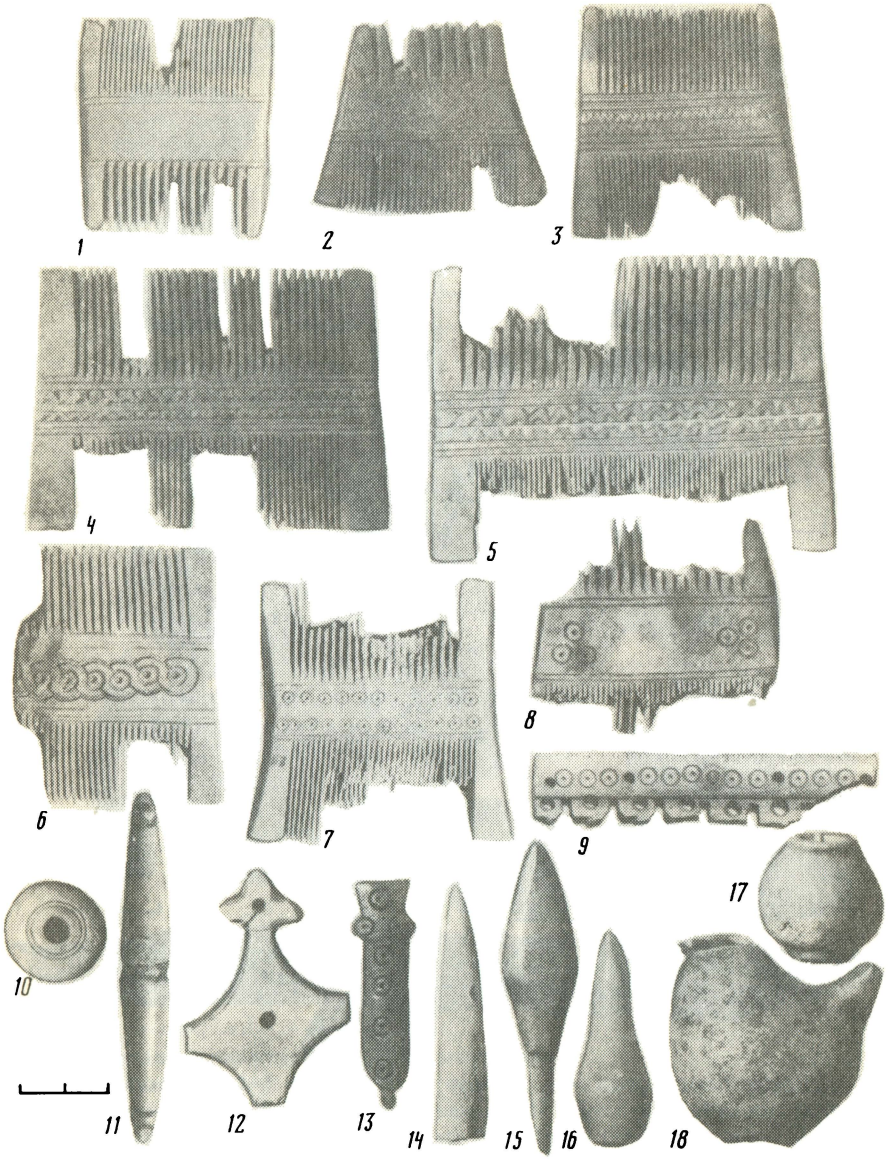


Рис. 11. Костяные изделия

1–9 — гребни и их детали; *10, 11* — пуговицы; *12, 13* — накладки; *14–16* — наконечники стрел; *17* — навершие; *18* — рукоять плети

ся XI–XIII вв. (рис. 11, *1–8*). Они украшены полосами-зигзагами, узором из пересекающихся кругов. Фигурная накладка с глазковым орнаментом относится к двустороннему наборному гребню, вошедшему в употребление с середины XII в. (рис. 11, *9*). В числе костяных изделий – круглая и стержневая пуговицы (рис. 11, *10, 11*), фигурные накладки (рис. 11, *12, 13*), наконечники стрел

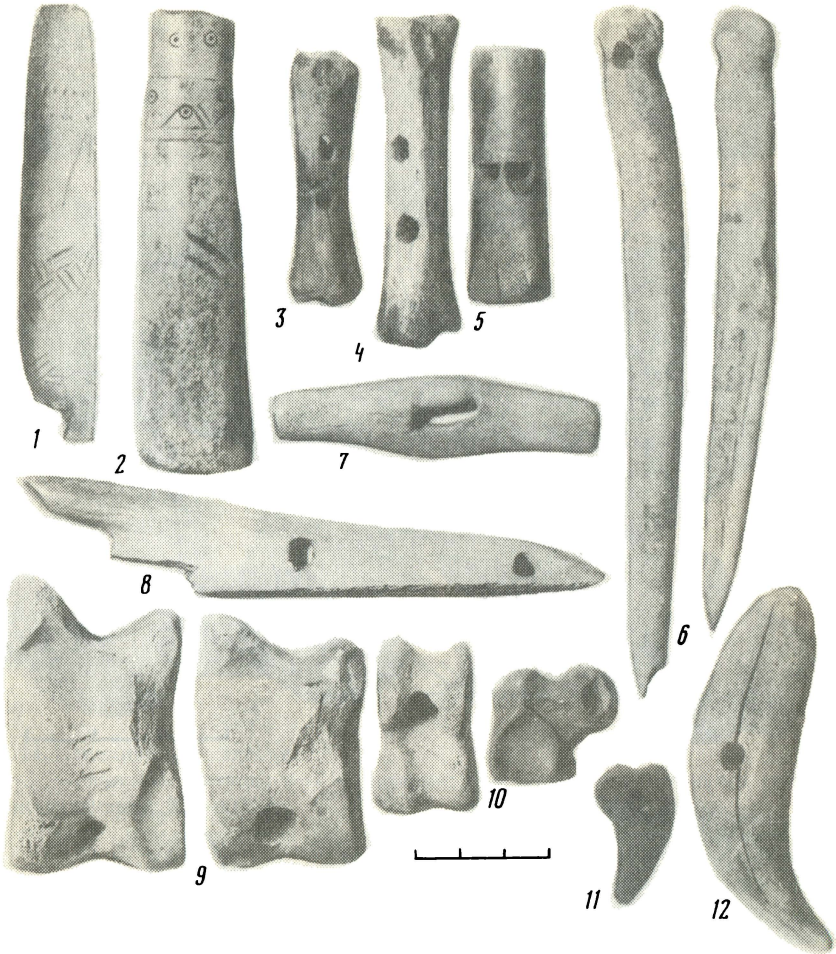


Рис. 12. Поделки из кости, амулеты

1, 2 — рукояти ножей; *3, 4* — трубочки для крепления веревочных снастей; *5* — манок (?); *6* — кочедыки; *7* —застежка от конских пут; *8* — петля для подвешивания колчана; *9* — астрагалы для игры в "бабки"; *10–12* - амулеты

XI–XIII вв.: пулевидная коническая (рис. 11, *14*), томар (рис. 11, *16*), черешковая ромбовидная (рис. 11, *15*). Найдено маленькое шаровидное навершие (рис. 11, *17*) и бочонковидное навершие плети с клювовидным выступом и отверстием для пропуска бича (тип III, по А.Н. Кирпичникову, XI–XIII вв.)[41]. Встречены рукоятки ножей с геометрическим орнаментом (рис. 12, *1, 2*), трубочки с отверстиями для крепления веревочных снастей (рис. 12, *3, 4*), манок (?) (рис. 12, *5*), кочедыки (рис. 12, *6*), застежка от конских ременных треножных пут (рис. 12, *7*)[42], фрагмент петли для подвешивания колчана на поясном ремне (рис. 12, *8*)[43]. Нередки коровьи,

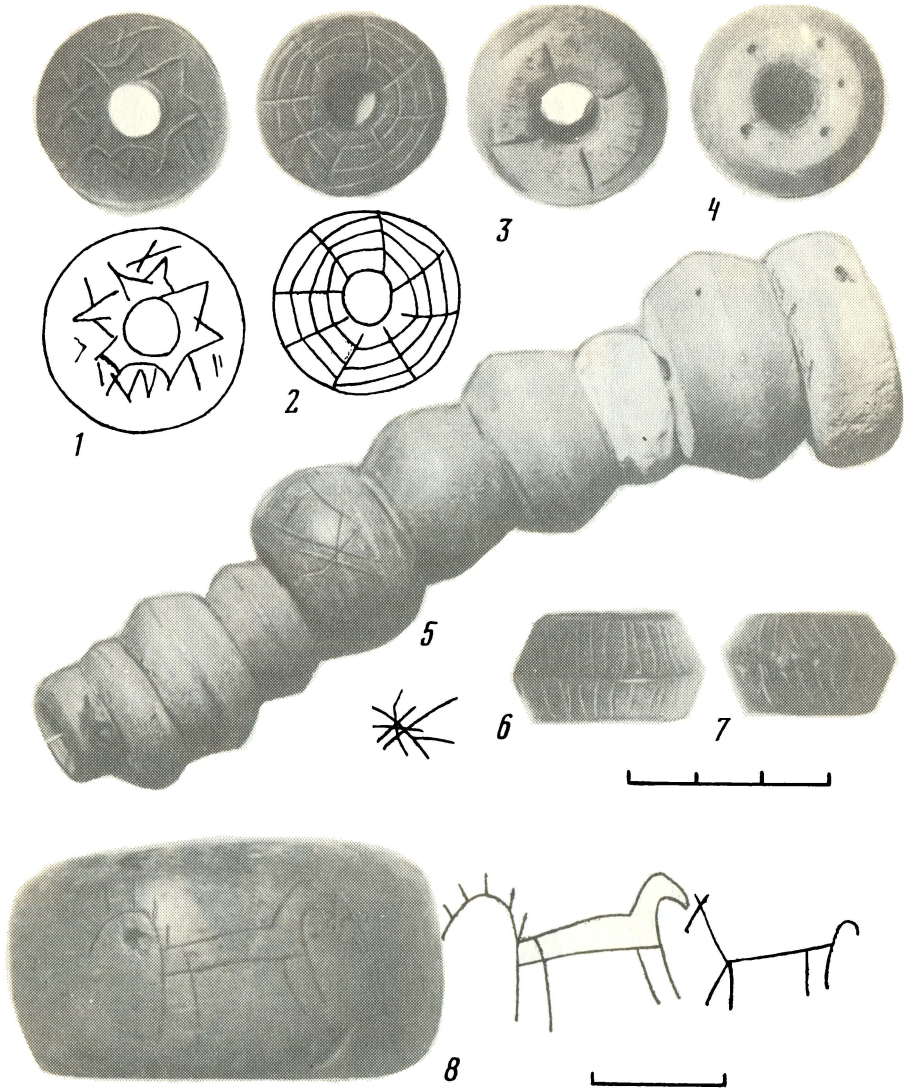


Рис. 13. Шиферные пряслица и их орнаментация

1–4 — пряслица с геометрическими знаками на верхней плоскости; *5–7* — пряслица с геометрическими знаками на боковой поверхности; *8* — пряслице с фигурками животных

лошадиные и овечьи астрагалы для игры в "бабки" с углублениями, которые заливали свинцом (рис. 12, *9*). Привесками-амулетами с просверленными отверстиями для тесьмы служили астрагал бобра (рис. 12, *10*), лисий зуб из жилища 6 (рис. 12, *11*), пять нижних клыков бурого медведя (рис. 12, *12*).

Шиферные пряслица (рис. 13). При раскопках В.А. Городцова найдено около 200 овручских шиферных пряслиц. По подсчетам А.Л. Монгайта,

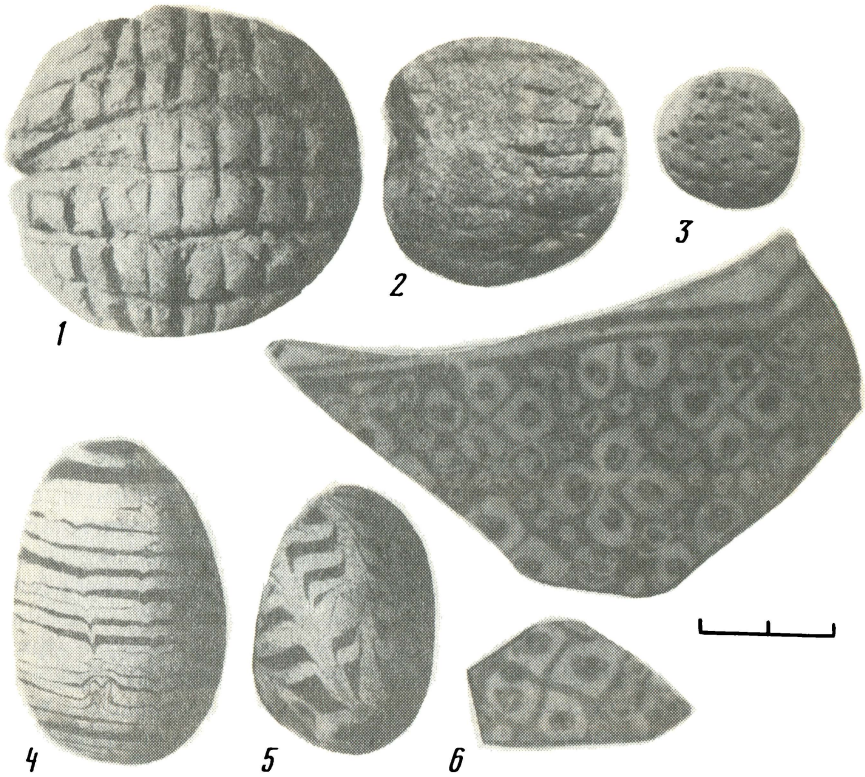


Рис. 14. Керамические изделия

1–3 – глиняные хлебцы; *4–5* – писанки; *6* – фрагменты иранского сосуда с росписью люстром, XII–XIII вв.

основная масса находок приходится на Северное городище, временем их наибольшего распространения он считал XI в.[44] Новгородская шкала позволяет уточнить хронологию старорязанских пряслиц розового и серого шифера. Количество последних в Новгороде быстро растет в XI в., максимальный приток падает на середину XII в., затем начинается спад и к началу XIII в. их количество резко сокращается[45]. Заслуживают особого внимания меченые пряслица со знаками собственности – тамгами. Из раскопок В.А. Городцова происходит пряслице с круговой надписью "Молодило"[46]. На верхней плоскости пряслиц встречены насечки в виде звезды (рис. 13, *1*), "паутинки" (рис. 13, *2*), на одном пряслице нарезки в виде креста, а на обороте точечные углубления (рис. 13, *3, 4*). На битрапецеидальных пряслицах параллельные вертикальные или наклонные нарезки образуют боковые орнаментальные пояса (рис. 13, *6, 7*). Стилизованные фигурки двух животных (рис. 13, *8*) Б.А. Рыбаков определил как "миниатюрное изображение лошади, ласкающей жеребенка"[47].

Керамические изделия представлены так называемыми хлебцами – маленькими овальными или круглыми лепешками с нарезными пересекающимися линиями или точечными вдавлениями (рис. 14, *1–3*)[48], а также

глиняными яйцами-писанками (жилище 7). Писанки покрыты поливным узором из коричневых фигурных скобок на желтом фоне (рис. 14, *4, 5*)[49]. В Новгороде писанки бытовали до 80-х годов XII в.[50] Время их максимального распространения – XI в. Писанки, аналогичные рязанским, тяготеют к южным областям Руси, возможна их киевская локализация[51]. Хлебцы и писанки отражают роль магии в традиционном аграрном обществе, элементы ее являлись не пережитками, а неотъемлемой частью повседневной практики. В XI–XIII вв. различие между дарующими благополучие амулетами и святыми предметами христианского культа (крестами, иконками) не было понятно большинству населения, тем более, что магические действия допускались и церковью. Археологические материалы свидетельствуют о том, что древние верования и христианство были двумя синхронными аспектами средневекового общественного сознания, образовывали специфическое единство. В восточнославянской мифологии обрядовый хлеб с украшениями (каравай, коровай) символизировал плодородие. Глиняные модели, как и изделия из теста, воплощая богатство, благополучие дома, растительную силу, видимо, играли определенную роль в комплексе каравайных обрядов, в свадебных ритуалах. В сельскохозяйственной календарной обрядности глиняные хлебцы могли играть какую-то жертвенную роль, направляемую на обеспечение урожайности полей. Ритуальными предметами служили и писанки (умывание с яйца в Великий четверг, обряды варки и крашения яиц, которыми задабривали леших и домовых). Крашеным яйцам приписывали целительную силу, способную предотвращать козни злых духов. В пасхальной обрядности восточных славян яйца не только занимают центральное место в празднике, но и выступают как главный символ весеннего возрождения природы. Обрядовые яйца связывались и с культом мертвых (использование пасхальных яиц на могилах – христосование с предками).

О важной роли магического мышления свидетельствуют и начертания гончарных клейм на днищах горшков (рис. 15). У славянских народов клейма появились почти одновременно и везде получили наибольшее распространение в XI в.[52] Они представляют собой универсальные древние языческие символы-обереги от злых духов. Возможно, в такие сосуды наливали жидкость, которую пили или которой умывались для избавления от болезней и предохранения от дурного глаза (ср. обычай питья воды или умывания с яйца, с кремневой стрелы). Кстати, среди клейм видим и стрелу (рис. 15, *8*). Давно высказанная гипотеза о магическом значении клейм[53] хорошо объясняет сравнительно редкую встречаемость клейменых сосудов. Становится понятным, почему процент керамики с клеймами значительно выше в небольших городах и особенно в сельских поселениях по сравнению с такими центрами, как Киев, Чернигов, Новгород, где магическая обрядность, хотя и сохранялась, но не была столь распространена. Горшки с клеймами могли являться культовыми предметами. Так же как и привески-амулеты, например медвежьи клыки, клейма архаических начертаний особенно многочисленны в пределах старого города – Северного городища. Обычны клейма в виде колеса (рис. 15, *1, 4*): в мифологиях индоевропейских народов колесо – символ

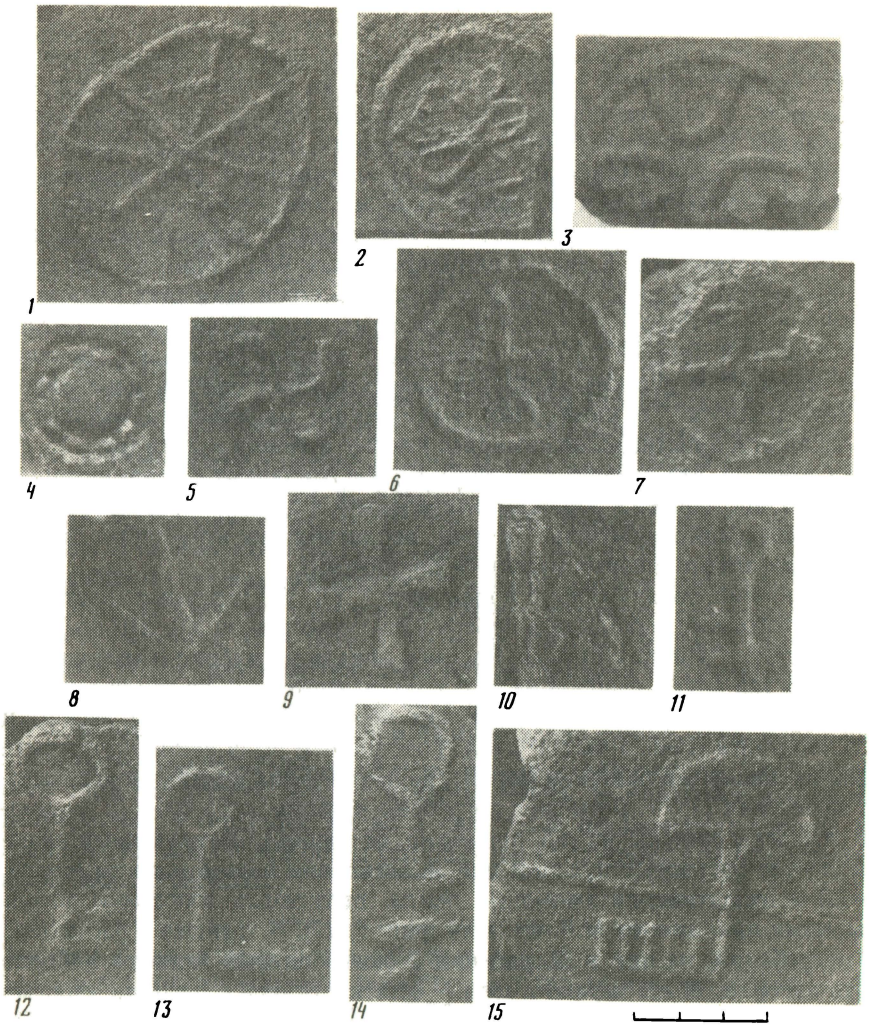


Рис. 15. Гончарные клейма

солнца, солнечной колесницы. Мифопоэтическое уподобление солнца колесу восходит к глубокой древности. У многих народов Европы праздник сжигания колеса сохранялся до недавнего времени. Свастика и свастика в круге (рис. 15, *5–7*) – один из наиболее архаичных символов, обозначение благоприятного, счастливого объекта. В индийской культуре с древнейших времен свастика традиционно толковалась как солярный символ, знак света и щедрости. Она засвидетельствована в традиционной символике Китая и Древнего Египта. Распространены клейма в виде ключей (рис. 15, *11–15*). Ключ – символ богатства и сохранности, благополучия домашнего очага. В русских заговорах от колдовства фигурируют замки-ключи, призванные "накрепко и твердо" замкнуть

(т.е. обезвредить) "колдуна и колдунью, ведуна и ведунью и упыря"[54]. Замки и ключи нейтрализовали злокозненные силы. Их находки в курганах, видимо, связаны с ритуалом замыкания покойника на месте погребения[55]. В восточнославянских народных песнях весеннего цикла сохранился мотив отмыкания ключом вырия (рая), откуда прилетают птицы. Для южнославянских песен, исполнявшихся при магических обрядах вызывания дождя, характерны мотивы отмыкания небесных врат. Стрелы (рис. 15, *8*) – атрибут бога-громовика, поражающего хтонического противника, а также принадлежность бога-целителя (ср. греч. Аполлона, инд. Рудру), который с помощью стрел исцеляет недуги. В средневековой Европе во время эпидемий изготавливали стрелы святого Себастьяна. В Полесье бытовали поверья о лечении бесплодия "перуновой стрелой". В русских заговорах известен образ стрелы, нацеленной "в хоть и плоть". В категориях архаического магического мышления осмысляли и христианские символы: клеймо в форме креста (рис. 15, *9*). Показательно, что основные рисунки клейм совпадают с орнаментацией привесок-апотропеев к женским ожерельям[56], а также повторяют распространенные привески-амулеты (ключи, неолитические кремневые стрелы в оправах, изготовленных русскими ювелирами).

Погребения, обнаруженные в траншеях I, VII, VIII (восточная часть Северного городища) находились поверх культурного слоя XII–XIII вв., прорезая остатки жилищ с печами. Костяки лежали неглубоко и тесно, в два и даже в три яруса, головой на запад, со скрещенными на груди руками. Большинство погребений не содержит вещей. Как показали раскопки А.Л. Монгайта (1946, 1948 гг)[57], В.А. Городцовым была частично вскрыта одна из обширных братских могил, где похоронены жертвы монгольского нашествия 1237 г. Погибшие погребены в общем котловане (в дневнике отмечены остатки дерева, возможно, от гробов). Датирующими вещами служат бронзовые пуговки для застегивания ворота одежды (рис. 9, *9–11*) и византийские шелковые ленты, вытканные золотыми нитями (см. ниже приложение М.В. Фехнер) (рис. 9, *12*). В траншее I расчищено 13 погребений, из них в погребении 2 около нижней челюсти найдено пять пуговок, возле черепа и шеи – остатки тканей с шитыми узорами (см. ниже приложение М.В. Фехнер). В траншее VII – 15 погребений (из них: в 1,5, 10 – у шеи обрывки золотной тесьмы; 8 – близ шейных позвонков три шаровидных бубенчика с щелевидной прорезью, использованные в качестве пуговиц; 11 – возле шеи две пуговки и шелковая лента). В траншее VIII – 19 погребений (из них: в 1 – около пояса бубенчик; 7 – у шеи остатки золототканой ленты; 15 – возле шеи три пуговки и фрагмент золотной тесьмы; 18 – возле шеи одна пуговка и обрывки золотной ленты). Аналогичные братские могилы исследованы в 1977–1979 гг. на подоле (территория современной д. Старая Рязань) и у южной окраины д. Фатьяновка.

* * *

Раскопки В.А. Городцова положили начало подлинно научному изучению Старой Рязани. Некоторые его соображения по планировке и застройке города, конструкциям жилищ и печей не утратили своего зна-

чения до сих пор. Однако источниковедческий анализ археологического материала, определение хронологии вещей не подтверждают выводов В.А. Городцова–А.А. Мансурова–А.Л. Монгайта о возникновении Рязани как города уже в X в. Достоверные материалы этого времени отсутствуют, а находки дирхемов не обязательно связаны с поселениями городского типа. Древнейшая часть города – Северное городище было заселено не ранее XI в., возможно, около середины этого столетия (первое упоминание в летописи – 1096 г.). Археологические данные, скорее, подтверждают старую гипотезу Д.И. Иловайского, который относил основание города к 60-м годам XI в.[58] В XI – начале XII в. отчетливо прослеживаются связи Рязани с областями смоленско-полоцких и псковских кривичей, а также словен новгородских. По-видимому, в первоначальной славянской колонизации района Средней Оки эти племена играли видную роль наряду с выходцами из Среднего Приднепровья. Следует развенчать общераспространенное мнение о преимущественно вятической колонизации этого района Рязани. Напротив, слишком сильны контакты с областями севера и северо-запада: Ярославским Поволжьем, Белозерьем, Приладожьем, Восточной Прибалтикой. Рязань основали выходцы из разных областей Руси. Город XI – начала XII в. имел смешанное население, причем вятический элемент был незначительным[59]. Этот вывод подтверждается и в результате анализа инвентаря огромного грунтового могильника XI – начала XII в. на Южном городище (раскопки 1966–1979 гг.), а также материалами новых раскопок на Северном городище (1978–1979 гг.) и в нижней неукрепленной части города (подола), примыкавшего к Оке. Основание и формирование Рязани, первоначально небольшого рядового городка на мысу в устье р. Серебрянки, проходило более сложным путем, чем это представлялось до недавнего времени. Впоследствии, с середины XII в., в силу ряда исторических причин в Рязанском княжестве все более усиливается культурное влияние киево-черниговского региона.

[1] *Монгайт А.Л.* Старая Рязань // МИА. 1955. № 49. С. 11, 12.

[2] *Городцов В.А.* Раскопки городища Старой Рязани // ХВЗ. М., 1927. № 1. С. 5–7.

[3] *Мансуров А.А.* Древнерусские жилища // ИЗ. М., 1941. Т. 12. С. 61–95. Автор издал планы городища с траншеями и шурфами, заложенными В.А. Городцовым (Там же. Рис. 1)., а также план расположения жилищ, открытых на Северном городище (Там же. Рис. 4.) По дневнику В.А. Городцова он описал остатки жилых построек с перечнем вещевых находок в каждой. Кроме того, было отмечено: "Общий рекогносцировочный характер работ и быстрый темп, которым проводились раскопки, не позволили достаточно подробно остановиться на исследовании каждого раскопанного жилища. Это прежде всего сказалось в том, что некоторые подпольные ямы, оказавшиеся в большей своей части вне пределов раскопа (расширения траншеи), не обследовались, так как предполагалось, что они относятся к другому жилищу. Не были прослежены дворы и усадебные постройки. Не всегда удавалось установить точные границы жилища" (*Мансуров А.А.* Древнерусские жилища. С. 70). Добавим, что при тесноте застройки на Северном городище траншеи неминуемо прорезали перекрывавшие друг друга разновременные сооружения, что ускользало от внимания исследователя.

[4] *Боголюбский С.Н.* Палеофауна сельскохозяйственных животных Старой Рязани по раскопкам В.А. Городцова // Тр. САИАИ. М., 1928. Т. 4. С. 75–89.

[5]*Городцов В.А.* Раскопки городища старой Рязани. С. 6.

[6]В маленькой записной книжке — полевом дневнике В.А. Городцова даны лишь очень схематичные планы сооружений. Другой документации обнаружить не удалось.

[7]Реконструкция В.А. Городцова встретила скептическое отношение А.Л. Монгайта, изучавшего главным образом полуземляночные жилища. См.: *Монгайт А.Л.* Старая Рязань. С. 40, 41. Рис. 12.

[8]*Городцов В.А.* Раскопки городища Старой Рязани. С. 6.

[9]См. реконструкцию Г.В. Борисевичем жилища на городище Слободка: *Никольская Т.Н.* Земля вятичей. М., 1981. Рис. 71.

[10]*Монгайт А.Л.* Старая Рязань. С. 65—70. Рис. 42.

[11]Ср. реконструкцию Г.В. Борисевичем печи на городище Слободка: *Никольская Т.Н* Земля вятичей. Рис. 66.

[12]*Монгайт А.Л.* Старая Рязань. Рис. 72, *6*; 89; 91, *5*; 126; 135; 139, *5*.

[13]*Левашева В.П.* Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1956. С. 42.

[14]Там же. Рис. 18, *4—6. 10.*

[15]Там же. С. 71. Рис. 15. *7—11.*

[16]*Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие: Лук и стрелы, самострел. VIII—XIV вв. // САИ. М., 1966. Вып. Е1-36.

[17]*Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. с. 160, 161. Рис. 3.

[18]*Монгайт А.Л.* Старая Рязань. Рис. 139, *9*; *Даркевич В.П., Пуцко В.Г.* Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970—1978) гг. // СА. 1981. № 3. С. 224. Рис. 7, *1*.

[19]*Даркевич В.П.* Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. 1961. № 4. С. 91—101.

[20]*Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие // САИ. М.; Л., 1966. Вып. Е1-36. С. 36, 37. Рис. 6. Табл. XIII и др.

[21]*Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С. 26. Рис. 7, 8, 9.

[22]Там же. С. 34. Рис. 10, *6*; *Голубева Л.А.* Весь и славяне на Белом озере, X—XIII вв. М., 1973. с. 43. Рис. 4, *2*.

[23]*Равдина Т.В.* Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М., 1968. С. 138, 139. Рис. 1, *1—3*.

[24]*Мальм В.А.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1967. С. 159, 161. Рис. 23, *1*.

[25]*Седова М.В.* Ювелирные изделия... С. 86. Рис. 31, *12*.

[26]*Мальм В.А.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. С. 163. Рис. 23, *6*.

[27]*Седова М.В.* Ювелирные изделия... С. 88. Рис. 30, *6*.

[28]*Мальм В.А.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. С. 152. Рис. 22, *1*.

[29]*Даркевич В.П.* Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966—1969 гг.) // Археология Рязанской земли М., 1974. С. 62. Рис. 40.

[30]*Ханенко Б.И., Ханенко В.Н.* Древности Приднепровья. Киев, 1902. Вып. 5. Табл. XIV, *206*; XVIII, *304*.

[31]*Корзухина Г.Ф.* Из истории древнерусского оружия XI в. // СА. 1950. № 13. С. 67, 68, Табл. 1.

[32]*Рыбаков Б.А.* Древности Чернигова // МИА. 1949. № 11. Рис. 21.

[33]*Медведев А.Ф.* Древнерусские писала X—XV вв. // СА. 1960. № 2. С. 76. Рис. 3, *2, 3*.

[34]*Даркевич В.П.* Раскопки на Южном городище ... Рис. 28, *5*.

[35]*Медведев А.Ф.* Древнерусские писала... Рис. 5, 7.

[36]*Арциховский А.В.* Курганы вятичей. М., 1930. С. 14. Рис. 7.

[37]*Равдина Т.В.* Хронология "вятических" древностей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. С. 11.

[38]*Седова М.В.* Ювелирные изделия.... С. 130. Рис. 45,*26*.

[39]Там же. С. 132.
[40]Там же. С. 137—139 (с библиографией). Рис. 50, 52; *Даркевич В.П., Пуцко В.Г.* Старорязанские клады: (Раскопки 1979 г.) // СА. 1982. № 2. С. 204, 205. Рис. 10.
[41]*Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. // САИ. Л., 1973. Вып. Е1-36. С. 71 и сл. Рис. 41. Табл. XXIV, *1—6, 10, 11.*
[42]Там же. С. 78. Рис. 44; 45.
[43]*Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие... С. 20, 21, 42, 44. Табл. 9.
[44]*Монгайт А.Л.* Старая Рязань. С. 22.
[45]*Колчин Б.А.* Хронология... С. 174. Рис. 9.
[46]*Рыбаков Б.А.* Ремесло древней Руси. М., 1948. М., С. 200. Рис. 39, *3.*
[47]Там же. С. 196.
[48]*Монгайт А.Л.* Старая Рязань. С. 126, 182. Рис. 89.
[49]В славянской аграрной обрядности яйца чаще всего красили в красный или желтый цвета, выступающие как заменители золотого. См.: *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 74.
[50]*Колчин Б.А.* Хронология... С. 174.
[51]*Макарова Т.А.* Поливная посуда: Из истории керамического импорта и производства древней Руси // САИ. М., 1967. Вып. Е1-38. С. 43, 44.
[52]*Тухтина Н.В.* Средневековые славянские гончарные клейма // Тр. ГИМ. М., 1960. Вып. 37. С. 155.
[53]*Сизов В.И.* Курганы Смоленской губернии // МАР. 1902. Вып. 28; *Тухтина Н.В.* Средневековые...
[54]*Успенский Б.А.* Филологические разыскания... С. 27, 28.
[55]*Макаров Н.А.* Магические обряды при сокрытии клада на Руси // СА. 1981. № 4 С. 262.
[56]*Даркевич В.П.* Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // СА. 1960. № 4.
[57]*Монгайт А.Л.* Старая Рязань. С. 29. Рис. 14.
[58]*Иловайский Д.И.* Собр. соч. М., 1884. Ч. 1. С. 13.
[59]*Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. М., 1965. С. 59; *Равдина Т.А.* Хронология "вятических" древностей. С. 16.

Приложение к статье В.П. Даркевича

М.В. ФЕХНЕР

ТЕКСТИЛЬНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Среди материалов из раскопок В.А. Городцова на Старорязанском городище значительный интерес представляет небольшая группа шелкового текстиля, состоящая из фрагментов гладких однотонных тканей с золотной вышивкой и узорных золототканых лент. Эти остатки дорогих импортных тканей происходят из погребений XIII в., обнаруженных в восточной части Северного городища в траншеях I, VII, VIII.

Особого внимания заслуживают ткани с шитыми узорами из погребения 2 в траншее I (рис. 1; 2). По данным структурного анализа они являются иранскими материями сложного саржевого переплетения значительной плотности: на 1 см приходится 34 нити основы и 108 нитей утка. От длительного пребывания в земле они утратили свой первоначальный цвет, который, как у большинства безузорных шелков того времени, видимо, был красным[1].

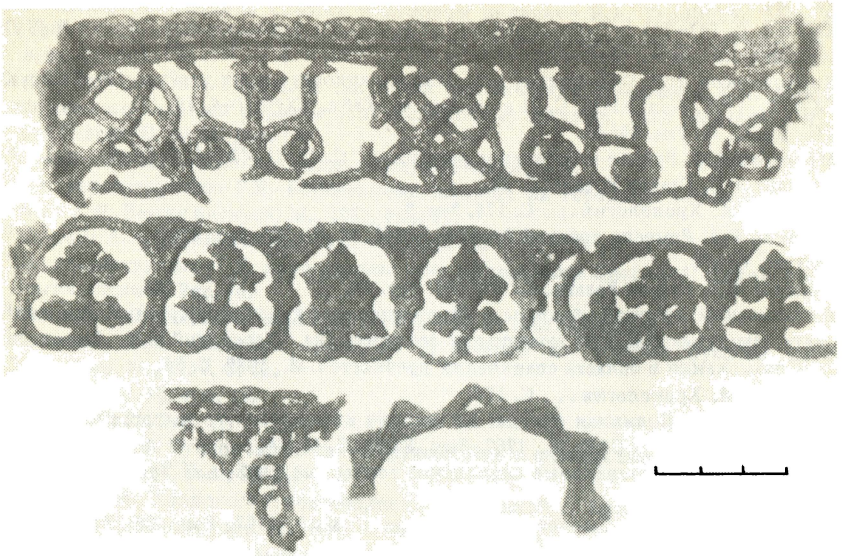


Рис. 1. Ткани с золотной вышивкой из погребения 2

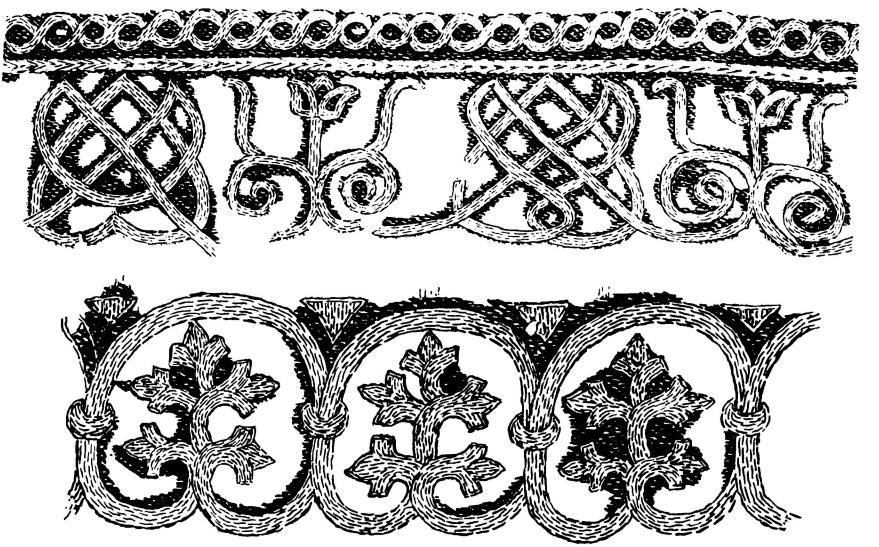


Рис. 2. Ткани с золотной вышивкой из погребения 2 (прорисовка)

Шелковая ткань у этих фрагментов сохранилась только под золотной вышивкой и на первый взгляд создается впечатление, что это не вышивка, а сквозные узорные текстильные изделия – золото-серебряное кружево. Этим и объясняется, что А.Л. Монгайт в работе, посвященной Старой Рязани, опубликовал данные образцы декоративно-прикладного искусства ошибочно, как плетеное кружево[2].

Вышивка на тканях выполнена серебряно-позолоченными нитями, спряденными на шелковую нитку; только контур узора вышит шелковыми нитками под цвет ткани стебельчатым швом. Способ укрепления металлических нитей на тканях представлял в техническом отношении известные трудности. Для того чтобы не повредить дорогую шелковую ткань, предварительно приходилось при помощи тонких костяных проколок делать в ней небольшие отверстия, через которые затем пропускалась насквозь игла с золотной ниткой. На изнанке образовывались короткие стежки, а на лицевой стороне длинные, которые, плотно прилегая друг к другу, создавали сплошную блестящую поверхность отдельных мотивов. По технике исполнения золотная вышивка из Старой Рязани идентична всем известным в настоящее время русским вышивкам X–XII вв. Этот способ, так называемое шитье "на проем" или в "прокол", распространен был в рассматриваемое время не только на Руси, но и во всех европейских странах.

На шелковой полосе из погребения 2 шириной 3–4 см и длиной 18 см вышит прекрасно выполненный изящный рисунок в виде стилизованного древа жизни в овальных клеймах. Этот элемент орнамента, идущий из глубокой древности, применялся на Руси преимущественно в вышивках, украшавших женский головной убор. Так, в ряде курганов, оставленных сельским населением, на черепах погребенных женщин обнаружены фрагменты очелий, обрамлявших верхнюю часть лба, с растительным узором в виде древа жизни. Это обстоятельство дает основание считать погребение 2 женским захоронением, а данную полоску шелка остатком головного венчика.

Другой кусок шелка длиной 20 см и шириной 4 см является фрагментом невысокого стоячего воротника с нарядной вышивкой, который носили на шее подобно ожерелью. Вышитый узор состоит из полоски жгута, сердцевидных фигур и стилизованных растительных мотивов. Судя по материалам коллекции древнерусских золотных вышивок Государственного Исторического музея, изображения сердцевидных фигур на этой ткани близки вышивкам из ряда курганов Владимирской, Ивановской, Горьковской и других областей.

В погребении 2 найден еще один маленький кусок шелка (6 × 1 см) того же качества, что и предыдущие образцы, с золотной вышивкой в виде треугольников[3].

Остатки шелковых изделий обнаружены также в погребениях, находящихся в траншее VIII. В одном из них (уч. 46–47) находился плохо сохранившийся обрывок шелка византийского происхождения со следами золотной вышивки. Этот фрагмент является остатком воротника, как об этот свидетельствуют две маленькие бронзовые грибовидной формы пуговицы, пришитые к ткани, которыми застегивался ворот платья[4].

В трех случаях – в погребениях 5 (траншея VII), 15 и 18 (траншея VIII) выявлены обрывки золотной тесьмы с зигзагообразным и плетеным орнаментами[5]. Структурный анализ выявил, что эти ленты сработаны двумя шелковыми основами и двумя утками – шелковым и золотным. Они отличаются большой плотностью и золотный уток (сохранился частично) закрывает всю лицевую поверхность ленты, что является характерным для изделий византийских мастерских.

Из всех видов шелковых изделий они встречаются в погребениях сельского и городского населения XI–XIII вв. чаще всего, что свидетельствует о том, что этот шелковый текстиль находил на русском рынке массового потребителя. Лента-тесьма широко применялась для отделки женской и мужской верхней одежды: ею обшивали воротник и обшлага рукавов, украшали головной убор.

Большинство находок тесьмы падает на XII в., т.е. на то время, когда экономические и культурные связи с Византией были наболее тесными.

[1]ГИМ. Инв. № 58603/1612(5,6).
[2]*Монгайт А.Л.* Старая Рязань // МИА. 1955. № 49. С. 174. Рис. 135.
[3]ГИМ. Инв. № 58603/1612(6а).
[4]ГИМ. Инв. № 58603/47(481).
[5]ГИМ. Инв. № 58603/47(477, 479, 480).

В.Г. ПУЦКО

ОБ АРХИТЕКТУРНОЙ ПЛАСТИКЕ СТАРОЙ РЯЗАНИ XII В.

Археологические раскопки, проведенные в 1926 г. под руководством В.А. Городцова на городище Старая Рязань, открывают новый период в изучении древнерусского города, оказавшего героическое сопротивление татаро-монгольским ордам в 1237 г. и разоренного завоевателями.

Видный советский ученый положил начало подлинно научному исследованию Старой Рязани, в дореволюционные годы лишь эпизодически привлекавшей внимание историков. Рязанской областной музей при содействии В.А. Городцова, в частности пополнил свою коллекцию украшенных резьбой камней, имеющих исключительно важное значение для истории русской скульптуры. Несколько мелких обломков каменной резьбы из раскопок 1926 г. поступили в Государственный Исторический музей в Москве*. По этим скромным остаткам пластического декора Борисоглебского собора в Старой Рязани, с руинами которого связаны все известные находки, приходится судить о рязанской скульптуре в целом.

Архитектурные фрагменты из Старой Рязани на протяжении многих лет интересовали различных исследователей, свидетельством чего

*Москва, ГИМ, инв. № 58603. На эти фрагменты мне указал В.П. Даркевич, который любезно предоставил для этой статьи и публикуемые фотографии, за что выражаю ему искреннюю признательность.

служат неоднократные упоминания о камнях с резьбой в литературе. Тем не менее заключения об этих фрагментах далеко не всегда можно считать общепризнанными. Необходимость системного изучения материала побуждает еще раз обратиться к старорязанским находкам, в стремлении уяснить их функциональную роль и истоки стилистического своеобразия. Это, собственно, и составляет задачу нашей статьи.

Одним из первых исследователей, заинтересовавшихся старорязанской каменной резьбой, был Д.П. Тихомиров, осуществивший раскопки Борисоглебского собора в 1836 г., во время которых "находили обломки резных камней, вероятно, бывших капителями во внутренних колоннах"[1]. Если рисунки, приложенные к книге Д.П. Тихомирова, отличаются известной точностью, то воспроизведенный на одной из таблиц (IV, в) фрагмент фриза с резьбой трудно отождествить с известным сейчас камнем, обнаруженным В.А. Городцовым у старорязанского священника и переданным им в Рязанский музей 9 августа 1926 г. (рис. 3). Следовательно, указанная часть фриза должна быть признана утерянной. Правда, до некоторой степени в рисунке настораживает слишком "правильный" для рязанской резьбы узор, и это обстоятельство заставляет воздержаться от окончательных выводов.

Поскольку в течение некоторого времени руины раскопанного Д.П. Тихомировым храма ошибочно отождествляли с Успенским собором, необходимо отметить, что наименование постройки Борисоглебским собором подтверждается тем, что вблизи от нее, в юго-западном углу Старорязанского городища, еще во второй половине XIX в. существовала церковь того же названия[2]. Определение указанного сооружения как Борисоглебского собора сейчас можно считать окончательно утвердившимся в науке[3]. Датируется этот собор, упомянутый в Лаврентьевской летописи под 1195 г., обычно в пределах XII в.

Об итогах раскопок, проведенных В.А. Городцовым в 1926 г., довольно скупо сообщают А.А. Мансуров[4] и Г.Ф. Корзухина-Воронина, которой принадлежит первый опыт систематизации старорязанских фрагментов архитектурной пластики[5]. По словам исследовательницы, "раскопками В.А. Городцова были добыты... обломки белого камня, один из которых изображает голову льва; другие же, выставленные в Государственном Историческом музее (№ 58603) являются: один частью карниза, другой фрагментом орнамента"[6]. В статье Г.Ф. Корзухиной-Ворониной рассмотрены следующие камни из собрания Рязанского музея: угловая часть капители-карниза, три консоли, часть полукруглого архивольта и продолговатый прямоугольного сечения камень, орнаментированный с двух сторон. Эти строительные детали принадлежат сооружению, в котором, по заключению автора статьи, "резной камень был употребляем в обработке дверных и оконных проемов, в виде карнизов и, отчасти, отдельных изображений неорнаментального характера"[7]. Аналогичный прием сочетания кирпичной кладки с белокаменной декорацией отмечен в Успенском соборе, а также в церкви Вщижа на р.Десне. Г.Ф. Корзухина-Воронина указывала, что: "Белокаменная декорация рязанских памятников значительно более развита, чем в Чернигове, где нет резных порталов и изображений зверей, как в Рязани. К тому же рязанские рельефы

по стилю совершенно отличны от черниговских" и заключала: "При всем том рязанский резной камень отмечен характером сильного провинциализма, чего нельзя сказать ни о владимиро-суздальских, ни о черниговских памятниках"[8]. В статье содержится предположение о кавказских влияниях[9], впоследствии развитое А.И. Некрасовым, утверждавшим, что "рязанская резьба по камню отличается от черниговской своим кавказским, а не романским характером"[10].

В послевоенные годы о фрагментах старорязанской архитектурной пластики писал А.Л. Монгайт, посвятивший отдельную статью скульптурному изображению мужской головы[11], а каменной пластике в целом – страницы монографии о Старой Рязани[12]. В этих работах был отмечен романский характер головы, обнаруживающей некоторое сходство с отдельными произведениями французской скульптуры первой четверти XII в. Что касается орнаментальной резьбы, то А.Л. Монгайт не пришел к определенным выводам[13]. Резные детали были также использованы Н.Н. Ворониным для общей характеристики рязанского зодчества[14].

Об архитектурных фрагментах, украшенных резьбой, происходящих из старорязанских находок, писал Г.К. Вагнер, полагавший, что строителем Борисоглебского собора, скорее всего, был князь Глеб Ростиславич (1155–1177 гг.)[15]. Исследователь древнерусской скульптуры хотя и принимает предположение, содержащееся в работах Г.Ф. Корзухиной-Ворониной и А.Л. Монгайта, о возможной принадлежности фрагментов белокаменной резьбы к оформлению порталов Борисоглебского собора, однако замечает по этому поводу: "Сейчас невозможно сказать, от каких именно порталов – внутренних, т.е. порталов самого собора, или от порталов его притворов. Если они возникли одновременно с храмом, то следует зафиксировать факт появления белокаменной резьбы в рязанской архитектуре одновременно с появлением ее во Владимире. Если же они более поздние, то вопрос о резьбе нельзя решать столь определенно"[16]. По мнению Г.К. Вагнера, "ни сама резьба, ни притворы не могут быть отнесены за счет влияния кавказской архитектуры", поскольку рязанский Борисоглебский собор "гораздо ближе к болгарской строительной традиции, нежели к северокавказской"[17]. Отмечая тесную взаимосвязь культуры домонгольской Руси с болгарской, Г.К. Вагнер сближает резьбу белокаменного блока Борисоглебского собора с сербско-македонской системой орнамента[18]. Таким образом, выдвигается тезис о русско-балканских связях.

Все авторы, писавшие об образцах белокаменной резьбы из Старой Рязани, основывали свои наблюдения исключительно на шести камнях с орнаментальными мотивами и на изваянии мужской головы. Археологические раскопки, возобновившиеся с 1966 г., не привели к увеличению объема материала по архитектурной пластике. И сейчас мы располагаем лишь теми фрагментами пластического декора, которые были известны пятьдесят лет назад.

Большинство фрагментов камней с резьбой обнаружено среди развалин Борисоглебского собора либо вблизи от этого сооружения. Поэтому позволительно говорить прежде всего о каменной пластике именно указанного храма, а не старорязанских церквей вообще. Поскольку, как

Рис.1. Часть архивольта оконного обрамления. Рязань, областной краеведческий музей

известно, местные крестьяне использовали древние камни для надгробий[19], нельзя исключать возможность новых находок образцов резьбы. Однако пока, как было сказано, остается анализировать только те материалы, которые уже служили предметом внимания исследователей. Впрочем, последнее обстоятельство никак не может препятствовать рассмотрению материалов с несколько иных позиций.

Мы находим наиболее целесообразным учесть данные каждого фрагмента в отдельности, прежде чем перейти к обсуждению вопроса об их происхождении и функциональной роли:

1. Часть архивольта, который принято считать принадлежностью портала (размеры большая дуга 51 см, малая дуга 25 см, высота 28 см, толщина 15 см). Камень украшен со стороны малой дуги тремя валиками; на плоскости архивольта, ближе к большой дуге, горельефный орнаментальный мотив из чередующихся крупных и меньших размеров подкововидных дужек, образованных трехступенчатым жгутом и соединенных короткими изгибами (рис. 1). В центре больших дужек, открытых вверх, просверлены сквозные круглые отверстия.

Дуга фрагмента архивольта позволяет установить то важное обстоятельство, что ширина арочного проема не могла превышать 60–62 см. Следовательно, реконструируемый архивольт увенчивал не портал, а скорее всего, окно. На Западе украшенные резьбой архивольты обычно являются принадлежностью портала, алтарного окна, либо аркады башни трансепта. Владимиро-суздальской архитектуре известны лишь резные архивольты порталов[20]. То же следует отметить и в галицкой церкви св. Пантелеймона[21]. Если исходить из предположения о том, что Борисоглебский собор в Старой Рязани обнаруживал сходство с Успенским собором Елецкого монастыря в Чернигове не только в плане, но и в формировании фасадов, предположение о возможности включения аркад

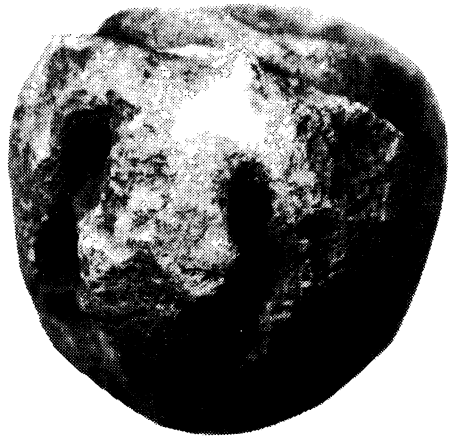


Рис. 2. Белокаменная деталь архивольта. ГИМ

приходится отбросить. В итоге остается признать, что резной архивольт либо являлся принадлежностью алтарного окна, как это встречается в романских постройках[22], либо мог увенчивать одно из окон в других частях храма, что возможно было при условии включения в декор фасадов большого количества резных деталей. В любом случае украшенный орнаментальной резьбой оконный архивольт в истории русского зодчества является уникальным явлением.

Резьба архивольта производит впечатление отмеченной воздействиями романских образцов. Однако вряд ли следует стремиться отыскать прототип, на который могли ориентироваться рязанские резчики. В пластическом декоре романских сооружений можно наблюдать бесконечное разнообразие орнаментальных схем и наполняющих их растительных мотивов, а также зооморфных и сюжетных композиций. Тем труднее указать модель для такой сравнительно простой резьбы, как украшающая часть архивольта из Старой Рязани. Остается лишь констатировать присутствие в резьбе, покрывающей архивольты романских построек, волнистого стебля как основного мотива композиции. Еще чаще можно встретить заполнение архивольта резьбой с мотивом равномерно изломанного валика, иногда в несколько рядов[23]. Наконец, архивольты башни трансепта церкви в Селеста (Эльзас) дают вариант принципиально более близкий рязанскому: перевивы стебля со сплющенными шариками[24]. К находкам В.А. Городцова относится небольшая деталь в виде покрытого глубокими бороздами криволинейных очертаний округлого выступа, форма которого может быть определена как большая часть шара диаметром 6,3 см, имеющего с тыльной стороны короткий стержень диаметром 4,3 см (рис. 2). Назначение этой каменной вставки оказывается возможным определить благодаря тому, что сквозное отверстие на части архивольта из Старой Рязани имеет диаметр 4,4 см. Следовательно, внутри больших дужек находились шаровидные выступы, существенно усиливавшие сходство с указанным романским вариантом резьбы.

Рис. 3. Обломок белокаменного карниза. Рязань, областной краеведческий музей

2. Часть карниза, обнаруженная в 1926 г. В.А. Городцовым у старорязанского священника и тогда же переданная в Рязанский музей (размеры 36 × 25 × 20 см). По определению Г.Ф. Корзухиной-Ворониной, представляет собою угловую часть капители-карниза[25]. Каменный блок, обломанный с правой стороны, украшен рельефной резьбой с сердцевидным мотивом, образованным изогнутыми растительными стеблями с развертывающимися внутрь широкими трилистниками; вверху между стеблями вписаны ромбы с вогнутыми линиями, внизу – лилии (рис. 3). Учитывая обычную для архитектурной пластики стилизацию растительных мотивов, этот орнамент можно охарактеризовать в целом как созданный на основе пластической интерпретации стебля лилии. Указанный резной камень хотя и является лишь небольшой частью орнаментального фриза, дает понятие об его композиции в целом, поскольку содержит основной рисунок. Резьба выполнена уверенной рукой, в суховатой манере, с применением сверленых отверстий. Аналогичная по своему общему характеру орнаментика, по-видимому, была свойственна и другим элементам пластического декора того же сооружения в Старой Рязани. Об этом позволяет судить обломок с трилистником из находок 1926 г., который, однако, нет оснований считать принадлежностью того же фриза, так как рисунок имеет отличия (рис. 4).

Стиль резьбы фрагмента карниза, как и типология орнаментики, сближает его с тем же кругом романских образцов, с которыми уже была сопоставлена часть архивольта. Однако и здесь об усвоении рязанскими резчиками искусства романики говорить не приходится по различным причинам. Изолированно взятый каменный блок с украшающей его резьбой не позволяет судить об его функциональном назначении. Предположительно можно рассматривать эту часть карниза в качестве принадлежности портала, отчасти основываясь на сопоставлении с пластическим оформлением западного портала церкви св. Пантелеймона в Галиче. Правда, там более романский характер резьбы, с излюбленным мотивом

Рис. 4. Обломок белокаменной резьбы. ГИМ

пальметты в обрамлении растительного стебля, находящим аналогии в французской архитектурной пластике[26]. В Германии можно указать несколько иные варианты подобной орнаментики[27]. Но и они слишком далеки от орнаментики карниза из старорязанских находок, резьба которого стилистически все же вряд ли может быть сопоставлена с произведениями романских мастеров. Достаточно сравнить ее хотя бы с образцами каменной резьбы XII в. в Венгрии[28]. Характерной чертой орнамента фрагмента карниза является то, что отдельные элементы в местах соприкосновения не имеют перевязок и, следовательно, не производят впечатления вплетенных в гирлянду стеблей. Эта особенность структуры известна, в частности, благодаря резным карнизам церкви Скрипу в Беотии, представляющим пример византийской каменной пластики IX в.[29] Следует ли по этой причине расценивать орнаментику фрагмента карниза из Старой Рязани как относящуюся к визинтийскому стилю? Думается, что нет, поскольку она не укладывается ни в одну из основных схем византийской орнаментики, известных по иллюминованным рукописям, а также по образцам каменной резьбы XI–XII вв.[30] Мотив лилии можно указать в декоре латинских рукописей уже с эпохи Каролингов. Особенно популярным он становится в искусстве Франции к XII в. Если признать в образованном изгибами стеблей сердцевидном мотиве модификацию романского образца[31], мотив резьбы рязанского карниза следует расценивать как один из далеких отголосков западных моделей, которые в скульптуре домонгольской Руси не были редкостью[32].

3. Большой прямоугольный камень, орнаментированный с двух смежных сторон (размеры 57 × 21,5 × 21 см). Одна из орнаментальных композиций была охарактеризована Г.Ф. Корзухиной-Ворониной как заключенная в рамку, другая – как переходящая на соседние камни. Определение первого орнамента в качестве вырастающего из розетки и второго – вырастающего из ромбика, принадлежащее той же исследовательнице[33], было механически повторено в книге А.Л. Монгайта, полагавшего, что этот рельеф, имевший прототипом резьбу по дереву, вероятно, является частью портального косяка[34]. По словам Г.Ф. Корзухиной-Ворониной,

Рис. 5. Белокаменный резной косяк. Рязань, областной краеведческий музей

"прямоугольный орнаментированный с двух сторон камень отличен как от владимиро-суздальских, так и от остальных рязанских фрагментов, более грубой и неумелой техникой в исполнении рельефа, крайне робким развитием рисунка; это работа не только плохого художника, но и слабого резчика"[35]. О грубости рисунка говорит и А.Л. Монгайт[36].

Истолкование орнамента, покрывающего обе грани камня (рис. 5), как вырастающего из розетки и ромбика, думается, нельзя считать безупречным. Во-первых, на левой грани ясно виден произрастающий из основания стебель, и, следовательно, розетка служит завершением композиции. На правой грани ростки стебля указывают на то, что ромбик, отчасти выходящий на обрамление, представляет вершину стилизованного

дерева. Во-вторых, более широкая полоса обрамления внизу на левой грани не позволяет рассматривать ее в качестве верхней. Нижняя часть орнаментальной композиции на правой грани камня сколота, и все же небольшой участок окаймляющей полосы справа внизу дает основание отказаться от предложенного определения орнамента как переходящего на соседние камни. Следовательно, этот угловой камень, высота которого равна 57 см, весьма затруднительно воспринимать как часть портального косяка. Порталы романских построек обычно перспективные либо более простой конструкции, с полуциркульной разгрузочной аркой, завершающей прямоугольный проем. Последний вариант продолжительное время использовали в церковном строительстве мастера Италии и Германии[37]. В Византии и на Балканах косяки портала нередко украшали орнаментальной резьбой[38]. Однако эта резьба имеет фризовый характер, переходя с одного блока камня на другой, и ни в одном случае не вписывается в обрамление, определяемое величиной грани каменного блока. Поэтому даже при условии, что покрытый резьбой камень из Старой Рязани опирался на высокий профилированный цоколь, оказывается невозможным признать его принадлежностью портала, поскольку неясно, чем именно в таком случае могли заполнить остальное пространство до перекрывающей дверной проем балки либо пяты архивольта. Не логичнее ли отнести этот камень к элементам обрамления оконного проема?

Орнаментальную композицию камня с двусторонней резьбой типологически можно определить как имеющую в качестве основного мотива образованные стеблем копьевидные медальоны, заполненные пальметтами. Пальметты занимают пространство и вне медальонов, то произрастая из упругого плавно изогнутого стебля, то свисая с верхушки его. Если розетку можно рассматривать как цветок с раскрытыми лепестками, то покрытые штриховкой накрест ромбики не что иное, как стилизованные шишки или бутоны. Г.К. Вагнер отмечал, что висячие пальметты в ромбоидальной ленточной сетке близки македонскому орнаменту[39]. Что касается основной схемы, то она типична для памятников византийского круга (особенно росписей оконных проемов)[40], но встречается также и в романской пластике[41]. Не исключено, что, украшая каменный блок резьбой, рязанский мастер именно поэтому и перенес на него мотив, обычный для декора откосов окна. В таком случае это вполне согласуется с предполагаемым функциональным назначением описанного камня, при котором "грубая и неумелая техника" объяснима удаленностью рельефа от зрителя. Поскольку незначительная высота камня не позволяет предположить, что он был единственным украшением оконного косяка, остается допустить существование еще одного блока. В таком случае косяки одного оконного проема должны были состоять из четырех белокаменных блоков с орнаментальной резьбой.

Если исходить из допустимости вхождения части архивольта (рис. 1) и большого прямоугольного камня, орнаментированного с двух смежных сторон (рис. 5), к обрамлению одного и того же окна, возможно предложить реконструкцию, осуществленную с учетом размеров указанных деталей (рис. 6). Она не лишена условности, особенно при определении

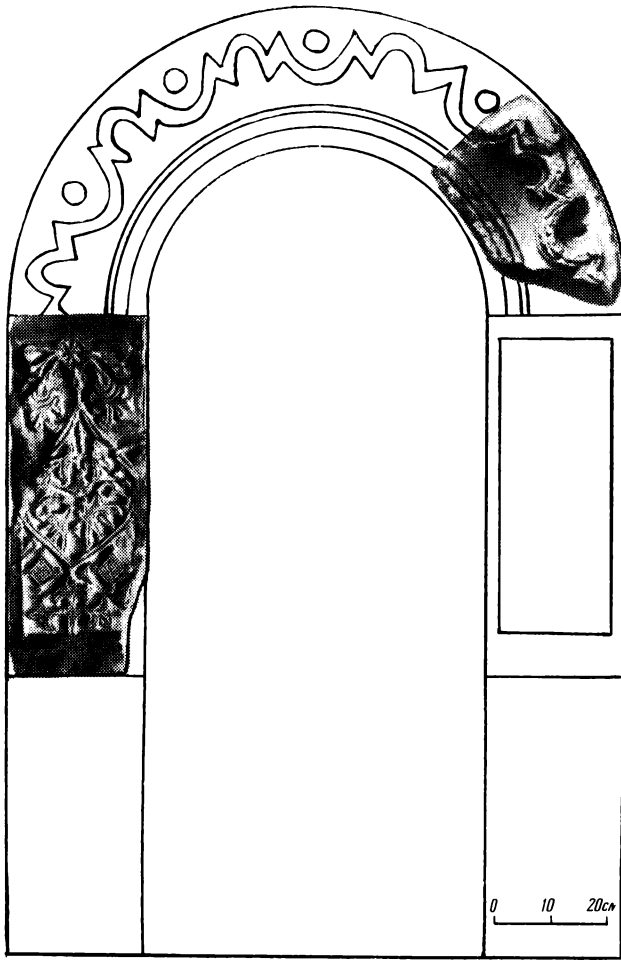


Рис. 6. Обрамление окна. Реконструкция

высоты оконного проема, но тем не менее все же дает представление об одном из элементов Борисоглебского собора.

4. Три консоли (размеры 53 × 25 × 23 см; 50 × 29 × 25 см; 38 × 26 × 22 см) в виде прямоугольных кусков камня, торцовая сторона которых с одной стороны украшена резьбой (рис. 7, 8). Эта заполненная рельефным растительным орнаментом часть блоков камня имеет форму четвертного вала. По мнению Г.Ф. Корзухиной-Ворониной, "назначение этих консолей и место их на фасаде определить трудно, вряд ли они поддерживали колонки пояса"[42]. Одна из консолей украшена композицией, образованной завитками растительного стебля, заполняющими все пространство таким образом, что волюты довольно плотно вписываются в углы грани камня. Характерной особенностью следует считать то, что завитки стебля в местах соприкосновения не имеют перевязок, подобно орнаменту,

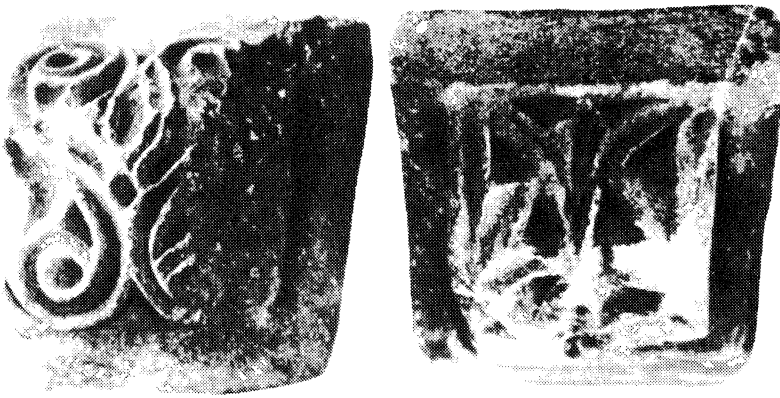


Рис. 7. Белокаменные консоли. Рязань, областной краеведческий музей

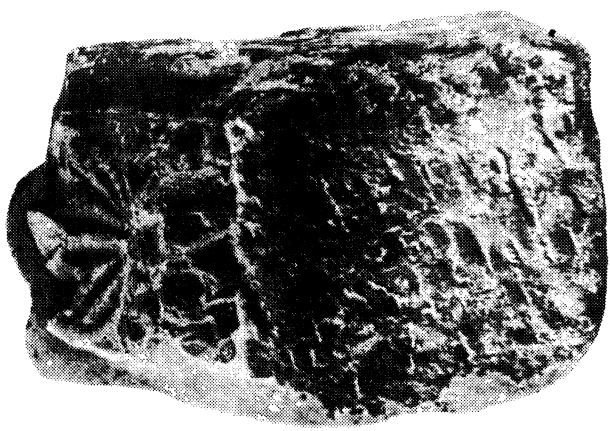


Рис. 8. Белокаменная консоль. Рязань, областной краеведческий музей

покрывающему часть карниза (рис. 3). Другая консоль, с орнаментальным мотивом, образованным тремя цветками лилии, и с технической стороны исполнения чрезвычайно близка той же части карниза. Третья консоль (рис. 8) украшена изображением пальметты. Неудовлетворительная сохранность резьбы затрудняет оценку качественного уровня исполнения. По таким признакам, как тип орнаментики и общий характер орнаментальной композиции эта консоль ничем существенно не отличается от двух предыдущих. Все три консоли примерно одинаковых размеров (особенно торцовой стороны) и, несомненно, принадлежат одной постройке. Стилистическое сходство с карнизом не позволяет усомниться в том, что это элементы пластического декора все того же рязанского храма.

Орнаментальные мотивы резьбы консолей отчасти напоминают студеничскую пластику конца XII в., возникшую под перекрестными византийско-романскими влияниями[43]. Рязанские резные камни не позволяют

Рис. 9. Обломок белокаменного карниза. ГИМ

распространить на них ту же характеристику, хотя и обнаруживают в стиле сходные тенденции. Что касается функционального назначения консолей, то, соглашаясь с Г.Ф. Корзухиной-Ворониной, что они не поддерживали колонки аркатурного пояса (как это имеет место в декоре алтарных апсид церкви Покрова на Нерли и Дмитриевского собора во Владимире), остается признать их использование для поддержки карниза, венчавшего стенку апсид. Подобную роль консолей можно отметить в романской архитектуре, где карниз встречается и гладкий, и украшенный резьбой[44]. Соразмерность карниза и консолей из старорязанских находок (рис. 3,7,8), на наш взгляд, не исключает аналогичное назначение этих деталей. Не следует, наконец, категорически исключать использование камней, определяемых как консоли, в качестве импостных капителей, подобно тому, как это имеет место в оформлении окон в церкви Скрипу в Беотии[45]. Правда, там окна являются частью аркады, что характерно для византийской культуры, и соответственно разделены колоннами.

5. Небольшой профилированный обломок карниза из находок 1926 г. (рис. 9) трудно определить со стороны стиля и функционального назначения по причине его фрагментарности, однако учесть необходимо*.

6. Мужская голова (размеры: от верхушки головы до кончика бороды 22 см; от уха до уха 15 см; ширина лица 10 см), поступившая в XIX в. в Румянцевский музей от М.П. Погодина, по преданию, происходит из Рязанской губ. Это дало основания связывать изваяние головы со Старой Рязанью. Голова была подробно описана А.Л. Монгайтом, отметившим

*Г.Ф. Корзухина-Воронина указывает, что были добыты "обломки белого камня, один из которых изображает голову льва; другие же, выставленые в Московском Историческом музее (№ 58603), являются один — частью карниза, другой — фрагментом орнамента"[46]. Последние два обломка мы публикуем. В отношении головы льва, чье изваяние автор не видела: не идет ли в данном случае речь о шаровидной вставке архивольта (рис. 2), обработка поверхности которой вызывает определенные ассоциации с головой льва?

следы раскраски и высказавшим предположение о том, что глубокие сверлины на месте зрачка могли быть первоначально заполнены цветной стеклянной имитацией[47]. По мнению того же исследователя, "голова, очевидно, составляла скульптурное украшение каменного здания, так как сзади видна линия излома, показывающая, что голова не принадлежит статуе, а вставлялась в стену здания"[48]. В качестве стилистических параллелей А.Л. Монгайт привлек голову из музея Autun во Франции и фрагмент каменной головы kunst-gewerbe-Museum в Кёльне, а романский характер произведения объяснял тем, что Рязань оказалась в сфере влияния Владимиро-Суздальской Руси[49]. Сейчас, после фундаментальных исследований Г.К. Вагнера о владимиро-суздальской каменной пластике, такое объяснение уже не может удовлетворить, прежде всего потому, что романские влияния здесь выражены сильнее и определеннее, чем даже в масках фасадного декора церкви в Боголюбове, датируемых временем около 1160 г.[50] Последние же, как известно, проливают свет на истоки и становление ранней скульптуры времени Андрея Боголюбского. Следовательно, рязанская находка либо выполнена несколько раньше, либо обязана своими оригинальными чертами стиля работе артели мастеров, не подверженной воздействиям находившейся в стадии формирования владимиро-суздальской каменной пластики. По Г.К. Вагнеру, резная мужская голова, возможно, изображение строителя храма[51]. Развивая эту мысль, Г.К. Вагнер пишет о сопоставлении данного чрезвычайно редкого и интересного памятника со скульптурным портретом юрьевпольского князя Святослава Всеволодовича и далее продолжает: "Может быть, это портрет зодчего? В таком случае аналогии находятся в армянской скульптуре. Так или иначе, но нерусские черты резной головы при сопоставлении их с македонскими (или сербскими) мотивами в орнаментальной резьбе Борисоглебского собора снова заставляют задуматься над проблемой балканских художественных связей Рязани"[52]. По мнению Г.К. Вагнера, резная мужская голова близка к болгарской романизирующей пластике[53]. Как полагает этот же автор, "резная голова, по-видимому, не так уж случайна для рязанского искусства, как представляется на первый взгляд. Подобного рода изображение могло появиться на фасаде здания при условии, что профессии резчика уделялось большое внимание"[54]. Такова вкратце историография вопроса о скульптурной голове.

Каменное изваяние головы бородатого мужчины (рис. 10) выполнено, как все другие части пластического декора из старорязанских находок, из белого известкового камня, хорошо поддающегося обработке. Мягкость камня отчасти явилась причиной того, что скульптура дошла в сильно поврежденном виде: сбит нос, мелкие сколы на губе и на щеках, а также возле уха и на висках; следы механического повреждения заметны на бороде. Узкое скуластое лицо обрамлено шапкой курчавых волос и небольшой окладистой бородой, распадающейся вместе с усами на прямые пряди и несколько заостренной на конце. От рельефа носа осталась лишь верхняя часть, примыкающая к переносице; ниже часть ноздрей, от которых, по контуру усов, идут мимические складки. Ноздревые ямки сделаны при помощи буравчика. Большие широко открытые глаза обрамлены веками в виде валика. Глазное яблоко несколько выпуклое.

Рис. 10. Каменная скульптура. ГИМ

Сверлины на месте зрачка, безусловно, первоначально имели заполнение, скорее всего, однако, не из стекла, а свинцовое (оловянное), аналогично каменной маске из Успенского собора старого Галича[55]. А.Л. Монгайт полагал, что голова покрыта остроконечной шапкой в мелких завитках, прикрывающей края ушей и имеющей островерхое завершение[56]. Но, как можно убедиться при натурном изучении произведения, островерхность является весьма относительной, а обработка затылка вообще исключает возможность истолкования завитков как элементов шапки. Следы розовой раскраски лица и белой – волос, думается, подкрепляют вывод о том, что это изображение седовласого старца.

При сопоставлении рязанской головы бородатого мужчины с произведениями романской скульптуры приходится отметить примерно такие же черты сходства, как и при сравнении романизирующей резьбы с орнаментальными мотивами, западными аналогиями. В общем, и там и здесь лишь отголоски романского стиля, не позволяющие ни включать старорязанские находки в число памятников романской пластики, ни говорить о копировании романских моделей. Знакомство с западной каменной пластикой оставило лишь определенные следы, радикально не изменившие византийскую основу. Достаточно сопоставить рязанское изваяние головы с капителью собора в Ферраре[57] или пластикой, украшающей собор в Autun[58], чтобы убедиться в этом. При ближайшем рассмотрении небольшое стилистическое сходство обнаруживают и головы царей, и пророков, принадлежащие статуям, выполненным во Франции в

1160–1180 гг.[59] Последние, однако важны при изучении старорязанской находки в том отношении, что позволяют сказать, на произведения какого именно времени ориентирован был рязанский мастер. С учетом этого можно, не рискуя впасть в грубую ошибку, относить изготовление головы не позднее чем к началу 1160-х годов. Следовательно, действительно возведение Борисоглебского собора в Рязани было обязано инициативе князя Глеба Ростиславича, как считает Г.К. Вагнер.

Теперь следует сказать о возможном месте каменной головы в системе пластического декора храма. А.Л. Монгайт ограничился замечанием, что "она, как можно думать, представляет часть горельефной фигуры на торце каменного блока", предварительно оговорив, что голова "совершенно не похожа на все, что нам известно из древнерусской пластики"[60]. Однако сопоставление с фасадной скульптурой Владимиро-Суздальской Руси делает такое предположение, по меньшей мере, трудно доказуемым. Все фигуры рассчитаны на обозрение спереди, рязанская же голова по степени тщательности обработки вызывает предположение, что изваяние было обозримым с правой стороны лица. Голова, если и не принадлежит круглой скульптуре, то ее нельзя назвать также горельефной, поскольку стесаны лишь часть шеи и затылка. Предполагать принадлежность головы к консоли невозможно, поскольку в таком случае это обязательно сказалось бы на форме верхней части, что можно наблюдать во владимирских постройках и в Студенице[61]. Можно было бы допустить, что голова являлась своего рода завершением одного из каменных кронштейнов, как на фасадах Сен-Пьер в Муассаке[62]. Но это мыслимо лишь для сооружения, в такой же мере декорированного горельефами, как названный храм. Остается выдвинуть предположение еще об одной функциональной роли рязанского изваяния головы, и оно нам представляется наиболее соответствующим как самому произведению, так и характеру декора постройки, судить о котором можно по сохранившимся деталям. Как известно, в романской архитектуре встречаются случаи украшения скульптурными головами юноши и старца блоков камней, служащих завершением откоса дверей и одновременно опорой архитрава[63]. Порядок размещения этих антропоморфных голов, с противопоставлением молодости старости, выражавшем мысль о скоротечности человеческой жизни*, по-видимому, не был строго регламентирован. Однако чаще всего голову старца помещали слева. Не о том ли свидетельствуют все формальные признаки старорязанской находки, начиная с размеров и типологии и кончая приемами пластической обработки? Если принять это предположение, то следует отметить, что в данном случае налицо исключительный пример следования романской традиции, хотя в то же время остается неизвестным, служили ли головы портала Борисоглебского собора таким же дополнением изображения Христа во славе, как это типично для западной традиции.

*Глубокий смысл выражения этой идеи становится особенно понятным с учетом того, что тимпан портала обычно украшен изображением Христа во славе, мыслимого как прообраз Страшного суда. При этом портал воспринимался как врата вечности, а образ Христа является олицетворением его всемогущества и власти над Вселенной, безначальной и вневременной[64].

Все фрагменты скульптурного декора, происходящие из Старой Рязани, составляют единую группу, свойственную для стиля того сооружения, каковым являлся Борисоглебский собор. Находки 1926 г., при всей их скромности и немногочисленности, полностью подтверждают подобный вывод, особенно это касается округлой вставки – элемента архивольта, типологически чрезвычайно близкой "гвоздеобразным" украшениям романских построек[65]. По-видимому, кроме изваяния головы, служившей принадлежностью портала, все рассмотренные детали пластического декора принадлежали алтарной апсиде, о чем свидетельствуют частные выводы в отношении каждого из изделий. Сосредоточение скульптурного декора на отмеченных частях храма не составляет исключительную черту Борисоглебского собора в Рязани: оно соответствует романской традиции, а в древнерусских постройках зафиксировано прежде всего в Успенском соборе старого Галича, сооруженного незадолго до постройки Борисоглебского собора[66]. Таким образом, рязанский храм в этом смысле представляет исторически обусловленное явление. Но если особенности галицкой архитектурной пластики сближают ее с Венгрией и Трансильванией, то рязанские мастера были умеренными проводниками традиций французской романики. Это явление еще ждет своего объяснения и пока никак не может быть обосновано происхождением зарегистрированных находок в Старой Рязани импортных изделий[67].

В истории архитектуры неоднократно указывалось на зависимость рязанских зодчих от Чернигова, причем, начиная с работы Г.Ф. Корзухиной-Ворониной, это положение всегда иллюстрировали сходством планов Борисоглебского собора в Рязани и Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове[68]. В какой мере это обстоятельство может пролить свет на происхождение архитектурной пластики Борисоглебского собора?

С Успенским собором Елецкого монастыря в Чернигове принято связывать лишь одну капитель, украшенную романской плетенкой[69], которую теперь относят также к черниговскому Борисоглебскому собору[70]. С последним связаны несколько капителей, украшенных резьбой с зооморфными, тератологическими мотивами, характер которых указывает на то, что они скорее всего инспирированы украшениями иллюминованных рукописей[71]. В них трудно усмотреть ближайшую стилистическую аналогию для произведений рязанской архитектурной пластики, тем более что сравнительный материал более чем ограничен. Во всяком случае, есть основания лишь для утверждения, что камни не принадлежат резцу одного мастера, а это в данном случае никак не проясняет происхождения рязанских находок со стороны их стиля в соотношении с черниговскими образцами. Между тем, как известно, в свое время Д.В. Айналов сопоставлял фрагмент резного камня, происходящий из развалин Благовещенского собора в Чернигове (1186 г.)[72] с каменной пластикой башни Notre Damé la Grande в Пуатье[73]. Не следует ли отсюда, что в Чернигове, возможно в первой четверти XII в., могла появиться артель скульпторов, хорошо усвоивших опыт творчества французских мастеров по обработке камня, заложившая основы местной традиции? Если известный нам материал расположить в определенной хронологи-

ческой последовательности, от капители из Елецкого монастыря до резного камня из Благовещенского собора в Чернигове, то в какой-то мере получим общую (пусть и обозначенную пунктиром) схему. Каменная пластика Борисоглебского собора в Рязани займет в ней свое место, независимо от того, кто были по своему происхождению ее мастера. Индивидуальная манера в архитектурной пластике опознается лишь в исключительных случаях[74]. Рязанский материал не дает для этого достаточных оснований, и поэтому пока придется довольствоваться выводом относительно принадлежности резчиков к тому же направлению в развитии русской каменной пластики, которое представлено памятниками Чернигова. Сказать большее, не рискуя подменить выводы домыслами, не представляется возможным.

Итак, заключение о принадлежности всех деталей каменной резьбы из старорязанских находок к скульптурному убранству Борисоглебского собора, уяснение их функциональной роли, установление типологической ориентации на произведения романской монументальной скульптуры Франции, при возможной посреднической связи Чернигова, – это те основные положения, которые являются выводами нашей статьи. Следы зависимости от владимиро-суздальской традиции, как было уже сказано, не зарегистрированы. По-видимому, их и не могло быть в Рязани в годы строительства Борисоглебского собора.

[1] *Тихомиров Д.П.* Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани. М., 1844. С. 10.

[2] *Добролюбов И.* Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. Рязань, 1891. Т. 4. С. 214.

[3] *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X–XIII вв.: Кат. памятников. // САИ. Л., 1982. Е = 47. № 70.

[4] *Мансуров А.А.* Старая Рязань: По материалам археол. раскопок. Путеводитель. Рязань, 1927. С. 11.

[5] *Корзухина-Воронина Г.Ф.* Рязань в сложении архитектурных форм XII–XIII вв. // ГАИМК. Бюро по делам аспирантов. Л., 1929. Сб. 1. С. 78–82.

[6] Там же. С. 78.

[7] Там же. С. 79.

[8] Там же. С. 79, 80.

[9] Там же. С. 81, 82.

[10] *Некрасов А.И.* Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII вв. М., 1936. С. 77.

[11] *Монгайт А.Л.* Рязанская скульптура // КСИИМК. 1947. Вып. 18. С. 61–65.

[12] *Монгайт А.Л.* Старая Рязань. М., 1955. С. 85, 86, 94–97.

[13] *Монгайт А.Л.* Художественные сокровища Старой Рязани. М., 1967. С. 8, 9. Табл. 1–3.

[14] *Воронин Н.Н., Каргер М.К.* Архитектура // История культуры древней Руси: Домонгольский период. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 337. Рис. 143; *Он же.* Зодчество Владимиро-Суздальской Руси // История русского искусства. М., 1953. Т. 1. С. 392–393; *Михайловский Е., Ильенко И.* Рязань. Касимов. М., 1969. С. 30, 35. Рис. 12.

[15] *Вагнер Г.К.* Архитектурные фрагменты Старой Рязани // Архитектурное наследство. М., 1963. Вып. 15. С. 22–24; *Он же.* Декоративное искусство в архитектуре Руси X–XIII вв. М., 1964. С. 12, 13. Табл. 15; *Он же.* Рязань. М., 1971. С. 7–10. Табл. 8, 9; *Он же.* Еще раз о церкви Нового Ольгова городка // Средневековая Русь. М., 1976. С. 242; *Он же.* Скульптура Древней Руси // Триста веков искусства: Искусство европейской части СССР. М., 1976. Рис. на с. 252.

[16]*Вагнер Г.К.* Архитектурные фрагменты Старой Рязани. С. 23.
[17]Там же.
[18]*Вагнер Г.К.* Еще раз о церкви Нового Ольгова городка. С. 242.
[19]*Монгайт А.Л.* Старая Рязань. С. 86.
[20]*Вагнер Г.К.* Скульптура Древней Руси, XII в.: Владимир, Боголюбово. М., 1969. Рис. 119, 122, 142, 193, 230—233; *Он же.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, г. Юрьев-Польский. М., 1964. Табл. 29, 31, 35.
[21]*Pelenski t.* Halicz w dziejach sztuki sredniowiecznej. Krakow, 1914. Fig. 11—14.
[22]*Baum T.* Romanische Baukunst in Frankreich. Stuttgart, 1910. Taf. 9, 13, 18, 22, 50.
[23]Ibid. Taf. 190, 192—194.
[24]*Rumplek M.* L'art roman en Alsace. Strasbourg, 1965. P. 73—75. Pl. 84.
[25]*Корзухина-Воронина Г.Ф.* Рязань в сложении архитектурных форм... С. 78. Рис. 5.
[26]*Rumplek M.* L'art roman... P. 30—33. Fig. 17. Pl. 15; *Eygun F.* Art des pays d'Ouest. P., 1965. Fig. 145; *Möbius F.* Romanische Kunst. B., 1965. Taf. 56.
[27]*Neubauek E.* Die romanischen skulptierten Bogenfelder in Sachsen und Thüringen. B., 1972. Taf. 34, 51, 52, 69.
[28]*Dercsenyi D.* Romanische Baukunst in Ungarn. Budapest, 1975. Abb. 20.
[29]Ibid.
[30]*Grabar A.* Sculptures byzantines de Constantinople (IX—X siècle). P., 1963. P. 90—95. Pl. 39 (*5*), 41 (*1, 2, 6*).
[31]*Grabar A.* Sculptures byzantines du Moyen Age. P., 1976. T. 2. (XIe — XIVe siecle). Pl. 13 ff.
[32]*Даркевич В.П.* Романские элементы в древнерусском искусстве и их переработка // СА. 1968. № 3. С. 70—84.
[33]*Корзухина-Воронина Г.Ф.* Рязань в сложении архитектурных форм... С. 79. Рис. 6.
[34]*Монгайт А.Л.* Старая Рязань. С. 94, 95.
[35]*Корзухина-Воронина Г.Ф.* Рязань в сложении архитектурных форм... С. 79.
[36]*Монгайт А.Л.* Старая Рязань. С. 95.
[37]*Delogu R.* L'architottura del Medioevo in Sardegna. Roma, 1953. Tav. 37, 42, 66, 83, 91, 101, 105, 107, 109, 114, 116, 123, 144, 148, 151—154, 158, 163, 164, 176; *Neubauer E.* Die romanischen Sculptierten Bogenfelder... Taf. 5, 8, 24, 25, 28, 29, 32, 70.
[38]*Максимови Ї.* Српска средньовековна скулптура. Нови Сад, 1971. С. 17, 27, 28, 29.
[39]*Вагнер Г.К.* Еще раз о церкви Нового Ольгова городка. С. 242 со ссылкой на: *Іанц З.* Орнаменти фресака из Србиje и Македониje од XII до средине XV в. Београд, 1961. № 143 (Богородичная церковь в Студенице, 1205 г.).
[40]*Бакалова Е.* Бачковската костница. С., 1977. Обр. 39, 47, 91, 92.
[41]*Baum T.* Romanische Baukunst in Frankreich. Taf. 32.
[42]*Корзухина-Воронина Г.Ф.* Рязань в сложении архитектурных форм... С. 79.
[43]*Максимови І.* Српска средньовековна скулптура... С. 63—74, сл. 80—83.
[44]*Baum T.* Romanische Baukunst in Frankreich. Taf. 9, 13, 18, 19, 25, 50, 73, 146.
[45]*Grabar A.* Sculptures byzantines de Constantinople. Pl. 42. (*1*).
[46]*Корзухина-Воронина Г.Ф.* Рязань в сложении архитектурных форм... С. 78.
[47]*Монгайт А.Л.* Рязанская скульптура. С. 61; *Он же.* Старая Рязань. С. 95, 96. Рис. 65.
[48]*Монгайт А.Л.* Рязанская скульптура. С. 64.
[49]*Вагнер Г.К.* Скульптура Древней Руси... С. 77—82. Ил. 43—45.
[50]*Вагнер Г.К.* Декоративное искусство в архитектуре Руси X—XIII вв. С. 13.
[52]*Вагнер Г.К.* Рязань. С. 10.
[53]*Вагнер Г.К.* Еще раз о церкви Нового Ольгова городка. С. 242.
[54]*Вагнер Г.К.* Рязань. С. 10.
[55]*Пастернак Я.* Старый Галич: Археол.-іст. дослiжи у 1850—1943 рр. Кракiв; Львiв, 1944. С. 105. Рис. 37.
[56]*Монгайт А.Л.* Рязанская скульптура. С. 61.
[57]*Sauerländer W.* Rzezba sredniowieczna. W-wa, 1973. S. 81, 11, 50.
[58]*Möbius F.* Romanische Kunst. Taf. 9—11.

[59]*Wixom W.D.* Treasures from Medieval France. Cleveland, 1967. P. 94, 95, 102, 103; The Year 1200. N.Y., 1970. V. 1, N 2/4.

[60]*Монгайт А.Л.* Художественные сокровища Старой Рязани. С. 9.

[61]*Вагнер Г.К.* Скульптура Древней Руси. Ил. 91, 93, 94, 127, 128, 162, 166, 168; *Максимовић І.* Српска средњовековна скулптура... С. 100, 102.

[62]*Baum T.* Romanische Baukunst in Frankreich. Taf. 90.

[63]*Zernecki G.* The sources of English Romanesque sculpture // Actes du XVII[e] Congr. intern. d'hist. de l'art, Amsterdam, 23–31 juil. 1952. La Haye, 1955. P. 171, 176. Fig. 1; *Baum T.* Romanische Baukunst in Frankreich. Taf. 11; *Rumplek M.* L'art roman an Alsace. Pl. 73; *Mobius F.* Romanische Kunst. Taf. 241.

[64]*Brenk.* Tradition und Neuerung in der christlichen Kunst des ersten Jahrtausends: Studium zur Geschichte des Weltgerichtsbildes. Wien, 1966 (Wiener byzantinische Studien; Bd. III); *Christe Y.* Les grands portails romans: Etudes sur l'iconologie de theophanies romanes. Geneve, 1969.

[65]*Baum T.* Romanische Baukunst in Frankreich. Taf. 26, 80, 130, 145.

[66]*Пастернак Я.* Старый Галич. С. 104–106.

[67]*Даркевич В.П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.). // САИ. М., 1966. Вып. Е1=57. С. 21–23; *Он же.* Новые находки романских бронзовых чаш // Древние славяне и их соседи. М., 1970.

[68]*Холостенко Н.В.* Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря // Памятники культуры. М., 1961. Вып. 3. С. 51–67; *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X–XIII вв. С. 45, 46 (№ 63).

[69]*Моргилевский І.* Успенська церква Елецького монастиря в Чернигові // Чернігів і Північне Лівобережжя. Київ, 1928. С. 197–200.

[70]Історія українського мистецтва. Київ, 1966. Т. 1. С. 239, Іл. 187.

[71]О капителях см.: *Холостенко Н.* Неизвестные памятники монументальной скульптуры Древней Руси // Искусство. 1951. № 3. С. 84–91; *Воробьева Е.В.* Семантика и датировка черниговских капителей // Средневековая Русь. С. 175–183.

[72]История русского искусства. М., 1953. Т. 1. С. 147 (ил.).

[73]ЗОРСА РАО. СПб., 1913. Т. 9. С. 330–331; *Baut T.* Romanische Baukunst in Frankreich. Taf. 37–40.

[74]*Вагнер Г.К.* Мастера древнерусской скульптуры: Рельефы Юрьева-Польского. М., 1966.

Д.Б.ШЕЛОВ

ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГОРОДЦОВ И ПОЛЕВАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Размах полевых археологических исследований в нашей стране огромен. Ежегодно не менее тысячи археологических экспедиций и отрядов ведут разведки и раскопки памятников материальной культуры на всей территории СССР, от Прибалтики до Курил и от побережья Ледовитого океана до Центральной Азии. В эту работу вовлечены многие тысячи археологов-профессионалов и их помощников разной квалификации от специалистов смежных областей (геологов, зоологов, архитекторов и т.д.) до землекопов и бульдозеристов. Объектами их исследований становятся самые разнообразные археологические памятники: стоянки каменного века и развалины средневековых городов, грунтовые могильники и наскальные изображения, степные курганы и горные пещеры...

Стремясь провести намеченные работы с наибольшей эффективностью и научной полнотой, ученые, естественно, прибегают при исследовании

различных памятников к многочисленным приемам в зависимости от разных условий и обстоятельств. Но основные методы полевой археологической практики едины и неизменно применяются всеми советскими археологами, они введены в качестве нормативных и обязательных для всех лиц, получающих открытые листы на право ведения археологических раскопок и разведок. Эти правила достаточно четко и жестко сформулированы в инструкции к открытым листам, они излагаются в учебниках и руководствах по полевой археологии, специальных статьях и других материалах методического характера. Строгое соблюдение этих норм и правил обеспечивает высокий уровень развития советской полевой археологии и соответствие этого уровня тем задачам, которые ставит перед археологией современное состояние исторической науки.

Разработка и формулировка основных методических требований полевой археологии не были и никогда не могли быть результатом деятельности какого-нибудь одного лица. Они явились итогом коллективного опыта нескольких поколений русских и советских археологов, обобщением наиболее удачных приемов и методов, применявшихся и совершенствовавшихся многими исследователями на всем протяжении развития археологической науки. Конкретно определить вклад того или иного ученого в разработку этой методики в большинстве случаев весьма затруднительно или вовсе невозможно. Однако мы можем с уверенностью утверждать, что большая заслуга в создании современной полевой методики принадлежит Василию Алексеевичу Городцову, еще в начале нашего века выдвигавшему и отстаивавшему ряд принципиально важных положений, касающихся методики полевой археологической работы. И в этой, как и во многих других областях археологической науки В.А.Городцов оставил заметный след и оказал значительное влияние на дальнейшее ее развитие. Он читал лекционные курсы и писал специальные работы, посвященные практике полевых археологических исследований, отдельные замечания на эту тему встречаются и в других работах ученого. Но особенно важна собственная раскопочная практика В.А.Городцова, использование им определенных методических приемов, при помощи которых ему удавалось получать наиболее подробную и адекватную информацию об исследуемых памятниках и превращать эти памятники в полноценный исторический источник. К числу таких приемов следует отнести широкое привлечение данных геологии, детальный стратиграфический анализ, составление специальных "синоптических таблиц" погребального обряда и могильного инвентаря и т. д. В.А. Городцов вел раскопочную деятельность на протяжении почти 50 лет. Через возглавляемые им раскопки прошли сотни археологов разных поколений, многие из которых позднее заняли ведущее положение в советской археологии и возглавили отдельные отрасли и направления отечественной науки. В своей полевой практике, как и в других сферах археологической деятельности, они продолжали и развивали традиции своего учителя.

Отношение В.А.Городцова к методике, правилам и условиям полевой археологической работы полнее всего отражено, конечно, в написанном им специальном "Руководстве для археологических раскопок",

опубликованном Московским археологическим институтом в 1914 г.[2] Тремя годами ранее в Москве было выпущено (на правах рукописи) аналогичное "Руководство", составленное С.И.Фляхом, по лекциям, прочитанным В.А.Городцовым в Московском археологическом институте[3]. Построение и отчасти содержание этих двух книжек различны, но основные положения, принципы и рекомендации тут и там идентичны, а многие места и текстуально совпадают. Это заставляет думать, что издание курса лекций было авторизовано самим В.А.Городцовым и позволяет рассматривать все изложенные там положения, как точное воспроизведение его взглядов и рекомендуемых им правил.

В обоих руководствах большое внимание уделяется технической стороне полевой археологической работы: подбору инвентаря для раскопок, найму рабочих и организации их труда, вывозке грунта тачками или телегами и т.п. Конечно, эти стороны полевой деятельности археолога настолько изменились за прошедшие со времени издания 70 лет, что рекомендации, даваемые В.А. Городцовым, не могут иметь теперь никакого практического значения и интересны только в историографическом плане. Неприемлемы для нас и некоторые методические приемы, рекомендуемые или допускаемые В.А.Городцовым, но решительно отвергаемые современной археологией: раскопки курганов траншеей или "колодцем", исследование погребений, уходящих под борт раскопа, при помощи подбоев, вычерчивание костяков по трафарету и др. Для времени составления В.А.Городцовым его методических пособий это были обычные и вполне закономерные приемы, но последующее развитие археологической науки заставило исследователей отказаться от них и заменить их более совершенными методами. Учитывая, какой огромный путь с тех пор проделали за это время советская науки и техника, приходится удивляться тому, что многие высказанные мысли исследователя о полевой деятельности археологов остаются до сих пор важными и актуальными даже с точки зрения современного состояния археологической науки.

Впрочем, допуская использование и применяя некоторые методические приемы, обычные для начала XX в., но представляющиеся нам теперь неприемлемыми, В.А.Городцов, видимо, сам сознавал их несовершенство и рекомендовал в ряде случаев более сложную и прогрессивную методику, ставшую впоследствии общепринятой у советских археологов. Так, наряду с раскопками курганов при помощи траншей или "колодцев" он предлагает раскапывать некоторые курганы целиком на снос, особенно в тех случаях, когда погребальный ритуал и внутреннее устройство курганов исследуемой группы неизвестны. "Этот прием дает наиболее полные ответы на все вопросы, но дороже остальных"[4]. Можно отметить также его призыв к раскопкам древних стоянок возможно бо́льшими площадями при господствовавшей в то время методике исследования таких памятников узкими траншеями[5].

Значительно позднее, в 30-х годах, В.А.Городцовым была написана специальная работа, посвященная методике раскопок древних землянок, но она осталась, к сожалению, неопубликованной[6].

Для современного археолога кажется само собой разумеющимся, что полевая археологическая работа является составной частью сложного

научно-исследовательского процесса, результатом которого должно быть всестороннее познание культуры и истории древнего общества, оставившего изучаемые археологические памятники. Интересы именно такого познания, интересы исторической науки в целом должны определить направление и содержание полевых археологических исследований, за исключением, разумеется, тех случаев, когда такое исследование вызывается необходимостью спасения гибнущего памятника археологии. Подобное понимание задач полевой археологии не было распространено в конце XIX – начале XX в., когда В.А.Городцов начинал свою археологическую деятельность. Раскопки имели целью добычу предметов для пополнения государственных и частных коллекций или удовлетворение любопытства того или иного лица, причастного к археологической деятельности. Тем более важно неоднократно повторяемое В.А.Городцовым требование, чтобы археолог, начиная полевые работы, четко поставил определенную археологическую проблему (например, выяснение ареала памятников какой-нибудь категории или соотношения разных групп памятников и т.п.), решению которой должны способствовать предпринимаемые раскопки. Именно постановка этой задачи предопределяет выбор и района работ, и конкретных памятников исследования[7]. В своих требованиях В.А.Городцов выступает как историк, вполне сознающий значение археологических источников для воссоздания древнейших периодов истории человечества. Широта исторического мышления уже тогда отличала В.А.Городцова от многих его коллег, дореволюционных археологов.

Интересно отметить, что в методических пособиях по археологическим раскопкам, выпущенных в конце XIX – начале XX в. другими археологами, даже самая постановка вопроса о научных целях полевых работ, связи этих работ с задачами историко-археологических исследований в целом вообще отсутствует; эти пособия ограничиваются рассмотрением чисто технических аспектов разведочной и раскопочной деятельности[8]. И несколько десятилетий спустя после написания В.А.Городцовым его методических работ, да и в наше время еще иногда случается, что археолог копает что попало и где попало, не утруждая себя предварительной формулировкой научной цели и составлением обоснованного плана предполагаемых раскопок, а рассчитывая лишь на везение, случайное открытие более или менее интересных древностей. Нужно ли говорить о том, насколько такой подход примитивнее и порочнее тех высоких требований, которые предъявлял В.А.Городцов к научному обоснованию и организации раскопок? Не менее существен и его совет об обязательном создании конкретного плана раскопок, " для составления которого лучше пожертвовать одним-двумя днями работы, чем вести бесплановую работу"[9].

Говоря о раскопках больших городов, В.А.Городцов предостерегает от возможного увлечения "зловредным кладоискательством", поисками богатых сокровищ и обращает внимание на то, что рядовые находки дают не менее ценную информацию о различных сторонах древней жизни. "Если раскопка произведена систематично, тщательно, ничто не упуще-

но, все записано и зарисовано вполне объективно, то она даст ценный вклад в науку, хотя бы и не сопровождалась ценными находками"[10].

В.А.Городцов всегда помнил и не уставал напоминать своим слушателям и читателям, что раскопки почти всегда приводят к уничтожению древнего памятника, и это налагает на исследователя особую ответственность за полноту, точность, объективность фиксации всего того, что можно было наблюдать при раскопках. Совершенно справедливы и его соображения о том, что отчеты о раскопках могут использоваться не только самим раскопщиком, но и другими людьми "с разными познаниями, подготовкою и целями, и что не нужно казалось исследователю, то как нельзя кстати может пригодиться лицу, читающему отчет об этих раскопках со специальной целью"[11]. Отсюда повышенная требовательность к полноте дневниковых описаний и графической документации. Отсюда же происходит и совет не раскапывать сразу целиком все городище или всю курганную группу, если им не угрожает непосредственная опасность, но сохранить часть памятника для последующих исследований или для контрольных раскопок, если в таковых окажется необходимость[12].

Заботой о высоком качестве раскопочных работ проникнуты все положения методических пособий В.А. Городцова. Он подчеркивал, что археолог, ведущий полевую работу, должен быть достаточно хорошо подготовлен и в теоретическом, и в практическом плане; проведение раскопок лицами, не обладающими достаточными знаниями, недопустимо[13]. Это положение осознавалось в начале XX в. не только В.А. Городцовым, но и всей широкой археологической общественностью[14]. А вот другое выдвигаемое В.А. Городцовым требование далеко не всегда находило понимание и поддержку у археологов и археологических учреждений. Речь идет об обязанности археолога, получившего разрешение на раскопки, постоянно присутствовать на месте работ и лично руководить ими. В.А. Городцов напоминает, что исследователь всегда должен "начинать и кончать работу самому, ни на минуту с работы не отлучаясь, чтобы всегда быть вполне ориентированным в обстановке работы", "решительно ни одного предмета не оставлять без личного осмотра" и т.п. Он совершенно справедливо возмущается осуществлявшейся тогда некоторыми деятелями Археологической комиссии практикой руководства одновременно несколькими раскопками, иногда находившимся в разных областях страны[15]. При такой системе раскопки фактически полностью передоверялись подрядчикам или бригадирам землекопов и лишались подлинного научного руководства, что, разумеется, недопустимо. Согласно современным требованиям постоянное присутствие руководителя работ на месте раскопок в течение всего рабочего периода считается обязательным[16].

Очень большое значение В.А. Городцов придавал правильному ведению полевых дневников. В его методических руководствах содержатся указания о том, как надо вести полевую документацию. Два главные требования предъявляются при этом к раскопщику: во-первых, дневники следует писать ежедневно непосредственно на месте раскопок, нельзя

составлять их позднее по воспоминаниям; во-вторых, в дневниках (как и в чертежах, и зарисовках) должны быть отражены возможно более точно и подробно все наблюдаемые явления. В.А. Городцов предостерегает от появления в записях пропусков и лакун, являющихся следствием лености, небрежности или переутомления автора раскопок[17]. Собственные дневники В.А. Городцова, которые он считал нужным по возможности публиковать, демонстрируют этот строгий подход ученого к своей работе[18]. Очень показательна и возможность использования его дневников много лет спустя другими исследователями для более полного восстановления облика раскопанных им объектов. Такую работу произвел, например, Д.А. Крайнов, реконструируя уже в 50-х годах нашего века, после кончины В.А. Городцова открытые последним еще в конце 20-х – начале 30-х годов земляночные жилища Тимоновской палеолитической стоянки. Анализ дневниковых данных сыграл в этой работе решающую роль[19].

Следует остановиться на некоторых методических указаниях В.А. Городцова, имеющих значение и для сегодняшней археологии. Василий Алексеевич уделял очень большое внимание выяснению связей археологического памятника с окружающей природной средой, естественными условиями обитания древних людей. Поэтому он всегда подчеркивал необходимость детального описания ландшафта, учета всей географической ситуации, непременного использования или составления топографических карт, отражающих особенности рельефа, растительности и пр. В опубликованном им "Руководстве" целый раздел посвящен топографическим приемам изображения рельефа на картах и планах[20]. Можно отметить, что именно эта сторона полевой археологической работы в наши дни остается камнем преткновения для многих археологов: неумение отразить рельеф местности при помощи горизонталей или другими средствами – один из наиболее распространенных недостатков современных полевых отчетов, авторов которых нигде не обучали основам геодезии и топографии[21]. В этом отношении современное состояние подготовки археологических кадров все еще ниже того уровня, который предусматривали правила, устанавливавшиеся В.А. Городцовым 70 лет назад. Современные исследователи не всегда находят необходимым (или не всегда способны выполнить) и еще одно требование, справедливо считавшееся В.А. Городцовым обязательным: составление до начала стационарных раскопок точного инструментального плана городища или другого раскапываемого объекта[22].

Очень большое место в собственной практике и в обучении молодых археологов В.А. Городцов отводил прочтению исследователем культурного слоя, наблюдениям за изменением его консистенции или цветности, за наличием грунтовых пятен, прослоек, кострищ и т.д. при любых раскопочных работах. Поэтому он настаивал на том, чтобы все земляные работы велись "чисто", т.е. чтобы регулярно производились выравнивание и зачистка дна раскопа и вертикальных срезов[23]. Особенно важны указания на необходимость тщательного наблюдения вертикальных разрезов и фиксации профилей. В.А. Городцов был первым русским археологом, полностью осознавшим значение стратиграфических данных для правильного понимания истории археологического памятника.

Очень интересна в этой связи реконструируемая им история возведения большого сложного кургана, раскопанного И.А. Лунниченко и А.В. Добровольским в Одессе в 1912–1913 гг. При классификации трех десятков обнаруженных в этом кургане погребений, относящихся к разным эпохам и этнокультурным типам, В.А. Городцов учитывал не только характеристику самих погребений, но и положение их в трехслойной курганной насыпи, составив специальные стратиграфические разрезы, воспроизводящие вероятное взаимоотношение могильных ям и наслоений насыпей, которое не было прослежено авторами раскопок[24].

Повышенное внимание к особенностям культурного слоя позволило В.А. Городцову сделать многие ценнейшие наблюдения и открыть такие явления, которые не были известны до его раскопок. Это относится и к изучению им неолитических землянок в средней полосе России, и к определению конструкции жилищ на городищах дьяковской культуры, и к выяснению планировки и топографии Старой Рязани и ко многому другому. При раскопках палеолитической Тимоновской стоянки именно наблюдения за контурами грунтовых пятен и ям в плане и в профилях ("экранах") бортов раскопов, а также специально оставляемых бровок дали В.А. Городцову возможность обнаружить и исследовать остатки палеолитических земляночных жилищ, мастерских и кладовых, до того в нашей археологии вообще неизвестных[25].

Можно отметить также, что В.А. Городцов всегда подчеркивал связь археологии с естественно-историческими дисциплинами. Изучая главным образом памятники первобытной культуры, он обращал большое внимание на увязку их с геологическим контекстом. Его глубокий интерес к вопросам геологии подтверждается тем, что он читал специальный курс четвертичной геологии студентам Московского университета и написал несколько статей, специально посвященных геологическим проблемам[26]. Он первый из археологов стал широко практиковать регистрацию и сбор остеологического материала из раскопок поселений с целью изучения хозяйственной деятельности древнего населения. Антропологические остатки из раскопок могильников и курганов также всегда находились в центре его внимания.

В наше время перед всеми археологами, ведущими раскопки и разведки, очень остро стоят вопросы охраны археологических памятников в процессе исследований и после них[27]. Обязанности археологов-полевиков в этом отношении зафиксированы в инструкции к открытым листам[28]. Во времена деятельности В.А. Городцова памятники культуры разрушались гораздо реже и угроза их уничтожения в результате хозяйственной деятельности человека была неизмеримо меньшей, чем теперь. Но и тогда археологам следовало думать о том, чтобы своими действиями нанести возможно меньший вред памятнику и принять меры к сохранению его остатков. Подобная забота была в высокой степени присуща и В.А. Городцову, который еще в 1914 г. указывал на необходимость консервации исследуемых объектов. Лучшим способом их сохранения он считал "такие памятники огораживать и оберегать сторожами", т.е. превращать их фактически в заповедники, но так как это далеко не всегда возможно, он рекомендовал открытие сооружения и раскопы

вновь засыпать землей, восстанавливая памятники и "придавая им по возможности тот вид, какой они имели до исследования их"[29]. Долгое время эти рекомендации виднейшего советского ученого находились почти в забвении, и многие археологи считали возможным оставлять после исследований раскопы и шурфы незасыпанными, способствуя тем самым дальнейшему разрушению памятников. Только в последние годы археологическая общественность стала уделять данному вопросу бóльшее внимание, и можно надеяться, что это принесет ощутимые плоды в деле сохранения археологических памятников.

Приведенные примеры отношения Василия Алексеевича Городцова к различным сторонам полевой археологической деятельности достаточно ясно показывают, как глубоко и широко понимал он задачи полевых археологических исследований, с какой ответственностью проводил полевые работы сам и как требователен был к своим ученикам и коллегам. Многие впервые сформированные им идеи и принципы полевой археологической работы стали затем общепринятыми в деятельности советских археологов и представляют актуальный интерес и в наши дни.

[1]Инструкция к открытым листам на право производства археологических разведок и раскопок, выдаваемым Институтом археологии Академии наук СССР. М., 1984; *Авдусин Д.А.* Полевая археология СССР. М., 1980; *Шелов Д.Б.* За высокое качество полевых археологических исследований // СА. 1981. № 1.

[2]*Городцов В.А.* Руководство для археологических раскопок. М., 1914.

[3]Руководство для археологических раскопок и обработки добытого раскопками материала: По лекциям, читанным В.А. Городцовым в Московском археологическом институте, составил С.И. Флях. М., 1911.

[4]Руководство... С. 31; *Городцов В.А.* С. 52.

[5]*Городцов В.А.* Руководство... С. 24.

[6]*Крайнов Д.А.* Жилища Тимоновской палеолитической стоянки: (По раскопкам В.А. Городцова) // СА. 1956. № 25. С.25, 26, 33.

[7]Руководство... С. 5 сл.

[8]*Спицын А.А.* Производство археологических раскопок. СПб., 1895; *Самоквасов Д.Я.* Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей. М., 1908.

[9]Руководство... С. 24.

[10]Там же. С. 37; *Городцов В.А.* Руководство... С. 27.

[11]Руководство... С. 15, 16.

[12]Там же. С. 10; *Городцов В.А.* Руководство... С. 6. Ср. противоположное мнение: *Спицын А.А.* Производство археологических раскопок. С. 37, 38.

[13]*Городцов В.А.* Руководство... С. 5.

[14]*Самоквасов Д.Я.* Раскопки древних могил... С. 5, 6.

[15]Руководство... С. 23.

[16]Инструкция... С. 2.

[17]Руководство... С. 15, 16, 22, 23; *Городцов В.А.* Руководство... С. 20, 21.

[18]*Городцов В.А.* Дневник археологических исследований в долине р.Оки, произведенных в 1898 г. // Древн. Тр. МАО. 1901. Т. 18; *Он же.* Материалы археологических исследований на берегах р.Донца // Тр. XII АС. М., 1905. Т. 1; *Он же.* Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губ., 1903 г. // Тр. XIII АС. М., 1907. Т. 1; *Он же.* Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г. // Тр. XIV АС. М., 1911. Т. 3. и др.

[19]*Крайнов Д.А.* Жилища... С. 13 сл.

[20]Руководство... С. 19—22.
[21]*Шелов Д.Б.* За высокое качество... С. 15.
[22]Руководство... С. 35.
[23]Там же. С. 26; *Городцов В.А.* Руководство... С. 53.
[24]*Городцов В.А.* Классификация погребений Одесского кургана // ОРИМ за 1915 г. М., 1916.
[25]*Крайнов Д.А.* Жилища ...
[26]*Городцов В.А.* Верхнеюрские образования в окрестностях г.Ярославля // ЕГМ. 1897. Т. 2; *Он же.* Кости мамонта на берегах ручья Громца. Геологический очерк // ЕГМ. 1899. Т. 7; *Он же.* Несколько геологических наблюдений, произведенных в пределах Ярославской губ. // Тр. Яр. ЕИО. 1902. Т. 1; *Он же.* Рост и убыль чернозема в южнорусских степях // Там же.
[27]*Шелов Д.Б.* Полевая археология и охрана археологических памятников // СА. 1984. № 1.
[28]Инструкция..., С. 2.
[29]*Городцов В.А.* Руководство... С. 6.

В.Б. КОВАЛЕВСКАЯ

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД В.А. ГОРОДЦОВА

В ходе археологических исследований, проводимых нами, приходится оперировать понятием "археологические источники", показывая,какие из них и в какой мере важны для определения датировки и этнической принадлежности, как они отражают передвижения народов и их социальную структуру, идеологические представления и производственные отношения.

Но прежде чем осмыслить свой метод и процедуру исследования, сообщество ученых, долгое время идя от конкретного материала (что типично для археологии как эмпирической науки), создает свой подход, вырабатывает определенный набор правил, которыми в явной или неявной форме пользуются все специалисты; и только на этапе теоретического осмысления появляется необходимость в строгом определении всех понятий и в упорядочении их в систему научного объяснения. Причем сама постановка этих вопросов отражает историю развития каждой науки и археологии в частности не в начале исследовательского процесса, а, скорее, на его завершающих этапах. Особенностью сегодняшнего дня науки является усиление классификационного движения во всех ее подразделениях (естественных, физико-технических и гуманитарных). При этом главная задача заключается в построении общей теории классификации на базе консолидации сил исследователей.

Вопросы создания формальной теории классифицирования в археологии, выработка единого языка, определение основных понятий исследования и процедур могут быть с успехом рассмотрены нами только в том случае, если мы обратимся к классическим работам В.А. Городцова, которые легли краеугольным камнем в разработки не только отечественных, но и зарубежных археологов. Многоликое и всеохватывающее теоретическое наследие В.А. Городцова требует специального пристального

внимания, о чем говорит повышенный интерес к специалисту в последние годы[1]. Мы не будем отдельно разбирать такие рассматриваемые им фундаментальные вопросы, как цели исследования и место археологии в системе других наук, предмет и объект изучения, структура археологического исследования, законы, – все в чем В.Д. Викторова справедливо видит "первый самоанализ археологической науки, первую попытку создать философию археологии"[2]. Наша цель значительно конкретней – рассмотреть работы В.А. Городцова в области археологической классификации[3]. Обращение к этим вопросам является закономерным для ученого, выросшего на работах биологов–эволюционистов второй половины XIX в.[4] и специально занимавшегося классификациями Ламарка, Линнея и Дарвина. Очевидно, он согласился бы со словами основоположника эволюционной палеонтологии В.О. Ковалевского: "Только собрание фактов, освещенное связующей их теорией, может заслуживать название науки, все же остальное есть только материал для научных исследований, а не само научное исследование"[5]. Собственно определение В.А. Городцова роли классификации в археологии почти адекватно приведенному: "Верные классификации составляют сущность науки: они являются ключом к наиболее легкому овладению знанием"[6].

Перед каждым археологом, занимался ли он анализом и интерпретацией нового, только что раскопанного им полевого материала, или же берется за исследование музейных коллекций, ставит ли он узко археологические или широкие исторические вопросы, первоочередной всегда остается задача выделения групп исследуемого материала и нахождение для каждого нового анализируемого предмета соответствующего места в предлагаемой группировке.

Как пишет Жан Клод Гарден, один из крупнейших археологов-теоретиков наших дней, «группировка остатков материальной культуры в различные "пакеты", классы, типы, "моды", школы, стили, ремесленные центры, культуры – это те упражнения, которыми занимаются все археологи»[7]. Рассматривая развитие классификационного движения в археологии, следует обратить особое внимание на преемственность и найти ту единую линию развития, которая характеризовала этот процесс от первых работ В.А. Городцова до наших дней.

Наличие в археологической литературе обзорных работ по классификации[8] существенно помогают в этом. Но необходимо помнить, что большинство работ (тем более, что последние имеют форму статей) этого типа не диалоги, а монологи; авторы, проводя свою точку зрения, могут не только не упоминать своих предшественников, но и не всегда знают их, порой открывая уже открытое или, наоборот, давно уже оставленное наукой. Разнобой в номенклатуре и отсутствие определения понятий усиливают это положение.

Прежде чем проанализировать типологический метод В.А. Городцова в терминах современного классификационного движения, остановимся на определениях понятий интуитивная, искусственная и естественная классификация.

Классификация является специальной процедурой в процессе познания, описания и анализа материала, где однозначно определены единицы

анализа, ограничено поле наблюдений, установлены критерии и правила упорядочения материала, правила перехода от одного уровня исследования к другому, т.е. классификация является совокупностью интуитивных и логических действий, которые позволяют археологу относить все изучаемое им разнообразие вещей к определенным классам "по ряду четко сгруппированных показателей"[9].

Под интуитивной классификацией понимается такая группировка материала, при которой исследователь определяет соответствие каждого рассматриваемого предмета "типовому экземпляру", причем степень соответствия не учитывается и принципы выделения "типового экземпляра" не приводятся.

Искусственная классификация (или же аналитическая группировка) ставит своей задачей приведение в систему и описание в компактной форме имеющегося в наличии археологического материала для того, чтобы к нему легко было обращаться исследователям при дальнейшем сопоставлении и анализе. Наиболее ярким примером классификации подобного типа является систематизация массового материала с обширной территории (больше одной или нескольких археологических культур) и широкого временно́го диапазона. Это именно те "сквозные темы", занятие которыми является самым неблагодарным в археологии делом, хотя и всеми приветствуемым. Результатом такой классификации являются "условные типы", искусственные ячейки служебного назначения. Собственно, здесь мы видим классификации-определители, которые в естественных науках создали целый период, очень продуктивный и необходимый для дальнейшего развития, а в археологии (очевидно, благодаря тому, что требуют по каждой из тем приложения сил целого коллектива исследователей) оказались незаслуженно пропущенными. Подавляющее большинство классификаций практически создается для материала, имеющего достаточно узкие границы бытования во времени и пространстве (археологический материал из поселения, могильника, памятников одной археологической культуры), и тогда цель исследователя – выяснить те типы (группы, виды) вещей, которые мыслились их создателями как достаточно целостные и замкнутые группы, и на их основании уточнить датировки, определить ареалы, рассмотреть их развитие во времени, оценить их культурные связи. "Через вещь – к историческому процессу, к истории общества, которая через многие звенья и посредствующие моменты обязательно отражается так или иначе... в вещи"[10]. Такая систематизация материала носит название естественной классификации, это упорядочение рассматриваемого материала во времени и пространстве с поиском естественных в нем разграничений и установлением "культурного типа", приближающегося к "мысленному шаблону" или же к "эталону" древнего мастера. Тип не отличается стойкостью, предполагается наличие устойчивого ядра (сочетания ряда определенных признаков и окрестностей, когда признаки более второстепенные встречаются в различных наборах).

Важность классификации и необходимость унификации терминов и понятий в археологическом исследовании осознавалась В.А. Городцовым уже в конце XIX в. Об этом свидетельствует его сообщение на XI Архео-

логическом съезде, носящее название "Необходимость выработки номенклатуры и системы описания доисторической керамики"[11] и большая работа "Русская доисторическая керамика"[12], разбору которой посвящена специальная статья С.Ж. Пустовалова[13]. Следует отметить, что указанная работа В.А. Городцова на много десятилетий определила развитие науки, так как в ней нашел воплощение первый в истории археологии код для описания керамики, включающей в себя расчленение ее на признаки и упорядочение последних в виде открытых списков: материал, технологические приемы, характер примесей и обжига, способ формовки, форма, описание ее структурных частей, замеры, способы нанесения и типы орнаментов, т.е. такая дробность и продуманность кода, к которой смогут вернуться исследователи не ранее чем через полвека.

Позднее, в 1906–1913 гг., работая над каталогами различных категорий орудий и оружия (каменных орудий, мечей, холодного оружия), В.А. Городцов подошел к решению вопросов классификации археологического материала, основываясь на эмпирическом материале. Им был выработан ряд принципов, получивших окончательное завершение в отмеченных выше работах. Причем такая последовательность закономерна; действительно, сначала приходит опыт и лишь потом его обобщение, поэтому никак нельзя согласиться с В.Ф. Генингом в его обвинении В.А. Городцова в том, что четырехступенчатая классификация была создана "задолго до появления теории"[14].

Принятая В.А. Городцовым типологическая классификация членит весь исследуемый материал на категории (по назначению), группы (по материалу, "веществу"), отделы и типы (по форме), когда "каждое из подразделений основано на едином признаке, а типы взаимно исключают друг друга"[15]. Описание типов должно "выяснить: 1) области распространения и 2) время существования типов, их отделов, групп и категорий"[16]. Автор определяет аналитическую часть процедуры классификации от дальнейшего исследования: точного определения "каждого типа во времени и пространстве... (чтобы читать историю материальной и духовной культуры всех вымерших поколений человечества индустриальной меры его развития"[17]. Собственно, в этом можно видеть попытку проанализировать материал не только с точки зрения его разнообразия, но и изменения во времени, что В.А. Городцов подчеркивает названием "хронологическая класификация"[18]. Интересную параллель такому членению мы видим в зарубежных работах по классификации, когда В. Тейлор[19] предлагает выделить два типа классификаций, причем первая является упорядочением вещей по морфологии во времени и пространстве (chronicle), а вторая – распределением вещей в контексте культур, опираясь на анализ их функций (historiography). И это понятно, поскольку начиная с середины 30-х годов в США отправной точкой отсчета по классификации были положения, высказанные В.А. Городцовым в статьях 1925–1927 гг. и переведенные в 1933 г., что очень наглядно сказалось в ставших сейчас классическими работах И. Рауза, А. Крэбера, А. Кригера[20] и неоднократно отмечалось современными американскими исследователями.

Рассмотрим и мы метод В.А. Городцова. Работа "Типологический метод в археологии" начинается с констатации факта многочисленности

и разнообразия вещественных памятников археологии, требующих применения для их изучения "строго разработанных методов...". Термин "типологический метод, – пишет автор, – существовал в археологии и ранее моих работ, но он не был обоснован на определенных законах, не имел научной теории, а следовательно, научно не существовал"[21]. Для нас особенно важно сегодня то, что В.А. Городцов пытается (и в этом он идет впереди своего времени) создать теорию и философию археологии, ввести в науку " жестко определенную сеть предписаний"[22] концептуальных и методологических и эксплицитно сформулировать закономерности, вытекающие из эмпирических наблюдений. И нельзя, как это делает В.Ф. Генинг, утверждать, что "...теоретическое обоснование типологического метода остается практически не установленным"[23]. Невозможно требовать от исследователя на уровне знаний начала века формулирования того, что не сформулировано до сегодняшнего дня. Не могу согласиться с В.Ф. Генингом и в том, что "все эти законы в настоящее время представляют лишь историографический интерес"[24]. Конечно, формулировки упрощены и механистичны, но все "законы" Городцова отражают те особенности развития, которые мы исследуем и сегодня, пытаясь вывести из них закономерности: прогресс и убыстрение темпов развития во времени, консерватизм культурных традиций и механизм проникновения инноваций при взаимодействии культур, конвергентность и неравномерность развития. Эта сторона наследия В.А. Городцова требует специального рассмотрения, но необходимо подчеркнуть правильно отмеченные В.Д. Викторовой целостность и системность теоретического подхода В.А. Городцова[25].

Самой беспощадной критике типологический метод Городцова был подвергнут в ближайшие годы после публикации В.И.Равдоникасом, нашедшим в нем все смертные грехи: метафизичность, формализм, биологизм, фетишизм и даже националистический идеализм[26]. Все эти клеймящие штампы можно было бы оставить на совести рецензента, если бы не появился термин "городцовщина", обвиняющий последнего и его учеников во враждебной идеологии "буржуазного вещеведения", если бы не читали мы в программном выступлении С.Н. Быковского о том, что в подобных случаях "должны быть применены методы воздействия, более сильные, чем разъяснения и убеждение"[27].

Комплексное исследование археологических источников и их историческая и социологическая интерпретация, безусловно, необходимы, поскольку археология была и остается исторической дисциплиной, но навести порядок в источниковедческой базе – это первоочередная задача и, прервав на несколько десятилетий развитие в этом плане, мы нанесли существенный урон нашей науке, последствия которого чувствуются и по сей день.

В.Ф. Генинг правильно показал, что в критике 30-х годов неправомерно были сопоставлены методы разного уровня: иррационального и общенаучного[28], нас же в данной статье интересует именно первое, археологическая классификация, в основу которой «положен "тип", понимаемый как собрание предметов, схожих по назначению, веществу и форме»[29]. Первые два уровня рассмотрения (категории и

группы) зависят от степени развития науки и применяемых естественных и технических методов (например, визуально исследователь не может отличить бронзу от латуни, а иногда даже золото от латуни[30] или железо от стали, в частности дамасской[31]). Определение назначения также оказывается достаточно субъективным и зависит от интуиции исследователя и степени владения им этнографическим материалом, что в настоящее время констатируется в особое направление – этноархеологию (Ethnoarcheology)[32]. Отделы и типы (а иногда к этому добавляются еще и подтипы и варианты) выделяются по форме.

В свете позднейших исследований можно лишь добавить, что, выделяя отделы и типы по изменениям форм, мы, собственно, в каждом конкретном случае характеризуем не всю вещь, а изменение того признака, который нами выделен[33] (например, для пряжек это изменение формы рамки при выделении отделов, внешнего контура щитка для типов, и заполнения внутреннего пространства щитка для подтипов; для серег – П контур кольца при выделении отдела и форма отдела подвески для типа; для зеркала – орнаментация поверхности и размеры и т. д. Представляется целесообразным дополнить принятую типологию перечнями всех выделенных признаков с перечислением их распределения по всем предметам. В вину В.А. Городцову вменялось то, что он не предлагает набора правил для работы с параметрами, характеризующими форму, не выясняет иерархию признаков, что, впрочем, ученый оставлял классификатору, так как выбор признаков зависит от характера рассматриваемого материала и поставленных целей классификации.

К какому же типу археологической классификации, естественной или искусственной, следует относить типологический метод В.А. Городцова? Сам автор, перечисляя принципы, положенные им в основу (единый принцип деления, соподчиненность классов, взаимное исключение типов), приходит к выводу, что это естественная классификация[34]; но тут он, с нашей точки зрения, не прав.

Поскольку типологический метод В.А. Городцова археологи успешно используют и модифицируют более полувека, в плане номенклатуры он должен остаться в своем первозданном виде. С чем нельзя согласиться, так это с тем, что "типологическая классификация В.А. Городцова... оставалась сугубо формальной, поэтому она не получила большого распространения в советской археологии"[35]. Классификация Городцова до настоящего времени используется в работах, посвященных анализу материала[36], другое дело, что она становится более формализованной, вводятся новые правила упорядочения и ставятся новые ограничения. Тем не менее следует указать, что у истоков классификационного движения в археологии продолжают оставаться классические работы В.А. Городцова, причем не как вехи или точки отсчета, а как памятник живой мысли, не потерявшей своего значения до сегодняшнего дня.

[1] *Викторова В.Д.* Археологическая теория в трудах В.А. Городцова // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 5–14; *Генинг В.Ф.* Очерк по истории советской археологии: (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии 20-е – первая половина 30-х годов). Киев, 1982. С. 66, 67, 151–170; *Пустовалов С.Ж.* Первая система описа-

ния керамики в отечественной археологии (К 80-летию выхода в свет) // Методологические и методические вопросы археологии. Киев, 1982. С. 218—227.

[2]*Викторова В.Д.* Археологическая теория. . . С. 12.

[3]*Городцов В.А.* Русская доисторическая керамика // Тр. II АС в Киеве. 1901. Т. 1; *Он же.* Археологическая классификация (Объяснительный текст к двум таблицам классификации): Учебное пособие для школ I и II ступени. М.; Л., 1925; *Он же.* Типологический метод в археологии // Общество исследователей Рязанского края. Сер. метод. 1927. Вып. 6.

[4]Недаром более 50 лет назад В.М. Фриче писал: сложившись как ученый в эпоху расцвета естественных наук и в частности господства эволюционной теории, В.А. Городцов мыслит археологию как науку, стоящую на грани естественно-научных и исторических дисциплин с явным порой акцентом на ее именно естественно-научный характер" // Тр. СА IV РАНИОН. М., 1929. С. 5.

[5]*Ковалевский В.О.* Палеонтология лошадей. М., 1948. С. 208.

[6]*Городцов В.А.* Археологическая классификация. . . С. 4.

[7]*Gardin T.-C.* Une archéologie théorique: L'esprit critique. Hachette. P., 1979. С. 27.

[8]*Hill T.N., Evans R.K.* A model for classification and tipology // Ed. D.Z. Clarke. Models in archaeology. Methuen, 1973; *Ковалевская В.В.* Проблемы классификации в зарубежной литературе // СА. 1976. № 2; Типы в культуре: Методические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических и антропологических науках. Л., 1979; *Генинг В.Ф.* Очерк по истории. . .

[9]*Шер Я.А.* Интуиция и логика в археологическом исследовании: (К формализации типологического метода археология) // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 9.

[10]*Кипарисов Ф.В.* Вещь — исторический источник // ИГАИМК. М.; Л., 1933. Вып. 100. С. 7.

[11]Изв. XI АС 1899 г. С. 118—119.

[12]Тр. II АС в Киеве. 1901. Т. 1. С. 576—672.

[13]*Пустовалов С.Ж.* Первая система описания. . .

[14]*Генинг В.Ф.* Очерк по истории. . . С. 156.

[15]*Городцов В.А.* Археологическая классификация. . . С. 4.

[16]Там же. С. 9.

[17]*Городцов В.А.* Типологический метод. . . С. 9.

[18]*Городцов В.А.* Хронологическая классификация первобытной и бытовой археологии. М., 1922.

[19]*Taylor W.W.* A study of archaeology // Mem. Amer. Anthropol. Assoc. Menasha, 1948. N 69.

[20]*Rouse T.* Prehistory in Haiti // A study in method, Tall University publications in anthropology. New Haven, 1929. N 21; *Kroeber A.Z.* Statistical classification // A.A. 1940. V. 6, N 1; *Krieger A.D.* The typological concept // Ibid. 1944. V. 9, N 4; *Spauiding A.* The dimensions of archaeology // Essays in science of culture / Ed. G.E. Dole, R.Z. Carneiro N.Y., 1960; *Chang K.C.* Rethinking archaeology: Random House. N.Y., 1967.

[21]*Городцов В.А.* Типологический метод. . . С. 3.

[22]*Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975. С. 68.

[23]*Генинг В.Ф.* Очерки по истории. . . С. 156.

[24]Там же. С. 76.

[25]*Викторова В.Д.* Археологическая теория. . . С. 13.

[26]*Равдоникас В.И.* За марксистскую историю материальной культуры // ИГАИМК. Л., 1930. Т. 7, вып. 3/4. С. 25.

[27]*Быковский С.Н.* Какие цели преследуются некоторыми археологическими исследователями? // СГАИМК. Л., 1931. № 4/5. С. 80.

[28]*Генинг В.Ф.* Очерки по истории. . . С. 165.

[29]*Городцов В.А.* Типологический метод. . . С. 6.

[30]*Иерусалимская А.А.* К истории ювелирного ремесла на Северном Кавказе: (В сред-

невековых украшениях из латуни) // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. М., 1984. С. 73–74.

[31] *Бгажба О.Х.* Дамасская сталь в Северо-Восточном Причерноморье // Там же. С.62, 63.

[32] *Ucko P.T.* Ethnography and archaeological interpretation in finerary remains // World archaeology. 1969. V. O. P. 262–280; *Orme B.* Archaeology and ethnography // The explanations of culture change. 1971. P. 481–492; Ethnoarcheology: Implications of ethnography for archaeology / Ed. K. Kramer. 1979.

[33] *Деопик [Ковалевская] В.В.* Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв.// СА. 1961. № 3; *Ковалевская В.В.* Применение статистических методов к изучению массового археологического материала // МИА. 1965. № 129. С. 9, 10.

[34] *Городцов В.А.* Типологический метод. . . С. 7.

[35] *Генинг В.Ф.* Очерки по истории. . . С. 157.

[36] *Glob P.V.* Studier over den Syske enteltgravs kultur Aarbrger kder nordisk Oedkyndiyhed og Historie. Kohenhavn, 1945. *Крайнов Д.А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья: Фатьяновская культура II тысячелетия до н.э. М., 1972. С. 38– 62.

А.Х. ХАЛИКОВ

В.А. ГОРОДЦОВ И АРХЕОЛОГИЯ ПОВОЛЖЬЯ

Крупнейший русский и советский ученый В.А. Городцов многие свои исследования в той или иной степени связывал с археологией, древней и средневековой историей не только Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья[1], но и Среднего и Нижнего Поволжья. Эта сторона деятельности В.А. Городцова, к сожалению, до сих пор не получила должного отражения в науке.

Интерес В.А. Городцова к археологии и археологическим памятникам Поволжья проявляется как бы в трех направлениях: 1) непосредственное изучение им археологических памятников и музейных собраний городов Поволжья, участие в деятельности научных, учебных и музейных организаций; 2) роль трудов В.А. Городцова в изучении археологических памятников Поволжья; 3) воспитание ученым целой плеяды археологов для Поволжья.

В.А. Городцов неоднократно бывал в крупных городах и научных центрах Поволжья, изучал музейные собрания, а также осматривал археологические памятники, на некоторых из них даже вел археологические раскопки.

Так, в 1974 г. В.А. Городцов[2] по поручению Российского Исторического музея (ныне ГИМ) посетил ряд музеев в поволжских городах. В Казани он осматривал Научно-промышленную выставку, музей географического факультета и Общества археологии, истории и этнографии Казанского университета, а также частные коллекции профессора Н.Ф. Высоцкого. Тогда же он был избран почетным членом ОАИЭ. Далее он поехал в Саратов, где ознакомился с музейными собраниями Саратовской ученой архивной комиссии.

В какой-то мере по инициативе В.А. Городцова в эти же годы, точнее в 1916 г., было принято решение об открытии в Казани Северо-Восточного Археологического общества "в силу давно назревшей потребности в

этнографическом, археологическом и археографическом обследовании Северо-Восточной России"[3]. Курс первобытной археологии в институте согласился читать сам В.А. Городцов. Очевидно, именно с этой целью в сентябре 1920 г. ученый вновь посетил Казань, где активно знакомился с археологическими коллекциями музея Казанского университета и Центрального музея города. Сопровождающий В.А. Городцова, в то время казанский археолог М.Г. Худяков, пишет, что ознакомившись в фондах Центрального музея с коллекциями из раскопок А.Ф. Лихачева и П.А. Пономарева в районе сел Полянки и Маклашеевка, В.А. Городцов "отметил необходимость разграничения среди маклашеевских древностей двух наслоений. Более древнею является культура курганов"[4], которая была отнесена им к срубной культуре и датирована XIV–XII вв. до н.э. Культура же грунтового могильника, или так называемых длинных курганов[5], по мнению В.А. Городцова, представляет собой "раннюю стадию ананьинской культуры" и должна быть датирована XI–IX вв. до н.э.[6]. Впоследствии это предположение В.А. Городцова блестяще подтвердилось исследованиями А.В. Збруевой[7] и нашими более поздними работами[8].

Тогда же, встретившись с казанскими археологами, В.А. Городцов поставил перед ними и другие задачи, в том числе "поиски в пределах края поселений и погребений сейминской культуры и еще более древней культуры, аналогичной фатьяновской: на существование ее указывает обилие в Казанском музее каменных сверленых топоров"[9]. Предвидение В.А. Городцова оправдалось: в 50–60-е годы XX в. в Среднем Поволжье были выявлены поселения, связанные с культурой Сейминского могильника, получившей название чирковско-сейминской культуры[10], а также открыта и определена предшествовавшая ей и аналогичная фатьяновской обширная балановская культура, составляющая крайне северо-восточный вариант культур "боевых топоров"[11].

Тогда же В.А. Городцов изъявил желание сотрудничать в единственном в то время в России журнале "Казанский музейный вестник", издававшемся видным общественным деятелем и искусствоведом Казани П.М. Дульским (см. № 7/8 за 1920 г.). Вскоре В.А. Городцов представил в его редакцию статью под названием "К выяснению древнейших технических приемов гончарного дела"[12], опубликованную в № 2 журнала за 1922 г. Статья, посвященная технологии изготовления и обжига первобытной керамики, не утеряла своего значения и до сих пор, о чем свидетельствуют мнения специалистов[13].

В 1925 г. В.А. Городцов со своими учениками (С.В. Киселев, А.В. Арциховский, А.П. Смирнов, А.Ф. Дубинин) предпринимает археологическую экспедицию в Среднее Поволжье. Он вновь посещает Казань, Самару, где к экспедиции присоединяется ученица Василия Алексеевича В.В. Гольмстен, и затем выезжает в Мелекесский уезд Симбирской губ., где проводит раскопки четырех курганных могильников у с. Кайбелы, на Водянском поле, у д. Андреевка и хутора Красная Звезда[14]. Всего был исследован 21 курган, в том числе восемь на околице с. Кайбелы, четыре – на Водянском поле, два – в урочище Высокая степь у д. Андреевка, семь – у хутора Красная Звезда. Все они были отнесены к срубной культуре[15] Одно из кайбельских погребений было вырезано монолитом и ныне

экспонируется в ГИМе[16]. Курганы у с. Кайбелы, на околице и Водянском поле, в 1951–1953 гг. дополнительно исследованы Н.Я. Мерпертом[17]. Ныне они затоплены водохранилищем Куйбышевской ГЭС. Курганы у д. Андреевка и хутора Красная Звезда были также дополнительно исследованы Н.Я. Мерпертом[18]. В настоящее время они почти полностью уничтожены распашкой[19].

Осенью 1927 г. В.А. Городцов вновь приезжает на Среднюю Волгу, на этот раз в Самару, к своей ученице В.В. Гольмстен. Здесь он работал в фондах музея Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания, где выделил группу предметов, отнесенных им к киммерийской культуре. Это четыре серпа одного типа и особенно интересная находка 1926 г. – бронзовый котел, склепанный из пяти тонких полос, с двумя ручками, украшенный давленным орнаментом на верхней части[20].

Последний раз В.А. Городцов посещает города Поволжья (Симбирск–Ульяновск, Самару–Куйбышев, Царицын–Сталинград) в 1929 г. Помимо работы в музейных фондах он, очевидно, проводит и выезды на археологические памятники. Так, он осматривает Самарские позднепалеолитические и мезолитические стоянки, выявленные в приустьевой части Постниковского оврага к северу от города[21]. Вероятно, В.А. Городцов даже предпринял попытку исследования этих памятников[22], которые он вслед за В.В. Гольмстен и вопреки мнению П.П. Ефименко отнес к эпохе плейстоцена[23]. Внимание ученого привлекло также скопление костей четвертичных млекопитающих, в том числе и человека, обнаруженное на Хорошовском острове близ г. Хвалынска[24].

Из сказанного видно, что В.А. Городцов живо и непосредственно интересовался археологическими памятниками Поволжья, особенно Среднего. Об этом свидетельствует хранящийся в Государственном историческом музее (отдел письменных источников, ф. № 431) архив ученого с многочисленными зарисовками из музеев Поволжья: Самарского-Куйбышевского (дела № 89, 135, 153), Покровского (ныне г. Энгельс, № 89), Саратовского (№ 89, 153), Хвалынского (№ 99), Казанского (№ 135, 153) и др.[25] Через крупнейшего европейского археолога 20-х годов А.М. Тальгрена (Финляндия) В.А. Городцов получил фотокарточки многих вещей (ГИМ, ф. 431, д. 51) богатейшей коллекции В.И. Заусайлова. Последняя состояла в основном из археологических предметов, происходящих преимущественно из Казанской губернии.

На основе изучения археологических материалов Среднего Поволжья В.А. Городцов предполагал написать ряд обобщающих работ. Об этом свидетельствуют хранящиеся в том же архиве: "Материалы к археологической карте Сталиградской области" (дело № 31), "Сведения об археологических памятниках Ульяновской губернии" (№ 75) и "Карта Среднего Поволжья с обозначением на ней археологических памятников" (№ 84). Содержащиеся в них сведения и сейчас могут быть использованы при составлении Свода археологических памятников Поволжья.

В своих многочисленных публикациях В.А. Городцов в той или иной степени касался и археологии всего Поволжья, а также более восточных его районов. Особенно примечательна в этом отношении фундаменталь-

ная работа "Культуры бронзовой эпохи в Средней России", опубликованная в 1915 г. Уже в предисловии к ней В.А. Городцов отмечает: "Целью настоящей работы является выяснение их (культур) отношений к предшествующим и последующим культурам той же области и отношении их к синхроническим культурам других областей. . . следуя от центра России в направлении Среднего Урала и Сибири. . .". Для этой цели автором были изучены коллекции музеев таких поволжских и уральских городов, как Нижний Новгород, Казань, Пермь, Самара, Саратов[26].

Благодаря этому В.А. Городцову удалось не только выделить определяющие черты материальной культуры ряда археологических образований, например, фатьяновской[27], но и показать наличие в Среднем Поволжье, особенно в пределах Казанской губ., многих характерных для этих образований предметов. Таковы, например, многочисленные находки каменных[28] и медно-бронзовых[29] топоров. Как отмечалось выше, все это позволило В.А. Городцову задолго до открытия памятников типа Балановского могильника предполагать наличие в Среднем Поволжье археологической культуры, аналогичной фатьяновской"[30].

Справедливость научного предвидения В.А. Городцова особенно ярко проявилась при изучении им материалов могильника, варварски раскопанного в 1912–1914 гг. нижегородскими краеведами на Сеймин-ской дюне[31]. Скрупулезно исследовав разрозненные материалы и неоднократно привлекая для сравнения данные областей Среднего Поволжья и Приуралья, В.А. Городцов пришел к выводам, многие из которых в будущем подтвердились. Таковы, например, его предположения о необходимости выделения самостоятельной сеймин-ской культуры, относящейся к XIV–XIII вв. до н.э., распространенной на запад (до г. Коломны) и на восток (до г. Васильсурска) от устья р. Оки. Интересно и утверждение В.А. Городцова[32], что сеймин-ская "культура проникла в Среднюю Россию из Волжско-Камской области или вообще с востока" и что она "носит очень выразительные признаки сильного культурного влияния Сибири". Все эти мысли нашли подтверждение в работах современных исследователей: А.А. Халикова[33], О.Н. Бадера[34] и Е.Н. Черных[35].

Значительное внимание В.А. Городцов уделял памятникам срубной культуры, о чем свидетельствуют как отмеченные выше раскопки ученым курганов срубной культуры в Ульяновском Поволжье, так и его обобщающие работы по срубной и предшествовавшей древнеямной культурам. Следует заметить, что В.А. Городцов первым обратил внимание на сходство срубной культуры с андроновской и в связи с этим внимательно ознакомился с материалами исследования Алексеевского поселения на Тоболе[36].

Еще в начале XX в. В.А. Городцов высказал предположение о необходимости выделения в северных районах Среднего Поволжья послесрубной эпохи, предшествовавшей ананьинской культуре[37] и соответствующей определенному несколько позднее В.А. Городцовым так называемому киммерийскому периоду[38]. По его мнению, последний период уже увязывался с легендарными киммерийцами, открывающими в степях Восточной Европы эпоху железа. Это предвидение блестяще подтверди-

лось выявлением в Среднем Поволжье большой серии позднеприказанских (маклашеевских) памятников финальной бронзы[39] и очень богатых раннеананьинских могильников[40], содержащих достаточно выраженные следы контактов с киммерийским миром[41].

Особое значение имеют работы В.А. Городцова в области изучения памятников эпохи раннего железа в западных и южных районах Среднего Поволжья. С его именем связывают выделение в Окско-Волжском междуречье после раскопок в 1898 г. на Оке Городецкого городища[42] городецкой культуры, ставшей основой формирования древнемордовских племен[43]. Вообще следует отметить, что В.А. Городцов широко интересовался культурами эпохи раннего железа лесной полосы Восточной Европы – городецкой, дьяковской (сетчатая керамика), ананьинской и пытался их рассматривать во взаимосвязи. Но ему не чужды были и скифо-сарматские древности Поволжья. Так, он изучал материалы раскопок П.С. Рыкова в 1925 г. савроматских курганов в районе Харьковки–Блюменфельда в левобережье Саратовского Поволжья[44].

До сих пор не утеряли своего значения работы В.А. Городцова, посвященные изучению поволжско-финских древностей. Так, еще в 1910 г. им были выделены три территориальные группы финно-угорских (чудских) древностей: волжско-камская, окская и прибалтийская[45]. В первой группе он описал такие известные археологические памятники Прикамья, как Гляденовское кострище и позднепьяноборский могильник на Вятке – Атамановы кости. Определяющее значение имело выделение В.А. Городцовым после его широких раскопок Подболотьевского могильника у г. Мурома археологической культуры финноязычного племени мурома[46]. Им же была предпринята попытка произвести периодизацию и датировку древнемордовских древностей[47], а также увязать материалы поселений и могильников, что уже в то время было высоко оценено специалистами, в том числе и зарубежными[48].

До сих пор для изучения средневековых древностей Поволжья не утратили своего значения две специальные работы В.А. Городцова, посвященные изучению кочевнических древностей: статья "Погребения с конем в Европейской России", опубликованная в 1905 г.[49], и статья "Типы погребений печенегов, торков, половцев и татар"[50], написанная В.А. Городцовым на основе доклада, прочитанного им на XIII Археологическом съезде. Как известно, обряд погребения с конем (частичным) наиболее рано появляется в Среднем Поволжье (см. Андреевский могильник II–III вв. н.э.[51], Младший Луговский могильник IV–V вв. н.э.[52]) и широко бытует и раннеболгарское время[53]. Позднее, в Нижнем Поволжье особенно широко известны погребения торков, половцев и других средневековых кочевников[54].

В своих работах В.А. Городцов непосредственно касался и булгарских древностей. В связи с этим интересны две его статьи, опубликованные в 1926 г. В первой[55] с историко-археологических позиций ученый исследует небольшой бронзовый с железным лезвием топорик, найденный в 1913 г. в Симбирской губ., т.е. в пределах древней булгарской земли, и поступивший в 1921 г. в ГИМ. В результате скрупулезного анализа он приходит к выводу, что этот топорик служил церемониальным предметом и был

изготовлен в XI–XII вв. древнерусскими мастерами в Киеве или во Владимире. Таким образом, находка служила археологическим доказательством древнерусско-булгарских связей XI–XII вв. на самом высшем уровне.

Во второй статье[56] В.А. Городцов рассматривает довольно часто встречаемые среди булгарских древностей оригинальные сфероконические сосуды, лично просмотренные им в музеях Казани и Саратова. В результате он приходит к выводу, что указанные предметы в основном служили лампами или вообще светильниками. Вместе с тем он допускал возможность, что сфероконусы могли служить для хранения и переноски в них жидкостей – ртути, благовонных масел, святой воды и т.п.[57] Эта точка зрения в настоящее время является наиболее принятой[58]. Следует заметить, что еще раньше В.А. Городцов уже останавливался на рассмотрении одного такого сфероконического сосуда, вернее знаков, имеющихся на его поверхности[59].

В.А. Городцов одним из первых среди русских и советских археологов обратил внимание на необходимость изучения археологических памятников Золотой Орды, максимально сконцентрированных в Поволжье и прилегающих районах Северного Кавказа и Приаралья. Показательны в связи с этим его раскопки в 1907 г. остатков средневекового города Маджар, расположенных на р. Кума в степях Ставропольского края[60]. Изучая этот своеобразный археологический памятник, В.А. Городцов не только правильно определил его хронологию и периодизацию[61], но и наметил контуры археологической культуры городов Золотой Орды, что имело важное значение при последующих изучениях золотоордынских памятников Поволжья.

Огромной заслугой В.А. Городцова являются не только его труды и исследованные им археологические памятники, но и воспитание целой плеяды учеников – ведущих археологов, сыгравших решающую роль в изучении археологии поволжского региона. Одной из первых среди них была В.В. Гольмстен, окончившая под руководством В.А. Городцова в 1910 г. Московский Археологический институт, затем она работала научным сотрудником Исторического музея и состояла членом Московского Археологического общества. С 1909 г. она вплотную приступила к исследованию археологических памятников в башкирском Приуралье (Уфимский могильник, Чертово городище и др.), а с 1919 г. и до конца жизни занималась археологией Поволжья (в основном Самарского). С 1920 по 1930 гг. ученой проводилась серия крупных экспедиций почти по всей территории Самарской губ., где ею были открыты и исследованы памятники, начиная от эпохи палеолита до позднего средневековья включительно[62]. Показательно, что все эти годы она консультировалась у В.А. Городцова, и он сам неоднократно (1920, 1924, 1925, 1929 гг.) приезжал в Самару.

В известной степени археологическую эстафету В.В. Гольмстен передала своим ученикам, среди которых следует назвать А.П. Тереножкина, А.А. Марущенко, К.В. Сальникова, своеобразных археологических внуков В.А. Городцова.

Одновременно с В.В. Гольмстен в том же 1910 г. под руководством В.А. Городцова завершил учебу в Московском университете и Московском Археологическом институте П.С. Рыков. С 1920 по 1937 гг. он возглавлял археологические исследования в Саратовском университете и в созданном по его инициативе Саратовском интитуте краеведения, организовал подготовку местных кадров археологов и краеведов[63]. Им были воспитаны такие видные археологи, как И.В. Синицын, П.Д. Степанов, Н.К. Арзютов, Т.М. Минаева, П.Д. Рау и др. Благодаря усилиям П.С. Рыкова были выявлены памятники всех основных эпох края, и, кроме того, написаны "Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам".

В 1922 г. под руководством В.А. Городцова окончила Московский университет О.А. Кривцова-Гракова, затем проработавшая более 30 лет в Государственном Историческом музее, в том числе многие годы совместно со своим учителем. Вероятно, под влиянием В.А. Городцова, интересовавшегося открытиями позднесрубных памятников у г. Хвалынска на Волге, который "еще в 1920 г. обращал внимание своих слушателей на необходимость изучения срубной культуры именно в Поволжье" О.А. Кривцова-Гракова всю свою научную жизнь посвятила изучению памятников эпохи бронзы, в том числе и Поволжья (см. памятники абашевской и срубной культур)[64] и тем самым "продолжала одно из основных направлений деятельности своего учителя В.А. Городцова – классификацию и систематизацию материалов по бронзовому веку СССР"[65].

В 20-е годы В.А. Городцов воспитывает целую плеяду будущих ведущих советских археологов – С.В. Киселева, Д.А. Крайнова, А.В. Арциховского, А.Ф. Дубынина, А.П. Смирнова и др., среди которых особо следует отметить А.П. Смирнова, сыгравшего огромную роль в изучении и интерпретации археологических памятников Среднего Поволжья, особенно булгарской поры. Как подчеркивает Г.А. Федоров-Давыдов[66], "первые его (А.П. Смирнова) занятия по археологии связаны с участием в раскопках, руководимых профессором В.А. Городцовым, чье влияние на молодого ученого было весьма сильным".

Все сказанное выше позволяет утверждать исключительное значение В.А. Городцова как в вопросах изучения археологических памятников Поволжья, так и в создании научных кадров для этого изучения.

[1]*Крайнов Д.А.* К столетию со дня рождения В.А. Городцова // СА. 1960. № 1.

[2]*Городцов В.А.* Древние мусульманские светильники в виде сфероконических глиняных сосудов // Тр. ГИМ. М., 1926. Вып. 1. С. 157.

[3]*Бречкевич М.* Северо-восточный археологический и этнографический институт в Казани // ИОАИЭ. Казань, 1919. Вып. 1. С. 82.

[4]*Худяков М.Г.* К посещению Казани В.А. Городцовым // Казан. МВ. 1920. № 7/8. С. 117.

[5]*Chudajykov M.* Die Ausgrabungen von P.A. Ponomarev in Maklašeevka im Jahre 1886 // Finno-Ugrischen Forschungen. Helsinki, 1926. Bd. XVII.

[6]*Худяков М.Г.* К посещению Казани. . . С. 178.

[7]*Збруева А.В.* Маклашевские могильники // КСИИМК. 1948. Вып. 23.

[8]*Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969. С. 223.

[9]*Худяков М.Г.* К посещению Казани. . . С. 118.

[10]*Халиков А.Х.* Древняя история. . . С. 183.

[11]*Бадер О.Н., Халиков А.Х.* Памятники балановской культуры // САИ. М., 1976. В1-25.

[12]*Городцов В.А.* К выяснению древнейших технических приемов гончарного дела // Казан. МВ. 1922. № 2.

[13]*Сайко Э.В.* Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982. С. 15.

[14]*Попова Т.Б.* Керамика мелекесских курганов // Тр. ГИМ. М., 1953. Вып. 22.

[15]*Городцов В.А.* Отчет о работах 1925 г. на правом берегу Волги. 1925. С. 75. Отдел письменных источников ГИМ. Ф. № 431.

[16]*Буров Г.М.* Медно-бронзовый век Ульяновского Поволжья. Ульяновск, 1981, С.32.

[17]*Мерперт Н.Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. 1958. № 61. С. 146—149.

[18]Там же. С. 89—92.

[19]*Буров Г.М.* Медно-бронзовый век. . . С. 26, 27.

[20]*Гольмстен В.В.* Археологические памятники Самарской губернии // Тр. СА РАНИОН. М., 1928. Т. 4. С. 133.

[21]Там же. С. 129, 130.

[22]*Городцов В.А.* План раскопок в Постниковом овраге: Отчет об исследовании I и II самарских стоянок в 1929 г. № 64 // Материалы к исследованию Постниковской стоянки. Отдел письменных источников ГИМ. № 431.

[23]*Ефименко П.П.* Экспедиция для изучения палеолитических культур // Сообщ. ГАИМК. 1926. Вып. 1. С. 319.

[24]*Паничкина М.В.* Разведки палеолита на Средней Волге // СА. 1953. № 18. С. 236.

[25]*Розенфельдт Р.Л.* Рукописный архив В.А. Городцова // СА. 1964. № 1. С. 343.

[26]*Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России // ОРИМ за 1914 г. Там же. 1915. С. 121, 122.

[27]Там же. С. 126—170.

[28]Там же. С. 132—133, 135, 136, 138, 140, 143, 145.

[29]Там же. С. 150—153.

[30]*Худяков М.Г.* К посещению Казани. . . С. 113.

[31]*Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи. . . С. 179—223.

[32]Там же. С. 222, 223.

[33]*Халиков А.Х.* Древняя история. . . С. 133.

[34]*Бадер О.Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970. С. 144.

[35]*Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. 1970. № 172. С. 116.

[36]*Kriwzova-Grakova O.* Une trovaille d'objets de l'age du bronze dans la region du haut Tobol // ESA. 1928. V. IV. P. 116.

[37]*Худяков М.Г.* К посещению Казани. . . С. 118.

[38]*Городцов В.А.* К вопросу о киммерийской культуре // Тр. СА РАНИОН. 1928. Т.II.

[39]*Халиков А.Х.* Приказанская культура // САИ. М., 1980. В1-24.

[40]*Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа, VIII—VI вв. до н.э. М., 1977.

[41]*Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев, 1976.

[42]*Городцов В.А.* Результаты археологических исследований 1898 г. // АИЗ. М., 1899. № 6/7.

[43]*Городцов В.А.* Бытовая археология. М., 1910. С. 142.

[44]*Grakov B.N.* Monuments de la cultura scythique entre le Volga et les monts Oural // ESA. 1928. V. III. P. 25.

[45]*Городцов В.А.* Бытовая археология. С. 429.

[46]*Городцов В.А.* Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. // Тр. МАО. М., 1914. Т. 24.

[47]*Городцов В.А.* Путеводитель по Российскому музею. М., 1924.

[48]*Tallgren A.M.* Sur l'origine des anriqites dites mordvines // ESA. 1933. V. XX. P.131, 132.

[49]*Городцов В.А.* Погребения с конем а Европейской России // Тр. XII АС. М., 1905. Т. 3. С. 286.

[50]*Городцов В.А.* Типы погребений печенегов, торков, половцев и татар до XIV в. // Тр. XIII АС. М., 1908. Т. 2.

[51]*Степанов П.Д.* Андреевский курган. Саранск, 1980. С. 17.

[52]*Халиков А.Х.* Древняя история. . . С. 177.

[53]*Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге. М., 1964.

[54]*Рыков П.С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов, 1936. С. 115.

[55]*Городцов В.А.* Симбирский древний топорик // Тр. ГИМ. М., 1926. Вып. 1.

[56]*Городцов В.А.* Древние мусульманские светильники. . . С. 164.

[57]Там же. С. 163.

[58]*Джанполадян Р.М.* Сфероконические сосуды из Двина и Ани // Археологические памятники Армении. Ереван, 1982. Т. 12: Средневековые памятники, вып. 4.

[59]*Городцов В.А.* Заметка о глиняном сосуде с загадочными знаками // АИЗ. М., 1897. V. № 12.

[60]*Городцов В.А.* Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджара в 1907 г. // Тр. XIV АС. М., 1911. Т. 3.

[61]*Ртвеладзе Э.В.* К истории города Маджар // СА. 1972. № 3. С. 152.

[62]*Юнусова Р.М.* В.В. Гольмстен — первый советский исследователь древнего прошлого Самарской губернии: Самарская Лука в древности. Куйбышев, 1975.

[63]*Синицын И.В., Степанов П.Д.* Памяти Павла Степановича Рыкова // СА. 1964. № 1.

[64]*Кривцова-Гракова О.А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. № 46. С. 9.

[65]*Формозов А.А.* О.А. Кривцова-Гракова // СА. 1970. № 4. С. 322.

[66]*Федоров-Давыдов Г.А.* К 70-летию Алексея Петровича Смирнова // СА. 1969. № 4. С. 117.

А.Д. ПРЯХИН

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.А. ГОРОДЦОВА И ПОДГОТОВКА КАДРОВ АРХЕОЛОГОВ

Важнейшей составной частью тех принципиальных процессов, которые происходили в археологии в первое двадцатилетие Советской власти, явилось начало целенаправленной подготовки кадров археологов в нашей стране[1]. Выдающимся представителем советской высшей школы этого времени являлся профессор Московского университета В.А. Городцов, с именем которого связан один из важнейших этапов становления отечественной вузовской археологии.

Значительной вехой в ее развитии стала организация в 1919 г. в Московском и Петроградском университетах факультетов общественных наук. Именно в рамках этих факультетов закладывалась магистральная линия подготовки специалистов в области археологии[2].

Ведущим центром подготовки археологов становится Московский университет. Там с 1922 г. в рамках факультета общественных наук под руководством В.А. Городцова функционирует археологическое отделение, преобразованное в 1923 г. в отделение археологии и искусствознания. На факультете существовали также кафедры археологии и музееведения (затем кафедра доисторической археологии) и исторической

археологии[3]. Кроме того, были созданы музей и кабинет археологии, а также кружок краеведения и музееведения. В 1923 г. в структуре того же факультета возник Научно-исследовательский институт археологии и искусствознания, археологическое отделение в котором также возглавил В.А. Городцов. Составной частью цикла подготовки археологов в рамках факультета общественных наук Московского университета постепенно становится Государственный исторический музей, в стенах которого под руководством того же В.А. Городцова действовала база фондовой исследовательской работы как для студентов, так впоследствии и для аспирантов-археологов. Археологическое отделение факультета общественных наук I МГУ готовило "музейных работников и деятелей охраны, исследования и реставрации памятников материальной культуры"[4].

В те годы в отделении, кроме В.А. Городцова, работали Ю.В. Готье, Ф.В. Баллод, А.А. Захаров, А.С. Башкиров и др. Сам В.А. Городцов читал серию курсов по археологии, вел ряд семинаров и первый в отечественной высшей школе цикл лекций по истории археологии, а также специальные занятия по методике полевых археологических исследований. На факультете большое внимание уделяли и такой форме подготовки специалистов, как организации полевых исследовательских партий. В этой связи В.А. Городцов писал: "Сами студенты-археологи ежегодно образовывали исследовательские партии и под руководством своих профессоров выполняли научные работы, нередко давали объяснение значения археологических работ всем гражданам, организующим экскурсионные группы, и читали лекции"[5]. В рамках учебного процесса на отделении была поставлена задача "овладения студентами марксистскими методами и применения их в широкую область искусствознания и археологии. . ."[6]. Но в этом направлении в те годы делались лишь самые первые шаги.

В соответствии с декретом Совнаркома в 1925 г. факультет общественных наук I МГУ преобразуется в факультеты советского права и этнологический. В составе этнологического факультета (этнофак) тогда были созданы отделения, в том числе историко-археологическое и этнологическое[7]. С 1926 г. на историко-этнологическом отделении функционирует возглавляемый В.А. Городцовым археологический научно-студенческий кружок.

В целом же можно со всей определенностью говорить, что уже в первое десятилетие Советской власти именно в стенах Московского университета по инициативе и при самом непосредственном участии В.А. Городцова впервые возникла такая учебно-исследовательская структура, в основу которой был положен непосредственный научно-исследовательский поиск. Сущность данного "комплекса" в общем верно подметил тогдашний руководитель секции теории и методологии Института археологии и искусствознания РАНИОН В.М. Фриче в статье, посвященной 40-летию научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности В.А. Городцова: "Уверенной рукой он (В.А. Городцов. – *А.Д.*) ведет своих учеников из университетской аудитории через полевую работу в стены Института археологии и искусствознания РАНИОН, где вокруг него

растет молодая школа, которая, отправляясь от его концепции, будет развивать ее дальше в направлении уже в ней самой заложенного социологического построения истории материальной культуры"[8].

В те годы в подготовке кадров археологов участвовал Институт, кафедра и музей антропологии, функционировавшие в рамках физико-математического факультета Московского университета. В этих структурных подразделениях тогда преобладали взгляды ученика академика Д.Н. Анучина, Б.С. Жукова, теоретические установки которого основывались на концепциях палеоэтнологического направления в археологии. Здесь не только велось преподавание палеоэтнологии и палеоантропологии, но и была предпринята попытка соответствующей специализации в этих областях знаний[9]. Существенной стороной "специализации" явилась ее ориентация на практику музейного дела и полевой археологии, чему способствовали организация при этих структурных подразделениях первой университетской археологической лаборатории. Установление же тесных контактов палеоэтнологов с Государственным музеем Центрально-Промышленной области открывало возможность организации повышения квалификации для сотрудников музеев и краеведческих учреждений. Именно в этом коллективе в разные годы сделали свои первые шаги в науке О.Н. Бадер (учился на факультете общественных наук), М.В. Воеводский, С.П. Толстов, Е.И. Горюнова и др.

В целом и другие университеты также все более становились центрами подготовки специалистов-археологов в стране.

В первые годы Советской власти функционируют и отдельные институты археологии[10]. Так, продолжали свою деятельность Московский (организован в 1907 г.) и Петроградский (с 1877 г.) институты археологии, которые в начале 20-х годов с введением преподавания археологии в университетах этих городов прекратили свое существование. В различные годы курсы лекций по первобытной археологии в Московском археологическом институте продолжал вести В.А. Городцов. Небезынтересно отметить, что здесь им читались и циклы лекционных курсов, изданные до революции[11].

Ко времени первого десятилетия Советской власти относятся попытки реализации идеи своего рода среднего археологического образования. Фактически в этом плане строились программы двухлетнего образования в уже отмеченных археологических институтах на местах. В какой-то степени эта идея была заложена и в организации на местах различного рода курсов подготовки специалистов. Например, при действовавшем в Самарском университете Обществе археологии, истории, этнографии и естествознания в 1920 г. по совету В.А. Городцова были открыты Высшие этнолого-археологические курсы, готовившие практиков-краеведов. Слушатели курсов получали общие знания по археологии и этнографии и непосредственно участвовали в проведении полевых археологических исследований. Лекции по археологии и музееведению читала профессор В.В. Гольмстен. Срок обучения на этих курсах вначале определялся шестью месяцами, а затем был доведен до трех лет. В течение первого года слушатели вводились в дисциплины общего характера. На втором году обучения они участовали в практикумах, непосредственно занима-

лись историей края. На третьем году перед слушателями ставилась задача приобретения самостоятельных исследовательских навыков. Слушатели активно участвовали в полевых работах и в обработке полученных данных[12]. Через эти курсы прошли такие впоследствии известные советские археологи, как А.И. Тереножкин, К.В. Сальников, А.А. Марущенко. Идея своего рода среднего археологического образования не получила широкого распространения. Постепенно она исчерпала себя.

Конец первого этапа развития советской археологии характеризуется началом подготовки в стране кадров археологов высшей квалификации. После утверждения в 1925 г. Наркомпросом "Положения о порядке подготовки научных работников при высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях" в стране начинает создаваться система подготовки кадров высшей квалификации через аспирантуру. Собственно именно подготовка кадров высшей квалификации являлась одной из наиболее важных задач, которую были призваны решать научно-исследовательские институты, вначале входившие в состав Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук ФОНа МГУ (с 1926 г. Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук). В их числе и Институт археологии и искусствознания, подготовивший под руководством В.А. Городцова целую плеяду ученых-археологов. Сам В.А. Городцов, оценивая деятельность Института, подчеркивал именно научно-педагогическую направленность этого учреждения, где "молодые археологи получают специальную подготовку к занятию профессорских кафедр археологии в Вузах. . ."[13].

Именно в этом Институте в середине 20-х годов начинает функционировать социологическая секция (затем секция теории и методологии). Сама эта секция была задумана "как некая надстройка над его двумя основными отделениями, которая давала бы занятиям в Институте соответствующее направление"[14]. Общетеоретическая марксистская подготовка молодых ученых сопровождалась попыткой внести полученные ими знания в непосредственный исследовательский поиск. Уже в 1924–1925 и 1925–1926 учебных годах на заседаниях секции была заслушана серия докладов тогдашних аспирантов В.А. Городцова: А.Я. Брюсова "Социологическая история жилища", А.В. Арциховского "Социологическое значение эволюции земледельческих орудий" и др.[15] Изучение работ этой секции имеет принципиальное значение для осмысления первого в советской археологии опыта комплексной постановки методологических проблем науки в системе подготовки кадров высшей квалификации. Не будет преувеличением отметить, что работа в этом методологическом семинаре оказала серьезное, если не сказать решающее влияние на выработку базирующихся на принципах марксизма-ленинизма основ исследовательского поиска в области археологии у целой плеяды в будущем ведущих ученых-археологов страны.

Во второй половине 20-х годов еще продолжалась подготовка археологов в уже обозначившихся в предыдущие годы руслах. На этнологическом (историко-этнологическом) факультете Московского университета и в рамках Института, кафедры и музея антропологии, существовав-

ших на биологическом отделении физико-математического факультета (с 1930 г. биологический факультет) того же университета. На этнологическом факультете преподавательскую деятельность продолжают В.А. Городцов и Ю.В. Готье. Среди окончивших Московский университет в 1930 г. по специальности историк-археолог был и Б.А. Рыбаков, впоследствии выдающийся советский ученый. В 1929 и 1930 гг. этот факультет заканчивают и другие ученики В.А. Городцова: Е.И. Крупнов (впоследствии ведущий советский археолог-кавказовед, профессор, первый из советских археологов, ставший лауреатом Ленинской премии), Д.А. Крайнов (доктор исторических наук, впоследствии один из ведущих советских специалистов по первобытной археологии Восточной Европы) и др.

Во второй половине 20-х годов активную деятельность продолжает вести возглавляемый В.А. Городцовым научно-студенческий кружок археологии. По инициативе студентов-кружковцев издается первый археологический сборник научно-студенческих работ, приуроченный к 40-летнему юбилею научной, педагогической и общественной деятельности В.А. Городцова[16]. Студенты-кружковцы не только сформировали сборник, но и выполнили непосредственную работу по его размножению на стеклографе (старостой кружка тогда был Д.А. Крайнов). В сборнике были опубликованы первые работы тогдашних студентов Б.А. Рыбакова, Д.А. Крайнова, В.Г. Карцова и др.

Научно-студенческий кружок археологии МГУ выступил инициатором проведения важной дискуссии с кружком при Институте антропологии МГУ. Это была дискуссия археологов (школа В.А. Городцова) и палеоэтнологов (школа Б.С. Жукова), в которой с той и другой стороны приняло участие большое число молодых ученых и тогдашних студентов. Во время дискуссии группу археологов возглавил А.В. Арциховский, а группу палеоэтнологов – С.П. Толстов. Ученые старшего поколения, включая В.А. Городцова и Б.С. Жукова, в дискуссии не участвовали. Многие из высказанных в процессе дискуссии суждений затем были изложены сторонниками метода восхождения в обществе историков-марксистов.

Важным показателем роста уровня подготовки кадров являлась развернувшаяся, особенно широко во второй половине 20-х годов, интенсивная подготовка специалистов высшей квалификации через систему аспирантуры (преимущественно в стенах Института археологии и искусствознания РАНИОН и ГАИМК). В рамках Института археологии и искусствознания РАНИОН во второй половине 20-х годов под руководством В.А. Городцова была разработана и успешно реализована целая система подготовки специалистов-археологов высшей квалификации. Для аспирантов были введены четыре пункта отчетности, отражавшие основные формы подготовки кадров высшей квалификации: 1) участие в семинарах по общественным наукам, 2) работа в секциях теории и методологии и в археологической секции (для археологов), 3) обязательное участие в выполнении коллективной темы, 4) индивидуальная работа аспирантов[17].

Для подготовки молодых ученых принципиальное значение имела

имевшая место ориентация их не только на выполнение каждым из аспирантов индивидуальной темы, но и на участие каждого из них в выполнении коллективной научной темы. Так, аспиранты В.А. Городцова работали под его руководством в рамках коллективной темы "Типологическая классификация археологических памятников". По той же тематике В.А. Городцов вел и отдельный семинар. В 1928 г. коллегия Института археологии и искусствознания РАНИОН для археологической секции (отделения) Института рекомендовала как коллективную тему "История орудий производства", а на 1930/31 учебный год планировалось начать работу по составлению археологического словаря. На направления исследовательского поиска молодых ученых заметное влияние оказывало участие в работе секции теории и методологии, руководимой В.М. Фриче. В рамках проводившихся занятий аспиранты пытались реализовать общетеоретические марксистские концепции в конкретном иследовательском поиске. На методологическую направленность этих исследований большое влияние оказала деятельность созданного в 1928 г. в Институте археологии и искусствознания РАНИОН методологического бюро, в состав которого вошли В.А. Городцов, А.В. Арциховский, С.В. Киселев и другие ученые.

Накопленный в Институте археологии и искусствознания РАНИОН весьма ценный опыт своего рода комплексной подготовки целой плеяды археологов пока, к сожалению, не обобщен.

Благодаря ведущим научно-исследовательским учреждениям страны и советской высшей школе специалисты-археологи, овладев марксистско-ленинской концепцией развития исторического процесса, внесли решающий вклад в становление основополагающих принципов советской археологии и в ее развитие в последующее время. "Талантливая молодежь, – пишет Б.А. Рыбаков, влившаяся в науку в 20-е годы, рассматривала археологию не как бегство от современности, а как средство познания ранней истории человечества, как сферу приложения марксизма к конкретному изучению докапиталистических социально-экономических формаций"[18].

В начале 30-х годов происходит реорганизация учебных заведений, которая приводит к тому, что в Московском и Ленинградском университетах с 1931 г. ликвидируются факультеты, ведущие подготовку специалистов исторического профиля. Тогда в Москве и Ленинграде начинают свою деятельность самостоятельные институты философии, литературы и истории (МИФЛИ и ЛИФЛИ)[19]. В МИФЛИ открывается небольшая возглавляемая В.А. Городцовым кафедра археологического профиля, на которой в то время работали Б.Н. Граков и А.А. Мансуров[20]. Лекции здесь читал и Ю.В. Готье. В ЛИФЛИ создается кафедра истории доклассового общества, на которой тогда работали М.И. Артамонов, С.Н. Быковский (заведующий кафедрой), В.И. Равдоникас, П.Н. Третьяков[21].

В середине 30-х годов после известных постановлений партии и правительства о преподавании гражданской истории историческое образование в Московском и Ленинградском университетах было восстановлено. Исторические и историко-филологические факультеты создаются затем и в других университетах страны, что знаменовало собой качес

венно новый этап в подготовке кадров археологов и в развитии вузовской археологии. По существу – это новый период в развитии советской археологии, рассмотрение которого уже выходит за рамки данной статьи.

[1]*Генинг В.Ф.* Очерки по истории советской археологии: (У истоков формирования марксиситских теоретических основ советской археологии, 20-е – первая половина 30-х годов). Киев, 1982; *Пряхин А.Д.* Периоды развития советской археологии // Проблемы историии отечественной исторической науки. Воронеж, 1981. С. 150, 151; *Он же.* Первый период развития советской археологии (1917 – середина 30-годов). Воронеж, 1983; *Рыбаков Б.А.* Археология // Октябрь и научный прогресс. М., 1967. Кн. 2. С. 583.

[2]*Генинг В.Ф.* Очерки по истории... С. 57–87. Историографический анализ литературы по становлению принципиально новой системы высшего образования в стране дан Н.Л. Сафразьян: *Сафразьян Н.Л.* Становление советской системы высшего образования (1920–1927 гг.): Историография проблемы // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1981. Т. 1.

[3]Отчет о состоянии и действиях I Московского государственного университета за 1922 г. М., 1923. С.9, 11; Отчет I Московского государственного университета за 1923 г. М., 1924. С. 8; Отчет I Московского государственного университета за 1924 г. М., 1925. С. 8, 9.

[4]*Городцов В.А.* О приеме на археологическое отделение Ф. О. Н. I МГУ // Древний мир. 1924. Вып. 1. С. 58.

[5]*Городцов В.А.* К итогам археологических трудов в СССР за 10 лет // Тр. СА РАНИОН. М., 1928. Т.2. С. 10.

[6]Отчет I Московского государственного университета за 1924 г. С.72.

[7]*Иванова Л.В.* Подготовка кадров советских историков (1921–1929 гг.) // История СССР. 1960. № 6. С. 60; Обозрение преподавания этнологического факультета I Московского университета на 1925/26 акад. год. М., 1926. С. 6, 7.

[8]*Фриче В.М.* В.А. Городцов: К сорокалетию его научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности // Тр. СА РАНИОН. 1928. Т. 4. С.7.

[9]*Жуков Б.С.* Палеоэтнологическая деятельность Антропологического института I МГУ // Материалы к доистории Центральнопромышленной области. М., 1927. С. 67, 68.

[10]Археологические институты // БСЭ. М., 1926. Т. 3. С. 531, 532.

[11]*Городцов В.А.* Первобытная археология: Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте. М., 1908; *Он же.* Бытовая археология: Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте. М., 1910.

[12]Общество археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете: (История и деятельность) // Бюл. О-ва археологии, истории, этнографии и естествознания при Самар. ун-те. Самара, 1925. Вып. I. С. 7.

[13]*Городцов В.А.* К итогам археологических трудов в СССР за 10 лет. С. 6.

[14]*Фриче В.М.* Предисловие // Тр. социол. секции Ин-та археологии и искусствознания РАНИОН. М., 1927. Т. 1. С. 3.

[15]Тр. социол. секции Ин-та археологии и искусствознания РАНИОН. Т. 1. (доклад А.В. Арциховского); Тр. секции теории и методологии Ин-та археологии и искусствознания РАНИОН. М., 1928. Т. 2. (доклады А.Я. Брюсова и др.).

[16]Сборник научно-археологического кружка (МГУ). М., 1928.

[17]ЦГА РСФСР. Ф.4655. Оп. 1. Д. 144.

[18]*Рыбаков Б.А.* Археология. С. 580.

[19]Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4. С. 240–241.

[20]*Авдусин Д.А.* Археология в Московском университете (1922–1965 гг.) // Очерки по истории советской науки и культуры. М., 1968. С. 184.

[21]*Равдоникас В.И.* Археология в Ленинградском государственном университете // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. 1949. Вып. 13. С. 5, 6.

М.Н. МАКАРОВ, В.П. ЧЕЛЯПОВ

В.А. ГОРОДЦОВ И РЯЗАНСКИЙ КРАЙ

Истоки многогранной деятельности В.А. Городцова неразрывно связаны с Рязанской землей. Именно здесь он сделал первые основополагающие шаги как выдающийся археолог, активный музейный работник, педагог, крупный организатор науки.

Сын сельского дьяка с. Дубровичи Рязанского уезда, он был отдан для обучения в Рязанскую духовную семинарию, которую, однако, так и не окончил. С 1880 по 1906 гг. В.А. Городцов находился на военной службе, где приобрел необходимые впоследствии знания по топографии, картографии, геодезии. Но не армейская служба стала его призванием. "Нахождение каменных орудий в окрестностях с. Дубровичи Рязанской губ. и уезда, мне были известны в раннем детстве: каменные орудия, – вспоминал В.А. Городцов, – были мои детские игрушки. Десятилетним мальчиком я знал, где можно было найти более всего громовых стрел (так называют каменные орудия в селе Дубровичи)"[1]. Серьезный интерес к изучению истории края появился у В.А. Городцова в конце 80-х годов. "Рассматривая чертежи каменных орудий, помещенных в сочинении Леблока, – писал впоследствии ученый, – я вспомнил о громовых стрелах, находимых в селе Дубровичи и решился во что бы то ни стало достать образцы этих стрел. С этой целью мною было сделано в свободное осеннее время две поездки в село Дубровичи: первая 27 сентября и вторая 3 октября 1988 года"[2]. Так начались систематические исследования на Оке, открывшие собой городцовский период ее археологического изучения[3].

Со свойственной ему страстью и энергией Василий Алексеевич приступает к изучению древностей Средней Оки. В 1889 г., получив открытый лист от Московского археологического общества, В.А. Городцов проводит первые в своей жизни археологические раскопки на дюне Борок близ с. Дубровичи[4]. В то же время он ясно осознавал, что многосложные работы по изучению древней истории требуют организованных, коллективных усилий. 20 сентября 1889 г. по рекомендации известного рязанского археолога А.В. Селиванова он принимается в члены Рязанской ученой архивной комиссии (РУАК)[5]. Месяц спустя В.А. Городцов выступает на заседании комиссии с докладом о проведенных им работах в окрестностях с. Дубровичи[6].

С первых же дней членства в РУАК В.А. Городцов берется за важную и ответственную работу по выявлению и изучению археологических памятников на территории Рязанской губ. В 1890 г. по рекомендации комиссии он получает открытый лист от Императорского археологического общества[7]. В 1890–1891 гг. им были обследованы памятники в окрестностях сел Дубровичи, Шумашь, Алеканово, Аграфенино, стоянки Логинов Хутор, Фефелов бор, Дядьковское, Луховицкое городища, проведена разведка по берегам р. Оки от с. Коростово до с. Исады, обследованы памятники в районе Облачинской дюны[8]. В мае 1890 г. им осмотрена южная оконечность вала кремля г. Рязани, обнажившаяся вследствие сильного обвала. При этом удалось выяснить, что грандиозный кремлев-

ский вал насыпался в два приема, с более или менее значительным интервалом[9]. В 1892 г. В.А. Городцов совместно с А.В. Селивановым и А.И. Черепниным проводит крупные раскопки Борковского финно-угорского могильника[10].

Об итогах полевых исследований В.А. Городцов регулярно сообщает на заседаниях РУАК, выступая с докладами и рефератами, демонстрируя собранные коллекции[11]. В 1890 г. он участвует в работе VIII Археологического съезда[12], избирается делегатом на IX съезд от Рязанской комиссии[13]. В связи с реорганизацией РУАК в 1890 г. Василий Алексеевич избирается секретарем ее археологического отделения[14].

Предметом постоянной заботы В.А. Городцова являлось комплектование фондов Рязанского музея. Так, только в 1892 г. им было сдано около 2000 экспонатов[15] (до прихода В.А. Городцова музей располагал 1120 археологическими предметами)[16]. Сданные вещи сопровождал подробный каталог.

За три года работы в Комиссии Василий Алексеевич становится одним из самых активных и авторитетных членов общества. В 1892 г. по долгу службы В.А. Городцов покидает Рязань, что расценивается членами РУАК, как "потеря. . . незаменимая", ибо с его отъездом "Комиссия лишается одного из самых выдающихся своих деятелей"[17].

Уехав из Рязани, В.А. Городцов служит в Ярославле, работает в Российском историческом музее, преподает в Московском археологическом институте и Народном университете им. Шанявского, но научные и деловые связи его с Рязанью не прерываются. " Я пять лет работал и теперь работаю исключительно в интересах Рязанской Ученой Архивной Комиссии и ни разу не останавливался работать даже в тех случаях, когда это шло в ущерб моим личным интересам", – писал он в 1893 г. из Ярославля. "Я состою действительным членом Рязанской Ученой Архивной Комиссии и буду состоять таким же действительным ея, пока она существует, стараясь поддержать на высоте это звание"[18].

С самого начала исследовательской деятельности Василий Алексеевич не ограничивает своих интересов изучением какого-то одного археологического периода. В 1893 г., по свидетельству члена РУАК археолога А.И. Черепнина, В.А. Городцов собирался провести раскопки в Рязанской губернии, "надеясь вместе с костями животных найти следы человека (эпохи палеолита. – *Авт.*), но не успел"[19].

В 1895 г. ученый предпринимает широкие археологические разведки в бассейне р. Оки, охватившие территорию Зарайского, Рязанского, Спасского уездов. Им были обследованы уже известные и выявлены многочисленные новые археологические памятники, давшие ценнейший материал для составления археологической карты губернии[20].

В 1897 г. Василий Алексеевич исследует поселение на дюне Могилки близ с. Алеканово. Эти и последующие работы убедительно доказали наличие памятников эпохи бронзы на территории России, в том числе и в пределах Рязанской губ. "Бронзовый век как самостоятельная культурная эпоха, – писал В.А. Городцов, – существовал в области среднего течения р. Оки", характеризуясь здесь "смешанным употреблением

каменных орудий (особенно наконечников стрел) с орудиями из бронзы, вырабатывавшимися внутри страны. . ."[21].

В 1898, 1901–1904 гг. В.А. Городцов продолжает разведочные работы в бассейне р. Оки[22].

Осмысление прежних и появление новых археологических материалов позволило В.А. Городцову сделать ряд важных для изучения древнейшей истории Средней Оки выводов. Так, по результатам собственных работ на памятниках в окрестностях сел Борки и Шумашь ученый выделяет промежуточный этап между палеолитом и неолитом в развитии древнейшего населения Рязанского края. В фундаментальном труде "Первобытная археология" он указывает, что "обе культуры (имеются в виду культуры Борковской и Шумашской стоянок. – *Авт.*) представляет из себя связующее звено между палеолитом и вполне типичным неолитом"[23].

После Великой Октябрьской социалистической революции деловые контакты В.А. Городцова с Рязанским краем приобретают новые формы. Со времени создания новой краеведческой организации, Общества исследователей Рязанского края, он становится его непременным членом. В 1922 г. его избирают в бюро объединения уроженцев Рязанского края, проживающих в Москве. Объединение имело своей целью оказание помощи научным учреждениям Рязани[24]. Василий Алексеевич всемерно содействовал становлению краеведческой работы в Рязанском крае, организации областного краеведческого музея, пополнению его фондов. В 1923 г. заместитель директора Рязанского музея А.И. Фесенко отмечал, что коллекции, полученные В.А. Городцовым в результате раскопок археологических памятников, явились одной из основ образования археологического отделения Рязанского музея[25]. На сданные в музей экспонаты им были составлены подробные каталоги. Археологические коллекции фондов музея до сих пор хранятся в шкафах, изготовленных по проекту Василия Алексеевича. В 20–30х годах ученый неоднократно посещал музей, оказывая его сотрудникам действенную методическую и практическую помощь в создании экспозиции.

В 1924 г. В.А. Городцов выступил с докладом "Об охране археологических памятников" на состоявшейся в Рязани конференции музейных работников Центрально-Промышленной Области[26]. В 1927 г. в Доме работников просвещения он сделал сообщение об исследовании Старорязанского городища.

В послереволюционный период профессор В.А. Городцов приступает к раскопкам наиболее значительных археологических памятников Рязанщины. В 1924 г. он проводит исследования юго-восточной части бывшего архиерейского сада в Рязанском кремле[27] и осматривает Дубровичский финский могильник[28]. Работы в кремле показали наличие здесь мощного и насыщенного культурного слоя, содержащего материал XII–XVI вв.[29]

В 1926 г. ученый приступает к раскопкам Старой Рязани. Изучению подверглось Северное городище и часть Борисоглебского храма, однако эта работа рассматривалась лишь как рекогносцировка, предваряющая собой серьезное изучение городища, рассчитанная на пять лет. В.А. Городцов предполагал провести также комплекс мероприятий по охране

его культурного слоя и создания музея археологии Старой Рязани в бывшей усадьбе помещика Стерлигова[30]. Хотя этим планам не суждено было сбыться, мысль о необходимости продолжения систематического, строго научного изучения городища не покидала исследователя[31]. В том же году он проводит раскопки на территории Троице-Пелеицкого городища Спасского уезда Рязанской губернии[32].

Последние свои исследования В.А. Городцов проводит в 1939 г., в возрасте 79 лет. На сей раз внимание ученого обращено на дальнейшее изучение памятников своеобразной культуры окских финнов. Раскопкам подверглись Борковский могильник, работы на котором были начаты им еще полвека назад, и Канищевское городище, принадлежавшее к кругу памятников выделенной им же городецкой культуры. В раскопках В.А. Городцова приняли участие областной краеведческий музей, члены школьных краеведческих кружков и дома пионеров.

Под благотворным воздействием идей и непосредственных контактов с В.А. Городцовым в 20–30-х годах в Рязани сформировалась деятельная группа краеведов: археологов, историков, этнографов, музейных работников. В их числе Д.Д. Солодовников, А.А. Мансуров, Н.И. Лебедева, Н.П. Милонов, И.И. Проходцов, Н.В. Говоров.

Живой интерес к изучению древностей Средней Оки, заложенной фундаментальными исследованиями В.А. Городцова, его учениками и последователями не угасает и в настоящее время. Ведутся планомерные крупномасштабные работы по составлению Свода археологических памятников Рязанской области. Продолжаются раскопки, необходимость в которых особенно возросла в связи с проведением охранных работ в местах новостроек.

Осенью 1978 г. при Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике (бывший Рязанский областной краеведческий музей) был создан Клуб археологов им. В.А. Городцова. Членами его являются учащиеся школ, училищ, техникумов, студенты вузов Рязани. Цель деятельности клуба – пропаганда среди молодежи археологических знаний, углубленное изучение истории родного края; практическое участие его членов в археологических исследованиях, проводимых на территории области. В ходе теоретических занятий сотрудники музея, преподаватели институтов, активисты-краеведы знакомят слушателей с этапами становления археологической науки, современными представлениями о древнейшей истории человечества, археологическими культурами Средней Оки, этнографией края, методикой раскопок и разведок, коллекциями фондов музея-заповедника. Практические занятия по камеральной обработке материалов предшествующих экспедиций позволяют членам клуба вплотную познакомиться с находками, способами их консервации, учета и хранения.

Со времени создания клуба его члены составили костяк всех археологических экспедиций музея-заповедника. Они участвовали в раскопках кремля и посадов Рязани, курганного могильника и поселений в окрестностях с. Засечье Спасского р-на, финно-угорского грунтового могильника и поселений у с. Борок Шиловского р-на. С их помощью прове-

дены разведки по берегам рек Оки, Плетенки, Павловки, Рановы, Тырницы, Пары, Прони и др.

Аналогичные клубу археологические кружки и секции были созданы в Рязанском государственном педагогическом институте и областном Дворце пионеров.

[1]*Городцов В.А.* Как открыты были следы поселений каменного века в окрестностях сел: Шумошь, Дубровичи, Алеканово и Муромино Рязанского уезда в 1888—1889 гг. // Тр. Ряз. АК. 1901. Т. 16, Т. 1. С. 82.

[2]Там же. С. 83.

[3]*Бадер О.Н.* Краткий очерк археологических работ в довоенный период на Оке // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 22.

[4]*Городцов В.А.* Как открыты были следы. . . С.89—91.

[5]Тр. Ряз. АК. 1889. Т. 4, № 8. С. 173.

[6]Там же. № 9. С. 191.

[7]Там же. 1890. Т. 5, № 8. С. 143, 144.

[8]Отчет о деятельности Рязанской ученой архивной комиссии за 1890 г. Рязань, 1890. С. 4; Отчет о деятельности Рязанской ученой архивной комиссии за 1891 г. Рязань, 1892. С. 5, 14.

[9]*Городцов В.А.* Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки // Тр. XII АС. М., 1905. Т. 1. С. 590.

[10]Тр. Ряз. АК. 1893. Т. 7, № 6. С. 112, 113.

[11]Отчет о деятельности Рязанской ученой архивной комиссии за 1892 г. Рязань, 1893. С. 5: Тр. Ряз. АК. 1893. Т. 5, № 5. С. 5.

[12]*Селиванов А.В.* VIII Археологический съезд // Тр. Ряз. АК. 1890. Т. 5. № 1/2. С.1—6.

[13]Тр. Ряз. АК. 1890. Т. 5. № 9. С. 165.

[14]Там же. 1890. № 10. с. 182.

[15]Отчет о деятельности Рязанской ученой архивной комиссии за 1892 г. С. 3.

[16]Тр. Ряз. АК. 1888. Т. 3, № 8. С. 174.

[17]Там же. 1892. Т. 7, № 6. С. 112.

[18]Письмо В.А. Городцова А.В. Селиванову от 31 марта 1893 г. // ГАРО. Ф. 1368. Д. 449. Св. 5.

[19]Письмо А.П. Черепнина А.В. Селиванову от 15 июля 1893 г. // ГАРО. Ф. 1368. Д. 2138. Св. 41.

[20]*Городцов В.А.* Материалы к археологической карте. . .

[21]*Городцов В.А.* Отчет об археологических исследованиях в долине реки Оки 1897 г. // Тр. МАО. М., 1900. Т. 17. С. 26.

[22]*Городцов В.А.* Результаты археологических исследований 1898 г., произведенных на берегах р. Оки в пределах Рязанской губернии // АИЗ. 1899. Т. 7. № 6/7. С. 181—201; *Он же.* Дневник археологических исследований в долине р. Оки в 1898 г. // Тр. МАО. М., 1901. Т. 18; *Локтюшев С.А.* Каменный период в Рязанской губернии. Рязань, 1916.

[23]*Городцов В.А.* Первобытная археология. М., 1908. С. 329.

[24]ВРяз. К. Касимов, 1923, № 1. С. 25.

[25]*Фесенко А.И.* Рязанский областной музей // ВРяз. К. № 1. С. 4.

[26]ВРяз. К. Рязань, 1925. № 1. С. 27.

[27]Рабочий клич. Рязань. 1924. 16 авг.

[28]*Городцов В.А.* Дубровичский финский могильник // Сб. материалов по археологии Рязанского края. Рязань, 1925. (Т. ОИРяз. К. Вып. 5).

[29]ВРяз. К. Рязань, 1925. № 1. С. 28, 29.

[30]*Городцов В.А.* Дневник раскопок Старорязанского городища в 1926 г. // НАРИАМЗ. № 152; Рабочий клич. Рязань, 1927. Письмо В.А. Городцова С.Д. Яхонтову от 1 февраля 1927 г. // ГАРО. Ф.Р.-3611. Д. 21. С. 53.

[31]Письмо В.А. Городцова А.А. Мансурову (1930 г.) // Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань. 1930. Вып. 3. С. 7.

[32]*Городцов В.А.* Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища в 1926 г. // Исслед. и материалы Рязан. обл. Среднеок. музея, Рязань, 1930, Вып. 5; *Он же.* Дневники и коллекционные описи по археологическим раскопкам 1939 г. (лето) в с. Борки и на Конищевском городище // НАРИАМЗ. № 1279.

Г.К. ВАГНЕР

С В.А. ГОРОДЦОВЫМ В СТАРОЙ РЯЗАНИ (СТРАНИЧКА ВОСПОМИНАНИЙ)

Более полувека прошло с тех пор, как отряд археологов, возглавляемый В.А. Городцовым, возобновил в Старой Рязани раскопки так называемого южного храма XII в., открытого еще в 1836 г. Д. Тихомировым. Мне довелось быть при этих раскопках. Они имели очень большое значение для истории древнерусской архитектуры и вызвали резонанс в специальной литературе, поэтому есть смысл потревожить память и воссоздать некоторые интересные детали. Речь пойдет о раскопках 1926 г.

В тот год в г. Спасск съехалась довольно большая группа археологов из Московского государственного исторического музея и из Рязанского областного краеведческого музея, к которым присоединились спасские краеведы – А.Ф. Федоров, И.А. Фокин, А.А. Левашова-Терновская и др. Старорязанское городище к тому времени уже получило широкую известность благодаря находкам драгоценных кладов и раскрытию фундаментов двух храмов XII в. – северного и южного. Особенно влекло к этому историческому месту молодежь г. Спасска. Вот как вспоминает об одной из школьных экскурсий в Старую Рязань товарищ моей юности лауреат Ленинской премии Н.Н. Смеляков: "Рассказы учителя воскрешали былое, волновали воображение, рисовали жестокие битвы с врагом, беззаветную храбрость русских людей. А когда здесь появились ученые и начали раскопки, осторожно просеивая каждую крошку земли, трудно было найти лучших зрителей и помощников, чем ребятня, собиравшаяся со всей округи. Сколько разгоралось споров, различных предположений, разговоров"[1].

Широким фронтом развернулись археологические работы в 1926 г. на северном и южном городищах. Было проложено много траншей, прошурфовано расстояние всей исторической дороги от северного городища до Исадских ворот, обнаружены остатки многочисленных древних жилищ[2], но, пожалуй, наибольший интерес представляли раскопки одного из древних храмов, а именно южного.

За 90 лет, истекшие со времени открытия этого храма Д. Тихомировым, старое место раскопок до неузнаваемости изменилось. Вместо простого всхолмления, которое не стоило большого труда раскопать, над остатками древнего храма громоздилась уродливая кирпичная церковь,

начатая постройкой в 1913 г. и брошенная неоконченной из-за начавшейся империалистической войны. Кирпичная громада прикрыла всю северную сторону древнего храма, так что закладывать здесь раскоп не представлялось никакой возможности. Южная сторона храма оставалась доступной, и В.А. Городцов заложил продольный раскоп параллельно предполагаемому направлению южной стены древнего здания. Этим раскопом и был вскрыт южный притвор южного храма. Вскоре это открытие вызвало оживленные отклики специалистов по истории древнерусского зодчества и начали рождаться гипотезы о природе старорязанской архитектуры домонгольской эпохи.

Следует напомнить, что сам Д. Тихомиров, по-видимому, натолкнулся на признаки южного притвора раскапываемого им храма, но не смог их осмыслить и закидал выбросами земли из внутренних частей здания. Признаки этого притвора обозначены на плане первой половины XIX в., сделанном вскоре после раскопок Д. Тихомирова[3]. Знал ли об этом плане В.А. Городцов? Во время поездки с ним в Старую Рязань в 1934 г. я не смог задать ему такого вопроса, так как упомянутый план стал известен мне только после публикации его А.Л. Монгайтом в 1955 г. Но хорошо помню, что спросил В.А. Городцова о том, что руководило им, когда он намечал раскоп вдоль южной стены древнего храма? Его ответ был примерно таков: "Я знал, что открытый А.В. Селивановым в 1888 г. северный храм имел крестообразный план[4], поэтому нетрудно было предположить, что такой же план мог иметь и храм, раскопанный Д. Тихомировым". Это предположение блестяще подтвердилось.

Сейчас трудно передать то ликование, которое охватило участников раскопок южного притвора. Раскапывался он тщательнейшим образом под наблюдением самого В.А. Городцова, и если он признавал, что "фиксация вскрытого притвора не была достаточно тщательна"[5], то только потому, что в распоряжении экспедиции не было ни архитектора, ни нивелира. Если говорить об упущениях, то самым большим упущением тогда было недостаточное внимание к такой важной детали, как характер примыкания притвора к стене храма. Это упущение было возмещено раскопками западного притвора храма, произведенными А.Л. Монгайтом в 1948 г. Но об этом см. ниже.

Открытый В.А. Городцовым южный притвор поражал толщиной своих стен. Они были в два с половиной раза толще стен самого храма! Объяснялось это тем, что в толще стен притвора были сделаны склепы для захоронений.

Вдохновленный открытием южного притвора В.А. Городцов начал раскоп у западной стены храма, но и здесь раскопщики вскоре наткнулись на южную стену притвора. Однако ученый почему-то оставил этот раскоп неоконченным. Тогда же им было высказано предположение о существовании и северного притвора, но, как уже сказано, копать у северной стены древнего храма было невозможно. Так или иначе, во всех публикациях, появившихся после раскопок В.А. Городцова, южный храм Старой Рязани (или "храм Д. Тихомирова") неизменно показывается с тремя притворами. На этой почве в истории древнерусской архитектуры и стали возникать новые концепции, причем никто не обратил внима-

ние на предостережение А.Л. Монгайта о том, что вопрос об одновременности притворов и самого южного храма остался по существу открытым[6].

Г.Ф. Корзухина-Воронина, первой опубликовавшая в 1929 г. развернутую статью о старорязанских архитектурных памяниках XII в., по-видимому, не сомневалась в одновременности всех частей южного храма. По крайней мере на этот счет не сделано никакой оговорки, хотя все три притвора на опубликованном ею плане показаны пунктиром[7]. Автор сблизила старорязанский храм с Успенской церковью Елецкого монастыря в Чернигове, исходя главным образом из сходства центральных частей планов и наличия у обоих храмов крещальни в юго-западном углу. Принималось во внимание и церковно-епархиальное единство Рязани с Черниговом. Старорязанский храм назван был также Успенским. Что же касается деталей белокаменной резьбы храма, найденных при раскопках В.А. Городцова и до них, то Г.Ф. Корзухина-Воронина не нашла им аналогии ни в черниговской, ни во владимиро-суздальской резьбе, обнаружив таковые в... Абхазии[8]. Поскольку у Успенской церкви Елецкого монастыря в то время еще не были известны притворы, то Г.Ф. Корзухина-Воронина считала, что "В Елецкой церкви этот тип еще не вполне выработался"[9].

Не будучи специалистом в области древнерусской архитектуры, В.А. Городцов не выступал с комментариями в адрес статьи Г.Ф. Корзухиной-Ворониной. Но во время упомянутой выше поездки в 1934 г. в Старую Рязань он долго стоял на месте раскопок 1926 г., выражая отчасти удивление, отчасти удовлетворение тем, что его открытие притворов южного храма вызвало столь активные архитектурные суждения. Теорию черниговского происхождения южного храма он принимал, в обращении же за аналогиями резьбы на Кавказ В.А. Городцов, насколько я понял, больше соглашался с Н.Я. Марром, который в Напутствии к "Сборнику I" аспирантов ГАИМК (где была опубликована статья Г.Ф. Корзухиной-Ворониной) писал": А Кавказ? Правда ли здесь надо себя ограничивать в изысканиях лишь определенным районом и, раз попали в какой-либо уголок, вернее слой этого погибельного края, освещать памятники материальной культуры прежде всего светом, высекаемым из местного кремня огнивом из местного металла?"[10].

Последующие исследования южного храма Старой Рязани, а также Успенской церкви Елецкого монастыря внесли немало уточнений в вопрос о соотношении этих двух памятников. В 1948 г. раскопками А.Л. Монгайта западного притвора южного храма было установлено, что этот притвор был почти идентичен южному. При всей тщательности раскопок А.Л. Монгайт все же был вынужден признать, что "нам не удалось решить вопроса о связи притворов с основным зданием. Были ли они отделены от главного здания стеной с порталом, перевязана ли кладка притворов с кладкой церкви, были ли притворы сооружены одновременно с церковью или пристроены позже – все эти вопросы остаются нерешенными"[11]. При этом ученый склонялся к тому, что притворы южного храма все же не одновременны с основным объемом здания. Разница в размерах кирпичей тоже говорит в пользу этого мнения[12].

В 1949–1951 гг. Н.Б. Холостенко произвел подробное исследование Успенской церкви Елецкого монастыря в Чернигове, причем выяснилось, что первоначально храм имел три притвора. Правда, кладка притворов не была перевязана с кладкой стен здания, но произведена из того же кирпича и на том же растворе[13]. На основании совокупности признаков, Н.В. Холостенко датировал Успенскую церковь самым концом XI в.[14] При всей неожиданности и непривычности этой даты, остается бесспорным, что, вопреки мнению Г.Ф. Корзухиной-Ворониной, черниговский храм следует считать не недоразвивавшимся сравнению со старорязанским, а вполне развившимся, причем ранее его. Значение черниговской архитектурной традиции для Старой Рязани, таким образом, еще более подкрепилось. Но все же старорязанский храм не был копией черниговского. Между ними довольно большая разница в приемах пропорционирования[15]. Существенна разница и в стиле фасадной белокаменной резьбы[16].

В заключение несколько слов о названии южного храма. В свое время Д. Тихомиров определил его как Борисоглебский собор Рязани (в XII в. это была не Старая Рязань, а Рязань – столица княжества)[17]. А.В. Селиванов, раскопавший в 1888 г. крещатый в плане и пятиапсидный храм, в свою очередь считал его Борисоглебским, собору же Д. Тихомирова дал название Успенского[18]. Далее, как мы видели, это название приняла Г.Ф. Корзухина-Воронина, а за нею и некоторые другие исследователи. А.Л. Монгайт правильно вернул южному храму название Борисоглебского, напомнив, что Борисоглебской называлась каменная часовня, сооруженная в XIX в. на остатках этого храма, а также и новая кирпичная церковь 1913 г.[19] Название храма далеко не безразлично для истории древнерусской архитектуры. Определение южного храма Старой Рязани как Борисоглебского позволяет связать его с донаторством князя Глеба Ростиславича (1155–1177 гг.), т. е. относить храм ко второй половине XII в., когда Рязанское княжество вступило в борьбу с Владимиро-Суздальским. Борьба сопровождалась не только конфронтацией, но и заимствованиями. Скорее всего, этим следует объяснять введение в кирпичную кладку рязанского собора белого камня[20]. Появляется возможность несколько шире осветить и сам факт появления у него притворов, а именно видеть в них не столько подражание черниговскому образцу, сколько отклик на то новое движение, которое охватило передовую русскую архитектуру эпохи "Слова о полку Игореве". Именно в 80-е годы XII в. главные герои "Слова" – Святослав Киевский и Всеволод Владимиро-Суздальский вступают в своего рода архитектурное соперничество, обзаводясь грандиозными соборами. Святослав создает пятинефный Благовещенский храм в Чернигове (1186 г.)[21], а Всеволод обстраивает Успенский собор Андрея Боголюбского (1185 г.) и из трехнефного делает его тоже пятинефным[22]. Рязанский князь Глеб Ростиславич к этому времени умер, но его сыновья стали верными союзниками Всеволода. Это о них говорится в "Слове о полку Игореве": "Великий княже Всеволоде!... Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрелять удалыми сыны Глебовы"[2]. Не желая отставать от своего сюзерена, "удалые сыны Глебовы" и могли обстроить Борисоглебский собор притворами.

Таково вкратце движение архитектурных мыслей, толчок которому дали раскопки В.А. Городцова в 1926 г. в Старой Рязани.

[1]*Смеляков Н.Н.* С чего начинается Родина. М., 1975. С. 76.
[2]Материал о жилищах издан А.А. Мансуровым: *Мансуров А.А.* Древнерусские жилища // Исторические записки. М., 1941. Т. 12. С. 61–95.
[3]*Монгайт А.Л.* Старая Рязань // МИА. 1955. № 49. С. 16. Рис. 3.
[4]*Селиванов А.В.* Отчет о раскопках в Старой Рязани: Дневник раскопок в Старой Рязани // Тр. Ряз. АК. 1888. Т. 3. С. 159–164.
[5]*Монгайт А.Л.* Старая Рязань. С. 79.
[6]Там же. С. 85.
[7]*Корзухина-Воронина Г.Ф.* Рязань в сложении архитектурных форм XII–XIII вв. // ГАИМК. Бюро по делам аспирантов. Л., 1929. Сб. 1. С. 69–82. Рис. 1.
[8]Там же. С. 81.
[9]Там же. С. 73.
[10]ГАИМК. Бюро по делам аспирантов. Сб. 1. С. 3.
[11]*Монгайт А.Л.* Старая Рязань. С. 85.
[12]Там же. С. 79.
[13]*Холостенко Н.В.* Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове // Памятники культуры: Исслед. и реставрация. М., 1961. Т. 3. С. 57 и сл.
[14]Там же. С. 65, 66.
[15]*Вагнер Г.К.* Архитектурные фрагменты Старой Рязани // Архитектурное наследство. М., 1963. № 15. С. 19, 20.
[16]Там же. С. 23.
[17]*Тихомиров Д.* Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани.М., 1844. До Д. Тихомирова такого же мнения придерживался К. Калайдович (*Калайдович К.* Письма к А.Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 г. древностей. М., 1825. С. 3).
[18]*Селиванов А.В.* Отчет о раскопках в Старой Рязани. . . С. 161.
[19]*Монгайт А.Л.* Старая Рязань. С.90.
[20]*Вагнер Г.К.* Архитектурные фрагменты. . . С. 22, 23.
[21]*Рыбаков Б.А.* Древности Чернигова // МИА. 1949. № 11. С. 69–93. Рис. 45.
[22]*Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М., 1961. Т. 1. С. 354–374. Рис. 159.
[23]Художественная проза Киевской Руси XI–XIII вв. М., 1957. С. 341, 347–348.

Л.В. АЛЕКСЕЕВ

ПОСЛЕДНИЙ ЛЕКЦИОННЫЙ КУРС ВАСИЛИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ГОРОДЦОВА

"Основатель московской школы археологов, всеми нами уважаемый Василий Алексеевич Городцов первый обратил внимание на это явление и первый дал ему научное объяснение. . .", – эту фразу постоянно произносил своим мощным голосом на лекциях профессор С.В. Киселев, быстро двигаясь по аудитории и энергично жестикулируя. Иначе было нельзя: стояла зима 1942–1943 гг., университетские аудитории в школе на Бронной не отапливались, а Сергей Владимирович был единственным, кто отваживался читать лекции без пальто. Так, из курса общей археоло-

гии, мы, первокурсники, узнали имя В.А. Городцова, привыкли его воспринимать как "Василийалексеевичгородцов" и всегда в сочетании со словами: "впервые открыл, выяснил, установил". На втором курсе, специализируясь по археологии, уже в здании Истфака на ул. Герцена 5, наша группа слушала незабываемый по яркости курс С.В. Киселева по эпохе бронзы, и снова имя В.А. Городцова звучало с прежней силой. Теперь мы уже знали, что В.А. Городцов первый в России поставил вопрос о поисках палеолитических жилищ и исследовал землянки на Тимоновке у Брянска, первый начал изучать неолитические стоянки, памятники дьяковской культуры, раскапывать средневековую Старую Рязань. Мы узнали о знаменитом Одесском кургане, ювелирные раскопки которого позволили В.А. Городцову выяснить последовательность степных культур эпохи бронзы, получили представление об открытой им фатьяновской культуре. Позднее на лекциях по археологии древней Руси Б.А. Рыбаков рассказывал нам о талантливом открытии ученым дако-сарматских элементов в русских вышивках. Мы понимали, что, как и А.А. Спицын, В.А. Городцов был классиком науки, начавшим исследования еще в 1888 г., поэтому представить его нашим современником было почти невозможно. Мы привыкли к профессорам иной научной формации, таким, как А.В. Арциховский, В.Д. Блаватский, Б.Н. Граков, С.В. Киселев, Б.А. Рыбаков, – крупнейшим ученым более позднего этапа науки, когда она разветвилась на отдельные, правда еще широкие, отрасли знания. Перед нами были специалисты в области археологии бронзового века, античности, скифов и сарматов, древних славян и Руси. Городцов же занимался всем.

Трудно передать нашу радость, когда мы узнали, что "отец русской археологии", работавший еще во времена графини Уваровой, объявил факультативный курс каменного века, что квартира его в Москве, недалеко от университета, и все желающие могут поговорить с ним!

Веселой студенческой гурьбой наша археологическая группа появилась в передней квартиры В.А. Городцова в Полуэктовом пер. И сразу же притихла: старинная полутемная передняя, блеск стекол книжных шкафов, вешалка красного дерева, темные обои.

– Василий Алексеевич, – к вам! – сказала отворившая двери женщина (племянница). Долгие шаркающие шажки,наконец, из-за притолоки в передней показался глубокий старик. Небольшой рост, плотный, седые волосы без намека на лысину, профиль, напоминающий грузинский, темный длинный халат. Василий Алексеевич приветливо улыбается, подает нам свою холодную восковую руку, слабым глухим голосом приглашает войти в кабинет. Трепетно перешагиваем порог. Скромная старинная обстановка – стол, столики, этажерки, книжные шкафы, кресла, венские стулья... Рассаживаемся вокруг маленького стола, за которым в кресле уже сидит В.А. Городцов, вынимаем тетради. Звонок, кто-то раздевается в передней – это сотрудницы Исторического музея М.Ф. Фехнер и И.К. Цветкова – они тоже хотят слушать: все понимают, что маститый профессор читает курс в последний раз. Он долго смотрит на нас своими плохо видящими глазами, ловит наш взгляд на громадные переплетенные фолианты "Древностей", "Трудов съездов", "Материа-

лов по археологии России": "Да, говорит он, – это наши основные старые издания, огромные и на прекрасной бумаге – ведь члены царской семьи читали, для них издатели и старались!"

Выяснив, все ли мы "археологи"* и уровень наших знаний (на втором курсе он, увы, невелик!), Василий Алексеевич переходит к первой лекции. В его руках дрожат пожелтевшие листки, которые он по очереди вынимает из нескольких сложенных вдвое листов писчей бумаги и неторопливо говорит своим суховатым, слегка надтреснутым голосом. Речь идет о методе археологических исследований, о "хронологической классификации археологии", о недостатках знаменитой классификации Мортилье и о преимуществах классификации самого В.А. Городцова. В следующих лекциях говорилось об археологических памятниках, о происхождении их творца – человека, о ледниковом периоде и т.д. Многое мы уже знаем из общего курса, некоторые из нас знакомы с курсом Василия Алексеевича, читали Г. Обермайера, Г.Ф. Осборна и др. Настоящие лекции подкупают нас больше всего тем, кем они читаются и как преподносятся!

Перед нами страстный энтузиаст археологии, положивший всю свою жизнь на превращение ее из науки коллекционеров в подлинно историческую дисциплину и создавший по археологии ряд классических трудов. Сейчас на склоне лет, несмотря на огромную трудность для себя чтения лекций, он решил поделиться с археологической молодежью накопленными за жизнь знаниями... Историю археологии почти за столетие содержит его память. Здесь и Уваровы, и Спицын, и Забелин, и Хвойко, и Макаренко, и Рерих, и Самоквасов. Эти и другие корифеи прошлого теснятся с деятелями более позднего времени – П.П. Ефименко, Бонч-Осмоловским, Замятиным, они спорят между собой и предстают перед нами, как бы живущими ныне. Мы входим таким образом в самую гущу ученых споров прошлого, словно являемся их современниками... Некоторых исследователей Василий Алексеевич даже пытается изобразить в лицах. Сейчас, выясняется, он пишет критическую статью "Хлестаковы в археологии"** и рассчитывает на ее большой резонанс...

Иногда он устает и в небольшом перерыве рассказывает о себе, о детстве в Нижнем Новгороде. Несмотря на запрещение матери, его любимым занятием тогда была рыбная ловля на Оке:

– Васька-а-а! Не ходи-и на плоты-ы, сом утащи-ит! – кричала ему мать в окно, – но где там! меня уж и след простыл! – рассказывает Василий Алексеевич и глаза его из-под белых бровей озорно улыбаются.

---

*Археологическая группа второго курса 1943–1944 гг. состояла из 12 человек, среди них будущие археологи: М.А. Итина, И.Г. Лейкина (Розенфельдт), Т.Б. Евреинова (Попова), Х.И. Крисс, А. Максимова, Т. Сенигова, Л.В. Алексеев и один этнограф-антрополог М.В. Витов. Лекции также слушали: М.Б. Орлова, И.И. Быкова, Л.В. Бельская, Е.М. Линде.

** Хранится в ГИМ (*Розенфельдт Р.Л.* Рукописный архив В.А. Городцова // С.А. 1964. № 1. С. 345).

Старик плохо верит в то, что он неизлечимо болен и часто после лекций заключает:

– Вот я выздоровею – и на раскопки!...

В отличие от наших учителей, В.А. Городцов принадлежал к предшествующему поколению археологов-ученых, когда одному человеку еще можно было заниматься археологией в целом, во всем ее объеме от камня до средневековья. Отсюда и такая страстная любовь к раскопкам "вообще" – будь то эпоха камня, железа, древней Руси... Этот, в наше время уже невозможный, подход к науке был для нас особенно интересен и поучителен.

Лекции Василий Алексеевич читает нам раз в неделю. Все оставшиеся у него немногие силы отдаются науке. Он понимает, что времени уже мало и очень спешит. Те, кому посчастливилось присутствовать, навсегда сохранили в памяти его замечательный доклад, посвященный культурам расписной керамики эпохи энеолита, который он прочел московским археологам на своей квартире в 1943 г. Доклад этот был в его жизни последним и мне жаль, что быть на нем мне не пришлось.

Заслуги В.А. Городцова были оценены по достоинству. Нужно было видеть, как он был взволнован, узнав, что получил почетное звание заслуженного деятеля науки, как он, всегда равнодушный к бытовой стороне жизни, был озабочен приобретением нового костюма (во время войны это было непросто), чтобы ехать непременно самому и обязательно самому получить присвоенную ему награду – орден В.И. Ленина!

Наступила экзаменационная пора. В Полуэктовом пер. летит пух отцветающих тополей. Я сижу в узкой боковой комнате квартиры Василия Алексеевича за небольшим столом у открытого окна во двор, где-то по-весеннему неистовствуют воробьи, и обдумываю предложенное им экзаменационные вопросы. Эти дни Василий Алексеевич в особенно приподнятом настроении: несмотря на болезнь, еще один курс лекций благополучно прочитан, студенты сдают экзамен. Он слушает ответы привычно-сосредоточенно, задает вопросы, между прочим и по руководящим формам орудий каменного века (знанию которых придает всегда особое значение), а затем, поставив отметку, по старой профессорской привычке пожимает студенту руку. Вся наша группа уже сдала экзамен, я сегодня последний и, как вскоре выясняется, вообще последний студент-археолог, экзаменовавшийся у Василия Алексеевича Городцова...

* * *

Прошло немногим более полугода. В один из первых февральских дней последнего военного 1945 г. мы собрались в Византийском зале ГИМа, чтобы отдать последний долг старейшему ученому, столько сделавшему для развития всем нам дорогой археологии. По очереди сменяемся в почетном карауле. Все ученики В.А. Городцова, кажется, в сборе – нет только тех, кто сражается на фронте. Всем дорого имя основателя московской школы, один оратор сменяет другого. После нас, студентов, берет слово Н.Я. Мерперт, слушавший курс Василия Алексеевича за

год до нас, и теперь он делится своими воспоминаниями. У всех на устах одно: неистощимый талант ученого, безграничная преданность науке, дар педагога, любовь к Родине. . . До дня победы оставались три месяца, их прожить Василию Алексеевичу, так взволнованно следившему по газетам за успехами нашей Армии, было не суждено!

Образ восьмидесятипятилетнего археолога, сочетавшего талант ученого с неистовым, я бы сказал, энтузиазмом науки и прежде всего раскопок, остался для нас навсегда живым.

Т.В. НИКОЛАЕВА

ВОСПОМИНАНИЯ О В.А. ГОРОДЦОВЕ

Познакомиться с научным методом и педагогической практикой знаменитого ученого мне довелось как одной из последних его учениц в годы Отечественной войны. Будучи студенткой исторического факультета Московского государственного университета в первые два предвоенных года, я не была знакома с В.А. Городцовым, так как он преподавал не в Университете, а в ИФЛИ, но уже слышала о нем, так как многие преподаватели кафедры археологии были его учениками. Осенью 1941 г. Университет был эвакуирован в Ашхабад. В Москве оставалась небольшая группа профессуры и студентов. А когда в феврале 1942 г. в Москве вновь возобновились занятия, то ИФЛИ слили с Университетом. На кафедру археологии пришли незнакомые нам лица. Среди них был и В.А. Городцов. Время было суровое, военное. Истфак не отапливался. Мы уже были на третьем курсе, когда по программе специализировавшихся по археологии нужно было прослушать спецкурсы и сдать экзамены по археологии каменного и бронзового века. Эти курсы должен был читать профессор В.А. Городцов. На кафедре нам объявили, что лекции Городцов будет читать у себя дома, так как по возрасту ему трудно ходить в Университет. И вот небольшая группа в 5–6 человек студентов-археологов двинулась пешком в Полуэктов пер., который упирается в старую Остоженку (Метростроевскую), ведущую к Крымскому мосту. Старинный дом с подъездом, выходящим на улицу, стучим. Дверь открыл сам Василий Алексеевич и радушно приветствовал нас. Так я впервые увидела маститого ученого. Это был красивый старик, державшийся прямо, в опрятном старомодном сюртуке. Нам было разрешено не раздеваться, так как квартира Городцова не отапливалась, а его кабинет, служивший аудиторией, выходил к тому же окнами на северо-восток и в нем было очень холодно. Обстановка скромная. У стен – старинные шкафы с книгами и "наглядными пособиями", посредине – стол, на котором стояла старинная чернильница с опускающейся и поднимающейся серединой. Вокруг стола размещались студенты и лектор. Случилось так, что пришедшие на первые лекции Городцова студенты потом перестали их посещать, оправдывая свою недисциплинированность трудностями военного времени, и я осталась одна. Робко постучала в дверь квартиры Василия Алексеевича, не рассчитывая на то, что он будет читать лекции

мне одной. А он ничуть этим не смутился и продолжал заниматься все по той же полной программе, нисколько не сокращая ее. На столе по-прежнему были выложены "наглядные пособия", а перед лектором были аккуратно сложенные стопки карточек с основными положениями лекции и тщательно исполненными рисунками археологических вещей. Не придти на лекцию было невозможно, так как я видела, как Василий Алексеевич тщательно готовился к ним, собственно готовился для меня одной. И я приходила регулярно, не пропуская ни одного занятия, тщательно записывая все, что он говорил, и срисовыя с его карточек все необходимые "опорные" вещи. Так я прослушала два полных спецкурса камня и бронзы один на один со старым профессором. Василий Алексеевич не любил отвлекаться и вести разговоры на посторонние темы. Но я иногда приносила ему тревожные военные новости. Однажды, помню, я бежала в Полуэктов пер., когда уже гудели гудки воздушной тревоги. Перед началом лекции я сказала Василию Алексеевичу, что немцы все еще рвутся к Москве и что, говорят, они где-то очень близко. Василий Алексеевич строго посмотрел на меня, махнул рукой и сказал: "А это ничего не значит! Вы поверьте мне, старому военному, что это ничего не значит. Вы знаете, как бывает на войне – сегодня нас потеснили, а завтра мы их погоним. А потом нас могут потеснить, но мы их все-таки погоним. Это не может быть, чтобы русские немцев не одолели, да еще и на своей земле". Мне стало понятно, почему этот мудрый старик, живший в таких суровых условиях, никогда не жаловался на трудности военного времени. Как-то раз воздушная тревога застала нас во время лекции. В кабинет вбежала его родственница, которая в то время выполняла роль домоуправа и строго скомандовала нам отправляться в бомбоубежище. Василий Алексеевич никак не отреагировал на этот приказ и продолжал вести занятие. Домоуправ снова приказала идти в бомбоубежище, но более раздраженным голосом. Тогда Василий Алексеевич привстал и возмущенно сказал: "Это я-то, старый офицер, буду сидеть там с бабами и ребятами". В ответ, указывая на меня, женщина отпарировала: "Вы-то старый офицер, а она-то старый офицер, что ли!" Но я сошла за "старого офицера" и лекция прервана не была. Стало как-то удивительно тихо, и я с тревогой посматривала в окно опустевшего Полуэктового пер. Василий Алексеевич заметил это и сказал: "Не бойтесь, это летят разведчики, бомбить будут ночью". После лекции я спешила как можно быстрее добраться до Истфака (на ул. Герцена), где мы жили тогда в "комнате погорельцев" – так называлась одна из аудиторий на верхнем этаже, где была печь, и ее можно было протапливать.

Когда курсы лекций были окончены, после довольно значительного перерыва, я снова пришла к В.А. Городцову сдавать экзамены. Очень боялась, ведь курсы такие насыщенные и сложные. Василий Алексеевич взял мою зачетку и стал ставить высшую отметку, не задав ни одного вопроса, и при этом сказал:"Зачем я буду вас экзаменовать? Если даже вы что-то не запомнили – какое это имеет значение. Важно, что вы были на всех моих лекциях".

Последний раз я была на квартире В.А. Городцова в один из летних дней 1944 г. Он давал мне рекомендацию в аспирантуру, написав ее левой

рукой (правая рука у него была сломана). Письменный стол и стулья ученого были завалены свежими газетами, которые для него специально закупали. Он тщательно вырезал из них снимки и наклеивал их в дневник, который вел, сопровождая своими комментариями, и был очень доволен. Я спросила, что он делает. А он с восторгом стал говорить, что хочет зафиксировать это важнейшее историческое событие, которое потом для историков будет одним из главных. Этим событием был разгром немцев под Сталинградом, а снимки, которые он вырезал, были сделаны в тот момент, когда пленных немцев вели по Москве. Больной старик, со сломанной рукой, сумел дойти до Крымского моста, чтобы посмотреть на поверженных пленных немцев, которых вели по Москве. А теперь он вырезал из газет наиболее выразительные снимки, фиксировавшие это событие. В.А. Городцов никогда не сомневался в победе советских войск и был настроен очень патриотично.

В те годы В.А. Городцов в археологии не был модным ученым. Его основные концепции считались устаревшими. Но меня привлекала его честность в науке, самостоятельность суждений, осторожность в отношении новых, мало проверенных обобщений.

В 1945 г. В.А. Городцов умер в 85-летнем возрасте. В почетном карауле у его гроба, установленного в Историческом музее, стояли наряду с уже прославленными его старыми учениками и последние его питомцы, только что окончившие Московский университет или поступившие в аспирантуру. Со смертью Городцова окончилась целая эпоха в археологической науке, эпоха А.А. Спицына, П.С. Уваровой и других крупных ученых, составлявших цвет Московского археологического общества.

Е.В. ВЕЙМАРН

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ГОРОДЦОВА

Проживя более восьми десятилетий, невольно вспоминаются наиболее яркие, пусть иногда и трудные этапы своей трудовой деятельности. Мелочи жизни потонули в давно прошедших годах, но главные события, встреченные люди, радость или горе переживаний встают в памяти ясной картиной. Возвращаясь к прошлому, в первую очередь вспоминаю людей, чье отношение определило всю мою дальнейшую судьбу. Одним из таких людей был Василий Алексеевич Городцов.

Я не был его учеником, не был и непосредственным сослуживцем. Я общался с ним вообще очень мало, но в моей жизни он оставил неизгладимый и светлый след. Впервые имя Городцова я услышал в 1923 г., когда имея 17,5 лет от роду и получив среднее образование, я пошел работать на общественных началах в организованный весной того года Севастопольский краеведческий музей. Надо откровенно сказать, что я пошел в этот музей безо всякой особой целеустремленности, туда пошли некоторые мои друзья по школе – с ними пошел и я. В дальнейшем эта общественная работа сыграла в моей жизни решающее значение.

Музей был организован тремя предприимчивыми и широко образованными школьными учителями: историком Павлом Петровичем Бабенчиковым, его братом филологом Владимиром Петровичем и естественником Юрием Петровичем Твердохлебовым. Покровителем музея, его шефом, был ленинградский академик археолог А.А. Спицын.

Работа музея осуществлялась по четырем секторам: историко-археологическому, геологическому, биологическому и этнографическому. Я работал в историко-археологическом секторе, которым руководил П.П. Бабенчиков. С весны 1923 г. начались краеведческие походы, сборы материалов, их систематизация. Одновременно велись интереснейшие" беседы по истории и археологии Крыма, и почти в первой же из них Павел Петрович рассказал нам о памятниках первобытной культуры Крыма и назвал наряду с именем А.А. Спицына имя Василия Алексеевича Городцова как одного из крупнейших исследователей ранних археологических культур нашей Родины. Рассказывая о нем, Павел Петрович отметил одну интересную деталь из жизни ученого, которая, якобы привела его к увлечению археологией. Смысл рассказа следующий. В 80-х годах прошлого столетия В.А. Городцов был молодым офицером. Однажды, выполняя задание по рекогносцировке местности, он, сидя на лошади, спускался с небольшого холма. Лошадь задела подкованным копытом по какому-то камню. В результате удара железа по камню получилась искра. Это заинтересовало Василия Алексеевича и, сойдя с лошади и взяв в руки этот камень, он увидел обломок большого кремневого орудия. Дальнейший интерес к находке положил начало научной археологической деятельности исследователя. Этот рассказ тогда произвел на меня очень большое впечатление.

Далее, уже служа в Государственном Херсонесском музее, я слышал о Василии Алексеевиче много хорошего от К.А. Гриневича, а в особенности от Д.С. Башкирова, с которым я с 1924 г. неоднократно работал в его крымских и таманских экспедициях. Наконец, в 1925 г. в Херсонесе я познакомился со студентом этнологического факультета I Московского университета А.Л. Якобсоном. Он учился на археологическом отделении и был непосредственным слушателем В.А. Городцова. Он особенно ярко поведал мне и моему другу-сослуживцу В.Н. Чепелеву о Василии Алексеевиче как о большом специалисте и о хорошем, доступном для молодежи человеке.

Осенью 1925 г. я поступил на II курс отделения истории и теории изобразительных искусств этнологического факультета I МГУ. Занятия нашего отделения проводились в здании на ул. Герцена, а аудитории располагались рядом с аудиториями студентов-археологов. Здесь, в коридорах этого здания я впервые увидел Василия Алексеевича.

Интерес к археологии, общение со студентами-археологами и участие в археологических экспедициях привели меня к тому, что вскоре, по мере возможности, я стал посещать некоторые лекции ученого. Читал он просто, ясно и доходчиво. Это, между прочим, отличало его от некоторых преподавателей нашего отделения. Работал я немного и в археологическом кружке, которым руководил Василий Алексеевич. Долгое время хранился у меня журнал этого кружка, выпущенный в 1927 г., в котором

была напечатана моя первая научная статья – описание керамики Таманского полуострова. Эту статью, конечно, сугубо студенческую, Василий Алесеевич оценил благожелательно, чему я был очень рад и чем гордился. В кружке я познакомился с учениками В.А. Городцова, будущими крупными учеными – археологами Д.А. Крайновым, Е.И. Крупновым и Б.А. Рыбаковым.

Однажды Василий Алексеевич пригласил меня и В.Н. Чепелева к себе. Мы были приняты в его рабочем кабинете. Я был поражен обилием заполненных книгами стеллажей и невысоких картотечных шкафиков. Разговор шел в основном о порядке сбора археологических материалов, их систематизации, картотечном способе их учета.

В конце беседы он подвел нас к одной из карточек и показал на примере, как он учитывает и систематизирует известный ему материал, полученный с территории Рязанской губ. Объяснения его были очень просты и убедительны. С тех пор студенчества я стал применять картотеки во многих разделах своей работы, что в дальнейшем мне очень пригодилось. Библиографическая картотека, составленная по Крыму, служила всю жизнь не только мне, но и, будучи передана мною по уходу на пенсию на истфак Крымского университета, как говорят, служит и ныне молодым историкам Крыма.

Встречался я с Василием Алексеевичем и в стенах Государственного исторического музея, куда попал в 1928 г. по окончании Университета как искусствовед с археологическим уклоном. Здесь же стали работать и Д.А. Крайнов, и Е.И. Крупнов. Наша дружба в рабочей обстановке большого музея еще более окрепла.

В 1929 г. в Государственном историческом музее произошла большая реорганизация, в результате чего ученому пришлось уйти из музея. Он продолжал работать в МГУ и РАНИОНе. На научных заседаниях последнего я встречался с Василием Алексеевичем, который по-прежнему был со мной приветлив и благожелателен.

Как ни мало я общался с Василием Алексеевичем, как ни незначительны были мои разговоры с ним, я сохранил о нем самые светлые воспоминания и как об ученом-специалисте, прекрасном преподавателе, любившем молодежь, и как о простом, доступном и сердечном человеке. В моем сердце образ его навсегда остался именно таким.

Б.В.ЛУНИН

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О В.А.ГОРОДЦОВЕ

Публикуемые ниже воспоминания о Василии Алексеевиче Городцове восходят к 1928 г., когда состоялась его первая поездка в Ростов-на-Дону. К этому времени относится и мое первое знакомство с ним и его тогдашними коллегами по донскому краеведению.

Здесь необходим небольшой экскурс в обстоятельства, вызвавшие посещение В.А.Городцовым Ростова-на-Дону, без чего наши воспоминания о нем не передадут атмосферы и духа того, теперь уже далекого време-

ни. Обстоятельства эти заслуживают быть отмеченными и в качестве одной из страничек к изучению истории научно-краеведческого движения на Дону и Северном Кавказе 20-х годов.

В Ростове-на-Дону работала тогда обширная группа специалистов разных поколений, энергично и с энтузиазмом осуществлявших археологические изыскания. В ее составе были некоторые из наиболее деятельных членов еще до революции возникшего в Ростове-на-Дону общества истории, древностей и природы (А.М.Ильин, М.Б.Краснянский, А.Т.Стефанов и др.), несколько профессоров Ростовского государственного университета – бывшего Варшавского университета, эвакуированного в годы первой мировой воины в Ростов (И.П.Козловский, Н.Н.Любович, А.Ф.Семенов, П.Н.Черняев и др.), и представители младшего поколения донских краеведов, включая автора этих воспоминаний. Всех их объединяло пребывание в таких плодотворно работавших научно-краеведческих организациях, как Северо-Кавказское краевое Общество археологии, истории и этнографии (СКОАИЭ) и Северо-Кавказское бюро краеведения (СКБК) с состоявшей при нем Секцией археологии, этнографии, этнологии и истории искусств.

Среди членов этих организаций имя и труды В.А.Городцова пользовались широкой известностью и признанием, и еще в 1922 г. он был избран (как и Б.В.Фармаковский, А.А.Спицын и др.) почетным членом СКОАИЭ. Его"Первобытная археология", "Бытовая археология", "Археология. Каменный период", публикации по памятникам ямной, катакомбной и срубной культур были настольными пособиями краеведов-археологов Подонья-Приазовья и Северного Кавказа.

Горячо поддержанную всеми мысль о том, чтобы пригласить Василия Алексеевича в Ростов для осмотра нижнедонских городищ подал знавший его по Москве выпускник местного Археологического института, известный донской археолог, тогда школьный преподаватель истории Александр Михайлович Ильин. Василию Алексеевичу было направлено соответствующее приглашение.

Все мы были взволнованы предстоящей встречей с известным ученым и готовились к ней тщательно и энергично, я бы сказал теперь, спустя много лет, не без проявления некоторого провинциализма и, если так можно сформулировать, даже не без неких восторженных настроений. Подробной разработке научной программы пребывания В.А.Городцова (посещение музеев Ростова и Новочеркасска, экскурсии на городище, его научный доклад и т.д.) сопутствовала не менее подробная разработка процедуры встречи Василия Алексеевича на вокзале.

Приезду Василия Алексеевича в Ростов и его предстоящему выступлению были посвящены заметки в местных газетах и в назначенный час зал Дома ученых был переполнен. Ученый сделал доклад о находках из нашумевших тогда, но у нас мало известных раскопок англо-американской экспедиции под руководством Леонарда Вулли в Ираке на месте Ура, древнего города-государства (городище Тель-Мукайяр). Доклад Василия Алексеевича, сопровождавшийся демонстрацией красочных диапозитивов, вызвал большой интерес и целый поток вопросов. По окончании его присутствующие были приглашены участвовать в чествова-

нии Василия Алексеевича в связи с 40-летием его научной деятельности по археологическим раскопкам памятников древности. Прошло оно очень тепло и непринужденно. Сообщение о жизни и деятельности ученого сделал А.М.Ильин. Мне довелось приветствовать Василия Алексеевича в качестве ученого секретаря СКОАИЭ от имени группы молодых любителей археологии. Вечер завершился кратким благодарственным словом Василия Алексеевича, явно очень тронутого сердечностью встречи.

В один из дней пребывания Василия Алексеевича в Ростове группа ученых и краеведов города сфотографировалась вместе с ним, поставив потом и свои автографы на обороте всех экземпляров снимков. Сейчас копии этой фотографии демонстрируются в экспозициях музеев Ростова-на-Дону и Новочеркасска.

Мне шел тогда двадцать второй год, но за плечами уже был (начиная со школьной скамьи) некоторый стаж краеведческой работы и публикации о дольменах Черноморья, о курганных погребениях северокавказских племен в окрестностях Пятигорска, обзорные статьи об археологических работах на Северном Кавказе в 1918–1927 гг. и др. А в краеведческих организациях Ростова-на-Дону мне довелось быть по-юношески ревностным исполнителем самых разных поручений от технических (созыв заседаний, рассылка повесток) до организации полевых археологических разведок с доставкой в музей найденных предметов древности. Видимо, одобрительные отзывы обо мне моих старших коллег дошли до Василия Алексеевича и вызвали его благожелательное и внимательное отношение.

Никогда не забыть, как после упомянутого выше вечера в Доме ученых мне довелось уже поздно вечером провожать Василия Алексеевича к его гостинице и между нами, маститым и видным ученым и незрелым юнцом от археологии, неожиданно завязался долгий душевный разговор, в ходе которого мы совершили не один тур от Дома ученых к зданию гостиницы и обратно. С большой теплотой распрашивал Василий Алексеевич о моем житье-бытье, научных склонностях и интересах. Постепенно разговор приобрел, я бы сказал, доверительный дружеский характер, так, как будто мы давно и хорошо знали друг друга. Василий Алексеевич рассказывал об эпизодах из своей жизни ученого-исследователя, о своих сыновьях, в том числе о сыне, погибшем на войне.

В последующие дни я был очевидцем посещения В.А.Городцовым нескольких донских городищ (Нижне-Гниловского близ Ростова, Кобяковского близ Аксая и др.). И здесь Василий Алексеевич предстал передо мной и моими спутниками как бы в новом свете, другими своими чертами ученого-исследователя. Необыкновенно бодро для своих без малого уже 60 лет, быстрым шагом шел он пешеходными маршрутами от городища к городищу, отделенных друг от друга изрядными расстояниями.

При осмотре древних поселений он становился неразговорчивым, даже суровым, весь уходил в себя и пытливо присматривался к рельефу городищ, обнажениям культурных слоев, делал пометки в записной книжке и беглые зарисовки встречавшихся на поверхности предметов древности. Краткими и четкими были указания Василия Алексеевича отно-

сительно способов обмера культурных отложений, методов регистрации находок фрагментов керамики и других предметов древности. Все мы изнывали от бесчисленных роев мелкой, назойливой мошкары, отмахивались от них, старались отгонять табачным дымом. И только Василий Алексеевич, казалось, вовсе не замечал их, настолько был погружен в свои наблюдения и размышления.

И уже совсем другой Городцов предстал перед нами, когда один из молодых ростовских краеведов подбросил вверх крупный обломок красноглиняного сосуда, чтобы попасть в него налету выстрелом их охотничьего ружья. Гневу Василия Алексеевича не было предела. В самых резких словах он предложил ему немедленно покинуть городище. Казалось, что Василий Алексеевич гневается и на всех присутствующих, настолько велика была его взволнованность происшедшим.

Ежедневные осмотры ученым нижнедонских городищ длились с утра до наступавших сумерек. На обратном пути в Ростов, вопреки всем нам, усталым, запыленным, притихшим, Василий Алексеевич выглядел бодро и не переставал задавать вопросы, связанные с итогами ранее проводившихся обследований донских городищ.

Сердечным и трогательным было наше расставание с Василием Алексеевичем и проводы его на вокзале. Судя по всему, Василий Алексеевич был глубоко и серьезно заинтересован древностями Дона, он заверял, что при первой возможности еще не раз посетит Ростов, чтобы более широко и глубоко поработать над изучением богатейшего исторического прошлого Донского края. Посещение Василием Алексеевичем Ростова в 1928 г. оставило живой и долгий след в памяти ростовских ученых и краеведов, а для меня лично явилось началом дальнейшего очного и письменного общения с ученым, в котором я обрел взыскательного и вместе с тем чуткого, заботливого и неизменного покровителя и наставника.

Самое же главное заключалось в том, что внимание Василия Алексеевича действительно было привлечено к памятникам древности Дона (а затем и Кубани), настолько, что спустя два года он не замедлил получить командировку от имени Археологической секции Российской ассоциации научно-исследовательских институтов (РАНИОН) "для исследования археологических памятников Нижнего Дона и Кубани". Так состоялась наша вторая встреча с В.А.Городцовым. Его предварительное сообщение об итогах командировки нам довелось опубликовать много позднее в первом выпуске сборника "Памятники древности на Дону"[1].

Осмотр ученым придонских городищ (Кизитеринского, Гниловского, Хопровского, Сухочалтырского) сопровождался небольшими раскопками на Хопровском городище, в результате которых он пришел к выводу, что существовавшему здесь поселению первых веков нашей эры предшествовали (как и на Кобяковском городище близ Аксая) "стоянки более раннего времени, вероятнее всего киммерийцев, имевших бронзовые орудия и глиняные сосуды, покрытые геометрическими узорами, состоящими из шнуровых (веревочных), резных, зубчатых и кружково-чеканных элементов. Вполне характерными предметами киммерийской культуры являются найденные в Хопровском городище бронзо-

вый двухухий кельт, бронзовый прорезной наконечник копья и обломки глиняной посуды с описанными узорами". На Кубани Василий Алексеевич вел работу на двух городищах: Краснодарском и Пашковом I-м и изучал собрания древностей в музеях Краснодара, в том числе "связанные с прикубанскими городищами и селищами славяно-русского типа, вероятнее всего, Тмутараканского княжества"[2].

Третья поездка Городцова на Кубань в 1935 г. стала непосредственным продолжением первых двух. О ее результатах мы узнали из письма ученого от 2 июля 1935 г. В нем Василий Алексеевич выражал удовлетворение своими раскопками, которые он предполагал продолжить "если только, – писал он, – я в силах буду поехать". Наиболее подробно изучалось им известное Елизаветинское городище античного времени и прилегающий к нему могильник (95 погребений). Как сообщал Василий Алексеевич, он просил Н.И.Новосадского заняться вопросом по определению названия города, зоологов С.Н.Боголюбского и В.И.Громова – определением костных останков домашних стадных животных, нумизмата А.Н.Зографа – изучением монет, приват-доцента Б.Н.Гракова – надписями на амфорных ручках. В этом же письме содержался и его отзыв об изданной в 1935 г. моей и М.А.Миллера работе "К вопросу о развитии хозяйственных форм доклассового общества в бассейне нижнего Дона" ("С удовольствием прочитал Вашу работу. Молодцы: хорошо осветили археологический материал Донского края. Спасибо Вам").

Следует сказать несколько слов и о тех встречах с В.А.Городцовым, которые состоялись у него в гостях в Москве. Так, живо помнится весь антураж его небольшого кабинета: небольшой, направо от входа в комнату рабочий стол с настольной лампой, а вдоль стен книги и папки, как говорится до потолка. И неизменное радушие и внимание Василия Алексеевича к одному из многих и к тому же рядовых его посетителей. В беседах со мной Василий Алексеевич, как всегда, больше всего интересовался ходом работы по изучению археологии Подонья-Приазовья и Северного Кавказа, давал советы и рекомендации. Он хорошо помнил всех, с кем встречался в Ростове, расспрашивал об их работе, научных замыслах, просил тепло приветствовать их от его имени, делился своими горестями и радостями.

То же самое можно сказать и о переписке с Василием Алексеевичем. Для его писем ко мне (из которых по счастливой случайности уцелело после войны лишь два письма и одна открытка) была характерна насыщенность научной информацией о новых открытиях ученого и других археологов, о его научных замыслах, о тематике очередных исследований и искренне заинтересованное отношение к работам всех донских археологов.

Добавлю, что авторитетным рекомендациям В.А.Городцова я был обязан принятием в 1928 г. в Секцию научных работников Ростова-на-Дону, в 1930 г. – в состав сотрудников Северо-Кавказского института экономики и культуры, в 1935 г. – представлением к получению ученой степени кандидата исторических наук. Благодаря положительному отзыву В.А.Городцова и П.П.Ефименко на страницах "Советской археологии"

(№ 4, 1937) была опубликована моя работа «К вопросу о действительном возрасте "подкумского человека" в свете археологических данных».

Все эти факты сами по себе не заслуживали бы внимания читателей, если бы не являлись свидетельством того, с каким неизменным вниманием и постоянством поддерживал Василий Алексеевич своих младших собратьев по науке на начальных этапах их жизненного пути.

Война прервала мои переписку и встречи с Василием Алексеевичем. С первого ее дня и до 1953 г. я находился в Советской Армии. Только в 1944 г., когда мне довелось услышать, что В.А.Городцов продолжает жить и работать в Москве, я обратился к нему с письмом, в котором просил рассказать о себе.

Ответное письмо Василия Алексеевича, последнее по времени из его писем ко мне, было получено 12 апреля 1944 г. в Термезе, где я продолжал проходить военную службу.

Письмо это, мы убеждены, заслуживает быть опубликованным полностью как замечательный пример человечности и самозабвенной преданности ученого науке. Оно (о том свидетельствует и почерк письма) вышло из-под пера уже тяжело больного старого человека, в то же время ни на мгновение не ослаблявшего своего интереса к горячо любимой им археологии, неустанного стремления к новым выводам и наблюдениям.

Вот текст этого письма:

"Глубокоуважаемый и дорогой Борис Владимирович! Искренне благодарю Вас, Вашу супругу и дочку за память и интерес к моей скромной личности.

Когда немцы (варвары современной Европы) захватили Ваш прелестный город Ростов, я вспоминал Вас и очень жалел, опасаясь за Вашу жизнь, поэтому я очень рад был узнать, что Вы живы и семья Ваша благополучна. Обо мне Вы получили правильные сведения, но далеко не полные. В 1941 г., 27 сентября, я сильно заболел камнями в почках. Тогда не знал я этой болезни и решил, что не переживу ее. Сын мой отвез меня в больницу и настолько был уверен в неизбежности мой скорой смерти, что, прибыв из больницы... горько плакал, говоря, больше живым мы его не увидим. Он ошибся: я остался жив и живу до сих пор. 24 марта мне полных 85 лет. Однако болезнь моя, несмотря на внимание врачей, не проходила, и в 1942 г., в феврале и марте, я снова лежал в больнице: 29 ноября 1942 г. упал на улице и сломал кисть правой руки настолько сильно, что восемь месяцев не мог писать, да и теперь еще пишу плохо, потому что рука скоро устает. Если бы не этот перелом, я писал бы теперь III том археологии, но теперь не знаю, когда я за него возьмусь.

Я едва хожу по комнате. На улицу не выхожу. Часто падаю. При одном падении (ранее полома руки) я полетел с лестницы и сломал два ребра в левом боку, которые скоро срослись и теперь здоровы.

При обработке II тома, посвященного бронзе (палеометаллической эпохе), я пришел, как мне кажется, к важному открытию, что южнорусская катакомбная культура родственна с крито-эгейской культурой времени додинастической культуры Египта V тысячелетия до н.э. Об этом я делал доклад в открытом заседании Института истории материальной культуры Академии наук СССР. Мои доводы признаны вполне удовлет-

ворительными. Вы, конечно, знакомы с этой культурой, так как она распространена от устья Днепра до устья Кубани и далее по Северному Кавказу.

Катакомбная культура связала Северное Причерноморье с Критом (раскопки Флиндерса Питри) и Египтом додинастического времени. Это открытие доставило лично мне большую радость, так как облегчило установление дат.

Кое-что научно-интересное выяснено и в отношении Трипольской культуры. В настоящее время меня интересует вопрос о хронологическом отношении катакомбной культуры к трипольской. Какая из них более старше или они синхроничны? Решение этого вопроса дело только времени, но оно не трудно и когда кончится война, получит свое решение.

Еще раз спасибо Вам и семейству Вашему за память".

* * *

Нам была предоставлена возможность посвятить первую книгу своих "Очерков истории Подонья-Приазовья" (Ростов-на-Дону, 1949) "светлой памяти профессора Василия Алексеевича Городцова – верного патриота социалистической Родины, воспитателя и учителя нескольких поколений исследователей прошлого нашей страны", чьи "советы и доброе отеческое напутствие не раз вдохновляли нас на поприще изучения истории родного края".

Всегда очень грустно вспоминать о давно ушедшем из жизни Василии Алексеевиче Городцове, но память о нем светла как память о выдающемся ученом и замечательном, редкой душевности и отзывчивости человеке.

[1] *Городцов В.А.* Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 г. (Предварительное сообщение) // Памятники древности на Дону. Ростов н/Д., 1949. Т. 1. С. 4–6.

[2] Там же. С. 4.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ	– Археологические известия и заметки
АИУ	– Археологические исследования на Украине
АИЧПЕ	– Асоциация по изучению четвертичного периода в Европе
АЖ	– Антропологический журнал
АЛЮР	– Археологическая летопись Южной России
АО	– Археологические открытия
БКИЧП	– Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
БМОИП	– Бюллетень Московского общества испытателей природы
БСЭ	– Большая советская энциклопедия
ВАН	– Вестник Академии наук СССР
ВДИ	– Вестник древней истории
ВЗ	– Вестник знания
ВИ	– Вопросы истории
ВРяз. К	– Вестник рязанских краеведов
ГАИМК	– Государтвеная Академия истории материальной культуры
ГАРО	– Государственный архив Рязанской области
ГМ	– Голос минувшего
Древн. Тр. МАО	– Древности. Труды Московского археологического общества
ДГС	– Древности Геродотовой Скифии. СПб.
ЕГМ	– Ежегодник по геологии и минералогии России
ЖС	– Жизнь Сибири
ЗОРСА РАО	– Записки Отделения русской и славянской археологии Руского археологического общества
ЗРАО	– Записки Русского археологического общества. СПб.
ЗСКОАИЭ	– Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии
ИАК	– Известия археологической комиссии
ИАН	– Известия Академии наук СССР
ИАС	– Известия археологического съезда
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории материальной кульуры
ИЗ	– Исторические записки
Изв. СО АН СССР	– Известия Сибирского отделения Академии наук СССР
ИМГТ	– Известия Московского Геологического Треста
ИГН	– Институт геологических наук
ИОИАЭ	– Известия Общества истории, археологии, этнографии. Казань
ИОРЯС	– Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук
ИРГО	– Известия Русского географического общества
ИТОИАЭ	– Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИФЛИ	– Институт философии, литературы и истории
Казан. МВ	– Казанский музейный вестник
КИЧП	– Комиссия по изучению четвертичного периода
КСИИМК	– Краткие сообщения института истории материальной культуры АН СССР
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет
МАВГР	– Материалы по археологии восточных губерний России. М.
МАР	– Материалы по археологии России. СПб.

МГООЛЕАЭ	– Мемуары геологического отделения общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
МГУ	– Московский государственный университет
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МК	– Московский краевед
МОИП	– Московское общество испытателей природы
МЧП	– Материалы по четвертичному периоду в СССР
МЭ	– Материалы по этнографии. СПб.
НАРИАМЗ	– Научный архив Рязанского историко-архивного музея-заповедника
НВ	– Новый Восток
ОАК	– Отчет Археологической комиссии
ОГИМ	– Отчет Государственного Исторического музея в Москве
ОРИМ	– Отчет Российского исторического музея. М.
ОРСА	– Отчет российской славянской археологии
ПиР	– Печать и революция
ПСГ	– Проблемы советской геологии
РАЖ	– Русский антропологический журнал
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СГАИМК	– Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
Сев. Азия	– Северная Азия
СК	– Северный край
СЭ	– Советская этнография
Тр. АИЧП	– Труды Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы
Тр. АС	– Труды археологического съезда
Тр. Влад. ГМ	– Труды Владимирского государственного музея
Тр. ГИМ	– Труды Государственного Исторического музея. Разряд археологический
Тр. ИГН	– Труды Института геологических наук
Тр. ИАЭИА	– Труды Института археологии, этнографии и антропологии
Тр. МАО	– Труды Московского Археологического общества
Тр. ОАИАИ	– Труды Отделения археологии Института археологии и искусствознания
Тр. ОИР яз. К.	– Труды общества исследователей Рязанского края
Тр. Ряз. АК	– Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссии. Рязань
Тр. СА	– Труды Секции археологии
Тр. САИАИ	– Труды Секции археологии Института археологии и искусствознания
Тр. ЭАМ	– Труды Этнографо-археологического музея I МГУ
Тр. Яр. ЕИО	– Труды Ярославского естественно-исторического общества. Ярославль
ТС	– Тюркологический сборник
Уч. зап.	– Ученые записки
ХВЗ	– Хочу все знать
ЦГА	– Центральный государственный архив
ЭО	– Этнографическое обозрение
AA	– Archäologischer Anzeiger. B.
Am. Ath	– American anthropologist
ESA	– Eurasia Septentrionalis Antique. Helsinki

СОДЕРЖАНИЕ

Хронологический указатель трудов В.А. Городцова 3
Литература о жизни и трудах В.А. Городцова 11
Д.А. Крайнов. Памяти В.А. Городцова 12
Н.И. Кригер. Василий Алексеевич Городцов и геология 28
В.М. Лозовский. Разработка В.А. Городцовым типологии каменных орудий . 45
Л.В. Кольцов. Бутовские мезолитические материалы стоянок Борки и Шумашь II (из фондов Рязанского областного музея) 50
А.В. Энговатова. Труды В.А. Городцова по изучению неолита бассейна р. Оки 65
А.В. Уткин. К вопросу о культурной принадлежности погребения I на Волосовской стоянке 72
О.С. Гадзяцкая. В.А. Городцов о фатьяновской культуре 74
Н.Я. Мерперт. В.А. Городцов и начало изучения раннего бронзового века Каспийско-Черноморских степей 80
Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых. Сейминско-турбинская проблема в трудах В.А. Городцова 94
К.А. Смирнов. Роль В.А. Городцова в изучении культур эпохи раннего железа 101
Ю.Б. Цетлин. В.А. Городцов и основные направления современного изучения керамики 112
Б.А. Шрамко. В.А. Городцов и изучение поселений Скифии 123
М.А. Дэвлет. В.А. Городцов и некоторые вопросы изучения петроглифов . . . 131
В.П. Даркевич. Раскопки В.А. Городцова в Старой Рязани 140
М.В. Фехнер. Текстильные изделия (Приложение к статье В.П. Даркевича) . . 163
В.Г. Пуцко. Об архитектурной пластике Старой Рязани XII в. 166
Д.Б. Шелов. В.А. Городцов и полевая археология 184
В.Б. Ковалевская. Типологический метод В.А. Городцова 192
А.Х. Халиков. В.А. Городцов и археология Поволжья 199
А.Д. Пряхин. Педагогическая деятельность В.А. Городцова и подготовка кадров археологов 207
М.Н. Макаров, В.П. Челяпов. В.А. Городцов и Рязанский край 214
Г.К. Вагнер. С В.А. Городцовым в Старой Рязани (страничка воспоминаний) 219
Л.В. Алексеев. Последний лекционный курс Василия Алексеевича Городцова 223
Т.В. Николаева. Воспоминания о В.А. Городцове 227
Е.В. Веймарн. Светлой памяти Василия Алексеевича Городцова 229
Б.В. Лунин. Из воспоминаний о В.А. Городцове 231
Список сокращений 238

7 р. 60 к.

Проблемы изучения древних культур Евразии

Сборник посвящен памяти Василия Алексеевича Городцова (1860—1945 гг.) — талантливого основоположника отечественной археологической науки. Многие статьи, помещенные в сборнике, написанны учениками В.А. Городцова. Освещаются ведущие проблемы и вопросы древнейшей истории нашей страны, разработку которых успешно начал В.А. Городцов. Публикуется полный список его трудов и воспоминаний.

«НАУКА»